

САМЫЕ
ЗНАМЕНИТЫЕ
ИСТОРИКИ
РОССИИ

Ю.В. Дойков

**САМЫЕ
ЗНАМЕНИТЫЕ
ИСТОРИКИ
РОССИИ**

**МОСКВА
«ВЕЧЕ»
2004**

«СТАРИК ПОРАЖАЛ ЛИЦОМ СОКРАТА»

Татищев Василий Никитич

[19.04 ст.ст. 1686, Псков — 15.07 ст.ст. 1750, село Болдино
(ныне Солнечногорский район Московской области)].

Там же похоронен.

Он не был профессиональным историком. В первую очередь по роду своей деятельности он был солдат, дипломат, разведчик, организатор промышленности, государственный деятель...

А еще — географ, математик, юрист, философ, горный инженер, этнограф, языковед, публицист, археолог, предприниматель, основатель городов.

В общем, «питомец гнезда Петрова».

О Татищеве написали книги немец Конрад Грау, французенка Симона Блан, американец Рудольф Даниэле...

Татищев — настоящий русский самородок. Выходец из заурядого рода смоленских князей. Сын псковского помещика. Имел ли образование? Вероятно, только домашнее. В 18 лет поступил в драгунский полк и прослужил 16 лет. Участник взятия Нарвы, Полтавской битвы, Прутского похода...

В 1713—1716 годах был послан за границу (Пруссия, Саксония и т.д.), официально для изучения инженерного дела, но, видимо, имел от Петра I и поручения разведывательного характера.

С 1720 года Татищев на гражданском поприще. Руководит уральскими заводами. В 1724—1726 годах вновь за граница — Швеция. Изучает экономику, финансы, выполняет разведпоручения Петра.

По возвращении служит в Московском монетном дворе, управляет Уральским краем, руководит Оренбургской экспедицией, Калмыцкой комиссией, Астраханским краем. В 1745 году отстранен от должности губернатора за финансовые махинации и отправлен под арест в село Болдино Дмитровского уезда Московской губернии, где и умер в 1750-м.

Татищев хорошо знал как Россию, так и Запад. Вместе со священником Феофаном Прокоповичем и дипломатом-поэтом Антиохом Кантемиром уже после смерти Петра I он создал так называемую «ученую дружину». Цель — пропаганда нецерковного знания. «Дружина» стала первым в истории России сообществом такого рода.

Занятия Татищева историей начались так. По рекомендации своего ближайшего сподвижника Я.В. Брюса Петр I поручил Татищеву составить подробную географию России. Но как составлять географию, когда нет истории России? Значит, как говорят в США, — history first (сначала история). Из своей библиотеки Петр I выдал Татищеву «Древнюю Нестерову летопись»...

Еще раньше, будучи в Германии, Татищев собрал и вывез оттуда много книг. В течение почти двухлетнего пребывания в Швеции Татищев продолжил сбор исторических материалов. Местные историки указали ему на целый ряд источников (скандинавские саги), а один из историков (собравший в период пребывания в русском плену огромный материал по Сибири) оказался особенно полезен.

Современный биограф Татищева:

«Пребывание в Швеции явилось стимулом к осуществлению давнего намерения написать историю России на широком фоне всемирной истории. Поэтому Татищев собирает исторические сочинения, касающиеся разных европейских стран, а также сочинения древних авторов. Интересуют его также вопросы общей государственной экономической политики и постановки образования».

В те же 1720-е годы Татищев переписал массу документов из уникальной библиотеки одного из самых образованных деятелей России князя Д.М. Голицына (6 тысяч книг: летописи, хронографы, переводы с иностранных языков). На Урале получил раскольничью летопись.

В 1739 году 53-летний Татищев завершает первый вариант рукописи «Истории Российской» и представляет его в Академию наук. Но... запутанные академические интриги не смог

преодолеть даже Татищев. Десять лет, до самой смерти он продолжал работать над «Историей», «пробивать» ее в печать.

Сам Ломоносов за «подарок в 10 рублей» в 1749 году написал «Посвящение» к первому тому «Истории». Не помогло... Попытка Татищева издать свою «Историю» с помощью Британской Академии наук... Неудачно...

После смерти Татищева огромная библиотека его истлела. (С женой Авдотьей Васильевной, урожденной Андреевской, Татищев расстался в 1728 году, а сына Татищева — Евграфа это мало интересовало). Адъюнкт Академии И.К. Тауберт пытался опубликовать материалы Татищева под своим именем... Рукописи Татищева растаскивались...

Все-таки историографу Академии Г.Ф. Миллеру удалось спасти остатки. Только через 18 лет после смерти Татищева стараниями Миллера вышел многострадальный труд. На титульном листе значилось: «История Российская с самых древнейших времен неусыпными трудами через тридцать лет собранная и описанная Покойным Тайным Советником и Астраханским Губернатором, Васильем Никитичем Татищевым. Книга первая, часть первая. Напечатана при Императорском Московском Университете 1758 года».

В 1768—1774 годах вышли первые (подготовленные к печати Миллером) три тома «Истории», в 1783 году — четвертый. А в 1841 году на одном из аукционов М.П. Погодин купил рукопись из библиотеки вологодского купца И.П. Лаптева. Рукопись оказалась продолжением татищевской «Истории», и в 1847—1848 годах вышел ее пятый том.

Таким образом, понадобилось почти сто лет после смерти историка, чтобы его труд увидел, наконец, свет. Но даже спустя десятилетия после смерти Татищева она, как писал американский историк Джеймс Биллингтон, «производила потрясающий эффект и все еще была на десятилетия впереди своего времени. Не в пример «Синопису» Гизеля, который на протяжении начала XVIII столетия оставался основным сводом знаний по России, «История» Татищева была научной работой, стремящейся объединить географические и военные проблемы с критическим, сравнительным исследованием рукописных источников. Ее цель была чисто светская — обеспечить знаниями тех, кто строит государство и ведет войны. Она была не только свободна от пут традиционной церковной истории и генеалогии, но отошла и от обычной русской ограниченной традиции и сделала попытку опи-

сать историю нерусского населения Империи. Она ввела наглядную схему периодизации, защищала неограниченную автократию как единственную форму управления, пригодную для страны такого размера и структуры как Россия и послужила как модель для многих последующих синтетических «историй» России».

«Птенец гнезда Петрова», как назвал соратников Петра I Пушкин, — Татищев сделал историю в России наукой, стал первым русским историком. «Синописис» (1674) украинского священника Иннокентия Гизеля, написанный с позиций церковной идеологии, не мог удовлетворять взявшего курс на Запад Петра I. Да и ограничивался «Синописис» в основном событиями в Южной Руси. Собственно говоря, и само понятие «наука» стало внедряться в России только во времена Петра I.

Все новое — новая столица, новая армия и флот, новая система управления, новый календарь, новая Россия, новые мозги...

Со старым московским захолустьем надо покончить. Россия должна стать мощной европейской державой. Бороды стричь — так начинался XVIII век в России...

Другое дело, что Петр и его «птенцы» опередили время. Первая и единственная прижизненная публикация Татищева — маленькая заметка о находке костей мамонта в Сибири, была опубликована на латыни в Швеции (1725 год), на шведском языке (1729), на английском в Англии (1743 год) и на русском только в 1979 году.

Какая еще наука? Какая там Академия наук? Еще много лет спустя после смерти Петра I основанная им Академия была пустым местом. «Иноземцы съехались, а учить некого», — говорил Татищев.

Соратник Татищева по «Ученой дружине» Антиох Кантемир писал о первых русских академиках: «Безмерным коштом построили палаты славны, словят будто, что учения будут тамо главны, а пришедши увидит там мало, высоких же наук там тоже «не ночевало».

«Тяжело Россию вытаскивать из боярской псины?» А что в жизни не тяжело?

Татищев объездил пол-Европы, подолгу жил в ней. После смерти Петра I закончилось карьерное восхождение Татищева, а в 1728 году он просит святейший Синод развести его с женой (Татищев был ее третьим мужем. Двое предыдущих умерли. При Татищеве она спуталась с игуменом Решетило-

вым, пустым человеком, продажным и наглым проходимцем, хорошо знающим, где, когда и перед кем надо ползать и пресмыкаться). Жена в Синод не явилась. Дело заглохло. Семейный крах, хотя официально развод и не оформлен...

В 1731-м еще более тяжелое испытание (хотя, в конце концов, что такое разрыв с женой для прошедшего огонь и воду солдата? — «Найдем другую». Татищев, правда, не нашел... Думаю, что и не искал...). Чиновника Московского монетного двора В.Н. Татищева обвинили во взятках, отдали под суд. Многочисленные недруги требуют суровой расправы над ним. Можно ли назвать хоть одного не взяточника из окружения Петра I и последующих властителей в России? Нет. Взятка — родимое пятно России и по сей день.

Татищев в этом отношении не был белой вороной. Даже фамилия его происходила от слова «тать» (вор, грабитель). Кто-то из его далеких предков имел прозвище «татище» (большой грабитель по-старорусски).

В делах наживы, как и многих других, Татищев был весьма искусен, характер же имел вспыльчивый, резкий, крутой. Был напорист и безжалостен. Но и не таких жизнь обламывала.

Все эти судебные дразги ослабили Татищева. В 1734 году он пишет «Духовное завещание»: «Ныне мне еще сорок восьмой год минул, но в болезнях, скорбях, печалях и гонении неповинном, и от злодеев сильных исчезла плоть моя и вся крепость моя изошла и оскудела, язык мой прилип к гортани моей».

Но в 1734 году все относительно благополучно закончилось. Татищева освободили от суда и отправили на Урал для «размножения заводов». Биограф В.Н. Татищева А.И. Ловягин пишет: При нем «...число заводов выросло до сорока: постоянно открывались новые рудники, и Татищев считал возможным устроить еще 36 заводов, которые открылись лишь через несколько десятилетий».

В 1737 году, уезжая из основанного им еще при Петре I Екатеринбурга, он подарил городу свою собранную за предыдущие 25 лет жизни библиотеку (одну тысячу томов. В денежном исчислении это огромное состояние. К 1962 году из этой татищевской библиотеки в городе сохранилось только девяносто книг...).

Из сибирской ссылки (так сам Татищев рассматривал удаление его из Москвы) он был направлен в оренбургскую:

«...для окончательного усмирения Башкирии и устройства управления башкир». Новое назначение окончилось, однако, плачевно. В 1739 году его вновь обвинили во взятках, он оказался в камере Петропавловской крепости, а в 1740-м приговорен к лишению всех чинов. Следствие еще продолжалось, а Татищева назначили начальником Калмыцкой комиссии и чуть позже, в декабре 1741-го — астраханским губернатором (по совместительству).

Калмыцкая ссылка, астраханское узилище... жизнь шла к последнему пределу. В 1745 году Татищев окончательно отставлен от службы и отправлен под домашний арест в свое имение — небольшую деревушку Болдино в 50 верстах от Москвы. Остается последнее усилие.

Здесь, наконец, он завершает «Историю». Издать ее в России надежды никакой. И Татищев пишет письмо в Лондон своему знакомому по Астрахани — британскому путешественнику и филантропу Джонасу Ганвею:

«Вам известно, что почти 30 лет, как я предпринял писать русскую историю, которую намереваюсь теперь окончить, и затем надеюсь, что она вскоре будет издана в свет к удовольствию ученого мира. Эта история тем выше оценится любознательною частию человеческого рода, что никем из греческих и римских историков, а также в нескольких географических описаниях, насколько они дошли об этом государстве, не сообщено нам известий о настоящем языке и пр., о важнейших народах, именно: славянах, скифах, ни об амазонах, вандалах, готах и кимбрах, которые от них произошли; равным образом нет у нас полных сведений о гуннах и аварах. Великая отдаленность мест и незнание языков затрудняли получение верных о том известий. Здесь можно также прибавить, что у греков была такая страсть к басням, что вместо заботливого разыскивания истины они еще более затемняли историю, чему служит доказательство повесть об амазонках. Обо всех этих народах я, сколько было возможно, старался представить ясные и обстоятельные известия, которые и составляют первую часть моей истории.

У меня особое расположение к английскому народу и величайшее уважение к его Королевскому Обществу, потому что мир получает огромные выгоды от различных ученых сочинений и споспешествования его полезным знаниям. Поэтому мне заблагорассудилось, в знак моего уважения, посвятить этому обществу мою «Историю»».

«Тамиздатовский» английский проект был, конечно, «запечатанной бутылкой», брошенной в море. Ганвей получил письмо Татищева на следующий год после смерти историка...

А.М. Ловягин так описывает обстоятельства смерти Василия Никитича Татищева:

«Накануне смерти он поехал в церковь и велел туда явиться мастеровым с лопатами. После литургии он пошел со священником на кладбище и велел рыть себе могилу подле предков. Уезжая, он просил священника на другой день приехать приобщить его. Дома он нашел курьера, который привез указ, прощавший его, и орден Александра Невского. Он вернул орден, сказав, что умирает. На другой день приобщился, простился со всеми и умер».

Далее Ловягин писал:

«Не имея специальной подготовки, Т. не мог дать безукоризненный научный труд, но в его исторических работах ценны жизненное отношение к вопросам науки и соединенная с этим широта кругозора. Т. постоянно связывал настоящее с прошлым, объяснял смысл московского законодательства обычаями судейской практики и воспоминаниями о нравах XVII века, на основании личного знакомства с иностранцами разбирался в древней русской этнографии; из лексиконов живых языков объяснял древние названия».

А кто может сказать про себя, что написал безукоризненно честную и точную, как метр-эталон в Париже, историю?

С.Н. Валк писал, что М.Щербатов, Н.Карамзин, Е.Е. Голубинский не считали работы Татищева достойными изучения. Шлецер отозвался отрицательно об «Истории» Татищева. Пожмем плечами... Их дело... Но... Екатерина II ставила труд Татищева выше других, она критиковала исторические труды Щербатова и Ломоносова. Говорила: «История» Татищева совсем другое; это был ум человека государственного, ученого и знающего свое дело».

П.Н. Милюков брюзгливо замечал:

«Татишев представил нам в своей «Истории» не историю, и даже не предварительную ученую разработку для будущей истории, а ту же летопись в новом татищевском своде».

Но... С.А. Пештич отмечал:

«Татишев впервые ввел в научный оборот «Русскую правду», «Судебник 1550 года», «Книгу Большого чертежа», а главное, летописи, многие из которых не дошли до наших дней».

Помимо первой российской «Истории» Татищев составил первый русский энциклопедический словарь «Лексикон». Довел его Татищев, к сожалению, только до слова «ключник». «Лексикон» можно перечитывать, пока не заучишь наизусть. «Кликуша — то же, что славянское — бесноватая или беса имеющая, каковых притворных женщин в России было много, что в церквах, а наипаче на праздники ломались, кричали безобразно...» Как хорошо!

Спор о значении трудов Татищева, как отмечал четверть века назад М.П. Ирошников, был начат М.Н. Щербатовым и И.Н. Болтиным, продолжен Н.М. Карамзиным и С.М. Соловьевым и не решен до наших дней: «Основные представители противоположных взглядов — М.Н. Тихомиров, защищавший общую достоверность «Истории» Татищева, и С.Л. Пештич, особенно критически подходящий к так называемым татищевским известиям».

Мелкие споры, возможно, идут и сегодня, но что Татищев был первый русский историк и первый написал историю развития русского государства не как результат промысла Божия, а как результат географических и исторических обстоятельств, это несомненно.

В этом его главная заслуга.

Поэтому и книга эта начинается с имени В.Н. Татищева.

И в заключение:

«Старик поражал своим лицом Сократа, поджарой фигурой, которую он сохранил благодаря тщательному воздержанию, а также постоянной занятостью ума. Если он не писал, не читал, не вел деловых переговоров, он играл в кости сам с собою, перебрасывая их из одной руки в другую».

Таким увидел Татищева Джонас Ганвей в Астрахани...

Литература

Кузьмин А. Татищев. М., 1981.

Кантемир А. Сочинения, письма и избранные переводы. Т. 1. СПб., 1867.

Газета «Известия» за 31 августа 1992, статья: «Братья взятки или не братья — так вопрос сегодня не стоит. Братья, и как можно больше стало правилом».

Татищев В. Н. Духовная моему сыну. СПб., 1896.

Ловягин А.М. Татищев Василий Никитич // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 32. СПб., 1901.

Гордин Я.А. Хроника одной судьбы. М., 1980.

Валк С.Н. Введение // В.Н. Татишев. Избранные произведения под общ. ред. С.Н. Валка. Л., 1979.

Пештич С.А. Русская историография XVIII в. Ч. I. Л., 1961.

Милюков П.Н. Главные течения русской исторической мысли. М., 1898.

Ирошников М.П. Татишев Василий Никитич // Советская историческая энциклопедия. Т. 14. М., 1973.

«КАРТИННО КРАСИВ, ПОРАЖАЛ ВЫСОКИМ РОСТОМ И СИЛОЮ...»

Миллер Герард Фридрих

[18(20).10.1705, Герфорд, Вестфалия — 11(23).10.1783, Москва].

Похоронен в новой лютеранской кирхе Петра и Павла.

Место захоронения не сохранилось.

Архивы:

- 1) ПФА РАН ф. 21 (1235 е.х.) 1720—1786 гг.
- 2) ФГАДА ф. 199 (портфели Миллера).
- 3) ГААО ф. 1834 (3 е.х.) 1765—1766 гг.

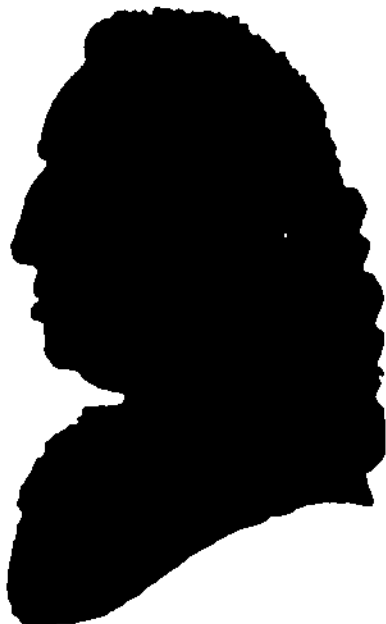
Немец по происхождению, он стал первым русским профессиональным историком. В России его звали Федором Ивановичем. Британцы говорят: «Препятствиями растем...» Препятствий немцу Миллеру пришлось преодолеть немало.

Не очень везло ему и после смерти. Полупризнавали в советской и стирали в порошок в советской сталинской историографии:

«Россия — родина слонов. Немцы только гадили...»

Только в последнее десятилетие в России появились статьи, объективно оценивающие вклад Федора Ивановича Миллера в российскую историческую науку. Заново издаются и переиздаются его труды.

«После смерти Миллера осталась коллекция автографов и рукописей (в 258 портфелях), важных для изучения истории, этнографии, статистики и промышленности России, и в частности Сибири», — писал через 113 лет после смерти Г.Ф. Миллера Евгений Шмурло. После опубликования статьи Шмурло прошло еще более 100 лет, но знаменитые «портфели Милле-

ра», хранящиеся ныне в Российском государственном архиве древних актов, изучать и изучать еще не одному поколению историков.

Не удивлюсь, если прорыв в изучении биографии Миллера и его наследия сделают ученые из Германии. Во-первых, Миллер — немец. Во-вторых, — «остфоршунг» (изучение России) в Германии традиционно силен, а важность традиции в Германии всегда понимали, так же как долга, чести, памяти... В-третьих, многие работы Миллера написаны на немецком языке...

Так что вполне вероятно, что все те важные сведения, о которых писал Шмурло (окончивший жизнь, кстати, вполне благополучно в эмиграции. Останься он в ленинской России — пополнил бы синодик историков-мучеников), будут опубликованы (а что-то, вероятно, и уже опубликовано) на исторической родине Федора Ивановича...

Миллер принадлежал к «великой тройке» немецких ученых, выписанных в XVIII веке из Германии. Двое других — Готлиб-Зигфрид Байер и Август-Людвиг Шлецер.

Георгий Вернадский считал, что именно они «положили начало русской исторической науке в современном смысле слова».

«Препятствия, которыми растем»

Миллер приехал в незнакомую страну, таинственную и опасную «Татарию» двадцатилетним. Позади только гимназия в родном Герфорде да посещение Лейпцигского университета.

Шесть лет упорного труда (в том числе и изучение незнакомомого русского языка), и в 1731 году Миллер становится профессором русской истории. Первым в России. В 26 лет. Неплохо. Одновременно он становится членом Академии наук. Самое трудное всегда — начало. Многие проигрывают жизненную игру уже на старте. Миллер взял хороший старт. Однако расстроились его отношения с всемогущим академическим воротилой (так его назвал В.О. Ключевский) библиотекарем Академии и советником академической канцелярии И.Д. Шумахером.

Ключевский писал: «Миллер хотел прочно устроиться, составил себе хорошо рассчитанный план жизни. Он хотел жениться на дочери Шумахера, чтобы наследовать его должность и заниматься изучением энциклопедии наук, чтобы подгото-

вить себя к должности библиотекаря такой обширной библиотеки».

Первоначальный план не осуществился? Ладно. Миллер задумывает и предлагает Академии (Г.З. Байер его поддерживает) грандиозную работу по разработке и изданию памятников по русской истории.

Проект одобрен, и в 1732 году стали выходить сборники статей по истории России «Sammlung Russischer Geschichte» (Коллекция русской истории) на немецком языке.

Современный историк пишет: «Значение «Sammlung» невозможно переоценить. Достаточно сказать, что именно здесь впервые в русской истории была осуществлена публикация отрывка из «Повести временных лет», да еще с достаточно подробным комментарием Миллера, в котором уже тогда в полной мере проявился метод критического анализа источников < >. На многие годы журнал «Sammlung Russischer Geschichte» стал основным источником по русской истории для всей просвещенной Европы. Тома журнала стояли на полках библиотеки Вольтера, Гердера, Гёте и многих других деятелей европейской культуры. Журнал способствовал распространению и популяризации знаний по русской истории и в самой России, ведь в то время немецким языком владели все мало-мальски образованные люди, и, следовательно, всякий, кто интересовался историей отечества, становился читателем журнала».

Неизвестно, что вышло бы из Миллера, женись он на дочери Шумахера и займи его пост библиотекаря. Можно предположить — ничего. Наладив выпуск первого русского (пусть и на немецком языке, что делать, если сама Россия еще не доросла) исторического журнала, Миллер на десять лет в составе «Второй камчатской экспедиции» В.Беринга уезжает в Сибирь. Все правильно. Как же можно изучать Россию, не побывав в знаменитой «Сайбирии».

Евгений Францевич Шмурло писал: «Не попав на Камчатку, Миллер объездил главнейшие пункты западной и восточной Сибири, в пределах: Березов — Усть-Каменогорск — Нерчинск — Якутск (31 362 верст в пути) и тщательно перерыл местные архивы, открыв, между прочим, сибирскую летопись Ремезова. Десятилетнее (1733—1743) пребывание в Сибири обогатило Миллера массой ценных сведений по этнографии инородцев, местной археологии и современному состоянию края. Особенно важна была вывезенная Миллером громадная

коллекция архивных документов, и если сам он использовал только ничтожную часть их, то в течение полутора столетий они служили и продолжают служить доныне важным подспорьем для отдельных ученых и целых учреждений».

Именно Сибирь создала из вчерашнего недоучившегося немецкого студента и свежее испеченного русского профессора Миллера ученого «европейского масштаба», абсолютно верно отмечал С.В. Бахрушин. Каждому свое: одни делают «карьеру» одами царям и академическими интригами. Другие — поездками в Сибирь.

В Сибири нашлась Миллеру и жена — вдова немецкого хирурга, которая, по отзыву А.Л. Шлецера, была «во всех отношениях отличная и при том безупречная женщина и превосходная хозяйка». Так ли это было на самом деле, известно только Миллеру и его супруге... О самом Миллере его младший коллега писал так: «Был картинно красив, поражал высоким ростом и силой... Он мог быть чрезвычайно весел, нападал на остроумные причудливые мысли и давал колкие ответы; из маленьких глаз его выглядывал сатир». Женился Миллер за год до возвращения в Петербург. Еще семь лет после возвращения из Сибири понадобилось Миллеру, чтобы написать, перевести на русский язык и издать в 1750 году первый том своей «Истории Сибири». Было готово и продолжение, но, увы, отдельным изданием не вышло... Интриги.

Высокий отзыв работе Миллера дал В.Н. Татишев. В письме к Шумахеру он писал: «С великим моим удовольствием присланное от Вас начало Сибирской истории прочитал... Сие есть начало русских участных (областных) историй, и нельзя иного сказать как хваления и благодарения достойное в ней».

От «Истории Сибири» Миллера через «Историческое обозрение Сибири» П.А. Словцова к «Очерку истории Сибири» (Иркутск, 1920) В.И. Огородникова — таковы вехи изучения истории Сибири независимыми историками. Дальше — большевистский мрак...

Знаменитый историк, «либерал-государственник» П.Н. Миллюков в своем «патриотическом» задоре смешал Миллера с другими немцами, кормящимися около Академии наук, и проводил «столбовую дорогу русской истории» так: В.Н. Татишев, Ф.А. Эмин, И.П. Елагин! Явно несправедливо, но так и бывает... Кто-то делает черновую работу, а кто-то... «История Сибири» осталась самой значительной работой Миллера. Остальные статьи, разбросанные по журналам...

Что же касается утверждения Миллюкова о роли Миллера, то историк Н.Л. Рубинштейн так ответил на него: «Между тем совершенно ясно, что именно литературные упражнения Эмина и Елагина представляли захолустный и затхлый тупичок, из которого никуда не было выхода < >. Нужна была подготовительная, частично, может быть, черная работа по собиранию источников, по выработке научного метода, прежде всего метода работы с источником < >. Именно здесь и лежала на данном этапе столбовая работа русской истории; между Татишевым и Щербатовым стоит как необходимое связующее их звено Миллер, а не Эмин или Елагин». «Знаменитый трудолюбец» и «Неутомимый труженик» Миллер сделал эту «черную» работу.

В 1748 году Миллер принял русское подданство. В том же году назначен историографом. В 1749 году выступил на торжественном заседании Академии со своей знаменитой речью «Происхождение народа и имени российского». В основу речи была положена «диссертация» Миллера того же названия. В итоге «обсуждения» «диссертацию» решили «предать огню» и Миллера из профессоров понизить до адъюнкта...

Миллер и Ломоносов

Главным гонителем Миллера выступил профессор химии М.В. Ломоносов. Тут, что говорится, нашла коса на камень... Оба были крутого нрава. Оба ходили с палками... Путь Ломоносова из захолустной архангельской деревеньки до академика тоже был нелегко... Даже за несколько лет до смерти Михаил Васильевич, несмотря на все свои достижения и успехи, числился всего-навсего «беглым крестьянином»...

Что есть научная истина — Миллер и Ломоносов понимали по-разному. Профессор Борис Меншуткин, автор до сих пор непревзойденной биографии Ломоносова, писал о своем герое:

«В 1748 году он принимал участие в учрежденном при Академии Историческом Собрании. Тут ему приходилось давать отзывы о разных исторических сочинениях и критиковать диссертации и речи историографа Российского государства академика Г.Ф. Миллера. С этим последним у него были постоянные столкновения по разным вопросам, потому что Ломоносов считал, что иностранцы не должны писать что-либо предосудительное для России, и ставил на первый план лите-

ратурную обработку исторических данных; Миллер же, как беспристрастный историк, помешал все, как бы оскорбительно для России это не казалось Ломоносову. В своих спорах обе стороны считали себя правыми и свои мнения непреложными; иногда пререкания переходили и на личную почву. Вполне естественно, что Ломоносов и Миллер друг друга не могли терпеть; Ломоносов отказывался подписывать протоколы Конференции, составленные Конференц-Секретарем Академии Миллером, а иногда дело доходило до того, что один тянул другого в суд за оскорбление, — но президент никогда не допускал их до суда».

Беспристрастный историк... За это и терпел Миллер: доносы, обыски, запрет заниматься любимыми темами, аресты... И еще любовь к профессии историка России. А по-настоящему ею можно заниматься только в России. Потому и не уезжал обратно в Германию, в Европу, где наверняка в привычной для себя обстановке мог занять достойное, уважаемое место. И с бытом было бы все в порядке... Нет, терпел. Имел призвание...

Впоследствии крупнейшие русские историки М.М. Щербатов, Н.М. Карамзин, М.П. Погодин, С.М. Соловьев, В.О. Ключевский придерживались теории скандинавского происхождения варягов — основателей русского государства, которую изложил в своей диссертации и речи Миллер. Те академики (Ломоносов, Крашенинников, Попов, Тредиаковский, Фишер и т.д.), которые громили Миллера, надо полагать, тоже понимали вескость доводов первого историографа Российского государства академика Г.Ф. Миллера, но личные корыстные интересы, прикрытые (как всегда) «патриотической» фразеологией, взяли верх.

В конце 30-х годов XX века «норманнская» проблема вновь стала «золотой жилой» для всякого рода ловкачей: «...воинственный антинорманизм становится одним из священных знамен советской исторической науки, а его представители занимают почетные места в научной иерархии», — пишут С.В. Думин и А.А. Турилов.

Все верно. Архангельский «антинорманист» Г.Г. Фруменков стал ректором местного педвуза... Автор серой, написанной по «нужному» рецепту биографии Ломоносова А.А. Морозов стал лауреатом Сталинской премии (с подачи М.Шагинян и С.И. Вавилова)... Ну и так далее... Все «как обычно»...

Противостояние двух линий: Миллера и Ломоносова, «норманистов» и «антинорманистов» на десятилетия и столетия

стало одной из главных искусственных проблем российской историографии. Причем «линия Ломоносова» сознательно «плутала в трех соснах»...

Подведем некий итог. Историк Александр Васильевич Соловьев, многолетний профессор Белградского, а затем Женевского университетов писал советскому историку В.Т. Пашуто: «На мой взгляд, антинорманизм — это есть проявление того неумеренного славянофильства, которое овладело советской историографией со времен Сталина. Оно было понятно во время великой войны, но сейчас, когда Сталин явно исчез, пора вернуться к объективному изложению древней русской истории, а не идти за фантазиями Б.А. Рыбакова. Надо признать, что был «норманнский факт», как был он в истории Англии, как был «франкский факт» в истории Франции, визиготский в истории Испании, а в истории Болгарии — «тюрко-болгарский» факт, хотя его тоже отвергали квасные славянофилы типа Иловайского. Не сердитесь на меня, но я в нейтральной стране ишу только объективную истину, ту, которую признавали Н.Карамзин, С.Соловьев, В.Ключевский, А.Шахматов: древняя Русь была норманнского корня, и против этого ничего не поделаешь. Сэтим надо примириться».

С большим трудом проходило в Академии наук и обсуждение «Истории Сибири». Ломоносов был недоволен, что завоеватель Сибири Ермак был назван разбойником... Изменить первоначальный текст Миллер отказался — лучше убрать вовсе... Такая уж Россия страна: плюнули на тебя — утрись. Еще больший плевок пришлось вытерпеть Миллеру, когда написание истории России Екатерина поручила не ему — официально историографу, а... Вольтеру.

В 1750-м вышел первый том «Описания Сибирского царства». С 1755 года Миллер стал редактором издаваемого Академией наук периодического научно-литературного журнала на русском языке «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие». В истории русской журналистики и науки первый журнал занимает достаточно высокое место. Первый блин, благодаря личной энергии и знаниям Миллера, не получился, как это бывает в России, «комом». И только когда Миллер через десять лет был переведен в Москву, журнал прекратил свое существование, но за эти десять лет в журнале были опубликованы многочисленные труды как самого Миллера, так и других историков: В.Н. Татишева, М.М. Шер-

батова, П.И. Рычкова (исследователя Оренбургской губернии), Ф.И. Соймонова...

В одной из статей Миллер писал: «Весьма бы полезно было, когда бы кто, имеющий к сему довольно способности, сочинял достоверную о Российском государстве историю и географию, наперед, хотя сокращенную, а потом и пространную, и оных бы издать в печать. < >. Но к сему делу требуется много времени, и едва остается надежда, чтоб обстоятельная история и достаточное описание России могли когда на свет быть изданы, разве во всякой губернии будет человек, искусством и прилежанием подобной господину советнику Рычкову, в Оренбургской губернии...». Да, мало в России было Рычковых и Миллеров... Даже у Миллера, с его неумемной энергией, опускались, как видим, руки...

В другой своей важной статье «О летописце Несторе» («Ежемесячные сочинения», 1755) Миллер выдвинул положения, что первый русский летописец — преподобный Нестор не совсем первый и что у него были предшественники и продолжатели (об этом же писал и Татишев, но его труд еще не был напечатан). Е.Шмурло отмечал, что, собственно, с этих утверждений и «начинается история научного знакомства с русскими летописями».

Публикацию другой важной статьи Миллера «Опыт новой истории о России», в которой Миллер хотел продолжить начатое Татишевым, интригами прекратил Ломоносов. Все под тем же предлогом. Дескать, Миллер занимается описанием «...смутных времен Годунова и Расстриги — самой мрачной части российской истории». Напечатанная на немецком языке в «Sammlung Russischer Geschichte» статья так и не появилась... Спасибо Михайле Васильевичу... Как все похоже... Прошло почти 150 лет. А о нашем «опыте новой истории» мы слышим: «Гулаг? Голодомор? Красный террор? Массовые уничтожения людей? Зачем об этом? Были же в нашей истории и светлые стороны».

В конце концов, в 1765 году, чтобы освободиться от Ломоносова и прочих Сальери, «причинявших ему почти ежедневно огорчения», Миллер согласился уехать в Москву и стать там... надзирателем московского воспитательного дома. Это после 40 лет службы, и какой службы Российской империи!

За три года до этого Миллер писал в частном письме: «...силы меня покидают, и я едва в состоянии выносить ра-

боту до двенадцати и до часа ночи. Историк страны, о которой еще так мало написано, должен быть занят одной этой работой».

В 1766 году Миллер был именован указом назначен начальником московского архива иностранной коллегии (ныне РГАДА).

Последний период жизни Миллера по количеству сделанного впечатляющ: изданы три тома «Истории Российской» Татищева, «Ядро Российской истории» А.И. Манкиева, Степенная книга, переписка Б.П. Шереметева с Петром I, «Географический лексикон Российского государства» Ф.А. Полунина, «Описание земли Камчатки» С.П. Крашенинникова (в 1749 году Крашенинников был секретарем комиссии по рассмотрению диссертации Миллера и отрицательно отнесся к ней. Диссертацию, как мы помним, предали огню...).

Миллер пишет статьи о России для нового издания «Энциклопедии» Д.Дидро и Д'Аламбери. По заданию Екатерины II составляет «Собрание русской дипломатии», «Известие о дворянах (российских)» — первый труд о российских дворянах и истории одного сословия вообще... Несмотря на запрет «темы», пишет статью по истории Пугачевского восстания... Собранные к статье материалы составили отдельный «Пугачевский портфель» Миллера.

В 1772 году Миллер был поражен параличом. Но «препятствиями растем». Уже через год он предпринимает поездку по Московской губернии, в итоге которой появился цикл статей о Коломне, Можайске, Звенигороде, Рузе, Переславле-Залесском, Троице-Сергиевской лавре и т.д.

В 1779 году английский путешественник Уильям Кокс во время пребывания в Москве познакомился с 74-летним Миллером и так его описал: «Миллер говорит и пишет свободно по-немецки, по-русски, по-французски, по-латыни и свободно читает по-английски, по-голландски, по-шведски, по-датски и по-гречески. Он обладает до сих пор изумительной памятью, и его знакомство с самыми малейшими подробностями русской истории прямо поразительно...».

В общем, великий историк Г.Ф. Миллер жил и работал по принципу «умрем — отдохнем». Даже за месяц до смерти он продолжал беспокоиться и думать об устройении возглавляемого им Архива к «...пользе Российской истории».

Умер он 11 октября 1783 года в Москве.

Литература

Миллер Г.Ф. Сочинения по истории России. Избранное. Составления, вступительная статья А.Б. Каменского. Примечания А.Б. Каменского и О.М. Медушевской. М., 1996.

Шмурло Е.Ф. Миллер Герард Фридрих // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1896. Т. 19.

Вернадский Г. Русская историография. М., 1998.

Ключевский В.О. Лекции по русской историографии. Лекция 1. // Ключевский В.О. Соч. в 9-ти томах. Т. VII. М., 1989.

Каменский А.Б. Судьба и труды историографа Герарда Фридриха Миллера (1705—1783) // Миллер Г.Ф. Сочинения по истории России.

Бахрушин С.В. Г.Ф. Миллер как историк Сибири. // Миллер Г.Ф. История Сибири. М.-П., 1937.

Шлецер А.Л. Общественная и частная жизнь. СПб., 1875.

Милюков П.Н. Главные течения русской исторической мысли. Т. 1. М., 1898.

Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М., 1941.

Ломоносов М.В. Жизнеописание. Составил Б.Н. Меншуткин. СПб., 1911.

Думин С.В., Турилов А.А. «Откуда есть пошла русская земля?» // История отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX — начала XX в. М., 1991.

Пашуто В.Т. Русские историки — эмигранты в Европе. М., 1992.

Миллер Г.Ф. Предложение, как исправить погрешности, находящиеся в иностранных писателях, писавших о Российском государстве. // Миллер Г.Ф. Сочинения по истории России.

Пекарский П.П. История Императорской Академии наук. СПб., 1870.

Коукс (Кокс). По России и Польше в исходе XVIII столетия. // Русская старина. 1907. № 10.

«ДЛЯ ЧЕГО ЖЕ И С ИЗНУРЕНИЕМ СЕБЯ ПИШУ?»

Щербатов Михаил Михайлович, князь

[22.07(02.08).1733, Москва — 12(23).12.1790, там же]

Похоронен в церкви с. Михайловского

(родовое имение Щербатовых) Ярославского уезда.

Архивы:

- 1) ОПИ ГИМ.
- 2) ОР РНБ.
- 3) РГАДА.

О третьем знаменитом русском историке XVIII века князе Щербатове основными источниками по-прежнему остаются: статья о нем В.Фурсенко в «Русском биографическом словаре» (СПб., 1912. Т. 24. С. 104—124) и статья Венедикта Мякотина «Дворянский публицист Екатерининской эпохи» (см.: В.А. Мякотин. Из истории русского общества.

2-е изд. СПб., 1906). Есть еще, правда, книга историка МГУ И.А. Федосова «Из истории русской общественной мысли XVIII столетия. М.М. Щербатов». (М., 1957), но это советский «историк», да еще и на высоком номенклатурном посту...

Так что нет у нас ни современной биографии Щербатова, ни тем более полной библиографии его трудов. А ведь библиография — как говорят немцы — мать всех наук... Да что Щербатов... Исчерпывающая (973 страницы) книга о самой Екатерине II была издана в России только в 2002 году. Автор — испанская аристократка Исабель де Мадариага, с 1936 года живущая в Лондоне и с 1937 года изучающая русскую историю. Известная британская славистка, она была женой покойного английского историка польско-еврейского происхождения Леонарда Шапиро, книга которого «История КПСС» — моя первая любовь... В общем, монография Исабель «Россия в эпо-

ху Екатерины Великой» вышла еще 20 лет назад в Англии и теперь у нас...

Упоминается в работе Исабель де Мадариага некая неизданная диссертация о Щербатове, написанная Дж. Аффери-ка (Колумбийский университет), которую Исабель не смогла использовать в своей книге... Что ж, будем надеяться, что эта диссертация была не просто «штамповкой» для «докторской степени», а там «хоть трава не расти», и будет издана в виде монографии... Все-таки Колумбийский университет — это марка... Может, «сам» Марк Исаевич Раев был супервайзером диссертации Дж. Афферики...

Князь Щербатов не был профессиональным историком. Прежде всего в том полицейском государстве (образец в XVII веке — Швеция, Пруссия, Австрия), по модели которого Россия развивалась, начиная с Петра I, Щербатов был аристократом. «Единственным теоретиком аристократии», как афористично выразился П.Н. Милоков.

И это в то время, когда, как писал Ричард Пайпс в своей классической книге «Россия при старом режиме»: «На протяжении всего XVIII века знатные и не столь знатные дворяне, обращаясь к монарху, весьма часто именовали себя его «рабами». И дворян, и простолюдинов без разбору подвергали телесным наказаниям. Боярина и генерала лупили кнутом так же нещадно, как последнего крепостного. Петр в особенности любил, выказывая неудовольствие, пороть своих приближенных. Высший класс был избавлен от телесных наказаний лишь грамотой дворянству в 1785 году. То есть за пять лет до смерти М.М. Щербатова...

Аристократ и Россия, в которой самые знатные люди обращались к царю по формуле: «Я, Ивашка такой-то. Холоп твой». Кажется, понятия взаимоисключающие... Ан нет. Один все-таки нашелся — князь Щербатов...

Обратимся к его биографии.

Родился в Москве в семье архангелогородского губернатора генерал-майора князя Михаила Юрьевича Щербатова (1678—1738). Мать историка — тоже княжна — Ирина Семеновна Сонцева-Засекина. И отец и мать принадлежали к древнейшим и знатнейшим семьям русской аристократии. Отец вел свой род от Рюрика. Образование и воспитание историк получил домашнее... С детства знал французский, немецкий, итальянский языки и получил массу сведений в различных науках... Но это в то время не было исключительным явлением. У Щербатова было две сестры и один брат. Кто была жена

историка, не ясно. Зато известно, что у него было четыре дочери и два сына. Одна из дочерей Наталья (1766—1797) стала матерью автора знаменитых «Философических писем» и адресата трех посланий Пушкина — Петра Чаадаева.

Хорошего внука имел Михаил Михайлович...

В 17 лет М.М. Щербатов был зачислен в лейб-гвардии Семеновский полк. После 12 лет службы вышел в отставку в звании капитана. И поступил на гражданскую службу... Еще во время военной службы у Щербатова, как писал В.Фурсенко: «...уже ясно наметился вкус к той деятельности, которая наполнила содержанием всю его жизнь и доставила ему славу», что же касается «служб» Щербатова, то, как писал тот же В.Фурсенко: «...более близкое знакомство со свойствами его характера приводит к убеждению, что для него и всякая служба вообще была очень неподходяща, а тем менее военная...».

Если домашнее воспитание Щербатов получил по условиям того времени обычное, то подняться над окружающей его средой князь, вероятно, смог благодаря самообразованию. Помоему, только самообразование и есть действительное образование. Его невозможно «получить». Можно только взять самому...

В 1759 году в «Ежемесячных сочинениях» Миллера была опубликована первая статья будущего знаменитого публициста...

Кстати, то, что впоследствии князь перешел от публицистики к истории, вероятно, влияние Г.Ф. Миллера... Впрочем, как отмечал Э. Ренан: «Вкус к истории — самый аристократический из всех вкусов», а потомок Рюрика, вероятно, еще в детстве наслушался семейных преданий о славных делах своих близких и дальних предков.

В 1767—1768 годах Щербатов был депутатом от ярославского дворянства в созванной Екатериной II для выработки законов Уложенной комиссии. Это было беспрецедентное в истории России событие. Заседала комиссия в родной для Щербатова Москве. В Кремле. В Грановитой палате. Делегаты съехались из всех уездов со всех концов империи от всех свободных сословий... Делегат от архангелогородских крестьян И.Чупров привез с собой около пятисот наказов! Большие надежды возлагали русские люди на деятельность Уложенной комиссии... В наказах, привезенных Чупровым и другими архангельцами, наверняка была масса важной информации по истории края... Использовалась ли она как-то местными историками? Вряд ли. В XVIII веке в Архангельске жил талант-

ливый историк-самоучка Василий Крестинин. С течением столетий он стал: «Заметной фигурой в масштабе всей русской исторической мысли второй половины XVIII века». Но судьба первого архангельского историка сложилась трагично. За свою борьбу с «власть придержащими» в Архангельске он был приговорен к телесному наказанию и ссылке в Иркутскую губернию... До ссылки дело не дошло, так как несчастный современник и коллега Шербатова по занятию историей (в 1759 году Крестинин создал первое в России историческое общество — «Общество для исторических исследований». В шербатовской Москве аналогичное «Вольное Российское собрание» при Московском университете появилось в 1771 году) член-корреспондент Петербургской Академии наук умер. По последним сведениям, в тюрьме!

...Деятельность Уложенной комиссии, этого «Национального конгресса», как назвал ее Г.В. Вернадский в своей «Русской истории», закончилась ничем. Однако именно с этого времени князь Шербатов — крупная общественная фигура.

В.Фурсенко писал: «Для дарований Шербатова открылось подходящее поприще: здесь он проявил и необычную силу воли, и ясность политических убеждений, и знание массы разнообразных сведений, и красноречие; из депутатов он был самым видным, из членов комиссии — одним из самых выдающихся. Его имя встречается в числе кандидатов в маршалы (председатели) Большой комиссии и при выборах, после отказа Орловых и Чернышева, он был шестым кандидатом на этот пост». В общем, как Анатолий Собчак в 90-х годах XX века. Только без всенародной любви (перешедшей потом, как всегда бывает, в ненависть). Телевидения во времена Шербатова не было... В комиссии князь Шербатов «...сразу выделился среди массы депутатов и благодаря своему уму, начитанности, энергии, и благодаря вполне определенной защите сословных интересов».

Но «первый русский консерватор» не преуспел. Спесь с родовой русской аристократии была уже навсегда сбита Петровской табелью о рангах... И хотя среди старого дворянства сторонников у Шербатова было много, стремление возглавляемой им партии убедить правительство не возводить простолюдинов в дворянское звание успеха не имело.

Как писал Ричард Пайпс: «Хотя Екатерина симпатизировала интересам дворянства, она отказывалась превратить его в закрытое сословие, и приток со стороны продолжался».

Щербатов же остался в памяти людей и истории русской политической мысли как сторонник и яркий пропагандист допетровской Руси. Так написал в своей известной книге «Икона и топор. Интерпретация истории русской культуры» Джеймс Биллингтон, нынешний директор Библиотеки Конгресса США.

Серьезные занятия русской историей Щербатов, видимо, начал в 1762 году, выйдя в отставку. К этому же времени относится его сближение с Г.Ф. Миллером. Успехи Щербатова в исторических занятиях быстро прогрессировали и, как писал Г. Лучинский: «В 1767 году Щербатов, вероятно, был представлен Екатерине II, и она открыла ему доступ в патриаршую и типографическую библиотеки, где были собраны списки летописей, присланные по указу Петра I из разных монастырей. На основании 12 списков, взятых оттуда, и 7 собственных Щербатов, не имея никакой предварительной подготовки, взялся за составление истории».

Исабель де Мадариага: «История всегда привлекала Екатерину, полагавшую, что Россия нуждается в достойной, написанной по всем правилам истории, как в одном из факторов, необходимых для того, чтобы в Европе ее признавали как равную. В 1766 году императрица назначила Г.Ф. Миллера директором архива Коллегии иностранных дел, а позже определила князя М.М. Щербатова, хотя и не питала к нему личной симпатии, официальным российским историографом, разрешив ему свободный доступ в государственные архивы».

Сама Екатерина II, бывшая немецкая принцесса, ставшая российской императрицей, тоже составила «Заметки по русской истории». Россию она отнесла отнюдь не к дикой «Татарии», а к европейскому миру...

Назначить историографом Щербатова посоветовал Екатерине Г.Ф. Миллер.

За дело князь принялся с «американскими» темпами. Уже к 1769 году готовы два первых тома «Истории Российской с древнейших времен». По вопросу происхождения Руси Щербатов придерживался «варяжской» теории Байера — Миллера — Шлецера. В предисловии к труду Щербатов выражает признательность Федору Ивановичу: «Я должен признаться, что он (Миллер) не только мне вложил охоту к познанию истории отечества моего, но увидел мое прилежание и побудил меня к сочинению оной».

Всего вышло 15 томов. Свою историю Щербатов довел до 1610 года, то есть до смерти Василия Шуйского... почему до Шуйского? Невольно вспоминается Пушкин:

Ты помнишь, Шуйский?
Теперь не время помнить.

«Не время помнить» — прекрасный пушкинский эпиграф ко всей нашей истории...

Последние тома, XIV и XV, были опубликованы на следующий год после смерти Щербатова. Щербатову повезло больше, чем его предшественникам Татищеву и Миллеру. Он увидел таглит opus своей жизни опубликованным. Его не бросали в крепость и не держали под арестом, как Татищева... Не было у него такого могущественного и упорного врага, как у Миллера... Наоборот. Покровительство было оказано с «самого верху»... Императрица открыла для него архивы, Миллер первоначально охотно помогал, карьера тоже неплохо выглядит: тайный советник, президент камер-коллегии, сенатор, многочисленные ордена...

Вот только генерал-майор И.В. Болтин, Шлецер, да и сама Екатерина подвергли критике его работу. Что делать, современники часто несправедливы к современникам. Осознание явления приходит позже. Время все расставляет по местам. Да и то... Что же произошло с «Историей» Щербатова? Почему современники ее не приняли?

В.Фурсенко: «Щербатов совершенно не был подготовлен к научным работам вообще, а к историческим в частности, совершенно не знал вспомогательных исторических дисциплин: исторической географии и этнографии, плохо читал древние рукописи, многого в них не понимал и не имел какого бы то ни было исторического взгляда, что мешало ему разбираться в событиях прошлого, отличать главное от второстепенного, важное от ничтожного, а порой даже и затемняло несложные события. Щербатов не оценил своей неподготовленности и сразу принялся писать и издавать свою историю, учась делу при самом производстве его».

«Учился» Щербатов быстро... С каждым томом история становилась лучше... И вообще, не ошибается тот, кто ничего не делает... Ключевский пенял Щербатову: «...не умел различить двух Переяславлей, Южного и Залесского». Ну и что? «Блох» найти можно где угодно... Современные «академики» бесчис-

ленных «академий» свою фамилию правильно написать не могут... Человек окончил МГУ, стал первым человеком в государстве, а не знает, что нет в русском языке слова «ложить» или что тост не «поднимают», а предлагают (это уже о выпускнике Днепродзержинского металлургического и лауреате высшей литературной премии)...

Далее Ключевский резюмировал значение работы Щербатова: «Это первая в нашей историографии попытка изобразить внутреннюю жизнь общества. Вообще Щербатов удачнее угадывал вопросы, чем разрешал их, — в этом его главная заслуга. Щербатов — человек умный и очень образованный, но без особенных дарований; история его написана тяжелым языком. Это вместе с отзывами Болтина помешало успеху его истории в обществе». Что ж... Откуда берет «общество» свои идеи об истории? Верно. Из книг таких авторов, как Пикуль... Такие «Пикули» были и во времена Щербатова, и во времена Ключевского... Для меня лучше — «написанная тяжелым языком» история Щербатова.

Ведь Щербатов — аристократ. Он, как говорят во Франции, «персона класса». И историю свою писал не на «потребу» этому самому «обществу» или даже Екатерине... Ее отзыв об истории Щербатова был: «Скучна. Тяжеловата». В.Фурсенко отмечал, что «История Щербатова была написана не для большого круга читателей». Конечно! «Персона класса» — всегда скромна. Не имеет стремления угодить...

Сам Щербатов на свой собственный вопрос «Для чего же и с изнурением себя пишу?» — отвечал: «От юности моей считая, что каждый гражданин, поелику сила его достигать может, должен быть полезен отечеству своему, я в молодости моей, да и теперь не вижу недостаточной «Истории России», предпринял ее писать, быв в отставке, более для собственного своего удовольствия, дабы чрез оную научиться познать состояние России < > («История» Щербатова. — Ю.Д.) справедливостью, точным последованием летописцев и редчайших писем из архива, повсюду видимым бесстрашием и довольною смелостью; а по самому сему, если кто после меня вздумает Российскую историю писать, то уповаю во многих случаях, «История» моя ему будет вспомоществовать для сочинения изящнейшего труда и для сыскания нужных припасов».

Совсем неплох слог у князя... Поблагодарим его за смелость, что взялся писать свою «Историю» и за «припасы»... Ими пользовались и Карамзин в XIX веке как-никак... И Соловьев,

самый «главный» историк, и к тому же профессиональный, их ценил... Щербатов-то был все-таки любителем... По службе в Сенате был вынужден заниматься всякими «грязными» делами типа губернаторов-взяточников и т.д.

Авторитет Щербатова среди современников был настолько высок, что когда однажды молодые преобразенцы задумали запереть Екатерину в монастырь и провозгласить императором ее сына Павла, то планировали действовать так: «Если же Павел не согласится вступить на престол, его придется убить, а народ выберет себе нового царя — кого-нибудь из гвардии или на худой конец князя М.М. Щербатова».

Недовольный современным состоянием дел, Щербатов видел свой идеал в допетровской Руси. Писал статьи. Для потомства. Поэтому Щербатов-публицист стал известен только после смерти. Уже в середине XIX века.

Самая знаменитая и яркая его работа была опубликована впервые в Лондоне политическим эмигрантом Искандером (Герценом) в 1858 году «О повреждении нравов в России». Первый крупный исторический «тамиздат»...

Писал ее Щербатов четыре года, закончил за год до смерти. Лебединая песня первого русского «славянофила». Читая «Нравы», надо помнить, какой была Россия во времена Щербатова... Герцен свое предисловие к ним снабдил эпиграфом. Словами французского посла Corbejon'a из его депеши от 9 апреля 1778 года: «После этого спросят меня, как же управляется эта страна и на чем она держится? Управляется она случаем и держится на естественном равновесии — подобно огромным глыбам, которые сплочает собственный вес».

Как похоже и на время нынешнее... Слова президента: «Она утонула» — о «Курске», а до этого был Чернобыль из этой же серии...

Не менее метко, чем французский посол, писал и Герцен: «Щербатов, отворачиваясь от распутного дворца того времени, смотрит в ту дверь, в которую взшел Петр, и за нею видит чинную, чванливую Русь московскую, скучный и полудиккий быт наших предков кажется недовольному старику каким-то утренним идеалом...

И далее: «...всякому честному человеку должна была древняя Русь показаться чистой и доблестной в сравнении с этим бесстыдным развратом, с этим переходом Руси допетровской в новую Русь — через публичный дом. Современнику трудно было отделиться от всего и широким взглядом историка обнять это время; стоять возле вообще мешает хорошо видеть,

гармония целого пропадает, многое загорожено случайно близким — мелкое кажется громадным...

Милый Герцен. Александр Иванович... Кто вас теперь читает...

В пресловутом «массовом сознании» действительно только и осталось исторических знаний о той эпохе: «Как Екатерина с Потемкиным в постели развлекались».

«Всею без исключения нравятся одни лишь червонцы», — сказал как-то Иван Бунин. Кому-то не нравится Щербатов, кому-то Екатерина... И наоборот...

Одно несомненно: «Заслуги Щербатова в деле разработки русской истории и издания памятников, к ней относящихся. За это потомство и должно сохранить о нем благородную память», — писал В. Фурсенко.

Князю Михаилу Щербатову «были свойственны такие крайне редкие у русских качества как достоинство, неумение льстить и угождать, независимость суждений, твердость в отстаивании собственного мнения».

Побольше бы таких историков, другой была бы и наша история...

Литература:

Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993.

Серков А.И. Русское масонство 1731—2000. М., 2001.

Фурсенко В. Щербатов Михаил Михайлович // Русский биографический словарь. СПб., 1912. Т. 24.

Котляров А.Н., Можаяева Г.В. Крестинин Василий Васильевич. // Историки России. Биографии. М., 2001.

Лучинский Г. Щербатов Михаил Михайлович // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1904. Т. 79.

Исабель де Мадариага. Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002.

Ключевский В.О. Лекции по русской историографии. // Ключевский В.О. Соч. в девяти томах. Т. VII. М., 1989.

Герцен А.И. Предисловие к книге: «О повреждении нравов в России» князя М.Щербатова и «Путешествие» А.Радишева...» // Герцен А.И. Собрание сочинений в тридцати томах. Т. 13. М., 1958.

Дмитриева И.А. Щербатов М.М. // Историки России. М., 2001.

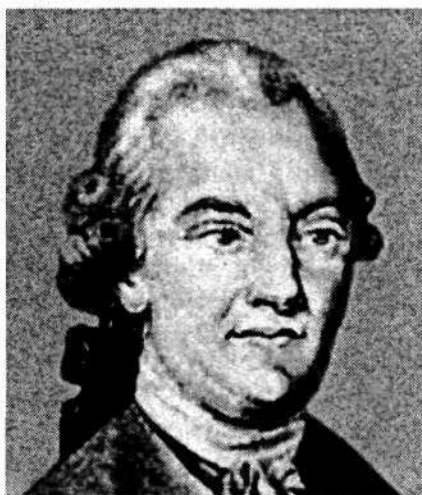
«НЕ ДОПУСКАТЬ ЛЖИ»

Шлецер Август Людвиг (Schlozer August Ludwig von)

[5(17).07.1735, Ягштадт (совр. Гагштадт), —
9(21).09.1809, Гогенлос (Франкония)]

Архивы:

1) Библиотека университета Геттингема.

Со времен М.В. Ломоносова в российской историографии существовало традиционное направление рассматривать деятельность Августа Шлецера негативно. В XIX веке он удостоился целого «залпа» со стороны славянофилов (см. статьи Аксакова, Бессонова, Самарина, Хомякова в «Русской Беседе», 1857, № 7). Критиковал Шлецера и его «негативное направление» А.Н. Попов...

Вместе с тем крупные историки, например, знаменитый С.И. Соловьев, оценивал

Шлецера достаточно «сбалансированно»... Статьи о Шлещере написал К.Бестужев-Рюмин (см. его «Биографии и характеристики» (СПб., 1882), а Н.Лятошинский и В.С. Иконников издали брошюры, посвященные Шлещеру... Ну, и конечно, «скептическая школа» (Каченовского) в русской историографии, это лучший памятник подвижнику Шлещеру...

В советской историографии об Августе Шлещере писали в основном негативно, как о лидере «норманнской школы», «немецкой» «антирусской партии» в Российской Академии наук и т.д.

В 1976 году автор неподписанной 25-строчной статьи о Шлещере в «Советской исторической энциклопедии» все-таки промолвился и о нем добрым словом: «Главный его труд —

«Нестор. Русские летописи на древнеславянском языке, сходные, переведенные и объясненные», т. 1—5 (Gottingen, 1802—1809, русс. Изд. Ч. 1—3, СПб., 1809—1819), оказал положительное влияние на развитие русского источниковедения, хотя Шлецер и считал «Повесть временных лет» сочинением лишь одного Нестора и пытался этот летописный свод «очистить» от «искажений», якобы внесенных переписчиками».

Впрочем, «достаточно приемлемо» оценивали Шлецера и авторы советских вузовских учебников по историографии Н.Л. Рубинштейн и С.Л. Пештин, а также известный советский историк Л.В. Черепнин. Разумеется, «применительно ко времени» (Сталин, Брежнев), но не их голоса преобладали...

Норвежский профессор Йенс Нильсен опубликовал в Норвегии (1978) и Дании (1981) две статьи, в которых попытался проследить всю историю «антинорманизма» в России. В 1992 году они были изданы в России в виде книги с тяжеловесным названием: «Рюрик и его дом: опыт идейно-историографического подхода к норманнскому вопросу в русской и советской историографии (Архангельск, 1992). Книга вышла в издательстве архангельского «поморского университета» (прежнего пединститута, ректор которого Г.Г. Фруменков как раз был ярким антинорманистом), вероятно, в порядке «перестройки содержания образования» и помощи туземным историкам... преподавателям и студентам...

Воспитанные на русском и советском псевдопатриотизме студенты-историки педуниверситета, вероятно, с удивлением читали в книге Нильсена, что выдающийся русский историк В.О. Ключевский мало увлекался «этим спорным патриотическим вопросом», а когда воинствующий антинорманист Д.И. Иловайский провозгласил В.О. Ключевского «норманистом», то последний с достоинством ответил, что ничего не имеет против того, чтобы «принадлежать к этой почтенной и так много сделавшей для нашей историографии школы».

В заключение своей работы Нильсен сделал вывод, что старая ломоносовская антинорманистская концепция понадобилась советским властям после Второй мировой войны, когда началась холодная война. Пишущие и пляшущие по указаниям ЦК КПСС историки стали «разоблачать» норманнскую теорию как «инструмент иностранных держав, пытающихся подорвать независимую русскую государственность».

Само определение Ломоносовым понятия «норманизм» Нильсен отнес к «монархически-панегирической школе рус-

ской историографии», а не к некоей «патриотической», как делали это на протяжении десятилетий советские историки...

Удивительно, но и в совсем недавней статье о Шлецере, наряду с признанием его (наконец-то!) заслуг перед русской историографией, автор статьи Т.И. Джаксон пишет, как бы в чем-то оправдывая Августа Людвиг Шлецера:

«Норманизм же Шлецера был порожден не политическими мотивами (в отличие от антинорманизма с его «шумным патриотизмом»), а уровнем развития исторической науки того времени».

Шлецер родился в 1735 году в Гогенлоэ во Франконии, Германия. Как истый историк он оставил нам свою автобиографию, относящуюся как раз к периоду его частного пребывания в России.

В.О. Ключевский писал о Шлецере:

«Он был сын сельского пастора, рано осиротел и рано познакомился с нуждой. Живя в доме у мужа своей старшей сестры, школьного учителя, он ночи просиживал за классиками. Он вышел из детства близоруким. С десятилетнего возраста он добывал себе хлеб уроками. В Виттенбергский университет он поступил привычным к труду молодым человеком с расстроенными нервами и сознанием тяжести пройденного пути. Нервное расстройство вместе с пламенным воображением сделало бы его визионером, а при содействии сильно развитого самолюбия, пожалуй, и миссионером».

Почему «сделало бы»? Кем же Шлецер был в России как не миссионером? Да еще какого класса миссионером!

Проучившись три года в Виттенбергском университете, Шлецер перешел в Геттингемский университет, где на него оказал большое влияние знаменитый исследователь еврейских древностей И.Д. Михаэлис. Шлецер решил посвятить себя изучению библейского Востока.

В 20 лет Шлецер фактически уже сложившийся историк. Он готовится к поездке на Восток. Составляет сложный план, чтобы заработать денег на поездку, в 1755—1758 годах живет в Швеции, в Стокгольме, в университетской Упсале. Работает в конторе шведского купца, журналистом в газете, частным учителем... Шлецер считает, что историк должен быть человеком «без отечества, религии, божества, быть вне академизма, знать широкий мир реальности». Научный шведский период: публикация книги «Опыт всеобщей истории торговли и мореплавания в древнейшие времена» (на шведском языке)

и «Новейшая история учености в Швеции» (на немецком языке). Ну и, само собой, прекрасная лингвистическая подготовка в скандинавских языках.

Вернувшись в Геттингем, продолжил подготовку к восточной поездке... В это время в России его соотечественнику историку Г.Ф. Миллеру понадобился помощник для разбора собранных несметных материалов. Михаэлис порекомендовал Миллеру Шлецера... Условия, которые предлагал Миллер, были неблестящими. Фактически — роль слуги. Но Михаэлис убедил. В России Шлецер будет все-таки ближе к вожделенному Востоку, чем в Геттингеме.

И в 1761 году 26-летний Шлецер прибыл в Россию. Всех историков он делил на четыре категории: 1) историк-собираатель; 2) историк-аналитик; 3) историк-писатель; 4) историк-художник. Конечно же Миллер был выдающийся собиратель, но и только. Шлецер же был высокоинтеллектуален, с огромной эрудицией, знал 15 иностранных языков. Быстро выучил древнеславянский, чтобы читать летописи... Он потребовал научной систематизации всех рукописей. И их анализа. Он принадлежал ко второй категории историков. Быстро стало ясно, что Шлецер на голову выше своего патрона... Начались разные сложные коллизии во взаимоотношениях двух историков.

Ключевский писал:

«Миллер показывал ему громадный материал, который он думал опубликовать в своем издании (*Sammlung russischer Geschichte*. — Ю.Д.), и говорил: «Вот, батюшка, здесь и для меня, и для всех, и для десятерых других работы на всю жизнь», но, когда Шлецер протягивал руку к этому неисчерпаемому источнику, Миллер тотчас прятал рукописи в стол, говоря: «Не горячитесь, молодой человек, еще будет время. Не надо торопиться».

Уже в следующем году Шлецер ушел от Миллера и стал адъюнктом Петербургской Академии наук по русской истории. С библейской филологией было покончено. Его любимым делом стала русская история... Кроме должности адъюнкта, Шлецер получил также должность учителя детей президента Академии графа Кирилла Разумовского. В специально устроенном пансионе на Васильевском острове Шлецер преподает детям Разумовского и других знатных людей латинский язык, всеобщую историю, географию, статистику России. «Вот где родилась русская статистика — на Васильевском острове,

в 10-й линии», — отмечал Ключевский в «Лекциях по русской историографии».

Крупный ученый, с большими амбициями, Шлецер конечно же не смог ужиться с академическими лилипутами. Его впечатление от русских ученых резко негативное. Самое главное: в России нет историков, обученных языкам и знакомых с Византийской и Северо-европейской историей. Шлецер писал о своих коллегах:

«Но что это были за люди, в Академии и вне ее, которые принимали на себя вид, что они были тем, чем я хотел сделаться — исследователями русской истории! Об иностранной истории они ничего не знали, об исторической критике, исторических вспомогательных науках еще менее; древних языков они не понимали, даже и новейших; византийцев и монголов даже имен не слышали и т.д.».

Но Шлецер один. А лилипутов много. В этом их «сила». И эти люди дали Шлецеру самый низкий пост! Адъюнкт! В то время когда и пост профессора с его нищенским жалованием в 860 рублей был для Шлецера неудовлетворителен... С русской Академией у Шлецера тоже явно не получалось. Он составил для нее два плана: 1) план разработки русской истории и 2) план распространения знакомства с историей в русском обществе.

Прежде чем писать русскую историю, надо сначала издать все русские и иностранные источники по ней. «Искусство историка не надо путать с искусством писания повестей», — говорил Шлецер. Ломоносов, конечно, был недоволен появлением нового соперника... Только-только вроде избавился от Миллера (уехал в Москву), а тут еще один немец... Уроженец двинского острова резко высказался и против планов Шлецера и против него самого: «Для него нет места в Академии». В таком же плане высказался, конечно, и Миллер. Как говорится: «Врозь идти. Вместе бить». Ключевский писал: «Миллер в своем отзыве высказался решительно, что если Шлецер не хочет оставаться в России, то его не следует допускать к изучению русской истории, так как, собрав документы, он мог напечатать их за границей и причинить неприятности России».

Шлецер считал: «Prima lex historia. No Quid Falsi Dicat» («Первое правило истории — не допускать лжи»).

В России оно явно не приветствовалось... Уже в 1764 году он просит Академию дать ему трехгодичный заграничный от-

пуск... Узнав об этом, Ломоносов доносит в Сенат — отъезд Шлецера опасен для России... Чего они так боялись? Да того, что двести лет спустя советские руководители, преследуя любое инакомыслие. Не только дороги и идиоты в России неизменны.

В.О. Ключевский: «Было приказано ему паспорта не давать, а в его бумагах произвести обыск и отобрать неизданные исторические известия. Триуберт (библиотекарь и правитель Академической канцелярии. — Ю.Д.), который давал ему множество документов, рано утром прискакал и забрал их у него, посоветовал ему пересмотреть свои бумаги ввиду предстоящего обыска».

До обыска дело не дошло... Наоборот, Шлецер, видимо, уже поднаторевший в российско-византийских интригах, смог пробиться со своими предложениями на самый «верх» — к императрице Екатерине II. В итоге ему дали звание ординарного академика по контракту на пять лет... И все же издавать источники и писать русскую историю Шлецеру пришлось не в России, а в Геттингеме. Выжили его из России. В 1767 году он уехал из нее и никогда более в нее не вернулся...

Вскоре после отъезда он отказался от звания русского академика и стал профессором в Геттингемском университете.

Он читал там курс русской истории немецким студентам... В самой же России единственный ее университет в Москве еще только-только появился и до курсов русской истории было еще далеко... Что же касается издания и даже изучения русских историков в России, то, как писал П.Н. Милюков: «Меньше всего сделало для изучения источников русской истории московское историческое общество, открытое по предложению Шлецера».

Вся жизнь Августа Шлецера была посвящена поиску исторической правды. В Геттингеме, тихой университетской заводи, ученому и человеку крупного калибра Шлецеру тоже было нелегко. Он был поклонником Вольтера, одобрял казнь английского короля Карла I, и коллеги-филистеры смотрели на него как на опасного радикала, атеиста и что-то там еще...

Уже в 1769 году в Геттингеме вышла книга Шлецера «Probe russischer Annalch», один из самых важных книг по истории России в XVIII веке.

Главная заслуга Шлецера перед русской и мировой историей это, конечно, изучение и публикация русских летописей. Здесь он оказался, как отмечал Ключевский, в роли Колумба...

Джеймс Биллингтон писал:

«Изложение священной истории в форме летописи было, возможно, наиболее важным и выдающимся видом литературной деятельности Киевского периода. Летописи на церковнославянском языке были написаны в Киевской Руси задолго до хроник, созданных на итальянском или французском, и с не меньшей художественностью, чем сочинения на латыни или немецком. Красочные описания людей и событий в основном своде «Повести временных лет» поразили первого западного исследователя русских летописей Августа Шлецера, как превосходящие какое бы то ни было повествование средневекового Запада и подвигли ученого ввести в учебный план современного университета наравне со всемирной и русскую историю».

Фактически русские летописи гораздо более ценные для изучения истории, чем ее аналоги — монастырские хроники средневекового Запада, иконопись, фрески, это — русское Возрождение, Ренессанс. «Повесть временных лет» — общерусский летописный свод, составленный монахом Киево-Печерского монастыря Нестором, — выдающийся шедевр.

Шлецер первым открыл миру русские летописи, использовал их для целей исторического исследования. И, как писал Биллингтон, Шлецер «поднимал дух своих многочисленных русских студентов в Геттингеме, внушал им, что России предстоит невиданные свершения на следующем историческом этапе...

«*Proba russischer Annalen. (Nestor und russischs ocschichte Petretfend)*» Шлецера были оценены в его отечестве. Он стал почетным академиком с пожизненной пенсией.

В современной российской историографии с оголтелой «критикой» Шлецера и других «немцев», похоже, покончено.

Т.Н. Джексон в заключение своей статьи о Шлечере резюмировала:

«Действительно, находясь за пределами России, которую он воспринимал как свое отечество и патриотом которой он себя объявлял, Шлецер многое делал в ее интересах. Он руководил учеными делами отправленных с ним в Геттингем русских студентов, в полной мере отдавая себе отчет в необходимости подготовки научных кадров из числа русских людей, приглашал немецких ученых в Петербургскую Академию наук; в библиотеках и архивах Германии искал источники по русской истории и снимал с них копии, следил за точностью переводов русских книг на европейские языки; читал

лекции, писал рецензии и популярные книги, всячески стремясь содействовать распространению в Европе правдивых сведений о русской истории».

Вслед за В.О. Ключевским Т.Н. Джаксон повторяет, что основное значение Шлецера заключается в «критическом методе, с которым он познакомил русских историков». Верно. Уже в начале XIX века в России Шлецер считался образцом историка, а его требование правды и скептицизма стало основой для целой исторической школы в Московском университете» (М.Т. Каченовский, Н.А. Полевой и др.), взявших себе шлецеровский лозунг «No Quid Falsi Dicat». А первым из русских историком, который почувствовал, говоря словами историка Александра Ивановича Тургенева, «в полной силе истину сего правила», был, вероятно, И.Н. Болтин.

Первый том монументального, четырехтомного труда Шлецера «Hestor» вышел в 1802 году. Посвящен он был русскому императору Александру I. Это был уникальный труд и крупное достижение даже для передовой немецкой нации. Уже после смерти Шлецера его перевели на русский язык (1809—1919). И произошло чудо. Шлецера избрали почетным членом созданного в 1804 году при Московском университете «Общества русской истории и древностей»...

Литература

Мавродин В.В. Борьба с норманизмом в русской исторической науке. Л., 1949.

Шлецер (Schlozer) Август Людвиг // Советская историческая энциклопедия. М., 1976.

Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М., 1942.

Пештич С.Л. Русская историография XVIII века. Т. 3. Л., 1965.

Черепнин Л.В. А.Шлецер и его место в развитии русской исторической науки // Русско-европейские литературные связи. Сб. статей к 70-летию со дня рождения М.П. Алексева. М.-П., 1966.

Джаксон Т.Н. Шлецер А.А. // Историки России. Биографии. М., 2001. С. 65.

Общественная и частная жизнь Августа Людвиг Шлецера, им самим описанная. Пребывание и служба в России от 1761 до 1765 г. Известия о тогдашней русской литературе. Перевод с немецкого с примечаниями и приложениями В.Ка-

невича // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. СПб., 1875. Т. 13.

Ключевский В.О. Лекции по русской историографии // Ключевский В.О. Соч. в девяти томах. Т. VII. М., 1989.

Милюков П.Н. Источники русской истории и русская историография // Россия. Энциклопедический словарь. Л., 1991.

Биллингтон Джеймс Х. Икона и топор. Опыт истолкования истории русской культуры. М., 2001.

«ХОТЯ БЫ ОТЧАСТИ ПРИОТКРЫЛ ПРАВДУ О РОССИИ»

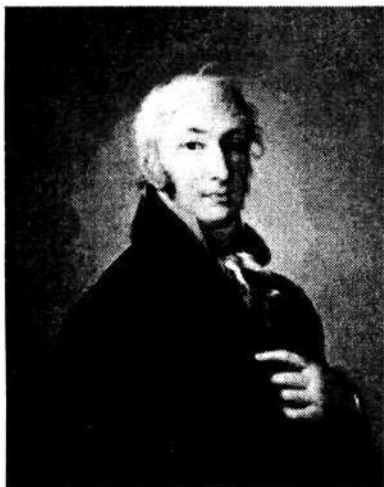
Карамзин Николай Михайлович

*[01(13).12.1766, с. Михайловка, Бузулукский уезд
Симбирской губернии — 22.05(4.06).1826, С.-Петербург].*

*Похоронен на Тихвинском кладбище (ныне Некрополь
мастеров искусств) Александро-Невской лавры в С.-Петербурге).*

Архивы:

- 1) РГИА ф. 951 (1816—1847). 30 е.х.*
- 2) РГАЛИ ф. 248, 951.
- 3) РГБ ф. 178.
- 4) ОР РНБ ф. 336.
- 5) ГЛМ ф. 93.

Третьим знаменитым российским императорским историографом после Г.Ф. Миллера и М.М. Щербатова стал поволжский дворянин Карамзин. Детство его прошло в одной из симбирских деревень и в самом Симбирске, где он воспитывался в пансионе Фовела.

Затем воспитание и образование продолжилось уже в Москве в дворянском пансионе профессора И.М. Шадена и в Московском университете. Профессора Московского университета в то время, однако, знаниями еще не блистали и статус

«профессора» был достаточно низок.

В 1781—1784 годах Карамзин служил в лейб-гвардии Преображенском полку, из которого вышел в отставку в чине поручика.

* е.х. — единица хранения.

Выступить в печати стал с 1783 года. С 1785 года постоянно жил в Москве, где сблизился со знаменитыми московскими масонами Н.И. Новиковым, С.И. Гамалеей, А.А. Кутузовым. Сам стал масоном.

Н.А. Бердяев писал в «Русской идее»: «Масонство было у нас в XVII веке единственным духовно-общественным движением, значение его было огромно. Первые масонские ложи возникли еще в 1731—1732 годах. Лучшие русские люди были масонами».

Главным масоном был Новиков. Занимались они просветительством.

После четырех лет жизни в Москве Карамзин с целью «полнить свои университеты» отправился в путешествие по Европе. Побывал в Германии, Швейцарии, Франции, Англии. Встречался с И.Кантом в Кенигсберге, И.Г. Гердером в Веймаре. В Париже в Национальном собрании слушал О.Г. Мирабо и М. Робеспьера. Больше года Карамзин колесил по Европе... И когда вернулся в Москву в 1790 году, то выступил на литературном поприще уже в качестве ведущего журналиста и писателя. С масонами к тому времени Карамзин порвал... Пути разошлись. В 1792 году Новиков был отправлен на 5 лет в Шлиссельбургскую крепость. Карамзину предстояла блистательная карьера придворного историографа.

1792 год — год репрессий не только во Франции, но и в России. Не только с Новиковым расправилась Екатерина II, но и со многими другими... И как отмечал П.Н. Милюков: «Среди всеобщего молчания, вызванного репрессией, только один голос в русской журналистике раздался в пользу «милости» к жертвам, голос этот принадлежал Карамзину». В основанном им «Московском журнале» Карамзин напечатал свою знаменитую оду «К милости», в которой напомнил Екатерине, что «доколе милостью пребудешь», «дотоле будешь свято чтима».

Тот трон на век не потрясается,
Где он любовью бережется.

На всю Россию Карамзин был единственным, кто выразил сочувствие Новикову... Видимо, за эту «Оду» журнал был закрыт. Однако за 1791—1792 годы Карамзин успел опубликовать в нем целый ряд своих произведений, сделавших ему

«имя». В первую очередь это «Письма русского путешественника» и повесть «Бедная Лиза»...

Р.В. Иванов-Разумник, автор трехтомной «Истории русской общественной мысли», писал: «Письма русского путешественника» начинают собою XIX век в русской литературе, создают эпоху».

«Неистовый» «отец русской интеллигенции» В. Белинский отмечает: «Карамзин явился преобразователем языка и стилистики... начал писать языком общества». И опять Иванов-Разумник: в «Письмах» Карамзин «впервые заговорил разговорным языком интеллигенции своего времени: только с этих пор стало возможным общественное значение литературы».

Напомню: Пушкин говорил уже языком Карамзина. А литература и история стали для Пушкина потребностью, конечно, тоже не без влияния Карамзина и его произведений. Карамзинскую «Лизу» сравнивали с шекспировской Офелией...

Отход Карамзина от масонов после катаклизмов французской революции 1789 года, свидетелем которой он сам был, означал его переход на позиции, которые исследователи часто определяют как пред-славянофильские.

Разгром масонов Екатериной II лично Карамзина не коснулся. С 1795 года он живет на деньги, зарабатываемые литературным трудом. Уже в 1803—1804 годах он издал свое первое собрание сочинений в восьми томах!!! Ему не было еще и сорока лет...

С января 1802 по декабрь 1803 года два раза в месяц под редакцией Н.М. Карамзина выходил журнал «Вестник Европы». Частный журнал... От «Вестника Европы» Карамзина идет русская традиция «толстых» журналов. Журнал имел значительное по тем временам (да и по нынешним) количество подписчиков — 1200... Журнал был литературно-политическим... Итак, к 1803 году Карамзин окончательно сложился как поэт, писатель, политический мыслитель просветительского толка.

В сентябре 1803 года Карамзин обратился к товарищу министра народного просвещения М.Н. Муравьеву с просьбой ходатайствовать перед Александром I об официальном назначении историографом. Через месяц Карамзин получил этот пост.

Интерес к истории у Карамзина зародился еще во время заграничного путешествия. Не зря встречался с Гердером. Одну из самых своих заветных мыслей: «Все народное ничто перед

человеческим. Главное дело быть людьми, а не славянами. Что хорошо для людей, то не может быть дурно и для русских, и что англичане или немцы изобрели для пользы, выгоды человека, то мое, ибо я человек!», высказанную еще в «Письмах путешественника», Карамзин вынес от него.

В 1793 году относительно занятий историей у Карамзина были достаточно скромные планы: «В тишине уединения я стану разбирать архивы древних литератур... буду учиться, буду пользоваться сокровищами древности, чтобы после приняться за такой труд, который мог бы остаться памятником души и сердца моего, если не для потомства (о чем думать не смею), то, по крайней мере, для малочисленных друзей моих и приятелей», — писал он в заявлении для публики о прекращении издания «Московского журнала» (журнал имел 300 подписчиков. Население России составило 40 млн человек).

Образцы для Карамзина — Тацит, Юм, Робертсон...

Еще в Париже в 1790 году Карамзин утверждал: «Говорят, что наша история сама по себе менее других занимательна. Не думаю, нужен только ум, вкус, талант. Можно выбрать, одушевить, раскрасить, и читатель удивится, как из Нестора, Никона и проч. могло выйти нечто привлекательное, сильное, достойное внимания не только русских, но и чужестранцев. < > У нас был свой Карл Великий: Владимир; свой Людовик XI: царь Иоанн; свой Кромвель: Годунов, и еще такой государь, которому нигде не было подобного — Петр Великий. Время их правления составляет важнейшие эпохи в нашей истории и даже в истории человечества». Эти слова — уже концепция его будущей «Истории государства Российского».

С назначением историографом произошли изменения и в личной жизни Карамзина. Он женился на внебрачной дочери князя А.И. Вяземского — 24-летней Екатерине Андреевне Кольвановой. Первой женой Карамзина была Елизавета Ивановна Протасова. На ней Карамзин женился в 1801 году, а в 1802 году она умерла, оставив Карамзину годовалую дочь Софью. До 1801 года у Карамзина был многолетний платонический роман со старшей сестрой Елизаветы — Настасьей Ивановной Плещеевой. Роман был мучителен для обоих...

Многое в жизни мужчин зависит от женщины, которая рядом. Карамзину было 48 лет. Начиналась новая жизнь. Новая жена родила Карамзину трех дочерей и четырех сыновей (две дочери и один сын умерли в детском возрасте).

1803—1816 годы стали наиболее продуктивными в жизни Карамзина. Так же как регулярно рожала жена, так же регу-

лярно «пеклись» тома «Истории государства Российского» Карамзина. А написать книгу потруднее, чем родить. Карамзин буквально «постригся» в историки.

1805 год — готов первый том. 1806 год — готов второй том. 1808 год — готов третий том.

Александр I не прогадал, назначив историографом Карамзина... Карамзин оказался не только первоклассным писателем, но и историком. Наш русский Тацит.

К 1811 году закончен уже пятый том... Один из лучших в мире специалистов по Карамзину Ю.М. Лотман писал: «Самостоятельно и с помощью ряда сотрудников и помощников Карамзин открыл ценнейшие документальные материалы: два списка суздальской летописи — Лаврентьевскую (Пушкинскую) и Троицкую (сгоревшую в 1812) летописи, два списка волынской — Хлебниковскую и Ипатьевскую, синодальную рукопись Кормчей книги (XIII век), древнейший список «Русской правды», вопросы Кирика Нифонту, Судебник Ивана Грозного, большое число грамот и литературных документов и неиспользованных прежде иностранных известий. Счастливая находка Ипатьевской летописи заставила Карамзина совершенно пересмотреть уже почти готовый 5-й том, который удалось закончить лишь в 1811 году».

Как видим, Карамзин не только хорошо писал, но и знал где и как найти, как оценить нужные для исторического исследования источники... Неоценимое для историка качество...

В 1810 году произошло еще одно важное событие в жизни Карамзина. Он познакомился с сестрой царя великой княгиней Екатериной Павловной и в марте 1811 года подал Александру I (по инициативе Екатерины Павловны) трактат, вошедший в историю как «Записка о древней и новой Руси». (Впервые был опубликован в Берлине в 1861 году, а в России полностью только в 1900 году.)

В «Записке» историк подверг яростной атаке либеральные реформы, проводимые графом Михаилом Сперанским, ближайшим советником Александра I. В итоге этой «Записки» и других интриг противников Сперанский был отправлен в ссылку.

«Записка» — буквально «крик души» Карамзина. Эпиграфом он поставил библейское: «Несть лъсти в языке моем» (Псалом 138). И начало 50-страничного трактата тоже монументальное: «Настоящее бывает следствием прошедшего. Чтобы судить о первом, надлежит вспомнить последнее: одно другим,

так сказать, дополняется и связи представляются мыслям яснее».

И далее емко, веско, афористично Карамзин излагает свое видение причин и следствий и последствий и «что делать надобно». А язык... Язык Петрарки... «Сделалась чудо. Городок едва известный до XIV века, от его презрения к его маловажности долго именуемый селом кучковым, возвысил голову и спас Отечество. Да будет честь и слава Москве».

Далее он отмечает характерную русскую черту, которая всегда поражала и поражает сейчас иностранцев, в том числе братьев-славян: «Кроме злодеев, ознаменованных в истории названием опричнины, все люди знаменитые богатством или салом, ежедневно готовились к смерти и не предпринимали ничего для спасения жизни своей!». Этаким восточный фатализм...

Карамзин выделяет Иоанна I, Иоанна III, «которые, можно сказать, из ничего воздвигали державу сильную и, что не менее важно — учредили твердое в ней правление единовластия», отмечает, что «царствование Романовых Михаила, Алексея, Федора — способствовало сближению россиян с Европою», а цель Петра I «не только новое величие России, но и совершенное присвоение обычаев европейских», и далее знаменитое карамзинское горькое обвинение: «Мы стали гражданами мира, но перестали быть в некоторых случаях гражданами России. Виною Петр». «Пылкий монарх с разгоряченным воображением, увидев Европу, захотел сделать Россию Голландией».

«Тайная канцелярия день и ночь работала в Преображенском: пытки и казни служили средством нашего славного преобразования государственного». «Утаим ли от себя еще одну блестящую ошибку Петра Великого? Разумею основание новой столицы на северном крае государства. < > Сколько людей погибло, сколько миллионов и трудов употреблено для приведения в действие сего намерения? Можно сказать, что Петербург основан на слезах и трупах».

Деспотизм Петра плох, но плоха и анархия, воцарившаяся после его смерти... «Не прославилось никакими деяниями ума государственного» и царствование дочери Петра — Елизаветы, возведенной на престол величайшей в мире империи «лекарем-французом и несколькими пьяными гренадерами». «Только Московский университет и оды Ломоносова остаются красивейшими памятниками сего времени».

При Елизавете, отмечает Карамзин, двор стал переходить с немецкого языка на французский... Вспоминается Вольтер, который написал в Берлине: «Я живу здесь как во Франции. Все говорят по-французски. Немецкий только для солдат и лошадей».

Россия шла в своей вестернизации курсом Петра...

«Екатерина II была истинной преемницей величия Петрова и второй образовательницей новой России. Главная цель сей незабвенной монархини состоит в том, что смягчилось самодержавие, не утратив силы своей», «исчез у нас и дух рабства, по крайней мере в высших гражданских состояниях», «Екатерина очистила самодержавие от примесей тиранства».

Еще один афоризм Карамзина: «Петр удивил Европу своими победами. Екатерина приучила ее к нашим победам».

Но вот пришел Павел, который «героев, приученных к победам, учил маршировать, отвратил дворян от воинской службы; презирая душу, уважал шляпы и воротники». Когда пришла весть о его смерти, «...в домах, на улицах люди плакали от радости, обнимая друг друга, как в день светлого Воскресенья».

25 страниц, половина «Записки» посвящена царствованию Александра: «Все россияне были согласны в добром мнении о качествах юного монарха: он царствует 10 лет, и никто не переменит о том своих мыслей».

Позиция самого Карамзина — просвещенный консерватизм и защита неограниченной монархии. Он перечисляет ошибки людей, которым Александр доверил проводить реформы (не те люди, вот Петр умел подбирать способных людей). Указывает, что «главный реформатор» Европы Наполеон — теперь враг России. Эти люди наделали массу политически важных ошибок... Тильзитский мир с Наполеоном — важнейшее следствие этих ошибок...

Карамзин пишет: «Мы завоевали Финляндию: пусть «Монитор» (французская газета. — Д.Ю.) славит сие приобретение! Знаем, чего оно нам стоило, кроме людей и денег». И далее важное утверждение: «Государству для его безопасности нужно не только физическое, но и нравственное могущество: жертвуя честью, справедливостью, вредим последнему. Мы взяли Финляндию, заслужив ненависть шведов, укоризну всех народов».

Написано как бы и для всех последующих властителей России, вплоть до Владимира Путина...

Ради сомнительного союза с Наполеоном пожертвовали нравственным достоинством великой державы...

Карамзин критикует доказательно, много, с красочными примерами... «Каковы ныне большей частью губернаторы? Люди без способностей и дают всякой неправдой наживаться секретарям своим или без совести и самими наживаться. Не выезжая из Москвы, мы знаем, что такой-то губернии начальник — глупец, и весьма давно! Такой-то — грабитель и весьма давно».

Общий вывод «Записки»: «Скажем ли, повторим ли, что одна из главных причин неудовольствия россиян на нынешнее правительство, есть излишняя любовь его к государственным преобразованиям, которые потрясают основы Империи и коих благотворительность остается доселе сомнительной».

Император одобрил эту фронтальную атаку Карамзина на Сперанского, которого в 1812 году отстранили от всех должностей. Историк же был приглашен жить в Аничковом дворце в Петербурге. Стал дворцовым фаворитом...

Но началась Отечественная война 1812 года. Одним из последних Карамзин покинул пылающую Москву. 1813 год он провел в Нижнем Новгороде.

Последние 10 лет жизни Карамзина прошли в столице. В 1818 году были опубликованы первые 8 томов его знаменитой «Истории государства Российского». Огромный тираж по тем временам (и почти по нынешним) в 3 тысячи экземпляров разошелся в один месяц. Потребовалась допечатка... Успех у публики... Милости от царя — чин статского советника, орден Святой Анны Первого класса...

9-й том вышел в 1821 году. Был целиком посвящен времени Иоанна Грозного. Описание его тирании было потрясающим. С выходом этого тома за Карамзиным утвердился почетный титул «наш Тацит».

В 1824 году вышли 10-й и 11-й тома. Карамзин получает чин действительного статского советника... Все складывалось куда как счастливо.

Но в ноябре 1825 года неожиданно умер в Таганроге благодетель, 48-летний Александр I. Его смерть потрясла Карамзина. Еще одна большая неприятность — восстание декабристов месяц спустя, 14 декабря. Карамзин был на Сенатской площади. Простудился. И уже не оправился. Умер на 60-м году жизни. Последний, 12-й том «Истории государства Российского» вышел уже посмертно.

Конечно, главная идея его «Государства Российского» — была монархической. Все-таки — придворный историограф. В черновиках В.О. Ключевского сохранилась такая оценка знаменитого историка Карамзина и его труда: «Он не объяснил и не обобщил, а живописал, морализовал и любовался, хотел сделать из истории России не похвальное слово русскому народу, как Ломоносов, а героическую эпопею русской доблести и славы. Конечно, он много помог русским людям лучше понимать свое прошлое; но еще больше он заставил их любить его. В этом главная заслуга его труда перед русским обществом и главный недостаток его перед исторической русской наукой».

Это действительно так. «История государства Российского» более литературное произведение, но примечания к ней, составленные Карамзиным и по объему равные самому литературному тексту «Истории», это как бы самостоятельный и очень ценный исторический труд, не потерявший своего значения и донныне. Для профессиональных историков важны именно эти примечания.

Что касается рядового читателя, то можно только пожелать любой стране, чтобы ее история была написана пером Карамзина.

Когда в 1818 году вышли первые восемь томов «Истории» Карамзина, Пушкин лежал больной... Позднее он писал: «Я прочел их в своей постели с жадностью и со вниманием. < > Все, даже светские женщины, бросились читать историю своего отечества, дотоле им неизвестную. Древняя Россия казалась найдена Карамзиным, как Америка Колумбом».

Углубляя эту мысль Пушкина, а заодно и В.И. Ленина, о том, кто кого разбудил, можно сказать, что «История» Карамзина дала мощный импульс молодым русским офицерам. Пробудила их интерес к истории своей страны, и главное, к ее судьбе... В результате в истории России появилось одно из самых ее замечательных явлений — декабристы...

Самая же знаменитая фраза Карамзина часто цитируется и поныне прессой, политиками... Русский менталитет с веками не меняется... Карамзин сказал: «...Если бы ответить одним словом на вопрос: что делается в России, то пришлось бы сказать: крадут...»

Самая известная эпитафия на Карамзина принадлежит Пушкину:

В его «Истории» изящность, простота
Доказывают нам, без всякого пристрастия,
Необходимость самовластья
И прелести кнута.

Самую яркую и справедливую оценку Карамзину дал французский маркиз Астольф де Кюстин, побывавший в России в 1839 году. Вот эпитеты, которые он прилагает к имени историка: «льстивый», «робкий»... И все-таки в его «Истории» «хотя бы отчасти приоткрыта правда о России».

Кюстин писал:

«Как не робок Карамзин, чтение его книги поучительно, ибо, несмотря на всю осторожность историка, несмотря ни на его русское происхождение и предрассудки, привитые воспитанием, книга эта написана честным пером. Господь призвал Карамзина отомстить за поруганных соотечественников, — быть может помимо его и их воли. Не допускай он этих недомолвок, в которых я его упрекаю, ему не позволили бы писать: в этой стране честность кажется бунтом...»

Имя Карамзина привлекло ведущих мировых историков и литературоведов. О нем писали в США — Ричард Пайпс и Марк Раев; в СССР — Юрий Михайлович Лотман и Натан Эйдельман, немецкие исследователи. В «Самиздате» была широко известна статья Раисы Борисовны Лерт «Трактат о прелестях кнута».

Имя Карамзина таким образом не было забыто. Но его «История государства Российского» в самом СССР находилась под негласным запретом. И только в конце 1980-х годов, когда советская власть подходила к своему краху, журнал «Москва» опубликовал этот труд Карамзина.

С тех пор он переиздается почти ежегодно.

Литература

Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990.

Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. В 3-х томах. Т. 3. Национализм и европеизм. М., 1995.

Иванов-Разумник Р.В. История русской общественной мысли. В 3-х томах. Т. 1. М., 1997.

Лотман Ю.М. Карамзин Николай Михайлович // Русские писатели 1800—1917. Биографический словарь. Т. II. М., 1992.

Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. М., 1988.

Карамзин Н.М. О древней и новой России. // Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. 2. М., 2002.

Ключевский В.О. Н.М. Карамзин // Ключевский В.О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли. М., 1990.

Вернадский Г. Русская историография. М., 1998.

Кюстин де Астольф. Россия в 1839 году. Т. II. М., 2000.

Политический дневник. 1965—1970. Амстердам. Фонд им. Герцена. 1975.

«Я ЗНАЮ РУСЬ, И РУСЬ МЕНЯ ЗНАЕТ»

Полевой Николай Алексеевич

[22.06(3.07).1796 Иркутск — 22.02(6.03).1846, Петербург].
Похоронен на Литераторских мостках Волкова кладбища.

Георгий Вернадский в «Русской историографии» писал: «В 1830-х годах на смену Карамзину выступило несколько историков, придавших новые направления ходу русской исторической мысли. В противоположность Карамзину все они по своему происхождению были разночинцами». Это были М.Т. Каченовский, Н.А. Полевой, М.П. Погодин, Н.И. Надеждин, Н.Г. Устрялов, К.А. Неволин...

Самым широко известным из них стал публицист, журналист, автор исторических романов и драм, знаменитый переводчик на русский язык шекспировского «Гамлета», автор шеститомной «Истории русского народа» — два первых тома которой заставили взяться за перо самого Пушкина — сын курского купца и сам купец Н.А. Полевой.

Детство Полевого прошло в родительском доме в Иркутске. К 17 годам он уже прочитал всю богатейшую библиотеку отца. В 1813 году семья Полевых переехала в Курск. Здесь Николай стал помогать отцу в его торговых начинаниях. По делам фирмы он объездил много российских городов. В самом Курске у него появилась масса знакомых в «образованном» обществе: князь В.Н. Мещерский, прозаик и поэт А.Ф. Раевский, архиепископ Евгений Болховитинов.

Часто бывая по делам в Москве, Полевой стал посещать лекции в университете, а в 1820 году — после смерти отца — 24-летний Николай уже переезжает в Москву на постоянное жительство. Не имея поддержки ни богатых меценатов, ни

университетских профессоров, он в течение нескольких лет сделал блестящую карьеру. Он как метеор ворвался в московское общество и быстро превзошел всех: в журналистике, истории.

С 1825 года Полевой стал издавать журнал «Московский телеграф», построенный по французскому образцу. К работе он привлек многих заметных литераторов своего времени, в том числе Пушкина, Жуковского, Баратынского. Но по большей части основной груз Полевой взвалил на себя, и, как писал «Вестник Европы», «иногда целые книжки журнала были написаны только самим издателем».

Журнал просуществовал 9 лет и стал славной страницей в истории русской журналистики и счастливым временем в жизни самого Полевого, сделав его имя известным всей России. «Среди мертвой, унылой бесцветной журналистики того времени, он был изумительным явлением... Каждая книжка его была животрепещущей новостью, и каждая статья в ней была на своем месте, была кстати», — отмечал В.Г. Белинский.

Первопрестольная Москва была потрясена. Как, что, почему? Кто такой этот Полевой? Затем последовали доносы, интриги, преследования властей и «коллег». Герцен вспоминал, что в этой атмосфере Полевой безбоязненно «...пользовался всяким случаем, чтобы затронуть самые шекотливые вопросы политики, и делал это с изумительной ловкостью», он «первым зазвонил в колокола нравственной независимости. Но остался звонарь при колоколе, а сильные пошли вперед».

Такая эволюция тоже, в общем, была обычной для многих мыслящих людей в России. Они часто оказывались перед дилеммой: погибнуть, замолчать, приспособиться. По словам Р.В. Иванова-Разумника, «приспособился в конце концов и Полевой». Но «приспособленность» для такого человека была равнозначна духовной и физической гибели. И Полевой был скорее «задушен», чем «приспособился». А мы слушаем и сегодня читаем знаменитые гамлетовские «Быть или не быть» в переводе Николая Полевого.

«За человека страшно мне», «Башмаков она еще не изнасила», «Я любил ее, как сорок тысяч братьев любить не могу» — все это слова из пьес Шекспира в переводе Полевого. Именно в его переводе «Гамлет» окончательно утвердил «отца нашего Шекспир» (как называл его Пушкин) в России и на русской сцене Москвы и Петербурга.

В 1828 году в «Московском телеграфе» Полевой опубликовал свою ставшую знаменитой статью, поссорившую ее автора со многими, в том числе и Пушкиным. Называлась она «История государства Российского Н.М. Карамзина». Полевой писал об «Истории» Карамзина: «Это — «архивная справка» для правителей, чтобы «решать дела так, как их прежде решали», и назидание гражданам, что «зло всегда было, что люди всегда терпели», поэтому и им надо терпеть. У Карамзина отсутствует «дух народный и изображена лишь история государей». А в следующем — 1829 году — публицист Полевой выпустил и первый том своей собственной истории. В противовес карамзинской «Истории государства Российского», Полевой назвал свой труд «История русского народа». Книга принесла Полевому новых врагов. К коллегам-журналистам, завидовавшим шумному успеху «Московского телеграфа» и «пушкинскому кружку», прибавились еще и научные круги.

М.П. Погодин, начинавший в это время свою карьеру в Московском университете, уничижительно отозвался о работе Полевого: «Самохвальство, дерзость, невежество, шарлатанство в величайшей и отвратительной степени, высокомерие и бессмысленные фразы, все прежние недоразумения, выписки из Карамзина, переведены на варварский язык и пересыпанные яркими нелепостями автора, несколько чужих суждений, неполных и неразвитых, ни одной мысли новой, ни истинной, ни ложной, ни одного объяснения исторического».

Но были у Полевого и сторонники. Так, его поддержал будущий издатель Чаадаева Н.И. Надеждин, написавший, что «История русского народа» явила собой «конец старого и начало новой эпохи в нашей истории». 30-е годы XIX века — время зарождения западничества и славянофильства. Разница во взглядах еще не была так велика.

В 1833 году вышел последний — 6-й том «Истории русского народа» (где история России доведена до середины царствования Ивана IV Грозного). Герцен как раз заканчивал Московский университет. Вероятно, зимой—весной 1833 года они познакомились. 23 года спустя Герцен так написал об уже покойном Полевом в своих воспоминаниях «Былое и думы»: «...Полевой был человек необыкновенно ловкого ума, деятельного, легко претворяющего всякую пищу; он родился быть журналистом, летописцем успехов, открытий, политической и ученой борьбы. Я познакомился с ним в конце кур-

са и бывал иногда у него и его брата Ксенофонта*. Это было время его пушей славы, время, предшествовавшее запрещению «Телеграфа».

Этот-то человек, живший последним открытием, вчерашним вопросом, новой новостью в теории и в событиях, меняющийся, как хамелеон, при всей живости ума, не мог понять сен-симонизма. Для нас сен-симонизм был откровением, для него — безумием, пустой утопией, мешающей гражданскому развитию. Сколько я ни ораторствовал, ни развивал, ни доказывал, Полевой был глух, сердился, становился желчен. Ему была особенно досадна оппозиция, делаемая студентами, он очень дорожил своим влиянием на молодежь и в этом прении видел, что она ускользает от него.

Один раз, оскорбленный нелепостью его возражений, я ему заметил, что он такой же отсталый консерватор, как те, против которых он всю жизнь сражался. Полевой глубоко обиделся моими словами и, качая головой, сказал мне: «Придет время, и вам, в награду за целую жизнь усилий и трудов, какой-нибудь молодой человек, улыбаясь, скажет: Ступайте прочь, вы — отсталый человек».

Мне было жаль его, мне было стыдно, что я его огорчил, но вместе с тем я понял, что в его грустных словах звучал его приговор. В них слышался уже не сильный боец, а отживший, усталый гладиатор. Я понял тогда, что вперед он не двинется, а на месте устоять не сумеет с таким деятельным умом и с таким непрочным грунтом.

Вы знаете, что с ним было потом, — он принялся за «Парашу Сибирячку»...

Какое счастье вовремя умереть для человека, не умеющего в свой час ни сойти со сцены, ни идти вперед. Это я думал, глядя на Полевого, глядя на Пия IX и на многих других!».

Впоследствии П.Н. Милюков отметил: «Слова Полевого оказались пророческими, и Герцену пришлось повторить тот же упрек по адресу пришедших на смену шестидесятников».

За год до описанной встречи с Герценом в жизни Полевого произошло еще одно примечательное событие. Как писал Д.И. Бернштейн в статье о нем в «Краткой литературной энциклопедии»: «В историческом романе «Клятве при гробе

* Ксенофонт Алексеевич Полевой (1801—1861) — писатель, журналист, младший брат Николая Полевого.

Господнем» (1832) Полевой обвиняет высшее сословие в отсутствии национальных чувств». Исторические романы Полевого интересны, и он занимает почетное место в ряду других русских исторических писателей: Загоскина, Лажечникова, Мордовцева, Данилевского, Салиаса, Соловьева, Алданова. Но сейчас речь идет о предисловии Полевого к «Клятве» — «Разговор между сочинителем русских былей и небылиц и читателем». В нем, защищаясь от нападков, сыплющихся на него со всех сторон, Полевой написал гордые и крылатые слова, вынесенные в заголовок этого очерка: «Но кто же говорит и беспрестанно твердит нам о моем отступничестве, отречении от русского, нелюбви к Руси? <> Те, которые ничего не читают, не пишут, а составляют зевающую толпу вокруг пишущих. Но кто читал написанное доньше, тот, конечно, скажет, что квасного патриотизма я точно не терплю, но Русь знаю, Русь люблю, и еще более — позвольте прибавить к этому — Русь меня знает и любит». Разумеется, эти слова добавили недоброжелателей и противников публицисту и историку.

В 1834 году за отрицательный отклик на пропитанную «квасным патриотизмом» пьесу Н.В. Кукольника «Рука всевышнего отечество спасла» «Московский телеграф» по личному указанию императора Николая I был закрыт. Свою руку к закрытию журнала приложил и знаменитый своей формулой «православие, самодержавие, народность» президент Академии наук и министр народного просвещения граф С.С. Уваров, отметивший: «Что это Полевой в своем журнале критикует издание российской академии и публикует французов*. Закрыть журнал».

В 1834 году Полевому было всего-навсего 38 лет, а основные жизненные свершения оказались уже позади. У него была большая семья, денег постоянно не хватало. Правда, в 1837 году он перевел на русский язык «Гамлета», который был тут же поставлен в Москве с П.С. Мочаловым и в Петербурге с В.А. Каратыгиным в главной роли. В следующем году Полевой переехал в Петербург.

До конца жизни он написал еще около 40 драм, «которые имели успех на сцене, но встретили полное осуждение со стороны лучшей части русской критики» — как писал Боцановский в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона. Сам

* Имеются в виду французские историки Гизо и Мишле.

Полевой признавал, что ему «следовало замолчать еще в 1834 году», то есть в год закрытия «Московского телеграфа».

Полевой критически воспринял «Ревизора» и «Мертвые души» Гоголя. «Поклонник романтизма, лучшую часть жизни посвятивший исканию смутных идеалов», как написал о нем Боцановский, Полевой и не мог иначе отнестись к «свинным рылам», изображенным Гоголем. Он остался до конца честным и публично высказал свое мнение, за что от него отвернулись «передовые круги». Свою статью о Полевом Боцановский закончил все же оптимистически, несмотря на многие «но»: «Из передового человека, дававшего тон литературе, [Полевой] превратился в литературную парию. Покинутый всеми, не встречая ни у кого поддержки, нередко нуждаясь буквально в куске хлеба, П[олевой] до самой последней минуты не переставал работать. Его лаконичный дневник, его письма рисуют ужасную картину последних лет его жизни; это была медленная агония, из которой наступившая наконец 22 февраля 1846 года смерть явилась желанным исходом. Она сняла с памяти П[олевого] клеймо, мучившее его в последние годы его жизни. Его наиболее беспощадный критик Белинский в теплой статье реабилитировал П[олевого], назвав его «одним из замечательнейших деятелей литературы».

Н.А. Полевой — один из первых русских интеллигентов. Первым был Радищев, «воевавший со всеми ветряными мельницами от Москвы до Санкт-Петербурга и обратно». Он в 1802 году покончил жизнь самоубийством и нашел свой последний приют на петербургском Волковом кладбище (могила его не сохранилась). С Радищева началась традиция хоронить на Волковом кладбище русских интеллигентов — та часть кладбища, где находились их могилы, стала называться Литераторскими мостками. Вторым здесь был похоронен Полевой (1846). За ним последовали В.Г. Белинский (1848), Н.А. Добролюбов (1861), Д.И. Писарев (1868), а еще позже — герои этой книги: К.Д. Кавелин (1885), Н.И. Костомаров (1885), В.И. Семевский (1916), Г.В. Плеханов (1918). Многие достойные там похоронены. В том числе и Александр Блок.

Научная биография автора «Истории русского народа» до сих пор не написана. Правда, еще в XIX веке были опубликованы «Записки» брата Полевого — Ксенофонта, целиком посвященные подробному описанию жизни Николая Алексеевича, но они уже давно стали библиографической редкостью.

Но новые факты, и немаловажные, из жизни и деятельности Полевого все-таки раскрываются. Его отец был сподвижником знаменитого Г.И. Шелихова в освоении Русской Америки, а сам издатель «Московского телеграфа» уже в первом номере журнала «открыл» американскую литературу русскому читателю и поставил вопрос об установлении контактов между Россией и Америкой. Полевой активно пропагандировал в России литературные произведения Вашингтона, Ирвинга и Фенимора Купера и написал оригинальное исследование о развитии американской литературы и журналистики, положившее начало русской литературной американистике.

Как оценивается вклад Н.А. Полевого в русскую историческую науку? Г.В. Вернадский отмечал: «Появление «Истории русского народа» было большинством критики встречено крайне враждебно. В этом объединились почитатели Карамзина и писатели правительственного лагеря. К ним примкнули многие журналисты, обиженные политическими приемами Полевого. Особенно возмущались посвящением труда Полевого Нибуру». Пушкин раскритиковал первый том, но ко второму был более снисходителен. Несмотря на все нападки, считает Вернадский, «...многие высказывания Полевого оказали влияние на дальнейшее развитие русской исторической мысли. Полевой является непосредственным предшественником органических взглядов Кавелина и Соловьева».

Другой историк и публицист, П.Н. Милюков, тоже признавал, хотя и с многочисленными критическими оговорками, что «История русского народа» является первой, хотя и слабой, попыткой заменить обветшалую татишевско-карамзинскую схему русского исторического процесса новой, более соответствующей требованиям современной теории. История должна не живописать случайные события и благодарные характеры, а изображать исторический процесс в его закономерности, устанавливать необходимую внутреннюю связь периодов национального развития и раскрывать зависимость от всемирного исторического процесса». Именно это и пытался впервые в России сделать Полевой — наиболее яркий историк из поколения, пришедшего на смену Карамзину.

Стоит отметить, что свой след в истории России оставил и сын Полевого — Петр (1839—1902) — писатель-беллетрист и историк литературы, похороненный, как и отец, на Литераторских мостках. А внуком Н.А. Полевого был печально зна-

менитый член военной организации «Народной воли» С.П. Дегаев. Он выдал охранке Веру Фигнер, затем убил главу политического сыска России Г.П. Судейкина и уехал сначала в Канаду, а затем в США, где стал профессором математики под именем С. Пелл.

Литература

Вернадский Г.В. Русская историография. М., 1998.

Белинский В.Г. Н.А. Полевой // Полное собрание сочинений. 1955. Т. 9.

Иванов-Разумник Р.В. Встречи с эмиграцией. Из переписки Иванова-Разумника 1942—1946 годов. М., 2001.

Герцен А.И. Былое и думы // Сочинения в 4-х томах. Т. 1. М., 1988.

Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. М., 1994.

Энциклопедия российско-американских отношений XVIII—XX веков. М., 2001.

Прибылева-Корба А.П. С.П. Дегаев // Былое. 1906. № 4.

«ДЕМОКРАТСТВА И ХОЛОПСТВА УДИВИТЕЛЬНАЯ СМЕСЬ»

Погодин Михаил Петрович

*[11(23).11.1800, Москва — 8(20).12.1875, там же].
Похоронен в Новодевичьем монастыре в Москве.*

Филолог, историк, писатель, переводчик, издатель, академик Петербургской Академии наук, тайный советник, профессор всеобщей и русской истории Московского университета, издавал журналы «Московский вестник», «Москвитянин», член и секретарь Общества любителей словесности, создатель русского национального древлехранилища в Москве, автор «панславистской» доктрины, которым брезговали даже славянофилы, друг Николая Гоголя и Федора Тютчева, соратник знаменитого графа С.С. Уварова, автора формулы «православие, самодержавие, народность» и т.д. и т.п. Многолетний и стойкий защитник «норманнской» теории Шлецера, человек, о «жизни и трудах» которого Н. Барсуков написал 22 тома. Все это Михаил Петрович Погодин — сын крепостного, отпущенного на свободу.

Происхождение наложило печать на всю жизнь Погодина — «он был сыном крепостного домоправителя одного из графов Строгановых. Обстановка русского двора развила в молодом Михаиле некоторый цинизм и вместе с тем житейскую практичность, умение приспособляться к людям и обстоятельствам», — писал Георгий Вернадский.

Сын дворового, он окончил гимназию. Такое не по средствам было иногда и купцам, а Михаил Погодин шагнул еще дальше — поступил в университет. Собственно говоря, гимназия во время детства Погодина в Москве была всего одна —

основанная в 1804 году Первая Московская, располагавшаяся в доме 16 по Волхонке. Находилась она в местах заповедных: Сивцев Вражек, Пречистенский бульвар, Знаменский переулок, Кремль. Гимназию Погодин окончил в 1818 году с золотой медалью. Когда 57 лет спустя Погодина хоронили, траурная процессия остановилась на пути в Новодевичий монастырь перед главными воротами гимназии — ведь хоронили одного из самых известных ее питомцев, имя которого высечено в актовом зале на «золотой доске».

Отечественную войну 1812 года ровесник века Миша Погодин провел в Суздале. Надо полагать, война, пожар Москвы, эвакуация сыграли немалую роль в пробуждении патриотических чувств, которые стали фундаментом для занятий Погодина русской историей. Ею он занимался более всего и плодотворнее всего. Типичный русский самородок, Погодин уже в университете заимел «своего Миллера» и даже «коллективного Миллера».

«Почти во всех своих взглядах он находил противника в лице тогдашнего профессора русской истории Каченовского, с которым вел сильную полемику и впоследствии, будучи его сотоварищем по профессуре, — писал М. Полиевктов в статье о Погодине в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона. — Окончив курс в 1823 году, П[огодин] через год защитил магистерскую диссертацию «О происхождении Руси», где явился защитником норманнской школы и беспощадным критиком теории хазарского происхождения русских князей, за которую стоял Каченовский. Диссертация эта была приветствована Карамзиным, с одной стороны, и специалистами-историками Шлецером и академическим кругом — с другой стороны. В своей диссертации П[огодин] обнаружил недюжие критические способности». По определению Д.К. Корсакова, Погодин стал «первым и наиболее ярким последователем теории Шлецера о варяжском происхождении Руси».

Но не только со «скептической школой» Каченовского боролся Погодин за дело Шлецера, перед которым он преклонялся, но и со «славянистами» Ю.И. Венелином, Ф.Л. Морошкиным, М.А. Максимовичем (считали варягов славянами), а в 1860-е годы — с Н.Н. Костомаровым (отстаивал происхождение Руси от Литвы), и в 1870-е — с ярким антинорманистом Д.И. Иловайским.

Диссертацию свою Погодин посвятил Карамзину. Она имела шумный успех, ее в отрывках напечатал «Вестник Евро-

пы» (случай совершенно не ординарный), что принесло Погодину «имя» в науке и в «публике».

С 1826 года Погодин читал лекции по всеобщей истории в Московском университете и, наконец, в 1835 году после ухода Каченовского получил кафедру русской истории.

Девять лет — много или мало? Для такой яркой личности как Погодин достаточно. Князь В.А. Черкасский вспоминал: «Вокруг его кафедры охотно собиралась университетская молодежь. Ее привлекало не шегольство изложения, не внешнее красноречие преподавателя, но независимо от существенных ученых достоинств курса, его живое, беззаветное, горячее отношение к делу. Он читал нам русскую историю по источникам, знакомил нас не с одними внешними явлениями истории, но и с сокровенным внутренним смыслом, он учил нас любить науку, любить и уважать Россию, он учил нас сознавать себя русскими, членами одной русской, одной общей, великой славянской семьи». «Любовь», которую прививал Погодин, была в русле знаменитой триединой политической формулы Уварова, выдвинутой как раз за два года до прихода Погодина на кафедру русской истории. Став в 1833 году министром народного просвещения, Уваров и ставил своей целью оградить учащихся от влияния революционных идей с помощью формулы «православие, самодержавие, народность». «Прогресс отменен. Власть только и думает, что о замедлении умственного развития», — писал Герцен в статье «О развитии революционных идей в России».

Консервативный историк эпохи Николая I Погодин, конечно, не был революционером, но знаниями и, как видно из воспоминаний князя Черкасского, темпераментом он мог увлечь студентов.

Но не «линия» Уварова—Погодина—Шевырева определяла поток умственных исканий и стремлений студенческой молодежи 1830-х годов. И уж конечно, не она определила расцвет русских университетов в то время по сравнению с 1810—1820-ми годами, когда профессора читали свои лекции в полупустых аудиториях. Это подтверждал и Милюков: «Университеты были обязаны этим своим расцветом молодым профессорам, посланным, как мы видели раньше, в Дерпт и за границу для подготовки к ученому званию. Эти командировки дали таких замечательных ученых и преподавателей как Неволин, Редкин, Пирогов, Крюков, несколько позже Грановский и т.д. Глашатаи уваровской «новой эры» препо-

давания в духе официальной «народности» вроде Шеварева, Погодина встретили это новое поколение профессоров недружелюбно и недоверчиво и имели на это полное основание. Молодые ученые привезли с собой «немецкие тетрадки» и немецкие теории; они и самое «начало народности» стали выводить не по Уварову, а по Гегелю. Даже когда они одобряли и оправдывали, они все-таки рассуждали, а нужно было просто верить и умиляться. Словом, старое поколение не поняло нового; а новое, не справляясь о мнении старого, пошло вперед, и в этом был залог его успеха». Они учили так, как считали нужным, а не так, как «велело министерство». Правда, и имена их остались известны только Милюкову, крупнейшему русскому историку начала XX века, имя которого в последнее десятилетие «вышло из небытия».

Самому Погодину выпало поехать за границу первый раз только в 1835 году. Он побывал в Праге, в Вене встречался с Шелингом и деятелями «славянского возрождения» — Ганкой, Палацким, Шафариком, Караджичем и др. Славянский вопрос в Австрии стал после этой поездки одной из главных тем в деятельности Погодина.

В 1836 году Погодин купил дом на Девичьем поле, в котором прожил до конца своих дней и в котором собиралась «вся Москва».

В 1839 году Погодин, объехавший всю Европу в качестве доверенного человека властей, в «отчете» Уварову сформулировал свою «панславянскую доктрину» — «необходимо объединить всех славян под скипетром России». Его заслуги были высоко оценены — он получил орден Св. Станислава 2-й степени и 2 тысячи рублей. Это не Герцен с его «Стыдно быть русским». Но все же десятилетия спустя, когда «польские страсти» поутихли, Д.К. Корсаков отметил, что «Погодин был беспристрастен к полякам в 40-х и 60-х годах прошлого века, когда большинство русского общества под влиянием польских восстаний 1836 и 1863 годов относилось к Польше несправедливо враждебно. Погодин из-за политического антагонизма России с Польшей, в котором всецело стоял на стороне России, сумел высмотреть в поляках, как в единоплеменных нам славянах, несомненные, присущие им достоинства».

В конце 40-х годов встал вопрос: когда исполняется тысячелетие Руси — в 1852 или 1862 году? Первое считал верным академик Круг, второе — Погодин. Министр народного просвещения представил 19 августа 1852 года императору Нико-

лаю I доклад, в котором указывал, что необходимо «строго держаться летоисчисления преподобного Нестора». «Государь Император собственноручно начертал на докладе: «Того мнения и я, ибо учен был в свою молодость». На этом основании решено было считать начало Руси в 862 году, и таким образом исторический факт был установлен бюрократическим распоряжением», — писал Иванов-Разумник.

А в 1840-м Погодин опубликовал в «Отечественных записках» отрывки из своего европейского дорожного дневника — «Год в чужих краях (1839)». Об этой книге (опубликованной в 1844 году в четырех частях) советский исследователь Д.И. Бернштейн высказался так: «...отчетливо сказались противоречия сознания Погодина: с одной стороны, нерассуждающая религиозность, монархизм, великодержавный шовинизм, с другой — возмущение бесправием, нищетой. А заодно и «гегелистами», считающими «все действительно разумным». К Погодину здесь приложима характеристика, данная ему позднее поэтом Н.Ф. Щербиной: «демократства и холопства удивительная смесь».

Между тем «жизнь летела», Погодину было уже 44 года. Тогда он решил оставить университет и посвятить свою жизнь написанию истории России. Он объехал пол-России, чтобы лучше узнать ее. В эти годы скончалась его супруга, оставив мужа с четырьмя малолетними детьми. Но скитанья и горе — лучший импульс для творчества.

В 1846 году вышел первый том его «Историко-критических отрывков» и первые три тома «Исследований, замечаний и лекций». На «Исследованиях...», как писал М. Полиевктов в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, «...зидется главным образом значение П[огодина] как историка: здесь он всего больше обнаружил свой критический талант и меньше всего отрицательную сторону своего ума — чрезмерное пристрастие к фантастическим построениям. «Исследования» (7 томов), доведенные до татарского периода русской истории, и теперь служат одним из необходимых пособий для занимающегося специально древней русской историей».

Впрочем, «набиравший высоту» С.М. Соловьев, выпускник той же Первой Московской гимназии, что и Погодин, и уже преподаватель Московского университета, назвал главный труд Погодина «черновыми тетрадами». К.Д. Кавелин тоже не похвалил этот труд «неутомимого труженика на поле русской истории», как назвал Погодина Сергей Германович Пушка-

рев. Шла честная, нелицеприятная, можно сказать, даже в некотором смысле рыцарская (то есть открытая), «конкуренция» идей, мнений. Если Погодин, Соловьев или кто-то другой что-то произносил или писал, то можно было быть уверенным, это действительно говорят и пишут Погодин, Соловьев, Кавелин, Достоевский.

Погодин работал в русле уваровской формулы «православие, самодержавие, народность», но он не отрицал, например, такой «невыгодный факт», что «...не будь государственного запрета на выход из православия (в XIX веке переход в другую веру считался в России уголовным преступлением), половина крестьян перешла бы к раскольникам, а половина образованного общества обратилась бы в католичество».

В 1860 году состоялся знаменитый публичный диспут Погодина и Костомарова о происхождении русских князей. Полевиков и Милюков в один голос утверждают, что прав Погодин, но «проиграл правое дело», так как публика интересовалась противниками «как представителями известных общественных партий, а не как учеными-исследователями».

В 1872 году Погодин издал свой последний исторический труд — «Древнюю русскую историю до монгольского ига», который, как он надеялся, мог бы составить конкуренцию трудам Соловьева, но, как меланхолично заметил Георгий Вернадский: «Ничего нового он там уже не сказал».

Еще в 30-е годы XIX века Погодин стал собирать письменные памятники русской истории. Ездил по России и Европе он немало. Кроме того, создал разветвленную сеть агентов для приобретения желаемого. В итоге собранная Погодиным коллекция рукописей (до 2 тысяч) и старопечатных книг (около 800) по количеству и содержанию превзошла известные коллекции Н.П. Румянцева и Ф.А. Толстого. В архиве Погодина имелись автографы Петра I, Карамзина, Ломоносова, конечно Пушкина. Не менее ценна была и нумизматическая коллекция Погодина.

Уже в 1852 году «древлехранилище» Погодина было приобретено правительством. Библиотека и собрание рукописей были переданы в петербургскую Публичную библиотеку, а предметы литературной культуры — в Оружейную палату и Эрмитаж. Значение собрания старины Погодина для русской исторической науки трудно переоценить.

Прекрасен портрет старика Погодина кисти М.П. Перова. Погодин — человек-легенда. В 20—70-е годы XIX века в исто-

рии России много всего было, множество действующих лиц. Всех без исключения Погодин знал, сын крепостного, он беседовал с царями, влиял на политику страны и на состояние умов. Академик археолог Н.П. Кондаков уже на восьмом десятке лет вспоминал на всю долгую жизнь запомнившуюся сцену, как в отцовском доме «...я еще ребенком выбежал на подъезд, посмотреть пришедшего во фризовой шинели историка Погодина».

В сущности, биография Погодина — это история России на протяжении полувека. Для нас сегодня, как и для зрителей знаменитого диспута с Костомаровым, Погодин интересен и важен как общественно-политическая фигура. Его значение в истории России выходит далеко за пределы узкой исторической специальности.

Эти слова о Погодине можно сказать и о всех других персонажах этой книги. Все они внесли свой вклад в историческую науку. Но для тех, кто когда-то слушал лекции Погодина и Костомарова, не так уж и важны разногласия знаменитостей по частным историческим вопросам: жуть, варяги, хазары, славяне. Начиная с 1830-х годов и вплоть до 1920 года, когда история исчезла из университетских программ, студенты шли в университет не за «дипломами». Как писал Милюков: «Они совсем не искали в университете хлебных занятий и не спешили по окончании курса пристраиваться на казенную службу». Молодежь шла в университет, чтобы уловить «дух» движения страны.

Погодин же посвятил свою жизнь защите официальной политики, защите власти. На закате дней этот последователь Шлецера все-таки написал свою «Историю России», но собранные им источники для изучения России гораздо более ценный вклад в историческую науку.

Литература

Вернадский Г.В. Русская историография. М., 1998.

Корсаков Д.К. Михаил Погодин // Русский биографический словарь. Т. 14. СПб., 1905.

Бестужев-Рюмин К.Н. Биографии и характеристики. СПб., 1882.

Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. В 3-х томах. М., 1994.

Иванов-Разумник Р.В. История русской общественной мысли. В 3-х томах. Т. 1. М., 1997.

Пушкарев С.Г. Россия 1801—1917: Власть и общество. М., 2001.

Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993.

Милюков П.Н. Погодин Михаил Петрович // Историческая записка Императорского археологического общества за первые 25 лет существования. М., 1890.

Кондаков Н.П. Воспоминания и думы. М., 2002.

Милюков П.Н. Указ. соч. Т. 2. Ч. 2. С. 302.

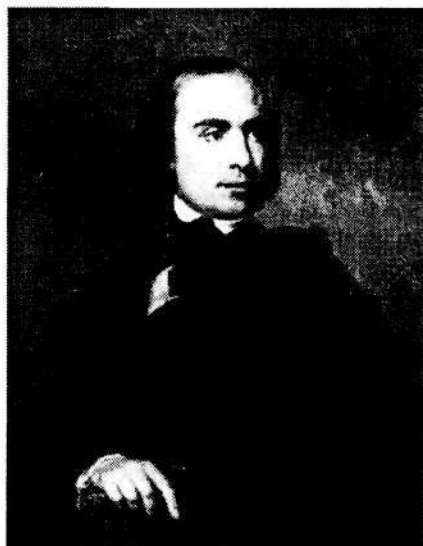
«ДУХОВНЫЙ ОТЕЦ ПЕРВОСТАТЕЙНЫХ ЗАПАДНИКОВ»

Грановский Тимофей Николаевич

[9(21).03.1813, Орел — 4(16).10.1855, Москва].

Похоронен на Пятницком кладбище в Москве.

В 26 лет Тимофей Грановский начал читать лекции в Московском университете. В 42 года — умер, умер в тот момент, когда, казалось, только и жизнь-то начинается. Он был единогласно избран деканом историко-филологического факультета, министр народного просвещения А.С. Норов предложил ему начать работу над учебником по всеобщей истории. Совсем недавно умер Николай I — заканчивалась целая эпоха российской истории, но в новой России Грановскому жить уже не пришлось.

111 лет спустя после смерти Грановского 37-летний Джеймс Биллингтон писал о нем в своей знаменитой книге «Икона и топор»: «Российский либерализм был более чем любое другое известное течение в России XIX века обязан своим развитием профессуре высших учебных заведений. Самые влиятельные университетские профессора склонны были симпатизировать либерализму еще с тех пор, как профессор Грановский впервые попытался очертить некоторые его основополагающие идеи в своих лекциях, читавшихся в Московском университете в 1840-х годах. Грановский духовный отец первостатейных западников, был первым, кто подробно осветил россиянам процесс исторического становления прав и свобод в демократических странах Запада. Он предположил, что этот путь развития предпочтительнее российского — отнюдь не возбуждал утопических надежд на то,

что он может в два счета быть пройден в условиях России. Хотя радикалы шестидесятых годов быстро затмили и заглушили умеренно-либеральную профессуру, однако же именно она более всего потрудилась над осуществлением наиболее важных освободительных реформ 1860-х годов». В этом и значении Грановского — руководил «поток мысли».

От Грановского осталось мало ненаписанных трудов. Да и что мог написать и опубликовать человек его образа мыслей, если даже в публичных университетских лекциях запрещалось упоминать о французской революции.

Когда-то в середине 1830-х годов молодой Грановский в Берлине слушал лекции знаменитых Ранке, Рихтера, Савиньи и в кругу русских друзей (Н. Станкевич, Я. Неверов, Н.Г. и Е.П. Фроловы) обсуждал проблемы будущего своей родины. Участники кружка Грановского дали клятву способствовать просвещению русского народа с целью его продвижения к свободе. Клятву друзья выполнили, но сам Грановский до 1861 года — отмены крепостного права — не дожил.

Современный исследователь А.В. Свалов пишет о Грановском: «Он родился 9 марта 1813 года в заурядной провинциальной дворянской семье. <> Ничем особо примечательным детство будущего историка не отмечено». Так ли это? Непропорционально мало, всего двадцать две строки посвятил Грановскому в своей «Русской историографии» Г. Вернадский.

Семья у Грановского была не такая уж обычная. Павел Виноградов писал: «Выдвинулась эта семья благодаря деду Грановского, который пришел в Орел неизвестно откуда с пятнадцатью копейками в кармане и нажил состояние как искусный поверенный. В делах. Мать Грановского происходила из богатой малороссийской семьи, имела благотворное влияние на сына». Француженка Герито, воспитательница сестер Грановского, с которой он подружился, очень много способствовала развитию вкуса молодого орловца и стремлению быть полезным обществу.

Отец Грановского был мелким чиновником, и Тимофей рос в несчастной семье — как и его будущий друг Александр Герцен, как Иван Тургенев. Что может быть лучшей «школой» для писателя, чем несчастное детство, несчастная любовь! Было в жизни Грановского и такое — он был влюблен в девушку из соседнего с отцовским именья.

Рос будущий историк в местах заповедных, тургеневских (Тургенев всего на 5 лет моложе Грановского). «Орел — Тоскана русская, — сказал Борис Константинович Зайцев, сам, конечно, тоже орловец. — Это предчерноземье место встречи северно-средней Руси с южной. Москвы со степью. <> Богатство земли, тучность и многообразие самого языка давали людям искусства. Святые появились в лесах севера. Тургеневы, Толстые, Достоевские порождены этими щедрыми краями».

В 18 лет по протекции отца Грановский поступил чиновником в Министерство иностранных дел, но уже через полгода понял — «не его». Затем была подготовка и поступление на юридический факультет университета, смерть матери, питание впроголодь — отец помогал мало. Да и уровень преподавания в университете оставлял желать лучшего. Пробелы приходилось восполнять самообразованием.

После окончания университета в 1835 году Грановскому опять пришлось вернуться на «государеву службу» — он стал секретарем Гидрографического департамента Морского министерства. В 1836 году в Москве состоялось знакомство его с ровесником, уроженцем Воронежской губернии Николаем Станкевичем — поэтом, студентом, лидером кружка, в который входили Белинский, Бакунин, Боткин, Константин Аксаков, а позднее Катков. Именно кружок Станкевича определял интеллектуальное развитие страны в 30-е годы.

Как писал В.А. Мякотин, в лице Станкевича Грановский «после мира ученых ремесленников и более-менее прилежных и умных юношей впервые столкнулся с убежденным и пылким идеалистом». Станкевич смог затронуть душевные струны многих, в том числе и Грановского. Вектор дальнейшего развития Грановского определился.

В том же 1836 году Грановский уехал в Берлин для подготовки к профессорскому званию по всеобщей истории. В Берлинском университете была блестящая профессура, у которой было чему поучиться. И кроме того, вскоре в Берлин приехал Станкевич. И окончательно сформировалось предназначение Грановского. Мякотин писал: «Он нашел, наконец, свое истинное призвание, настоящую свою дорогу в жизни: избранная наука явилась для него не средством личного существования, не интересным занятием, удовлетворяющим личные вкусы, а поприщем для служения важнейшим интересам родного отечества и народа».

Немаловажен и круг берлинского общения Грановского: Николай Станкевич, Януарий Неверов, Иван Тургенев, Михаил Бакунин — откровенно говорить о судьбах России можно было только за ее пределами. И все же друзья не выбрали путь Владимира Печерина, который как раз в 1836 году выехал в Европу и не вернулся. Это он на знаменитую уваровскую формулу отозвался не менее знаменитой стихотворной строкой: «Как сладостно отчизну ненавидеть...» Их выбор был — клятва, о которой упоминалось выше. Но лучшее время их жизни это Берлин. Там они дышали полной грудью, были молоды, набирались сил для задуманного. Три берлинских года — лучшие в жизни Грановского. «Здесь даже шлюхи цитируют Гомера», — отмечал он.

В 1839 году Грановский вернулся в Москву, а Станкевич поехал в Италию умирать от чахотки. Общественная репутация Грановского сначала покоилась на «двух китах» — «профессор» и «друг Станкевича». Очень быстро «лучшее общество тогдашней Москвы сошлось вокруг Грановского».

Судьба отпустила Грановскому до обидного мало времени. Но славой себя покрыл такой, какая мало у кого была в истории России. Одним из первых его слушателей был Сергей Соловьев, оставивший такой портрет учителя: «Он не мог похвалиться внешней изящностью своей речи: говорил очень тихо, требовал напряженного внимания, заикался, глотал слова, но внешние недостатки исчезали перед внутренними достоинствами речи, перед внутренней силой и теплотой».

В 1840-е годы «Московский университет стал центром всего умственного движения России», — писал другой ученик Грановского Борис Чичерин. Ярчайшая фаланга передовых людей своего времени распространяла по всей России европейские идеи: Герцен, Боткин, Огарев, Кетчер, Корш — в Москве, Белинский, Краевский, Тургенев, Анненков, Панаев — в Петербурге. Чичерин писал о них: «Это была дружная фаланга, которая задала себе целью приготовить России лучшую будущность распространением в ней мысли и просвещения. И дело казалось шло с вожделенным успехом. Умственный интерес в обществе был возбужден; студенты слушали жадно и боготворили своих профессоров; из университета выходили даровитые молодые люди, которые обещали прибавление новых сил к тесному кругу русского образованного общества».

В течение немногих лет университет окончили люди, добившиеся громких успехов. Среди них не только «западники»:

Кавелин, Соловьев, Кудрявцев, Леонтьев, Катков, Буслаев, Константин Аксаков, Юрий Самарин, Черкасский... Однако широкое историческое понимание студенты университета могли получить только от Грановского. Чичерин писал: «Грановский был идеалом профессора истории. Он не был архивным тружеником, кропотливым исследователем фактов, да это вовсе и не требовалось в России в тогдашнее время. В русской истории необходимо было прежде всего тщательное изучение памятников, ибо тут было совершенно неизведанное поле, и все приходилось перерабатывать вновь. Но для всеобщей истории нужно было совершенно иное: познакомить слушателей со смыслом исторических событий, с общим ходом человечества в его поступательном движении, с теми идеалами, которые развиваются в истории».

Грановский для этой работы был подготовлен блестяще. Всем понятно, что список источников и литературы по всеобщей истории огромен. И трудно представить, как память Грановского удерживала все данные из всех, даже самых мелких брошюр. Грановский знал досконально и то, о чем ему никогда и лекций-то читать не приходилось. Матери Бориса Чичерина он однажды сказал: «Вот каково наше положение: я прочел 50 томов речей и документов, касающихся французской революции, а между тем знаю, что не только не придется написать об этом ни единой строки, но нельзя заикнуться об этом и на кафедре».

Чичерин вспоминал: «Грановский одарен был высоким художественным чувством; он умел с удивительным мастерством изображать лица, со всеми разнообразными сторонами их природы, со всеми их страстями и увлечениями. Особенно в любимом его отделе преподаваемой науки, в истории средних веков, художественный талант его раскрывался полностью. Перед слушателями как бы живыми проходили образы могучих Гогенштауфенов и великих пап, возбуждалось сердечное участие к трагической судьбе Конрадина и к томящемуся в темнице королю Энцио; возникала чистая и кроткая фигура Людовика IX, скорбно озирающегося назад, и гордая, смело и беззастенчиво идущая вперед фигура Филиппа Красивого. И все эти художественные изображения были проникнуты теплым сердечным участием к человеческим сторонам очерненных лиц. Все преподавание Грановского насквозь было пропитано гуманностью, оценкой в человеке всего человеческого, к какой бы партии он ни принадлежал,

в какую бы сторону ни смотрел. Те высокие нравственные начала, которые в чистоте своей выражались в изложении общего хода человеческого развития, вносились и в изображение отдельных лиц и частных явлений. И все это получало, наконец, особенную поэтическую прелесть от удивительно-го изящества и благородства речи преподавателя. Никто не умел говорить таким благородным языком, как Грановский».

«С первой встречи* с Герценом в Москве стояли рядом как союзники, а с 1842 года, когда Герцен переехал на постоянное место жительства в Москву — горячая дружба, хотя и были размолвки», — писал Мякотин.

В 1840 году в Нови в Италии умер Станкевич. Грановский был потрясен. Герцен в «Былом и думах» писал: «Он при мне получил гораздо спустя медальон покойника; я редко видал более подавляющую, тихую молчащую грусть. Это было после его женитьбы** <> Жена его была очень молода <> Душе было хорошо видеть иной раз возле Грановского, поглощенного своими занятиями, его высокую, гнущуюся как ветка, молчаливую, влюбленную и счастливую подругу <> Они мне казались братом и сестрой, тем больше что и детей у них не было».

Во взглядах на будущее преобразование России Герцен был более радикален — в этом суть его «размолвок» с Грановским. В 1847 году Герцен уехал за границу. Его манила «даль, ширь, открытая борьба и вольная речь», «хотелось попробовать силы на воле».

В ноябре 1843 — апреле 1844 годов Грановский читал первый в истории России публичный курс, посвятил его средневековой истории Франции и Англии. Резонанс был невероятным, влияние огромным, курс стал неким преддверием герценовского «Колокола». Чаадаев, выходя из аудитории (после третьей или четвертой лекции), заполненной буквально «всей Москвой», сказал Герцену: «Лекции Грановского имеют историческое значение».

«Заключение первого курса было для него настоящей овацией, вещь неслыханной в Московском университете. Когда он оканчивал, глубоко тронутый благодарил публику, все вскочили в каком-то опьянении. Дамы махали платками, дру-

* В 1839 году.

** В 1841 году Грановский женился на Елизавете Ивановне Мюльгаузен.

гие бросились к кафедре, жали ему руки, требовали его портреты. Я сам видел молодых людей с раскрасневшимися лицами, кричавших сквозь слезы: «Браво! Браво! Браво!» <> бесконечные рукоплескания», — вспоминал Герцен. Так триумфально Грановский закладывал основы медиэвистики в России.

В 1845—1848 годах темой публичных лекций Грановского была сравнительная история Англии и Франции. На следующий год после отъезда в Европу Герцена наступило «мрачное семилетие». Европейские революции подавлены, общая тяжелая атмосфера усугублялась и личной ситуацией. Из-за дела петрашевцев Грановский оказался под секретным наблюдением у полиции.

В 1850 году в письме к Герцену Грановский писал: «Положение наше становится нестерпимым день от дня. Всякое движение на западе отзывается у нас стеснительной мерой. Обо мне в течение трех месяцев два раза собирали справки. Но что значит личная опасность в сравнении с общим страданием и гнетом. Университеты предполагалось закрыть <> Дворянский институт закрыт, многим заведениям грозит та же участь, например, Лицею <> Есть с чего сойти с ума. Благо Белинскому умершему вовремя. Много порядочных людей впали в отчаяние и с тупым спокойствием смотрят на происходящее, — когда же развалится этот мир?» Студентам университета было запрещено читать газеты, вспоминал Чичерин, у которого Грановский был наставником магистерской диссертации.

В период несчастной Крымской войны настроение общества и лично Грановского становится невыносимым. Но сам уходить из университета он не хотел — «Пусть уйдут». Настроение Грановский «поднимал» карточной (большей частью неудачной) игрой и алкоголем, так что даже получил приглашение вступить в некое «Общество шулеров».

Между тем любимому университету нанесен окончательный удар, от которого уже никогда не оправились ни сам университет, ни все дело просвещения России в целом, — студентов заставляют маршировать на университетском дворе. «Высокое значение Московского университета в жизни русского общества утратилось навсегда», — вспоминал на закате своих дней Чичерин. Злая ирония: в этом разгромленном университете Грановский был избран деканом историко-филологического факультета, получил орден.

Скончался он неожиданно, «в расцвете лет». «После кратковременной болезни», — пишет Павел Виноградов. Вероятно, не выдержало сердце, а скорее всего, как сказал Александр Блок: «...поэт умирает, потому что дышать ему уже нечем, жизнь потеряла смысл». Блок знал о чем говорил. Он тоже умер в 42 года и по этой же причине.

Похороны были грандиозные. Студенты шесть верст на руках несли гроб от университетской церкви Святой Татьяны до Пятницкого кладбища. (Со временем здесь образовался «уголок западников» — Н.В. Станкевич, Н.Х. Кетчер, Е.Ф. Корш, М.С. Щепкин, А.И. Афанасьев.)

На смерть Грановского откликнулись лучшие люди России, среди них — Иван Сергеевич Тургенев. Но лучше всех 50 лет спустя написал (но не опубликовал) В.О. Ключевский: «Были годы, когда в Московском университете, вещая правду и свободу, он (Грановский. — Ю.Д.) один стоял в Московском университете прямо и твердо, как стоит этот обелиск над его могилой. Имя Грановского стало символом, лозунгом общественного возрождения, совершаемого превращением слова науки в дело жизни. Вот идея отлившаяся в преподавательской и литературной деятельности Грановского, она стала для нас его заветом и его пророчеством; «слово плоть бысть».

Литература

Биллингтон Дж. Икона и топор. М., 2001.

Свалов А.Н. Тимофей Николаевич Грановский // Историки России. Биографии. М., 2001.

Мякотин В.А. Профессор сороковых годов. (Т.Н. Грановский) // Мякотин В.А. Из истории русского общества. Второе издание. СПб., 1906.

Чичерин Б.Н. Воспоминания. Мемуары. Минск. М., 2001.

Герцен А.И. Былое и думы // Соч. в 4-х томах. Т. 2. М., 1988.

Ключевский В.О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли. М., 1990.

«СКАЗАЛ ВСЕ ВОЗМОЖНОЕ»

Костомаров Николай Иванович

*[04(16).05.1817, слобода Юрасовка Острожского уезда
Воронежской губернии — 07.(19).04.1885, Петербург].*

Похоронен на Литераторских мостках Волкова кладбища.

Судьба и взгляды Костомарова сходны с судьбой и взглядами Н.А. Полевого. Только у Костомарова все было как бы в превосходной степени. Из самых низов русского общества — «незаконнорожденный крепостной» — его бросило через камеру «русской Бастилии» (Петропавловской крепости) в Зимний дворец. Он стал камергером, был обязан посещать балы, где собиралась аристократия. И в то же время Костомаров — самый радикальный оратор столицы в революционные 1859—1862 годы.

Костомаров был внебрачным сыном русского помещика и украинской крепостной. Герцен тоже был незаконнорожденный, но Костомарову пришлось хуже. Отец его, богатый помещик-вольтерьянец, был убит и ограблен своими же слугами. Теми самыми, которым он толковал: «Все люди равны, отличие по породе — предрассудок, все должны жить как братья, Бога нет». Ну, а раз Бога нет, то мужики и «забрали себе в голову» — «коли на том свете ничего не будет, то, значит, все можно делать».

Отец убит, а его любимый десятилетний сын не имел даже «свидетельства о вольности». Из барчуков сразу превратился в «казачка», мальчика для поручений, холопа. Матери все же удалось получить от родственников покойного мужа вольную для сына, достаточное количество земли и приличную сумму денег. Это обеспечило ее сыну приличное образование.

С матерью Костомарову повезло, они всегда поддерживали друг друга. Смерть отца, потом два тоскливых года в Воронежской гимназии, в которой учитель словесности не мог без омерзения слышать имени Пушкина, а история вообще была ниже всех требований. Пришлось много читать, осваивать самому, и как результат — капитально испорченное зрение.

Зато в 20 лет Костомаров окончил университет и был утвержден в степени кандидата. Затем служба в драгунском полку в Острогжеске, во время которой, пытаясь как-то применять полученные знания, Костомаров разобрал архив местного казачьего полка и написал его историю — думал даже написать таким образом историю всей Слободской Украины. Первые сочинения Костомарова не сохранились. Но научный интерес определился — родная Украина. Впрочем, употребление слова «Украина» было запрещено еще Петром I указом 1713 года, хождение имел термин «Малороссия». Костомаров, ставший сторонником украинской автономии, впрочем, употреблял их оба. Польша прекратила свое существование при Екатерине II, а большая часть ее украинских территорий вошла в состав империи и стала Привислинским краем. Послужил отец Костомарова под началом А.В. Суворова еще немного, мог бы участвовать в безжалостном подавлении восстания Тадеуша Костюшко и штурме Варшавы в 1794 году.

Очень быстро Костомаров прочитал по своему «предмету» все, что было «по-малорусски». Съездил в Полтаву на поле известного сражения, в имение В.Л. Кочубея Диканьку, много времени провел в своем воронежском имении — общался с народом. В общем, стал адептом «возрождения южнороссов». В полку же пробыл недолго и уже через несколько месяцев вернулся в Харьков, где стал посещать лекции местных профессоров. В 1838 году несколько месяцев слушал московских профессоров — М.П. Погодина (своего будущего оппонента), С.П. Шевырева, М.Т. Качановского.

К весне 1842 года его магистерская диссертация «О причинах и характере унии в Западной России» была готова. Дата диспута была назначена, но вмешались архиепископ Харьковский Иннокентий и петербургский профессор-историк Н.Г. Устрялов. В итоге по предписанию министра народного просвещения графа С.С. Уварова все экземпляры диссертации в присутствии автора были сожжены. Взамен, в соответствии с предписаниями графа и официальной идеологии, Костомаров написал и, конечно, защитил другую — «Об историчес-

ком значении народной поэзии», став магистром исторических наук. В «образованном обществе» диссертацию положительно встретил только «Москвитянин».

Сенковский в «Библиотеке для чтения» позабавился, а «неистовый Виссарион» Белинский в «Отечественных записках» написал коротко: «Народная поэзия есть такой предмет, которым может заниматься только тот, кто не в состоянии или не хочет заниматься чем-то дельным». Костомаров получил то, что заслужил. Хотя дело, конечно, не в том, чем заниматься, а в том, как заниматься. После защиты Костомаров один год проработал преподавателем в гимназии в Ровно. Здесь он проявил себя вполне лояльно и был переведен на ту же должность в Киев, а на следующий год (1846) избран и утвержден преподавателем кафедры русской истории университета Святого Владимира в Киеве.

Киев — космополитический город, в котором живут литовцы, украинцы, русские, огромное влияние имеют поляки. Язык интеллигенции в Киеве и, конечно же, в университете — польский, хотя преподавание ведется на русском.

В 1839 году в университете была раскрыта тайная организация «Союз польского народа» (в нем состояло множество поляков: студентов и профессоров). Занятия в университете прекратились и были возобновлены только через год. В противовес польскому влиянию правительство Николая I решило подыграть украинофилам. Как часть этой политики можно рассматривать и допуск в университет украинофила Костомарова. Нарождавшаяся украинская интеллигенция, одним из лидеров которой и стал Костомаров, была очень слаба.

Только-только появилось в Киеве «Кирилло-Мефодиевское братство» (Костомаров, Тарас Шевченко и другие), как все его члены были арестованы. Причем Костомарова арестовали за день до свадьбы с юной Алиной Крагельской — красавицей, ученицей одного из пансионатов для благородных девиц, в которых Костомаров читал свои лекции, она влюбилась в это «чучело морское».

Костомаров был автором программного документа «Общества» «Книги бытия украинского народа». В ней он отстаивал не «украинскую исключительность» в противовес польской или русской, а свободную и независимую Украину в рамках свободной и равноправной славянской федерации — Россия, Польша, Украина, Чехия, Болгария, Сербия должны были составлять в ней 17 штатов.

В университете Костомаров не продержался и года. Следствие установило, что все «Общество» состояло из трех лиц, и цели его не состояли в изменении существующего строя, а всего лишь в соединении славянских племен под скипетром русского императора. Сам Костомаров впоследствии до конца своей жизни отрицал авторство «Книги бытия», которую в III отделении не без юмора прозвали «Законом Божиим».

Широко известным этот трактат Костомарова стал известен только после публикации в 1918 году в «Голосе минувшего» работ В.И. Семевского о Кирилло-Мефодиевском братстве. Опубликованные через два года после смерти Семевского они «остаются лучшими в литературе», — признает современный исследователь А.Ф. Смирнов. И только в 1959 году профессор П.А. Зайониковский опубликовал сам текст трактата. Уже в наше время материалы общества были опубликованы и на украинском языке в Киеве.

Трактат, конечно, написан в духе польского поэта Адама Мицкевича, декабристов, польских повстанцев, их лозунгов «За нашу и вашу свободу». Чувствуется и влияние вечерового строя древней Руси, и отрицательное отношение к «Московии», где «...возвысился, кланяясь и целуя ноги татарскому хану, царь московский, которого обезумевший великорусский народ, впавший в идолопоклонство, назвал земным богом».

Итак, во-первых, Костомаров — украинофил (Милюков и в 1917 году не хотел слышать об украинской автономии, хотя за «украинское дело» сражался много), во-вторых, — демократ. Украина, говорил он, «встанет из своей могилы и опять воззовет к братьям славянам и услышит воззвание ее и восстанет Славянщина, и не останется ни царя, ни царевича, ни царевны, ни князя, ни графа, ни герцога, ни сиятельства, ни превосходительства, ни пана, ни боярина, ни крестьянина, ни холопа...»

А пока сам Костомаров был отправлен на год в камеру Алексеевского рavelина Петропавловской крепости в Петербурге. Он стал первым русским историком, отправленным в тюрьму. Самую знаменитую в России.

Бывшая невеста приехала из Киева, на свидании в Комендантском доме передала записку «Береги здоровье и надейся» и уехала обратно. Приехала мать, поселилась в столице и стала еженедельно навещать сына. Заключение по личному распоряжению Николая I выдали годичное жалование адъюнкт-профессора, было разрешено читать, писать, курить сигары.

Костомаров был полиглотом. За год заключения к ранее изученным языкам добавились греческий и испанский. Но тяжелые условия давали о себе знать: появились и невыносимые головные боли и нервные припадки. Совсем рядом с Петропавловской крепостью находился Петербургский университет. Думал ли государственный преступник из камеры № 7, что вскоре он займет там кафедру русской истории и станет самым популярным лектором столицы в «бурные шестидесятые»? Но до этого еще 10 лет, а пока вышедший из тюрьмы после отбытия срока Костомаров был отправлен в ссылку в Саратов. Матушка последовала за сыном.

Надо отдать должное Алине. Ее мать была против брака дочери с «висельником» и «безродным мужиком, выбившимся в бакалавры», и не отпустила ее в Саратов. А Костомарову нельзя было приехать в Киев. Алина пишет прошение царю отпустить жениха в Киев хоть на венчание — отказ. Оставалась только переписка. Но через четыре года под нажимом матери и угрозой отправки в монастырь Алина вышла замуж за, надо полагать, выбранного матерью жениха. Удивительно, чудно вообще, что Алина не «вышла вон» из жизни Костомарова сразу после ареста и все длилось еще пять лет.

В Саратове, как повелось в царской России, ссыльный оказался при «губернаторском дворе»: переводчик, заведующий уголовным столом, делопроизводитель статистического комитета и т.д. У губернатора он был на хорошем счету, имел отличную шестикомнатную квартиру с видом на Волгу. Ему были созданы прекрасные условия — знай работай. А в 1855 году умер Николай I, давление властей ослабло. Костомаров выхлопотал четырехмесячный отпуск и отправился в петербургские архивы и Публичную библиотеку для завершения работы о Богдане Хмельником.

В августе 1856 года Костомаров был амнистирован. Теперь можно поехать и на воды в Германию. По пути он работал в шведских архивах, обратным путем побывал во Франции, Швейцарии, Италии, Австрии, Чехии. Вернувшись в Саратов, Костомаров много ездит по Волге, выполняя поручения губернатора. Естественно возникла идея написать историю Волги по всем доступным источникам. Но подходящего издателя не нашлось. Зато как только при новом императоре был снят секретный запрет на печатание его научных трудов, Костомаров в 1857—1858 годах опубликовал сразу три больших работы: «Бунт Стеньки Разина», «Богдан Хмельницкий и воз-

вращение южной Руси к России» и «Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях». Завету северянина Ломоносова «бей врага своими монографиями» Костомаров следовал всю жизнь.

И стал сразу знаменит. Настолько, что в 1859 году был избран на кафедру русской истории Санкт-Петербургского университета вместо Н.Г. Устрялова. Того самого, что 17 лет назад «зарубил» первую магистерскую диссертацию Костомарова. Устрялов «царствовал» на кафедре 30 лет и был вынужден уйти, так и не принеся славы кафедре и университету. Его «Русская история» и другие учебники, по словам А.И. Герцена, были написаны «по трафаретам министра Уварова и по мотивам Николая Павловича». Писал «как нужно» и стал академиком. Благодаря Уварову Устрялов получил доступ ко многим архивам, где хранились материалы петровской эпохи, и опубликовал в 1858—1963 годах «Историю царствования Петра Великого». Сергей Соловьев отозвался о ней коротко: «Петр нуждается в истории, а не в панегириках».

Новому царствованию были нужны новые люди. И одним из них стал бывший заключенный Костомаров. Новый царь прочитал «Бунт Стеньки Разина» и дал «добро» Костомарову на педагогическую деятельность. Костомаров встал во главе петербургских историков. Первую лекцию он прочитал 20 ноября 1859 года. Она собрала огромное количество публики, неоднократно прерывалась аплодисментами, а в конце студенты вынесли профессора из аудитории на руках. Прочесть, однако, он успел всего два курса.

В 1860-м состоялся его знаменитый диспут с Погодиным — публика отдала предпочтение Костомарову. В следующем году отменено крепостное право — великий день, великий год. Общество еще более радикализуется, а в декабре 1861 года университет из-за студенческих волнений был закрыт. Профессора, в том числе и Костомаров, создали «Вольный университет» и продолжили чтение своих лекций в зале Городской думы на Невском. В том самом здании, о котором Александр Блок писал в следующем веке:

Не слышно шуму городского,
Над невской башней тишина.

Лекции продолжались недолго. Один из профессоров, П.В. Павлов, допустил «недозволенные выражения» и был выс-

лан властями. Студенты потребовали: «В таком случае вообще прекратить лекции». Все профессора подчинились, а Костомаров — нет. Сам кумир молодежи и знакомец Костомарова по Саратовской ссылке Н.Г. Чернышевский уговаривал его. «Нет, значит, нет. Не хочу подчиняться деспотизму ни сверху, ни снизу», — был ответ. Студенты Костомарова освистали, а 5 мая 1862 года последовала его отставка.

Университет потерял одного из своих лучших профессоров. Ни до, ни после не было в истории России и ее исторической науки, чтобы лекции профессора тут же публиковались периодической печатью. А говорил Костомаров о Пскове, Новгороде, Вятке, народе, его духе.

На знаменитых «костомаровских вторниках» собирались лучшие люди страны: Добролюбов (умер в 1861 году), Чернышевский (в 1862 году арестован и посажен в Петропавловскую крепость), подельник по Кирилло-Мефодиевскому обществу Тарас Шевченко (тоже умер в 1861 году), Некрасов, Панаев, Кавелин, Пыпин, Стасов, братья Жемчужниковы, Павел Чубинский. Естественно, что Костомаров становится центральной фигурой для украинской интеллигенции Петербурга.

И устно, и печатно Костомаров говорил горькие вещи: «В рабстве Русь нашла единство», старое удельно-вечевое начало Руси приняло новую форму — «казачество», а это чернь, «разлакомившаяся на грабеж и кровь». Костомаров резко выступал против ложного патриотизма и основанного на нем «господства детских взглядов и раболепства перед рутинными убеждениями».

Костомаров отнюдь не был «кабинетным ученым». Всю жизнь «работал в поле»: поездка следовала за поездкой. Нет, наверное, мало-мальски исторического места в России, где бы он не побывал, не прочувствовал, не понял подошвами, печенками, сердцем суть событий и людей. И имел смелость писать то, что думал. Чернышевский, уже после 19 лет каторги и ссылки, сказал о Костомарове: «Этот историк при современном состоянии цензуры сказал все возможное».

Бурное недовольство у «ложных патриотов» вызвали статьи Костомарова о Дмитрие Донском, Иване Сусанине, Минине и Пожарском, Богдане Хмельницком. А вот что пишет современный автор В.С. Брачев о Костомарове: «За ниспровержение народных кумиров поддерживали его и либеральные бюрократы из министерства народного просвещения, инициативе которого, как мы уже знаем, собственно и обя-

зан был Императорский Санкт-Петербургский университет столь явно неподходящей фигурой в роли наставника учащейся молодежи».

Чернышевский уже после смерти Костомарова и в год своей собственной смерти выставил историку еще одну оценку: «Немецкие ученые считают Костомарова замечательнейшим из современных русских историков; их мнение справедливо. Костомаров был человек такой обширной учености, такого ума и так любил истину, что труды его имеют очень высокое научное достоинство. Его понятия о деятелях и событиях русской истории почти всегда или совпадают с истиной или близки к ней... Должно желать, чтобы молодые люди, готовящиеся разрабатывать русскую историю, внимательно изучали мнение Костомарова».

В общем, к радости «патриотов» из Санкт-Петербургского университета и к счастью для исторической науки, Костомаров ушел. Последующие 23 года его жизни были целиком посвящены архивным изысканиям. И вот результат — подготовлен 21 том «Исторических исследований и монографий». Один за другим выходили и тут же прочитывались, приветствовались, проклинались читающей публикой и коллегами его труды. О чем в них шла речь? Да все о том же, о русском.

«Северорусское народоправство» (1863); «Смутное время Московского государства в начале XVII столетия» (1868), труды по истории Украины, Польши, «Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей» от Владимира Святого до императрицы Елизаветы Петровны. Пятьдесят четыре шедевра историко-биографического жанра: цари, разбойники, архиепископы, прекрасные польки («она была с красивыми чертами лица, черными волосами, небольшого роста. Глаза ее блистали отвагою»). Это о Марине Мнишек), гетманы, фельдмаршалы, патриархи, князья, императрицы, святые, землепроходцы, Юрий Крижанич.

В 1875 году Костомаров женился на Алине, той киевской своей бывшей невесте. Она была уже пожилой вдовой с двумя полувзрослыми детьми.

Последние десять лет историка это постепенный упадок. Ухудшилось значительно всегда неважное зрение, два инсульта. Но «историко-культурные» вторники в его квартире продолжались до самой смерти.

Художник Николай Ге назвал Костомарова «любимейшим учителем всех». А не Костомаров ли вдохновил Ге на извест-

ную картину «Петр I допрашивает царевича в Петергофе»? «Боярыня Морозова» — Сурикова, «Бурлаки на Волге» — Репина. Художники-передвижники, «могучая кучка» композиторов и ее член, друг Костомарова, Модест Мусоргский сделали своим героем народ. Не Борис Годунов, а народ — «главное действующее лицо» одноименной оперы.

В 1876 году Академия наук избрала Костомарова своим членом-корреспондентом. В 1881 году на Васильевском острове Костомаров был сбит ломовым извозчиком и с большим трудом оправился. В январе 1884 года он возвращался из архива и был сбит лихачом под аркой Главного штаба. Это был конец. 7 апреля 1885 года Н.И. Костомаров умер в своей квартире на Васильевском острове.

Сохранился его обширный архив, есть и написанная им самим «Автобиография». Обширно историческое и литературное наследие Костомарова, за последние 10 лет изданы многие его работы. А вот научной биографии историка нет. И имя его на «историко-культурной» карте Санкт-Петербурга никак не отмечено.

Лучшим памятником Костомарову по-прежнему остаются слова В.О. Ключевского: «Мы говорим: это костомаровский Стенька Разин, как говорим: это Иван Грозный Антокольского, это Петр Великий Ге и т.п. Мы говорим: пусть патентованные архивариусы лепят из архивной тьмы настоящих Грозных, Богданов, Разиных — это трудолюбивые, но мертвые слепки будут украшать археологические музеи, но нам нужны живые образы, и такие образы дает нам Костомаров».

В 1967 году по решению ЮНЕСКО мир отмечал 150 лет со дня рождения нашего соотечественника.

Литература

Семевский В.И. Н.И. Костомаров. 1817—1885 // Русская старина. 1886. Т. 49 (№1).

Житецкий И. Профессорская деятельность Н.И. Костомарова // Голос минувшего. 1917. № 5—6.

Смирнов А.Ф. Страницы жизни и творчества историка // Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Т. 2. М., 2001.

Брачев В.С. Наша университетская школа и ее судьба. СПб., 2001.

«УЧИТЕЛЬ ПРАВА И ПРАВДЫ»

Кавелин Константин Дмитриевич

[04(16) 11.1818, Петербург — 03(15).05.1885, там же].
Похоронен на Литераторских мостках Волкова кладбища.

Анатолий Федорович Кони — человек-легенда русской истории, суд под председательством которого оправдал стрелявшую в столичного градоначальника Ф.Ф. Трепова народоолку Веру Засулич, сказал о Кавелине: «А забыть Кавелина нельзя. Он вносил в жизнь тех, с кем сблизался, слишком животрепещущую ноту — и она звучит до сих пор на расстоянии многих годов».

Кавелин умер весной. 22 апреля увлеченно беседо-

вал на скамейке Румянцевского сквера на Васильевском острове с профессором А.Д. Градовским. Но питерский весенний ветер коварен, и через две недели Кавелина похоронили на Волковом кладбище в тургеневской ограде. И.С. Тургенев простейшей сделки заключить не мог, в гражданском праве ничего не смыслил, но Оксфордский университет присвоил ему диплом доктора гражданского права — за «Записки охотника», за освобождение крестьян. Тургенев умер за два года до Кавелина в Буживале во Франции. Ровесники оказались в одной ограде, рядом с Кавелиным, Белинским, Добролюбовым, Писаревым, умершим в апреле 1885 года Н.И. Костомаровым.

На одном из лавровых венков было написано: «К.Д. Кавелину. Учителю права и правды». Поиск правды — типично русская, давно исчезнувшая черта. Право — это епархия Запада, а в России — тонкого слоя так называемых «западников».

Кавелин учил и правде и праву. Он преподавал в Московском и Санкт-Петербургском университетах и в обоих «по нрав-

ственным и научному влиянию на учащуюся молодежь занимал первенствующее место». Дважды подавал и уходил в отставку.

Отец Константина Кавелина — Д.А. Кавелин с 1818 года был директором Санкт-Петербургского университета. В 1823 году он оставил университет и стал старшим чиновником для особых поручений при генерал-губернаторе центральных областей А.Д. Балашове. Мать будущего историка — шотландка Шарлотта Белли, дочь придворного архитектора. Крестный отец — знаменитый поэт Василий Жуковский.

Жизнь в Рязани не была сладкой. По воспоминаниям Кони: «Страшная пустота жизни помещицкого круга, отсутствие всяких умственных стремлений, крепостные нравы, дворянское чванство и т.п., образовали ту нездоровую среду, в которой он воспитывался». В 1829 году семья переехала в Москву. С гувернерами Кавелину не везло ни в Рязани, ни в Москве. В 15 лет он самостоятельно осваивает историю, географию, русскую словесность. Эти науки привлекают его больше всего, а в библиотеке отца кое-что имеется. Все-таки один из гувернеров — Виссарион Белинский, хотя и занимался со своим воспитанником небрежно, видимо, след в его душе оставил.

В 1835 году семнадцатилетний Кавелин поступил на историко-философский факультет Московского университета, но в том же году перевелся на юридический. В университете был близок к славянофилам, но затем стал западником. Младший современник Станкевича, Грановского, Белинского, Кавелин вместе со своими сверстниками образовал «благородную группу мыслителей и общественных деятелей, которая известна под именем «людей сороковых годов» — писал Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона.

Под влиянием только что вернувшегося из-за границы молодого профессора Редькина Кавелин стал специализироваться в гражданском праве. Уже в 1839 году он окончил университетский курс с золотой медалью и засел за диссертацию. В 1842 году в Петербурге он восстановил знакомство с Белинским. Сблизился с Тургеневым, Панаевым, В. Боткиным — это круг его друзей в Петербурге, в Москве — Герцен, Грановский.

1844 год. Защита диссертации и работа адъюнктом на кафедре истории русского законодательства Московского университета. Четыре года преподавания в Московском университе-

те — лучшее время в жизни Кавелина. В 1845 году он женился на Антонине Корш, сестре известных литераторов и публицистов. В университете вместе с ним в эти годы преподавали Грановский, Соловьев.

Лекции самого Кавелина были незабываемые: «Впервые русские студенты услышали изображение древнерусского родового быта, появление на этой почве древних юридических институтов и постепенное их вырождение. Кавелин первый построил периодизацию русской истории не по внешним событиям, а по изменениям внутреннего строя жизни: родовой был сменен вотчинным, а этот последний уступил место государственному, в котором личность вырабатывает мало-помалу свое содержание», — читаем в статье В. Нечаева в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона.

Борис Чичерин, выдающийся либерал, знаменитый историк, студент Кавелина в Московском университете, вспоминал: «В основание своего курса Кавелин полагал изучение источников, не внося в них никакой предвзятой мысли. Он брал факты, как они представлялись его живому и впечатлительному уму, излагал их в непрерывной последовательности, со свойственной ему ясностью и мастерством, не ограничиваясь общими очерками, а, постоянно следя за памятниками, указывая на них и уча студентов ими пользоваться. Перед нами развевалась стройная картина всего развития русской общественной жизни: вначале родовой быт, на который прямо указывает летописец и который проявлялся и в обычаях, и в родовой мести, и в отношениях князей; затем разложение этого начала дружинным, выступление личности, постепенное развитие государства и, наконец, завершение всего этого исторического процесса деятельностью Петра Великого, который, воспользовавшись государственным материалом, подготовленным московскими царями, вдвинул Россию в среду европейских держав, тем самым исполняя великое ее историческое значение. Как далек был этот здравый, трезвый и последовательный взгляд на русскую историю от всех бредней славянофилов, которые, страстно изучая русскую старину, ничего не видели в ней, кроме собственных своих фантазий! Константин Аксаков объявлял родовой быт поклепом на русскую историю и вопреки очевидности утверждал, что у летописца род означает семью и что все встречающиеся в истории черты родового быта вовсе не славянские, а пришлые, варяжские. Петр Васильевич Киреевский и даже более трезвый, ибо более знакомый с источниками, Пого-

дин видели в языческих славянах какой-то образец невозмутимой добродетели и умилялись над тем смиренномудрием, с которым они безропотно покорялись варяжским завоевателям».

Далее Чичерин подводит черту: «Замечательно, что в одно и то же время два человека, не сталкивавшиеся между собой, без всяких взаимных сношений, Кавелин и Соловьев, пришли к одному и тому же правильному взгляду на русскую историю и стали основателями новой русской историографии».

Венедикт Мякотин в статье о Кавелине в сборнике «Из истории русского общества» отмечал, что к сороковым годам карамзинская схема русской истории с нравственно-партиотической точки зрения уже никого не удовлетворяла. И называл имена: Аченовский, Полевой, Погодин.

В январской книжке «Современника» за 1847 год была опубликована статья Кавелина «Взгляд на исторический быт Древней Руси». 28-летний автор моментально стал знаменит, сам Белинский назвал статью «гениальной». В ней конспективно был изложен курс, который Кавелин читал в университете. Читающая публика была поражена и пришла в восторг — впервые весь ход развития русской истории был сведен к ясной и четкой формуле — развития личностного начала. Статья стала первым историческим *profession de foi* западничества.

Учитель права, учитель правды. В университет тогда уже шли искать правды. Правда — есть начало права. И.С. Симонов писал в своей брошюре: «По воскресеньям студенты посещали Грановского и Кавелина дома. Беседы воспитали целое поколение. В основном говорили о крепостном праве <> Состав студентов был тогда другой. Большинство их принадлежало к помещикам, к рабовладельцам, как не стеснялся заявлять им в глаза К.Д. Его резкий, беспощадный протест против крепостного права имел громадное значение. В уме всякого шевельнулось сомнение: более или менее, но протест этот переходил в слушателей. Как-то совестно становилось обращаться к этому явлению так спокойно и безразлично, как это делалось до знакомства с К.Д. И эта деятельность не прошла бесследно. Немало его слушателей явились впоследствии и в числе меньшинства губернских комитетов и в рядах мировых посредников первого призыва»*.

*Борис Чичерин, например, занял пост московского городского головы.

Будучи учеником страстного, неистового Белинского, Кавелин и сам был такой же: «тоже жизнь в деятельности, не задумываться над личными вопросами — вот мой девиз издавна, а то сердце лопнет», — говорил он. «Личных вопросов» пришлось перенести достаточно. Сын Дмитрий погиб в 15 лет (1861), любимая дочь Софья умерла в 25 лет (1877).

Из Московского университета пришлось уйти, перебраться в Петербург, стать чиновником. В чем дело? Завесу приоткрыл Чичерин в своих мемуарах. Был в университете такой профессор римского права Крылов — явный пьяница, к тому же ходили слухи — взяточник. Профессора дорожили честью своей корпорации. Можно ли служить рядом с таким? Нет. Больше всех кипятился Кавелин. Решили заявить начальству, если Крылов не уйдет из университета, то Кавелин, Грановский, Редькин и Корш подадут в отставку. Начальство поддержало Крылова, а отставка троих профессоров была принята, Грановского не отпустили — не «отработал» срок после посылки за границу на казенный счет. Кавелин, Корш, Редькин уехали в Петербург.

Чичерин резюмировал: «Когда через несколько лет Грановскому вышел срок, он сам увидел, что безумно было бы, когда дело было уже совершенно проиграно, задним числом довершать торжество пошлости и грязи оставлением университета по поводу давно похороненного вопроса о нравственной чистоте университетской корпорации. Он понял, что он и его приятели слишком высоко хотели держать университетское знамя и что в России предъявление таких высоких требований всегда кончается поражением. Он остался в университете». И последняя цитата из ученика об учителе. В Петербурге Кавелин — «...заглох в несвойственной ему среде. Десять лет спустя он получил снова кафедру гражданского права в Петербургском университете, но время было упущено, да и предмет был для него слишком теоретичный: он не мог с ним совладать. Источником его призвания было историческое исследование русского права, и самой блестящей порой его жизни было кратковременное преподавание в Московском университете, которое в памяти его слушателей оставило неизгладимые следы».

1848 год — год смерти Белинского, уже эмигрировал Герцен, начало мрачной эпохи. Для всего живого управляющим Третьим отделением Л.В. Дубельтом приготовлен «тепленький каземат». Грановский и Кавелин тоже на грани эмиграции — извечный русский вопрос: эмиграция или тюрьма?

Давление ослабло с началом Крымской войны и восшествием на престол в 1855 году воспитанника Жуковского Александра II. Чиновник Кавелин пишет свою знаменитую «Записку об освобождении крестьян», в которой приводит крайне радикальные взгляды об освобождении крестьян с землей и о выкупе ими надела в собственность. «Записка» стала ходить по рукам. Кавелин приобрел массу врагов «наверху», но «Записка» же выдвинула бывшего московского профессора в первые ряды либеральных публицистов. Она сблизила его с Ю.Ф. Самариним и братьями Д.А. и Н.А. Милютиными, ставшими впоследствии видными деятелями реформ. Кавелин становится вождем западников на берегах Невы. Великая княгиня Елена Павловна, прочитав «Записку», пригласила Кавелина преподавать правоведение наследнику престола, великому князю Николаю Александровичу. В том 1857 году Кавелин был приглашен и в Петербургский университет. Преподавание наследнику длилось недолго, уже на следующий год Александр II выразил неудовольствие присутствием Кавелина при дворе и ему пришлось уйти. Сам же цесаревич (он умер в 1865 году) испытывал к Кавелину полное расположение и интересовался его судьбой. Недолго пробыл Кавелин и в Петербургском университете — те же четыре года.

В предреформенные годы Кавелин был наиболее радикальным. Он защищал политического эмигранта Герцена, в воспитатели своего сына пригласил Добролюбова. В 1856 году Герцен и Огарев стали издавать сборники «Голоса из России». В предисловии «От издателя» Искандер (Герцен) писал: «Это первые опыты, еще робкие и непривычные, русской речи о русском общественном деле, — являющиеся после тридцатилетнего молчания». Первый выпуск открывался «Письмом к издателю» за подписью «Русский либерал», на самом деле авторами были Кавелин и Чичерин. Следом шла статья без указания имени автора «Записка о письменной литературе», и ее автор — Кавелин. Собственно, Кавелин и был главным инициатором и организатором переправки рукописей по вопросам политического положения в России Герцену в Лондон. Герцен же был (по его собственным словам) «только типографом, готовым печатать все для нашей общественности». Вышло всего три выпуска.

В конце 1861 года в итоге известных волнений в университете Кавелин вместе с А.Н. Пыпиным, М.М. Стасюлевичем, В.Д. Спасовичем, Б.И. Утиным уходит оттуда. От пенсии и чина

действительного статского советника он отказался. Один из вдохновителей февральской «Великой реформы» Кавелин уже летом 1861 года в своей самарской деревне подписал соглашение со своими крестьянами, эта уставная грамота стала одной из первых в Поволжье. Однако после 1861 года выходят на сцену и занимают первенствующее место радикалы. Чернышевский порвал даже с Герценом (1859) — «дружишь с либералами типа Кавелина». С 1862 года главенствует Писарев — Чернышевский в тюрьме, Добролюбов умер, — Русь зовут к «топору».

1862—1864 годы Кавелин провел за границей, изучая постановку университетского образования во Франции, Германии, Швейцарии, а по возвращении поступил чиновником в Министерство финансов. В 1866 году в «Вестнике Европы» он публикует свою «лебединую песню» «Мысли и заметки о русской истории». Еще почти за двадцать лет до нее, не зная Запада, на личном опыте, в своей знаменитой статье 1847 года в «Современнике» он писал, что русским надо избежать «отживших форм, в которые Европа сама уже не верит». Теперь же, умудренный прошедшими годами, оставшись все таким же западником, Кавелин, пишет Джеймс Биллингтон: «...был не менее прозорлив, чем Достоевский, предупреждая в своей памятной записке от 1866 года, куда могут завести революционные устремления интеллигенции; и у него хватило мужества указать на неправомерное отождествление общечеловеческих ценностей со свойствами русского национального характера в пушкинской речи Достоевского 1880 года».

Смелость — единственный достойный комплимент для мужчины. Когда-то Чернышевский упрекал Герцена за дружбу с Кавелиным, а после 1861 года их пути расходятся. Взгляды Кавелина уходят «вправо». Чем объяснить эту эволюцию? Об этом есть прекрасная статья В.И. Семевского — не столько опасение либерала перед растущим, грозящим выйти из-под контроля радикализмом, сколько вниманием графини А.Д. Блудовой и братьев Милютиных.

В 1872 году Кавелин опубликовал новый труд «Задачи психологии», посвятив его памяти Грановского. В предисловии К.Д. указал, что цель новой работы та же самая, что и статьи 1847 года о быте древней России. Если в той статье он указал на юридическое и политическое ничтожество личности в России, то в «Записках психологии» отмечает нравственное ее ничтожество.

Что предлагает Кавелин? «Единственный исход Кавелин видит в интенсивном развитии философии и психологии: это поставит индивидуальность опыта в центр мира, ибо все увидят и вспомнят, что без психической жизни нет науки, нет и личности; знание возникает из человека, в нем и для него существует», — считал Р.В. Иванов-Разумник. Приближалось «безумное лето» 1874 года: тысячи молодых людей, следуя завету П.Л. Лаврова, двинулись «в народ», платили «долги», купали «вину». Книга Кавелина успеха не имела и время его окончательно прошло, у молодых теперь были другие кумиры. И самое главное — Кавелин пишет, что «наше больное место стертость личности». Это верно, но через два года последовало небывалое в истории России явление — «хождение в народ» — массовое появление личностей.

В 1878 году Кавелин в третий раз получил возможность войти в студенческую аудиторию. Его призвали на кафедру гражданского права Военно-юридической академии. И вновь он звезда первой величины среди профессоров, и все тот же убежденный западник в ореоле нравственной высоты. В том же 1878 году у него умерла жена, и он остался один.

В 1883 году короткое время Кавелин был назначен председателем Вольно-экономического общества, но вскоре ушел с поста, чтобы не заниматься мелочными интригами. Кавелин, это было известно всем — добр, но это не была слабость. Цельный человек, он умел открыто любить и так же открыто ненавидеть.

Последние годы жизни Кавелину скрасили два внука, сыновья умершей дочери, и работа, в которой по-прежнему «топил все». В конце жизни люди обычно чаще начинают вспоминать свое детство, родителей, становятся пессимистами. Большую часть жизни Кавелин надеялся, что в России будет достигнут компромисс по английскому образцу. Этого не произошло — две силы схватились в самоубийственной схватке. Убит сам «царь-освободитель» Александр II, а Кавелин пишет о необходимости дать личности как можно больше развития.

Молодежи он посвятил свой последний труд «Задачи этики». Как будто жил в Англии, а не в России. Он был романтик, негодующий, страдающий. Спорил с Тургеневым, кто из русских поэтов выше — Пушкин или Лермонтов и, конечно, на первое место ставил родственную душу автора «Мцыри». Спорил с Юрием Самариним, спорил с Федором Дос-

тоевским, мог заблуждаться, но искренне, честно, был широк. Стал родоначальником в русской историографии государственной школы. «Нет школ никаких — только совесть», за совесть и честность его и любили все-таки. И похоронили рядом с Тургеневым, и учителем назвали, и помнили те, кому надо.

Литература

Кони А.Ф. Памяти К.Д. Кавелина. Цит. по: Симонов И.С. Кавелин — учитель. (К 25-летию со дня смерти. 3 мая 1885—3 мая 1910). СПб., 1910.

Чичерин Б.Н. Воспоминания. Мемуары. Минск—Москва, 2001.

Мякотин В.А. К.Д. Кавелин как историк и публицист // Из истории русского общества. Второе издание. СПб., 1906.

Биллингтон Дж. Иконы и топор. М., 2001.

Семевский В.И. Адрес М.Н. Муравьеву: 6 ноября 1863 года и взгляды К.Д. Кавелина на польский вопрос // Голос минувшего. 1914. № 7.

Иванов-Разумник Р.В. История русской общественной мысли. В 3-х томах. Т. 2. М., 1997.

«ОТЕЦ РУССКОЙ ИСТОРИИ»

Соловьев Сергей Михайлович

[5.05(17.05).1820, Москва — 4.10(16.05).1879, там же].

Похоронен в Новодевичьем монастыре.

Удивительно, но автор самой монументальной по объему и охвату источников «Истории России», «отец русской истории» С.М. Соловьев — не попал в такое солидное издание, как Британская энциклопедия, а вот статья о сыне его — философе и мистике Владимире Соловьеве есть и довольно обширная.

Двадцать девять томов «Истории России с древнейших времен» написал историк Сергей Михайлович Соловьев. Жизнь он прожил вполне благополучную, фактически перемещаясь между тремя точками: архив, письменный стол, университет. Зять Сергея Соловьева историк-византист П.В. Безобразов описывал распорядок дня тестя: «Соловьев был известен как самый аккуратный профессор в университете. Он не только не позволял себе пропускать лекции даже при легком нездоровьи или в дни каких-либо семейных праздников, но и никогда не опаздывал на лекции, всегда входил в аудиторию в четверть назначенного часа минута в минуту, так что студенты проверяли часы по началу соловьевских лекций...» Годами ученый вставал в шесть часов и, выпив полбутылки сельтерской воды, принимался за работу. Ровно в девять пил утренний чай, в десять выходил из дому и возвращался в половине четвертого; в это время он читал лекции, работал в архиве или исправлял другие служебные обязанности. В четыре часа Соловьев обедал, после чего опять работал до вечернего чая, т.е. до 9 часов; в после-

обеденное время он позволял себе отдохнуть — «занимался легким чтением, но романов не читал, а любил географические сочинения, преимущественно путешествия. В 11 часов он неизменно ложился спать и спал всего 7 часов в сутки».

Самодисциплина и прилежание у него были, но все-таки мало этого. Он избежал и тюрьмы, и ранней смерти — все потому, что с детства был законопослушен. Уже в Первой Московской гимназии, в которой учился сын московского священника Сережа Соловьев, он был на хорошем счету. Он окончил ее с серебряной медалью и, самое главное, приобрел могущественного покровителя — попечителя Московского учебного округа графа С.Г. Строганова. Как пишет А.А. Чернобаев: «Почти полвека граф следил за успехами своего воспитанника, не раз оказывал ему помощь в трудных обстоятельствах».

Четвертая составляющая успеха Сергея Соловьева — талант, призвание историка, и преданность своему призванию. Как писал русский историк Евгений Шмурло: «Уже в детстве Соловьев любил историческое чтение: до 13 лет он перечитал историю Карамзина не менее 13 раз». По окончании гимназии — сразу историко-филологическое отделение философского факультета, лекции Крюкова, Кавелина, Гриневского, чтение Эверса, Вико, Гегелл, Гиббона, Сисмонди. И когда на четвертом курсе, наконец, Соловьев стал слушать лекции по истории России Погодина, то «его (Погодина. — Ю.Д.) лекции не могли меня удовлетворить, ибо они не удовлетворяли и товарищей моих, хуже меня подготовленных». И очень часто Соловьев на лекциях подсказывал читавшему «по Карамзину» Погодину.

В общем, Карамзин дал Соловьеву факты и чувства, а мыслить над русской историей заставило его чтение работы ученика А. Шлецера немецкого историка Густава Эверса «Древнейшее русское право в историческом его раскрытии» (1826). Теория родового быта — это от Эверса. А Грановский внушал, что историю России надо изучать в тесной связи с всеобщей историей, историей других стран.

Окончив в 1842 году университет, Соловьев в качестве учителя в семье министра внутренних дел графа А.Г. Строганова (брата своего покровителя) последующие два года провел за границей. Берлин, Гейдельберг, Париж — совсем неплохо для расширения горизонтов молодого москвича. Лекции Леопольда фон Ранке, Раумера, Шлоссера, Гизо, Мишле, Эдгара Кине,

Карла Риттерна. В Праге имел встречу со знаменитым филологом и идеологом славянофилов Павлом Шафраником и его коллегами Вацлавом Ганкой и Франтишком Палацким; в Мюнхене написал славянофильского толка статью о Парижском университете и отослал ее Погодину для публикации в «Москвитяине».

Из «Записок» Соловьева ясно видно, чего он хотел: занять кафедру русской истории в Московском университете. Но все старались проташить своих: западники — западников, славянофилы — славянофилов (кафедру Соловьева впоследствии наследовал его зять Н.А. Попов, бездарный, по воспоминаниям Милюкова, ученый). А Соловьев не заявлял себя ни тем, ни другим. Интриги! Им посвящено немало страниц «Записок» Соловьева.

В 1845 году 25-летний Соловьев защитил магистерскую диссертацию «Об отношении Новгорода с Великим князем» и при мощной поддержке С.Г. Строганова занял кафедру русской истории (Погодин в этой схватке за «место под солнцем» потерпел поражение от ученика). Вернее, Соловьев сначала был назначен, а потом уже защитил диссертацию. Погодин и на защите пытался «насолить» Соловьеву, но того поддержал влиятельный Грановский. Эту поддержку Соловьев с благодарностью вспоминал и десять лет спустя. Через два года Соловьев защитил докторскую диссертацию «История отношений между русскими князьями Рюрикава дома» (М., 1847) и окончательно распрявился, стал печататься в «Современнике», «Отечественных записках», вошел в кружок университетских западников.

В 1848 году он женился на Поликсене Владимировне Романовой — дочери морского офицера из старинного дворянского рода. В браке родилось двенадцать детей (из них четверо умерло в детском возрасте). Младшая дочь — Поликсена стала художницей и поэтессой, старший сын Всеволод — преуспевающим историческим романистом.

В 1855 году после смерти Грановского Соловьев был избран деканом историко-филологического факультета. На похоронах Грановского, превратившихся в политическую студенческую демонстрацию (впервые за много лет), Соловьев хотел произнести речь, но слезы не дали. Не смог.

Друг обоих историков и сам историк, Борис Чичерин писал в своих мемуарах: «По уму и таланту, он (Соловьев), конечно, далеко уступал Грановскому и никогда не мог его за-

менить. Как историк он имел то, чего не было у Грановского и что именно требовалось его специальностью: он был неутомимый труженик, и притом труженик, руководимый мыслью и образованием. После Шлецера и Карамзина никто не сделал больше, чем он дал русской истории».

Соловьев возглавлял факультет до 1869 года, а в феврале 1871-го был избран ректором Московского университета. В 1877-м подал в отставку (отстаивая от Министерства просвещения университетскую автономию) и с поста ректора, и с поста профессора университета. «И это делал (уходил в отставку. — Ю.Д.) человек, лишенный средств, обремененный семьей, всю жизнь свою посвятивший кафедре <> он покинул университет, к которому был привязан всей душой, как только увидел, что не может оставаться в нем с честью. Для этой чистой и возвышенной души чувство долга было единственным руководящим началом его действий», — так писал Ключевский.

В 1864 году избран членом-корреспондентом Императорской Санкт-Петербургской Академии наук, и в 1872 году — действительным членом. К этому времени АН имела уже высокую мировую репутацию. В XIX веке кроме Соловьева были академиками русские историки Карамзин, Погодин, Ключевский.

Допущен Соловьев и к Императорскому двору, преподавал русскую историю наследнику престола Николаю Александровичу (1862—1863), будущему императору Александру III (1866), великому князю Сергею Александровичу (1879). В 1871 году получил высокий чин тайного советника. Такова внешняя канва его жизни.

Уход из Московского университета несомненно укоротил жизнь Соловьева. В том же 1877 году он тяжело заболел (сердце, почки) и через два года умер. В тот же самый день, что 24 года назад Грановский — 4 октября. Ему было только 59 лет, и 29-й том «Истории России» остался неоконченным.

В.О. Ключевский в некрологе в «Критическом обозрении» писал: «Это был ученый со строгой, хорошо воспитанной мыслью. Черствой правды действительности он не смягчал в угоду патологическим наклонностям времени. Навстречу фелъетонным вкусам читателя он выходил с живым, но серьезным, подчас жестким рассказом, в котором сухой, хорошо обдуманый факт не приносился в жертву хорошо рассказанному анекдоту. Это создало ему известность сухого

историка. Как относился он и к публике, для которой писал, так же точно относился он и к народу, историю которого писал. Русский до мозга костей, он никогда не закрывал глаз, чтобы не видеть темных сторон в прошедшем и настоящем русского народа. Живее многих и многих патриотов чувствовал он великие силы родного народа, крепче многих верил в его будущее; но он не творил из него кумира. Как нельзя больше был он чужд того грубого пренебрежения к народу, какое часто скрывается под неумеренным и ненужным воспеванием его доблестей или под высокомерным и равнодушным снисхождением к его недостаткам. Он слишком глубоко любил и уважал русский народ, чтобы льстить ему, и считал его слишком взрослым, чтобы под видом народной истории сказывать ему детские сказки о народном богатырстве.

Закончил некролог Ключевский так: «Соловьев не допускал сделок в нравственных отношениях <> Это был один из тех характеров, которые вырубаются из цельного камня, они долго стоят прямо и твердо и обыкновенно падают вдруг, подточенные не столько временем, сколько непогодой».

В 1907 году в «Вестнике Европы» были опубликованы «Записки» С.И. Соловьева — скучные, мелочные. Как писал П.И. Бартенев — «этими «Записками» Соловьев к прискорбию читателей оскорбил себя».

Более резко, чем Ключевский, написал о Соловьеве и П.Н. Милюков: «Промежуточное положение между славянофильством и либеральным западничеством занял С.И. Соловьев со своими националистическими взглядами в вопросах внешней политики и западническими представлениями о ходе внутреннего развития России. Впрочем, его многолетний и многотомный труд (28 томов 28 лет) должен считаться чересчур поспешно выполненным в том смысле, что историку за массой мелочей не было времени остановиться на существенном и главном. Печатая свой материал частями, по мере приготовления, он не имел возможности как следует его разработать и должен был предлагать его читателям в сыром виде, оттого и общие его взгляды оказываются, за некоторыми блестящими исключениями, чересчур внешним образом привязаны к материалу. Устремив все свое внимание на более доступный наблюдению процесс европеизации России, он оставил в стороне внутренние, органические процессы народного развития. То немногое, что остается в «Истории России» на долю собственно внутренней истории — за вычетом детального, без

комментариев, пересказа законодательных памятников, — сводится к отрывочному подбору случайных фактов, попавших в руки историка между другими, более интересовавшими его материалами».

Тем не менее «История России» Соловьева оказала огромное влияние на все последующие поколения историков. Кроме этой колоссальной работы Соловьев опубликовал такие работы о русских царях — Петре I и Александре I. Сам Соловьев был сторонником либеральных реформ Александра, но считал его «не под стать» Петру. Соловьев считал, что судьба не послала Александру II Ришелье или Бисмарка, да он и не смог бы по своему уму использовать их, а скорее всего отправил бы в ссылку. Соловьев был сторонником правового государства, но для пореформенной России считал пригодной только неограниченную монархию. Тριάдой Соловьева было «государство, церковь, просвещение». Опубликовал Соловьев также лояльную властям «Историю падения Польши», которая, как писал в 1995 году исследователь его творчества А.Б. Каменский, «остаётся единственной работой на эту тему в отечественной историографии, и по существу история разделов Польши еще ждет своего исследователя».

Что писал Соловьев о своих предшественниках? Он очень ценил Августа Людвиг Шлецера, трезво оценивал вклад Ломоносова: «Могучий талант Ломоносова оказался недостаточным при занятии русской историей, не помог ему возвыситься над современными понятиями». В советское время роль Ломоносова была чрезвычайно и незаслуженно преувеличена, а сейчас историки «возвращаются» к оценкам Соловьева. Соловьев писал о Ломоносове: «Автору не доставало ни времени, ни средств изучить вполне русскую историю; он начал учиться, когда нужно было писать, и начал учиться предмету, совершенно для него новому, не имевшему связи с прежними его занятиями. Исторические занятия были, как видно, чужды Ломоносову вообще, а уже тем более занятия русской историей, которая по необработанности своей очень мало могла входить в число приготовительных познаний тогдашнего русского человека; вот почему события древней нашей истории должны были представляться ему отвлеченно, как события всякой другой истории. Рассматривая их в этой отвлеченности и отрывочности, Ломоносов искал в них только предметов для украшенного описания».

Историков Соловьев делил на два направления: «рационалистическое» и «риторическое». Наука — это первое направление, к нему Соловьев относил Татищева, Миллера, Щербатова, Болтина, Шлецера. Увы, Ломоносов попадал во второе. Соловьев смело атаковал 12-томную «Историю государства Российского» Карамзина, которая в то время была официальной историей. И «История России» самого Соловьева стала, по определению Евгения Шмурло, «славой его жизни и гордостью русской исторической науки».

Соловьев фактически является создателем русской национальной истории. Е.Ф. Шмурло в 1900 году в статье о покойном историке перечислил его основные достижения и вклад в российскую историографию. Шмурло писал: «Соловьев впервые выдвинул и осветил массу важнейших явлений русского прошлого, которых раньше не замечали вовсе, и если некоторые из его взглядов и не получили полного права гражданства в науке, то все без исключения будили мысль и вызывали на дальнейшую разработку. Сюда могут быть отнесены: 1) вопрос о делении русской истории на эпохи; 2) влияние природных условий территории (в духе воззрений К.Риттера) на исторические судьбы русского народа; 3) значение этнографического состава русского государства; 4) характер русской колонизации и ее направление; 5) теория родового быта и смена его строем государственным, в связи с новым и оригинальным взглядом на период уделов; 6) теория новых княжеских городов, объясняющая факт возвышения княжеской собственности и зарождение нового порядка на Севере; 7) выяснение особенностей новгородского строя, как выросшего на чисто туземной почве; 8) сведение почти к нулю политического значения монгольского ига; 9) историческая преемственность суздальских князей XII—XIII веков и московских XIV—XV веков; 10) преемственность идеи в поколении Даниловичей, тип «бесстрастных ликов» и основные условия возвышения Москвы (географическое положение Москвы и ее области, личная политика князей, характер населения, действие духовенства, неразвитость самостоятельной жизни в городах Северо-Восточной Руси, отсутствие сильных областных привязанностей, отсутствие препятствий со стороны дружинного элемента, слабость Литвы); 11) характер Ивана Грозного, в связи с условиями его воспитания; 12) политический смысл борьбы Грозного с боярами — проведение на-

чал государственности, в ущерб старой дружинной «воле»; 13) преемственная связь между стремлениями Ивана Грозного продвинуться к морю и политическими задачами Петра Великого; 14) должное внимание к истории Западной Руси; 15) поступательное движение русского народа на Восток и роль России в жизни азиатских народов; 16) взаимные отношения Московского государства и Малороссии; 17) значение Смутного времени, как борьбы государственных и антигосударственных элементов, и вместе с тем как исходной точки последующего преобразовательного движения; 18) связь эпохи первых Романовых с временами Петра Великого; 19) историческое значение Петра Великого: отсутствие какого-либо разрыва с московским периодом, естественность и необходимость реформы, тесная связь между эпохами до-Петровской и после-Петровской; 20) немецкое влияние при преемниках Петра Великого; 21) значение Елизаветинского царствования, как основы последующего, Екатерининского; 22) значение Екатерининского царствования (впервые введены в должные рамки как преувеличенные восхваления, так и обрисовка теневых сторон личности и государственной деятельности Императрицы); 23) применение сравнительно-исторического метода: события русской истории у Соловьева постоянно освещены аналогиями из истории западно-европейских народов, славянских и германо-романских, и не ради большей наглядности, а во имя того, что русский народ, оставаясь цельным и единым организмом, в то же время сам есть часть другого великого организма — европейского».

29 томов истории Соловьева в дореволюционной России после его смерти издавались трижды. После 1917 года, когда само слово «Россия» стало не «ко двору», она впервые была издана только в 1959—1966 годах. Это был большой успех для того времени. И, наконец, с наступлением «гласности» состоялось окончательное «возвращение» имени и научного наследия Соловьева в историко-культурный обиход. Теперь дело за его освоением и восстановлением стандартов исторической науки, установленных С.М. Соловьевым.

Ну, а историк-византист Р.В. Безобразов, цитатой которого о С.М. Соловьеве был начат этот очерк, умер в 1919 году от голода. Его жену — дочь С.М. Соловьева — и сестру философа Владимира Соловьева постигла та же участь.

Литература

Безобразов П.В. С.М. Соловьев. Его жизнь и научно-литературная деятельность. СПб., 1894.

Чернобаев А.А. Соловьев Сергей Михайлович // Историки России. Биографии. М., 2001.

Чичерин Б.Н. Воспоминания. Мемуары. М., 2001.

Ключевский В.О. Памяти С.М. Соловьева // Ключевский В.О. Собр. соч. В 9-и томах. Т. VII. М., 1989.

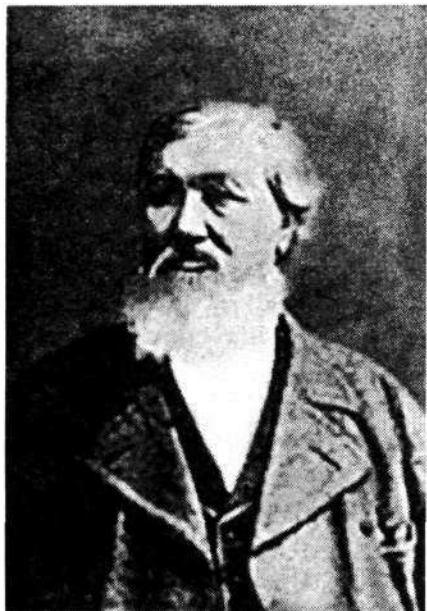
Бартенев П.И. Воспоминания о С.М. Соловьеве // Русский архив. 1907. № 8. С. 556.

Каменский А.Б. Комментарии // Соловьев С.М. Сочинения в восемнадцати томах. Кн. XVI. М., 1995. С. 701.

ПЕВЕЦ ПАНСЛАВИЗМА

Данилевский Николай Яковлевич

[28.11(10.12).1828, с. Оберец Ливенского уезда Орловской губернии — 07(19).11.1885, Тифлис]. Похоронен в имении Миатка, близ Байдарских ворот, южный берег Крыма.

Н.Я. Данилевский находился в противоположном Б.Н. Чичерину политическом лагере. Его слава зиждется на выдвинутой им теории «культурных исторических типов» и во многом случайна. Но в жизни все «случайно». В любом случае его книга «Россия и Европа» стала, начиная с 1920-х годов, известна и знаменита в Европе и в 1990-е и в России. Оппонент Данилевского Владимир Соловьев (один из самых блестящих полемистов и гораздо более эрудированный, чем Данилевский) писал о нем: «Независимо от оценки его историко-публицистического труда, должно признать в Данилевском

человека самостоятельно мыслившего, сильно убежденного, прямодушного в выражении своих мыслей скромные, но бесспорные заслуги в области естествознания и народно-хозяйства».

Вряд ли правильно называть Данилевского предшественников Освальда Шпенглера и Арнольда Тойнби. Тойнби «Россию и Европу», конечно, читал. А читал ли Шпенглер? Сакраментальный французский перевод «России и Европы» был опубликован в 1890 году. А на немецком языке все книги Данилевского были изданы в 1920 году в Штутгардте. Через два года после публикации книга Шпенглера. Правильнее сказать, что Данилевский получил в XX веке всемирную известность,

благодаря шумному успеху сначала «Заката Европы» Шпенглера, а затем работ Тойнби.

Тот же Соловьев писал, что свои «культурно-исторические темы» Данилевский заимствовал у немецкого историка Генриха Рюккерти. Были, конечно, и другие немецкие историки — их имена Данилевский упоминает в тексте «России и Европы». В общем, Данилевский был знаменит и поэтому заслуживает отдельной главы в этой книге.

Биография его в некотором роде типична: от радикала к либералу или консерватору. Сын генерала, родился в провинции, в детстве много болел, был слаб, на лице нечто вроде «пляски святого Витта». Учился в Царскосельском лицее — кузнице кадров для высшей администрации Российской империи. Типичный представитель «золотой молодежи». Затем — фронда, увлечение социалистической системой Шарля Фурье. После окончания Лицея — учеба вольнослушателем на факультете естественных наук Петербургского университета. Данилевский стал одним из руководителей радикального подпольного кружка М.В. Буташевича-Петрашевского (1846—1848 гг.). Одним из членов кружка был Ф.М. Достоевский, только недавно получивший инженерное образование и позднее ставший знаменитым писателем. Впоследствии сам же он дал кружку свое знаменитое определение — «нигилищина». В то время Данилевский был атеистом и одним из троих в России лучшим экспертом по социализму. Два других — Н.А. Спешнев и К.И. Тинковский (Ставрогин в «Бесах» Достоевского). В его квартире на Васильевском острове дебатировали о Фурье, Сен-Симоне, французской революции. Между тем Данилевский получил степень кандидата по математике, выдержал магистерский экзамен по биологии, влюбился во вдову генерал-майора Веру Николаевну Беклемишеву (урожденная Лаврова), сделал ей «предложение» и, получив согласие, был «на седьмом небе», как писал в мемуарах его друг будущий знаменитый географ Петр Семенов. Окончание университета Данилевский и П. Семенов-Тянь-Шанский (который в то время был еще просто Семеновым) отметили пешим путешествием из Петербурга в Москву. В 1849 году вместе с Петром Семеновым Данилевский занимался изучением черноземных районов России по направлению Свободного экономического общества. И был арестован в Туле по «делу Петрашевского».

Всего по делу привлекли 252 человека. Крупнейшая подпольная организация со времен декабристов. 21 человека при-

говорили к смертной казни. На Семеновском плацу им зачитали приговор, но был совершен только обряд гражданской казни, а затем объявили о помиловании и отправили на долгие годы на каторгу в Сибирь. Еще 23 человека, в том числе и Данилевский, предстали перед юридической комиссией во главе с Я.И. Ростовцевым и получили меньшее наказание. Комиссия даже рекомендовала освободить Данилевского, но Николай I приказал сослать генеральского сына в Вологду.

Все-таки 100 дней в Петропавловской крепости Данилевский отсидел и так навсегда распрощался со своим юношеским радикализмом. В крепости он читал Библию, к нему вернулась религиозность его детских дней, а атеизм, приобретенный в «западническом» Лицее, исчез. Он пришел к выводу: «Надо быть полезным отечеству и себе».

Вологда издавна была местом ссылки. Через 50 лет после Данилевского сюда оказался сослан Николай Бердяев, посвятивший Данилевскому в своей «Русской идее» главу. Здесь Данилевский провел три года, работал в канцелярии местного губернатора, писал статьи для «Вологодских губернских ведомостей» о гидрографии, климате и статистике губернии.

В сентябре 1852 года к нему приехала невеста Вера Беклемишева и они поженились. В ноябре того же года Данилевского перевели в ссылку в Самару. Здесь опять работа в канцелярии губернатора. Жизнь вроде бы начинала складываться, но 10 июня 1853 года от холеры умирает Вера, и 30-летний Данилевский впадает в глубокую депрессию. Длилась она недолго, уже в июне Данилевский принимает участие (в качестве статистика) в организованной Географическим обществом для исследования рыболовства на Волге и Каспийском море «Каспийской экспедиции». Длилась она три года, возглавил ее крупнейший ученый не только России, но и всей Европы Карл Эрнст фон Бэр. После ее окончания Данилевский провел год в Петербурге, обрабатывая собранные экспедицией статистические данные. А затем причисленный к Департаменту земледелия, он отправился руководителем подобной экспедиции на Белое море и Северный Ледовитый океан. Новый, 1861 год встречал в Тронхейме (Норвегия), там же и Пасху.

А в России в это время освободили крестьян. В марте 1816 года экспедиция закончилась, но тут же началась новая, а затем другая. Азовское и Черное моря, Днепр, Маныч, Кубань, Дунай, Архангельск, снова Астрахань, Крым, Псков,

Чудь, Урал, так вплоть до середины 1870-х годов. Географическое общество за выдающиеся заслуги наградило Данилевского своей высшей наградой — Константиновской медалью, и в середине 1870-х бывший государственный преступник составил «законодательство по части рыболовства во всех водах Европейской России», просуществовавшее некоторое время еще и при большевиках. Еще в октябре 1861 года Данилевский вновь женился. На своей знакомой по Вологодской ссылке Ольге Александровне Межаковой (она родила Данилевскому пятерых детей), дочери предводителя Вологодского губернского собрания, помещика села Никольское Кадниковского уезда. В 1867 году он купил в Крыму, между Ялтой и Севастополем, усадьбу Мшатка и, как правило, проводил там зимы, отдыхая от летних экспедиций.

К этому времени он уже уважаемый и респектабельный член общества. Еще в 1857 году, сразу после окончания Каспийской экспедиции он стал получать регулярное жалование в качестве чиновника Департамента земледелия Министерства государственных имуществ. На службе Данилевский преуспел и дослужился до чина действительного статского советника (что соответствовало званию генерал-майора). Как питомец Царскосельского лицея, он имел, конечно, хорошие связи в высших и самых различных кругах — правительственных, научных, деловых, общественных.

Его друзья — либеральный военный министр Александра II Дмитрий Милютин, создатель Русского географического общества Карл-Эрнст фон Бэр, Петр Семенов-Тян-Шанский (однокашник Данилевского по университету), его брат Николай Семенов*.

В своей профессии Данилевский в 1840—1860-е годы добился высоких результатов (В.Соловьев, правда, как говорилось выше, называл их «скромными».) В конце 1850-х — начале 1860-х он стал интересоваться панславизмом и страстно его поддержал. К 1868 году зимними вечерами в Мисхоре в Крыму им была написан знаменитый труд «Россия и Европа», первое и, вероятно, единственное изложение взглядов панславизма. Американский историк польского происхождения Анджей Валкцкий писал в своей книге «История русской общественной мысли»: «Наиболее динамичной и в некотором

*Он играл важную роль в подготовке реформы 1861 года, в 1868 году стал сенатором.

отношении наиболее современной версией русской реакции в 1870-е был панславизм. Движение, направленное заставить царское правительство проводить более агрессивную и шовинистическую иностранную политику, особенно к Турции, чтобы создать мощную федерацию славянских государств во главе с Россией».

Главным активистом в этом движении был Иван Аксаков, а к панславизму Данилевский пришел с помощью своих коллег из этнографической секции Географического общества Н.И. Надеждина (когда-то он публиковал Чаадаева, а в конце жизни стал официальным националистом), А.Ф. Гильфердинга, В.И. Лиманского и других.

Данилевский детально изучил европейскую историю. Если есть Германский союз, то должен существовать и Славянский, со своей столицей — Царьградом (Москва остается столицей России) и династией Романовых во главе. В Славянском Союзе Россия должна сыграть роль Пруссии в Германском — объединить русскую империю с чехо-моравско-славацкими, сербо-хорвато-словенскими, мадьярскими, румынскими и греческими территориями. Польшу, «потерявшую свою славянскую душу», Данилевский в Славянский союз не включил — вопрос о ней оставил открытым.

«Россия и Европа» была опубликована в 1869 году в 10 номерах нового ежемесячного журнала «Заря», редактором которого был друг Ф.М. Достоевского Н.Н. Страхов. В 1871 году она вышла отдельной книгой тиражом в 1200 экземпляров и медленно распродалась в течение 15 лет! Соратник Данилевского по кружку Петрашевского Достоевский прочитал номер «Зари» с началом «России и Европы» во Флоренции, где заканчивал «Идиота», и пришел в восторг. 20 марта 1869 года в письме к племяннице С.А. Ивановой он писал: «Это редкая вещь. Данилевский был прежде социалист и фурьерист, замечательнейший человек и тогда еще, когда попался, двадцать лет тому назад, по нашему делу; был удален и вот теперь воротился вполне русским и национальным человеком. До сих пор он ничего не писал. (Его статью я Вам особенно рекомендую)». Более развернуто Достоевский писал Страхову: «Статья же Данилевского, в моих глазах становится все более и более важной и капитальной. Да ведь это — будущая настольная книга всех русских надолго <> Она до того совпала с моими собственными выводами и убеждениями, что я даже изумляюсь, на иных страницах сходству выводов». Далее

Достоевский писал: «Я все еще не уверен, что Данилевский укажет в полной [силе] окончательную сущность русского призвания, которая [есть] состоит в разоблачении перед миром Русского Христа, миру неведомого, и которого начало заключается в нашем родном Православии. По-моему в этом вся сущность нашего будущего цивилизаторства и воскрешения хотя бы всей Европы и вся сущность нашего могучего будущего бытия». И далее: «Не может такое строгое, такое русское, такое охранительное, зиждительное направление журнала не иметь успеха и не отозваться радостью в читателях, после нишего, жалкого, напускного с раздраженными нервами, одностороннего и бесплодного отрицания».

Но в обществе книга успеха не имела. (Второе субсидированное издание вышло только в 1888 году, через три года после смерти Данилевского.) Панславизм Данилевского оставался пустой мечтой до тех пор, пока не началось восстание балканских христиан против Турции. Зимой 1876—1877 года славянофил Кошелев записал в дневнике: «Никогда не было в России так много славянофилов, как теперь».

Панславизм на короткое время получил поддержку в российском обществе. Его страстно поддерживал Достоевский. Иван Аксаков стал ведущей общественной фигурой. Эйфория быстро прошла. Правительство объявило войну Турции, но панславизма не только не приняло, но выслало Аксакова из Москвы и распустило Славянский комитет. Отвергли панславизм и малые нации. Идеи панславизма некоторым образом осуществил впоследствии лишь Сталин. Американский историк чешского происхождения Ганс Кон* писал в своей книге «Панславизм. Его история и идеология»: «Границы Панславянского Союза, предложенные Данилевским, совпали с границами 1945 года. Сталин сделал на один шаг больше, захватив Кёнигсберг. То, что Греция и Константинополь не вошли в эти границы, не сталинская ошибка». Сталин, конечно, пытался (с помощью греческих коммунистических партизан и угрожающих дипломатических нот Турции) захватить эти страны, но перед «доктриной Трумена» пришлось отступить.

*Кон вырос в Праге — «поле битвы германской и славянской цивилизации», в 1915—1928 годах находился в Сибири как военнопленный и член Чехословацкого легиона, затем слушал лекции в Праге, Париже, Лондоне, 10 лет жил в Иерусалиме, где написал несколько книг о национализме на Среднем Востоке, с 1933 года — профессор в США.

Американский социолог и мыслитель русского происхождения Питирим Сорокин* согласен с Гансом Коном: «Если выбросить марксистскую терминологию и другие второстепенные детали из политики и идеологии советских лидеров, можно обнаружить, что идеи Данилевского и советских лидеров существенно схожи.

В этом смысле наиболее консервативные славянофилы и члены Коммунистического Политбюро могут пожать друг другу руки. Возможно, этот факт имеет гораздо больше симптоматических совпадений, чем только исторические совпадения».

Гораздо больший отклик, чем панславизм Достоевского, имела его теория культурно-исторических типов цивилизации. Но в целом, конечно, картина европейской и мировой мысли, не будь «России и Европы» Данилевского, осталась бы той же самой.

Отбросив традиционное деление истории на древнюю, среднюю и новую, Данилевский выделил десять самобытных цивилизаций или культурно-исторических типов и расположил их в хронологическом порядке:

1. Египетский.
2. Китайский.
3. Ассирийско-вавилонско-финикийский, халдейский или древне-симиитический.
4. Индийский.
5. Иранский.
6. Еврейский.
7. Греческий.
8. Римский.
9. Ново-симиитический или аравийский.
10. Германско-романский или европейский.

По мнению Данилевского, только народы этих культурно-исторических типов были положительными деятелями в истории. К этим десяти культурно-историческим типам Данилевский добавляет еще два, с его точки зрения сомнительных: американский и перуанский. Данилевский сделал псевдонаучный «антропологический» анализ славянства.

* В 1922 году Сорокина выслали из Советской России вместе с историками А.Кизеветтером, В.Мякотинным и другими 500 видными русскими учеными, писателями, общественными деятелями — противниками большевиков.

«Европеизм» господствует в России 200 лет», — пишет он. Уже названия глав книги полемически заострены: «Почему Европа враждебна России?» (глава II), «Гниет ли Запад?» (глава VII), «Европейничанье — болезнь русской жизни» (глава XI) и т.д.

Данилевский выступил пророком русского мессианизма, признавая четыре разряда культурно-исторической деятельности: религиозный, культурный, политический и социально-экономический, он считал, что культурно-исторические типы могут проявить себя только в одном—трех видах культурно-исторической деятельности, но только Россия может осуществить все четыре вида деятельности.

История показала, что Данилевский ошибся и в отношении Америки, и в отношении России. С 1940-х годов XX века развитие мира осуществилось под «знаком США», и в XXI веке они остались единственной супердержавой.

Стоит попутно отметить любопытную деталь. Данилевский считал, что Америка права, и призывал следовать ее примеру. Он писал: «Америка считает между своими великими людьми одного человека, который не освободил ее от чужеземного ига (как Вашингтон), не содействовал к утверждению ее гражданской и политической свободы (как Франклин, Адамс, Джефферсон), не освободил негров (как Линкольн), а произнес только с высоты президентского кресла, что Америка принадлежит американцам, — что такое вмешательство иностранцев в американские дела сочтут Соединенные Штаты за оскорбление. Это простое и незамысловатое учение носит славное имя учения Монро и составляет верховный принцип внешней политики Соединенных Штатов. Подобное учение должно бы быть и славянским лозунгом...»

В современной России книгу Данилевского «Европа и Россия» переиздают довольно часто. Только в 2002—2003 годах вышло как минимум три ее издания. С самыми комплиментарными предисловиями.

В русском зарубежье творчеством Н.Я. Данилевского занимался американский профессор Юрий Иваск. Еще в 1966 году он опубликовал «Россию и Европу» на русском языке в США. Во вступительной статье он определил место Н.Я. Данилевского так: «Шпенглер духовнее, культурнее Данилевского. Он выдающийся европейский гуманист, и Данилевский только ученик-естественник, политический публицист и практик-хозяйственник».

Один из лучших знатоков России, немецкий историк Клаус Гротузен назвал Данилевского: «Дюрер русского панславизма». В общем, споры продолжаются.

Литература

Семенов-Тянь-Шанский П.П. Мемуары. Петроград, 1917.

Десницкий В.А. Дело петрашевцев. М., 1941. Т. 2.

Страхов Н.Н. Жизнь и труды Н.Я. Данилевского // Данилевский Н.Я. Россия и Европа. 5-е издание. СПб., 1895. С. IX—XXXI.

Достоевский Ф.М. Письма. Т. II. 1867—1871. Под ред. и с примечаниями А.С. Долинина. М.-П., 1930.

«К ЧЕМУ НЕВОЛЬНИКУ МЕЧТАНИЯ СВОБОДЫ»

Чичерин Борис Николаевич

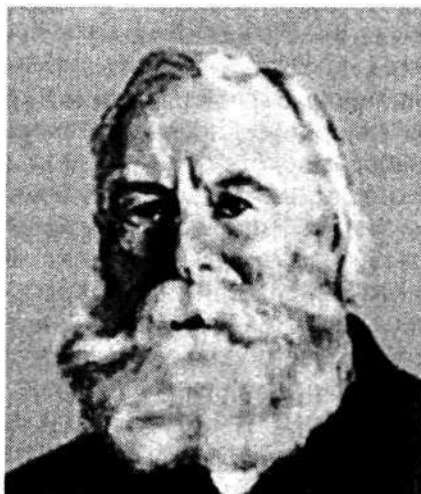
*[26.05(07.06).1829, Тамбов — 03(16).02.1904, село Караул
Кирсановского уезда Тамбовской губернии]*

«Иностранцы не знают о Чичерине ничего, а ведь он Нестор русской государственности», — писал в 1934 году уже в эмиграции бывший ректор Киевского университета Святого Владимира, юрист и историк Е.В. Спекторский.

«Государственная школа» русских историков — это С.М. Соловьев, К.Д. Кавелин, Б.Н. Чичерин и более десяти более молодых историков «второго ряда» — А.Д. Градовский, И.Е. Забелин, В.И. Сергеевич, Е.М. Дмитриев, Н.В. Калачов, Н.И. Хлебников, Ф.И. Леонтович, А.И. Никитский, Н.В. Полежаев, А.Ф. Тюрин, Н.П. Загоскин.

Государственная или «юридическая» или «историко-юридическая» школа, как еще ее называют, возникла в период 1838—1848 годов и доминировала до 1880-х. «Замечательное десятилетие», как называл его Павел Анненков. Суть концепции «государственников» — ключевая роль в историческом прогрессе в России — принадлежит государству.

Карамзин или другой менее крупный известный историк — петербуржец Н. Бестужев-Рюмин (ученик Грановского) не создал «школы». Они не имели всеобщей концепции, ограничивались историей правителей-царей. Первая группа русских историков, получивших название «школы» — «скептическая школа» (К.Ф. Киялович и др.), — сосредоточила свое внимание на архивных источниках и тоже не дала концепции русской истории.

1840-е года — это время знаменитого спора славянофилов и западников. История в этих спорах занимала значительное место, это и способствовало кристаллизации взглядов государственников. Соловьева, ввиду того, что он написал свою монументальную «Историю России» и занял совершенно исключительное место, некоторые историки даже исключают из «государственной школы», как «не вмещающегося» в ее узкие рамки.

Б.Н. Чичерин происходил из старинного русского дворянского рода. Его основателем был Афанасий Чичерини, прибывший в Московию из Италии в 1472 году в свите Зои Палеолог, которая вышла замуж за великого князя Московского Ивана III и стала великой княгиней Софьей. Превратившись в Чичериных, потомки Чичерини занимали видное место при дворе московских князей и царей. Их земельные владения были не меньше, а то и больше царских.

Борис Николаевич Чичерин стал самым знаменитым представителем рода в XIX веке. Он был старшим сыном известного либерала и аристократа Николая Васильевича Чичерина (1801—1860). Кроме Бориса в семье было еще семеро сыновей и одна дочь — мать будущего советского наркома по иностранным делам Георгия Чичерина, знаменитейшего из Чичериных уже в XX столетии.

О своей жизни Б.Н. Чичерин написал обширные «Воспоминания», которые были частично опубликованы в четырех книгах в 1929—1934 годах в Москве. Они представляют значительный интерес и после 1985 года неоднократно переиздавались. Эмигрант Е.Н. Спекторский не зря писал, что иностранцы не знают Б.Н. Чичерина. В России его имя и деятельность были постоянно «на слуху» и в центре внимания. Еще при его жизни о нем уже были написаны книги, а год смерти Чичерина совпал с выходом книги П.Н. Новгородцева о нем.

Имя и вклад Б.Н. Чичерина в русскую науку сохранили в эмиграции, помимо Е.В. Спекторского, также Георгий Гурвич и Максим Лазерсон*, писавшие на немецком языке.

В 1962 году немецкий ученый Клаус Детлов Гротузен опубликовал книгу о русской «государственной» школе, она во многом и поныне остается классической. В 1968 году в Гарвард-

* Оба юристы и социологи, ученики М.М. Ковалевского по Петербургскому университету.

ском университете Самнер Бенсон защитил докторскую диссертацию по Чичерину, а в 1975 году на ее основе опубликовал книгу. Через 9 лет появилась монография о Чичерине и в Москве, ее автором был В.Д. Зорькин, позже ставший председателем Конституционного суда РФ.

Автор статьи о Чичерине в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона выдающийся ученый-философ Эрнст Леопольдович Радлов уместил его биографию в 8 строчек и 14 страниц посвятил разбору его учений о праве и государстве. Место же и значение Чичерина Радлов определил так: «Чичерин — один из наиболее выдающихся представителей не только русской, но и общественной мысли».

Опубликованная часть «Воспоминаний» Чичерина начинается с его приезда в Москву в 1845 году и поступления в Московский университет. Та часть, в которой рассказывается о детстве, не опубликована и хранится в Государственном архиве Российской Федерации в Москве. Поэтому мы не знаем, каким было «утро» (детство) Чичерина, определяющее, по словам Мильтона, то, каким будет «день» (жизнь).

В университете он учился на юридическом факультете (единственный факультет в то время, достойный названия факультета) и был любимым учеником Грановского. Американский эксперт по Чичерину, профессор из университета Нотр-Дам (Индиана), ИМЯ отметил: «Чичерин был также первым серьезным историком русского провинциального управления. Его анализ административного управления России в XVII веке демонстрирует не только эффективность политики московских властей в провинции, но и пределы его власти. Степень автономии русской провинциальной жизни, которую государству было нелегко разрушить».

Естественно, стал западником и противником славянофилов и их исторических концепций. Уже его магистерская диссертация «Областные учреждения России в XVIII веке» «антиславянофильская». В противовес славянофилам Чичерин утверждал в ней, например, что Петр I — это не «разрыв» русской истории, что Россия всегда следовала одним путем с Западом и что «централизованное, светское государство — органическое следствие русской истории». Несмотря на «академические» интриги, диссертацию защитить удалось, но опубликована она была только после смерти Николая I в 1856 году.

В том же 1856 году в либеральном московском журнале «Русский вестник» Чичерин опубликовал вызвавшую большой резонанс статью «Обзор исторического развития сельской общины в России». В ней вновь был брошен вызов славянофилам по многим вопросам развития столь дорогой их сердцу русской общины. Чичерин утверждал, что сельская община отнюдь не древнерусский органический продукт, а результат правительственной политики в XVI веке, и что практика передела земель даже еще более современна и появилась при Петре I.

В «Воспоминаниях» Чичерин это свое противостояние со славянофилами описал хорошо и подробно описал. Впоследствии исследования других историков (например, Александры Яковлевны Ефименко — первой в России женщине почетном докторе русской истории — о крестьянском землевладении на севере России) подтвердили выводы Чичерина.

Кроме полемики со славянофилами Чичерин разрабатывал пути будущего развития в России. Вместе с Кавелиным он составил и опубликовал в 1855 году в заграничном издании Герцена и Огарева «Голоса из России» первую печатную программу русского либерализма — «Современные задачи русской жизни».

Программа свелась к семи пунктам: 1) освобождение крестьян с землей; 2) свобода совести; 3) свобода слова и прессы. Программа была тоже опубликована Герценом за границей. Чичерин отстаивал мирные, не революционные пути ее осуществления, что Герцену не могло нравиться. В России же программу всеми силами и разных формах отстаивали Чичерин, Кавелин, Соловьев, Градовский. С Герценом произошел разрыв, тем более что Чичерина крайне возмущала деятельность Чернышевского. Сам Чичерин несколько лет до «Великой реформы» 1861 года провел в заграничных поездках и полемике с «левым лагерем». Реформа осуществила его чаяния, он назвал ее «лучшим памятником русского законодательства» и в 1861 году стал профессором на кафедре государственного права в Московском университете.

Приняв для себя лозунг «Закон и порядок», Чичерин осудил студенческие волнения осени 1861 года. Как и многие другие, он на стороне властей в период польского восстания 1863—1864 годов. Даже с наиболее близким по взглядам человеком Кавелиным Чичерин в это время расходится и рвет отношения. Отношение Кавелина к событиям в Польше было

противоречиво, Чичерин же свою позицию изложил четко и убедительно: «Пример Польши чрезвычайно назидателен. Подобно Финляндии, она была соединена с Россией и имела свою особую конституцию, но в то время как Финляндия удержала свою политическую самостоятельность и особое устройство, Польша, не наученная горьким опытом прошлого, совершила такие безумные акты, как революции 1830 и 1863 годов, и окончательно потеряла свою независимость. Тем не менее, политическая роль ее не кончена; народ, живший исторической жизнью, богато одаренный природой и одушевленный несокрушимой любовью к отечеству, не исчезнет с лица земли. Покорившись внешней силе, польский народ сохранил свою духовную самостоятельность, с ним придется еще считаться. Человек, сочувствующий Польше и желающий ей возрождения, не может не сказать, однако, что оно возможно лишь в таком случае, если уроки истории послужат ей на пользу».

В соответствии со своими взглядами Чичерин подвергал критике как социализм, так и не ограниченную ничем монархию. Из всех мыслящих русских людей второй половины XIX века он, пожалуй, больше чем кто-либо впитал западные либеральные идеи. Еще до «Великой реформы» 1861 года он опубликовал две важные и многоговорящие для понимания его взглядов и стремлений работы: «Очерки истории Англии и Франции (М., 1858) и в том же году «Опыты по истории». Он хорошо знал, как «работают» западная и российская «системы управления», и когда в 1868 году правительство лишило его кафедры, Чичерин не уехал за границу (как позднее сделал другой знаток английского конституционализма М.М. Ковалевский), а отправился в свое тамбовское поместье. Напоследок он еще смог в 1868 году защитить в качестве докторской диссертации книгу о «народном представительстве» (М., 1866). Эта работа Чичерина считается главной публикацией «государственной мысли».

Просвещенный консерватор, приверженец «закона и порядка», он не был, однако, и чересчур государственным. Никаких крайностей. Его кредо «личность составляет краеугольный камень всего общественного здания» направлено как против социалистов, так и против власти придерживающей. Радлов излагал взгляды Чичерина так: «Социалисты требуют равенства, но если формальное равенство, или равенство перед законом, составит требование свободы, то материаль-

ное равенство, или равенство состояний, противоречит свободе. Как свободное существо, великий человек, одинаково с другими, является независимым источником деятельности; но так как материальные и умственные силы и способности людей, их наклонности, их положения, наконец те условия, среди которых они действуют, не равны, то и результаты их деятельности не могут быть одинаковы. Свобода необходимо ведет к неравенству состояний. Уничтожить неравенство можно только подавив свободу, из которой оно истекает, искоренив в человеке самостоятельный центр жизни и деятельности и превратив его в орудие общественной власти, которая, налагая на всех общую марку, может, конечно, установить общее равенство, но равенство не свободы, а рабства. Не право на пользование жизненными благами, а право на свободную деятельность для приобретения этих благ принадлежит человеку; действительное же осуществление этого права, будучи предоставлено свободе, столь же разнообразно, как сами свойства, наклонности, чувства, мысли и положения людей. В этом присущем самой природе человека неравенстве выражается общий закон мироздания: природа повсюду установила неравенство сил, свойств и положений, ибо только этим путем проявляется все бесконечное разнообразие жизни (принцип индивидуальности). Задача права — не уничтожить разнообразие, но сдерживать его в должных границах, мешая естественному неравенству перейти в неравенство юридическое, мешая свободе одного посягать на свободу других. Конечно, люди могут нуждаться в помощи, но этому требованию удовлетворяет уже не право, а иное начало — любовь, нравственность. Закон любви есть закон свободы; юридическая любовь есть нелепость, и нелепость безнравственная, ибо она извращает нравственный закон, делая его источником насилия и принуждения. Из этого ничего не может произойти, кроме самых безобразных явлений; здесь кроется источник всех гонений на совесть; здесь коренятся и те превратные учения, которые, под видом всеобщего братства, требуют полного подавления человеческой личности. Несомненно, что идеалом общежития является такая форма его, где царствует наибольшая степень свободы личности и где нравственный закон господствует над всеми отношениями. Приблизиться к этому идеалу можно лишь последовательной работой многих поколений, причем необходимо всегда соотноситься с местными и временными условиями, а главное —

не забывать, что вести человечество к идеалу можно лишь путем свободы, так как мысль об осуществлении царства Божия на земле действием внешней власти и путем принуждения представляет собой полное извращение нравственного закона. Это та мысль, которая зажигала костры инквизиции и заставляла истреблять тысячи людей во имя религии милосердия и любви».

Эти взгляды Чичерина были гласом вопиющего в пустыне. В «обществе» господствовали свои противоположные взгляды — радикальные, революционные. А что же власть? Прислушалась ли она к Чичерину? Тоже нет. Чичерин же дал описание современной России и прогноз на будущее: «В России реформы Александра II составляют фундамент, на котором основана вся ее будущность; великие принципы свободы личности, независимого суда, участия общественных сил в управлении и суде, свобода науки, совести, слова и т.д. были провозглашены при обстоятельствах беспримерных во всемирной истории и привели к реформам, делающим величайшую честь русскому народу. Общество, долго сдавленное и внезапно выпущенное на простор, потеряло, к несчастью, внутреннее равновесие; в происшедшем брожении всплыли наверх худшие элементы, понятия перепутались, и в результате явился ряд самых ужасных преступлений, закончившийся убийством монарха, благодетеля всего народа. Следствием этого явилась реакция, и общество погрузилось в какую-то тупую апатию. Нет сомнения, однако, что это состояние временное. Преобразования Александра II содержат в себе семена разумной свободы и правильного развития, которые рано или поздно принесут свои плоды; господство осадного положения не может быть вечно. Не беспрекословное повиновение, отжившее свой век и показавшее свою несостоятельность, а свободный союз правительственных и общественных сил на почве взаимного доверия должен быть знаменем всякого образованного русского человека, любящего свое отечество; в этом заключается вся будущность России».

Расставшись с университетом (после конфликта с властями), Чичерин более 30 лет посвятил работе в земском самоуправлении: в Тамбовской губернии. Своей работой в земстве Чичерин пытался доказать правильность этих своих взглядов на практике. В 1882 году он был выбран городским головой Москвы, но уже в следующем году покинул этот пост — слишком независим, милостей от властей не искал. Он стал одним

из первых историков земств. В год его смерти, в 1904 году вышла очередная книга «Вопросы политики», посвященная в основном деятельности земств в 1890-х годах, а в 1934 году были опубликованы «Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина: Земства и Московская Дума».

В конце 1860-х годов Чичерин женился на Александре Алексеевне Капнист. У них была дочь Ульяна. Родовое имение Чичериных после октября 1917 года было превращено в музей, многие экспонаты которого ранее принадлежали Чичериным. В 1987 году значительная часть коллекции из Караула была передана в Тамбов, в новый музей, посвященный племяннику Б.Н. Чичерина — советскому наркому иностранных дел Г.В. Чичерину.

Борис Николаевич Чичерин с детства любил стихи своего земляка-тамбовца поэта Евгения Боратынского: «К чему невольнику мечтания свободы». Возможно, они и повернули его к главному вопросу русской жизни...

Литература

Спекторский Е.Н. Государственная философия Б.Н. Чичерина. 1934.

Фатеев Ар. Б.Н. Чичерин. Харьков, 1902.

Новгородцев П.И. Б.Н. Чичерин. М., 1904.

Струве П.Б. Чичерин и его обращение к прошлому // На разные темы. (1893—1901). СПб., 1902.

Криницкая Г.С. Историческая концепция Б.Н. Чичерина. Томск, 2001.

Зорькин В.Д. Чичерин. М., 1984.

«ПУШКИН РУССКОЙ ИСТОРИИ»

Ключевский Василий Осипович

[16(28).01.1841, село Воскресенское Пензенского уезда Пензенской губернии — 12(25).05.1911, Москва].

Похоронен на кладбище Донского монастыря.

«Ключевский был, вероятно, наиболее знаменитым и любимым лектором по русской истории. Вероятно, только Тимофей Николаевич Грановский (1813—1855), профессор европейской истории в Московском университете и ведущий западник, воздействовал на слушателей с такой же артистичной, интеллектуальной и эмоциональной силой.

Но Грановский прочитал только краткую серию публичных лекций избранному кругу слушателей, в то время как Ключевский читал свои лекции в переполненной студентами аудитории в течение десятилетий. Часто аудитория была заполнена еще за несколько часов до начала лекции», — писал Николай Валентинович Розановский в 1988 году в статье о Ключевском для американской энциклопедии.

Действительно, Ключевский — крупная веха в русской историографии. И как писал Розановский, Ключевский вместе со своим учителем и предшественником по кафедре русской истории Московского университета С.М. Соловьевым, «...вероятно, наиболее влиятельные историки в русской науке, и очень возможно, что Ключевский лучший из двух». В СССР их обоих клеймили как «буржуазных ученых».

Пушкин в поэзии, Ключевский в истории. Ключевский был Пушкиным русской истории. Мы говорим: «Россия Пушкина». «Россия Ключевского» — заглавие статьи Георгия Федотова,

написанной в эмиграции. И не случайно. Пушкин воспитал душу Ключевского. Много лет спустя в статье, посвященной 50-летию со дня смерти Пушкина, он напишет о воздействии на его, юношу, «Евгения Онегина»: «Он не был для нас только роман в стихах, случайное и мимолетное литературное впечатление: это было событие нашей молодости, наша биографическая черта, перелом развития, как выход из школы или первая любовь». Многие фразы из «Евгения Онегина» стали крылатыми, многие афоризмы (их около тысячи) Ключевского стали знаменитыми: «Государство пухло, а народ нищал», «Жизнь ученого измеряется количеством его книг», «Екатерина, которую ее современники называли «Великой», «История России есть история страны, которая колонизируется» и т.д. Можно целую книгу составить. О своем коллеге по университету лингвисте Ф.Е. Корше как-то сказал, что тот был главным секретарем при вавилонском столпотворении, а ученикам своим говорил: «Сам приходи» (то есть все постигай сам).

Русской истории повезло больше, чем русской поэзии. Молодыми погибли ее главные поэты — Пушкин, Лермонтов, Блок, Гумилев, Мандельштам. «Учеников» у них не было и быть не могло, да и не переводима поэзия на иностранные языки. Знаменитый «Курс русской истории» Ключевского в пяти томах еще в 1911—1931 годах был издан на английском в Лондоне, в 1924—1925 годах четыре тома изданы на немецком в Берлине, в 1945-м — пять томов в Цюрихе.

В случае же с Ключевским, пожалуй, можно говорить лишь о формальных учениках. Но их положительное (если оно и было) воздействие на студентов прекратилось уже к концу 1920-х. Один из студентов истфака МГУ 1947—1952 годов И.И. Орлик вспоминал, что имя Ключевского им «...было известно, но работ его мы тогда не читали». А ведь речь шла о курсе, на котором учились будущие столпы русской исторической науки академик И.Д. Ковальченко, многолетний декан истфака МГУ Ю.С. Кукушкин и другие.

После смерти С.М. Соловьева в 1879 году Ключевский возглавил кафедру русской истории в Московском университете. При Ключевском около 30 человек были оставлены на кафедре писать диссертации и готовиться к профессорскому званию, чтобы преподавать в университете. Шестеро из них защищали свои магистерские диссертации перед Ключевским:

П.Н. Милюков (1892), кадет;

М.К. Любавский (1894), октябрист;

Н.А. Рожков (1900), народник, большевик;

М.М. Богословский (1902), октябрист;

А.А. Кизеветтер (1903), кадет;

Ю.В. Готье (1906), кадет.

О троих из них рассказывается в этой книге. Еще двое студентов Ключевского — М. Карпович и Г.В. Вернадский, оказались после 1917 года в США и стали отцами-основателями американской россики в Гарвардском и Йельском университетах. Воспитали десятки крупнейших американских специалистов по России.

Милуков в эмиграции возглавил парижскую группу русских историков, Кизеветтер — пражскую. Из песни слов не выкинешь: двое учеников Ключевского получили Сталинские премии, пятеро стали членами сталинской Академии наук. Любавский, Рожков, Готье прошли при большевиках через аресты, тюрьмы, ссылки. Академик Любавский умер в уфимской ссылке. Еще один ученик Ключевского — Михаил Покровский — стал вскоре после революции главой марксистской историографии. На его совести многое, и о нем отдельная глава.

Сам Ключевский был, в общем-то, лоялен правительству, церкви. Пытался пройти в Первую Государственную Думу по кадетско-октябристскому списку, — не прошел.

Василий Осипович Ключевский родился через три года после смерти Пушкина. Ему было 14 лет, когда умерли Грановский, Николай I и Россия потерпела поражение в Крымской войне. Какое образование мог получить сын бедного провинциального священника? Тем более что отец погиб, когда мальчику было девять лет. Анатолий Мазур в своей книге пишет, что начальное образование Ключевского состояло в чтении Библии. Детство «поповича» прошло в сельской местности и в Пензе, и это наложило отпечаток на его будущие исторические исследования, в которых хорошо знакомое ему крестьянство занимало немалое место.

Ему было 20 лет, когда в России было отменено крепостное право и начались «Великие реформы». Ключевский учился в пензенской семинарии, бросил ее и в 1861 году отправился в Москву в университет изучать историю. «Был ли кто беднее меня», — вспоминал потом он о годах студенчества. В университете слушал лекции С.М. Соловьева, Б.Н. Чичерина, К.П. Победоносцева. Стал учеником Соловьева, был оставлен при кафедре. От Соловьева получил импульс для написания

своих первых, важных работ: кандидатской диссертации «Сказание иностранцев о Московском государстве», магистерской «Древне-русские жития святых, как исторический источник» (1871). Свою докторскую диссертацию «Боярская Дума Древней Руси» Ключевский защитил уже после смерти Соловьева в 1882 году. «Боярская Дума» стала одной из главных книг русской исторической литературы. Ключевский исследовал записи Боярской Думы от X до XVII столетия от начала и до конца. Если юридическая наука считала князя единственной движущей силой национальной жизни, то Ключевский, показав читателю историю Думы на фоне сельскохозяйственного развития страны (особенно Юга), развития торговых отношений (особенно на Северо-Западе), сделал противоположный вывод: социальный порядок создавался народными действиями еще до появления княжеской власти как высшего авторитета.

Сергей Васильевич Рождественский писал: «В этом своем центральном труде специальную тему о Боярской Думе, «маховом колесе» древнерусской администрации, К(лючевский) связал с важнейшими вопросами социально-экономической и политической истории Руси до конца XVII века, выразив таким образом то цельное и продуманное понимание этой истории, которое легло в основание его общего курса русской истории и специальных его исследований. Ряд капитальных вопросов древнерусской истории — образование городских волостей вокруг торговых центров Великого водного пути, происхождение и сущность удельного порядка в северо-восточной Руси, состав и политическая роль Московского боярства, московское самодержавие, бюрократический механизм Московского государства XVI—XVII веков — получили в «Боярской Думе» такое решение, которое отчасти стало общепризнанным, отчасти послужило необходимой основой разысканий последующих историков».

Докторская диссертация «Боярская Дума» печаталась сначала в журнале «Русская мысль», а в 1882 году вышла отдельным изданием. Для русской исторической науки «Боярская Дума» — как «Евгений Онегин» для поэзии. 50 лет спустя, в 1932 году, Георгий Федотов писал уже в эмиграции: «Читающая Россия впервые ознакомилась, в художественном воплощении, с совершенно новой схемой русской истории. В «Боярской Думе» заключены основы всего знаменитого курса, который студенты Московского университета могли слушать с

1879 года. С тех пор схема Ключевского царствует почти неограниченно. Это не одна из многих, а единственная русская история, на которой воспитаны два поколения русских людей. Специалисты могли делать свои возражения. Для всех нас Россия в ее истории дана такой, какой она привиделась Ключевскому».

А тогда, в 1882 году газеты печатали подробные отчеты о докторской диссертации Ключевского. Максим Ковалевский написал целый фельетон в «Голосе». Николай Рязановский назвал время от Соловьева—Ключевского до Первой мировой войны и большевистской революции — «золотым веком русской историографии». Он же отметил, что трудно говорить о существовании «школы» Ключевского в русской историографии. В том смысле, что были некие «ученики», следующие за своим мастером.

Свою преподавательскую деятельность Ключевский начал в 1867 году в возрасте 26 лет. Стал преподавать русскую историю в Александровском военном училище, Московской духовной академии, Высших женских курсах Герье (1872). Его имя и лекции становятся широко известны в Москве. Со всех концов России молодые люди едут в Москву — изучать историю России у Ключевского.

В 1879 году его приглашают занять кафедру умершего Соловьева. Очень быстро лекции 38-летнего Ключевского становятся настолько популярны, что нет смысла назначать (в то время когда читает свой курс истории России Ключевский) лекции другим профессорам (Ключевский стал профессором в 1882 году). Их аудитории будут просто-напросто пусты. Все будут на лекции Ключевского. Его имя притягивало как магнит. С 1900 года он читал лекции еще и в училище живописи, ваяния и зодчества.

Оратор он был выдающийся. Цветистая, необычная «пензенская манера речи», юмор, богатство информации. Ключевский не только хорошо говорил, но так же хорошо писал. Каждая его статья в «Русской мысли», ведущем русском журнале того времени, составляла событие; но как писал Венедикт Мякотин еще при жизни Ключевского: «Сохраняя и здесь свойственный ему талант изложения, К[лючевский] отходил в этих статьях все далее и далее от научной почвы, хотя и пытался удержать ее за собою. Отличительной их чертой служит националистический оттенок взглядов автора, стоящий в тесной связи с идеализацией московской старины XVI—

XVII веков и оптимистическим отношением к современной русской действительности».

Самая знаменитая книга Ключевского «Курс русской истории» в пяти томах. Она подвела итог развитию всей русской историографии: трудам Татищева, Щербатова, Карамзина, Соловьева. «Курс» — вершина не только русской историографии, но и русской литературы. А если шире, то и русской цивилизации. И это сделал попович, плебей.

Ученик Ключевского — Александр Кизеветтер писал в 1923 году уже в эмиграции, что Ключевский мало заботился о публикации своего курса, который он из года в год читал студентам. Не до этого было, надо готовиться к лекциям. В.А. Маклаков писал в своих мемуарах, что однажды группа студентов обратилась к историку с просьбой прочитать лекцию о Некрасове. Ключевский сначала согласился, но потом отказался, узнав, что лекцию надо прочесть в течение месяца. Объяснил, что за такой краткий период не сможет подготовиться к ней: «Прочитать лекцию не долго, не долго ее написать, долго ждать, чтобы «наклюнулась» тема» <> Ключевский не допускал мысли о том, чтоб он мог читать раньше, чем через полгода».

Между тем лекции студентами записывались, слава о них распространялась по всей России. Обычно он читал свой курс полной русской истории в течение двух лет по две двухчасовые лекции в неделю, всегда — по средам и субботам. Кизеветтер вспоминал: «В один год прочитывался период от начала Руси и кончая царствованием Ивана Грозного; во второй год — период от Смутного времени и кончая реформами Александра II <> Этот курс пленял неотразимо необыкновенным сочетанием силы научной мысли с художественной изобразительностью изложения и с артистическим искусством произнесения. Те, кто слушал этот курс из уст самого Ключевского, хорошо знают, каким существенным дополнением к его словам служили интонации его голоса. Когда я начинаю теперь читать его печатный курс, мне неизменно слышатся эти интонации. Они неразрывно сплелись для меня с самими словами курса, и я не могу отрешиться от той мысли, что без этих интонаций читатель печатного текста этих лекций даже и не может вникнуть во всю многозначительность их содержания. В Ключевском органически сочетались глубокий ученый, тонкий художник слова и вдохновенный лектор».

артист. Вот почему он был поистине гениальным профессором».

Он гениально, пророчески предвидел будущее. В 1895 году после смерти Александра III Ключевский сказал Кизеветтеру: «Помните мои слова: Николаем II закончится Романовская династия; если у него родится сын, он уже не будет царствовать». Но тот же Кизеветтер пишет: «Ключевский по смерти Александра III сказал хвалебную речь о покойном государе в заседании общества истории и древностей, а потом повторил ее в университете с кафедры. Студенты освистали его за эту речь, а либеральные общественные круги резко порицали его, видя в этом его выступлении прислужничество перед двором <> Время было такое, что речь эта была принята всеми, как выражение самого ретроградного духа, и популярность Ключевского на время сильно пошатнулась».

В то же время В.О. Ключевский не был политиком и мог позволить себе говорить то, что считал нужным. Только в конце жизни он стал готовить свой «Курс русской истории» к публикации. Вышло четыре тома (1 том вышел в 1904 году, 4-й в 1909 году и был посвящен памяти умершей 21 марта 1909 года жены историка — Анисии Михайловны Ключевской). Успех был огромный, переиздания следовали одно за другим. Ключевский стал наиболее авторитетным и популярным автором национальной русской истории. Последний, пятый, том «Курса» (от Екатерины II до Николая I) был подготовлен и издан его учеником Я.Л. Барсковик в 1922 году.

Так завершились усилия русских историков (начиная с Тащива) по написанию общего курса русской истории.

Главным фактом русской истории Ключевский считал колонизацию. «История России есть история страны, которая колонизируется. Область колонизации в ней расширялась вместе с государственной ее территорией. То падая, то поднимаясь, это вековое движение продолжается до наших дней». В общем-то, этот тезис выдвинул еще С.М. Соловьев. С фактом колонизации в близкой или отдаленной связи состоят и все другие факты нашей истории. В соответствии с колонизацией Ключевский разделил историю России на четыре периода:

1-й период: VIII—XIII века — Русь Днепровская, городова, торговая;

2-й период: XIII — середина XV века — Русь Верхневолжская, удельно-княжеская, вольно-земледельческая;

3-й период: середина XV века — второе десятилетие XVII века — Русь Великая, Московская, царско-боярская, военно-земледельческая;

4-й период: начало XVII — середина XIX — Всероссийский период, императорско-дворянский.

Каждому из этих периодов соответствуют свои общественно-политические отношения.

Этот пятитомник — главное достояние российской исторической науки. Кизеветтер считал «Курс» также величайшим шедевром русской литературы. Действительно, портреты персонажей русской истории написаны с большим литературным мастерством, а главное — правдиво. «Курс» свободен от помпезности и предвзятости, мелодраматической риторики, в нем нет и следа национального самодовольства. И написан он очень русским, плоть от плоти Руси человеком.

За границу Ключевский так ни разу и не удосужился съездить. Правда, и в родную Пензу тоже. Москвич, замоскворецкий житель, имевший собственный дом по адресу Житная, 14. С 1903 года «Его превосходительство» — действительный статский советник. Еще раньше, в 1900-м, он стал академиком (хотя и запоздало — в 59 лет), а еще раньше, в 1893—1895-х, преподавал историю великому князю Георгию Александровичу. Уже после смерти Ключевского стало известно, что в 1901—1902 годах он читал какой-то курс истории у великого князя для очень узкого круга лиц.

И вместе с тем... Уезжает в Англию профессор Павел Виноградов — не может больше в России. На вокзале, прощаясь, Ключевский сказал ему: «Надеюсь, воротитесь к нам прежде, чем нас уберут с поля битвы».

Дважды, в 1895 и 1990 годах Ключевский отказывался писать биографию покойного императора Александра III, отца царствующего.

О расстреле 9 января 1905 года записал в дневнике: «Второй Порт-Артур». К этому же периоду относятся его слова: «В руках у русского царя остается еще много материальных и нравственных сил <> низкий уровень общественного сознания, нравственная распушенность общества».

Вместе с тем Ключевский пишет какой-то проект для шефа жандармов Плеве и получает за него гонорар.

В 1974-м, в самый разгар «застоя», исключавшего любое инакомыслие, в Москве была издана биография В.О. Ключевского, написанная академиком М.В. Нечкиной. Нечкина на-

поминала современным «власти придерживающей» и «общественности» аналогичные события. В 1906 году Московское дворянское собрание исключило Ф. Кокошкина и П.Д. Долгорукова из своего состава за то, что те подписали «Выборгское воззвание». Ключевский в письме в «Русские ведомости» отреагировал так: «Вот были в нашей истории декабристы. Они провинились не в подписании бумаги, а в том, что вывели вооруженных солдат на площадь для известной цели, которую восторжествовавшее правительство *post factum* объявило мятежной. Эти декабристы были дворяне разных губерний, но ни одно губернское дворянское собрание, ни тульское, ни курское, ни само московское не догадалось исключить из своего состава этих государственных преступников».

Свой «Курс русской истории» он назвал «делкой с совестью». Что ж, значит, она у него была.

В.О. Ключевский умер в 70 лет. На похороны собралось до 5 тысяч человек. Студенты на руках (от услуг гробовщиков отказались) несли гроб. Их сопровождала полиция, она же следила, чтоб над могилой не говорили ничего «лишнего». Письма, телеграммы, соболезнования приходили из самых глухих уголков России. Была и такая, опубликованная в «Русских ведомостях»: «Скорбим об утрате незабвенного учителя. Осиротевшие ученики политические ссыльные. Покровский. Воскресенский. Архангельск». На смерть Ключевского откликнулось множество провинциальных газет. Везде были его ученики. В Рязани на панихиду собралось около 20 человек — его учеников, учеников «школы» Ключевского. «Нет школ никаких — только — совесть». Не было соболезнования только от правившего Россией «дома Романовых».

Через шесть лет Россия оказалась во власти новых господ. Читал ли Ленин Ключевского? В его опубликованных работах имя Ключевского упоминается только дважды. Да и то в полемике. Г.В. Плеханов, как гораздо более образованный марксист, посвятил Ключевскому целых три главы в первом томе «Истории русской общественной мысли», опубликованном в июне 1914-го.

Сейчас с имени Ключевского запрет полностью снят. Его работы опубликованы огромными тиражами. Только читают ли их? И как читают? В 1991 году на родине историка — в Пензе открыт его мемориальный дом-музей. В том самом доме, где прошли десять лет его жизни (от 10 до 20 лет). Улица, на которой стоит музей, также носит имя Ключевского.

А в Америке профессор Т.Эммонс уже написал статью — он тоже ученик В.О. Ключевского.

Жизнь летит.

Литература

Федотов Г. Россия Ключевского // Современные записки. Париж, 1932. № 50.

Маклаков В.А. Из воспоминаний. Нью-Йорк, 1954.

Кизеветтер. А.А. На рубеже двух столетий. (Воспоминания 1881—1914). Прага, 1929.

Нечкина М.В. Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. М., 1974.

Зимин А.А. Формирование исторических взглядов В.О. Ключевского в 60-е годы XIX века // Исторические записки. Т. 69. М., 1961.

Киреева Р.А. В.О. Ключевский как историк русской исторической науки. М., 1966.

«ИСТОРИК, КОТОРОМУ «НЕ ПОВЕЗЛО»

Шильдер Николай Карлович

*[21.05(2.06).1842, Петербург — 6.04(18).1902, там же].
Похоронен на Митрофаньевском кладбище в Петербурге
(в начале 1930-х годов кладбище уничтожено).*

Н.К. Шильдеру «не повезло». Он принадлежал к так называемому «охранительному» направлению в русской истории. И поэтому о нем не прочитать ни в «Очерках истории исторической науки» П.Н. Милюкова, ни в «Русской историографии» Г.В. Вернадского. Ни «левые», ни «либералы» «охранителями» не интересовались. Не нашлось ему места и в почти тысячестраничном собрании «Истории России» (М., 2001) и в «Портретах историков» (Том 1. Отечественная история. М., 2000).

Восполним этот пробел.

В конце жизни Н.К. Шильдер занимал пост директора Императорской публичной библиотеки в Петербурге. Пост аналогичный посту директора Библиотеки Конгресса США, который с 1987 года занимает Джеймс Хэдди Беллингтон, выдающийся специалист по культуре и истории России, автор классического исследования «Икона и топор» и многих других.

Вклад генерал-лейтенанта Н.К. Шильдера в развитие русской истории и культуры особенно разителен на фоне нынешнего жалкого состояния библиотеки.

Н.К. Шильдер происходил из дворян Витебской губернии. Его отец — Карл Андреевич Шильдер — выдающийся военный инженер и боевой генерал, конструктор первой в мире подводной лодки, 20-летним сражался при Аустерлице и в 70 лет был смертельно ранен осколком гранаты под Силистрией. Отдал жизнь за Россию. Среди его, кстати, учеников был

знаменитый Э.И. Тотлебен. Император Николай I на смерть К.А. Шильдера отозвался так: «Потеря Шильдера меня крайне огорчила; такого второго не будет, и по знанию, и по храбрости».

В Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона читаем об отце историка: «Человек инициативы, с редким мужеством военным и гражданским, неистощимый в средствах для преодоления неожиданно возникающих преград, чуждый мелочности Ш[ильдер] был вполне рыцарь без страха и упрека» и заслужил название «Баярд русского инженерного корпуса».

Будущему историку было 12 лет, когда погиб его отец. О чем мечтают мальчишки? На первом месте, конечно, всегда было — стать военным. Н.К. Шильдер окончил Пажеский корпус, из которого был выпущен прапорщиком в прославленный лейб-гвардии Преображенский полк. В 1862 году Шильдер закончил Николаевскую инженерную академию (так же как и пажеский корпус по 1-му разряду). В следующем году он был назначен адъютантом к Э.И. Тотлебену. Принял участие в русско-турецкой войне 1877—1878 годов, в обороне и взятии Плевны. В 1878 году он был произведен в генерал-майоры и назначен в Свиту Его Величества — высокий знак почета и доверия.

В 1879 году, в возрасте 37 лет, Шильдер оставил военную службу и стал директором Гатчинского Николаевского сиротского института и начальником Гатчинской женской гимназии. С 1886 года он — начальник Николаевского инженерного училища (того самого, в котором учился Ф.М. Достоевский) и академии.

Когда в 1899 году умер директор Публичной библиотеки А.Ф. Бычков, Шильдер сам предложил свою кандидатуру на его пост. В то время Императорская Публичная библиотека, основанная по указанию императрицы Екатерины II и открытая в 1814 году по повелению императора Александра II, по масштабу книжных богатств и редкостей со всего мира уступала только Парижской национальной библиотеке и библиотеке Британского музея.

Как писали современники Шильдера, пост директора библиотеки соответствовал его «природным склонностям, преданности книге и любви к историческим исследованиям» и был «постоянной мечтой всех его честолюбивых желаний».

Публичная библиотека в Петербурге находится на Александринской площади (в 1923 году большевики переименовали ее в площадь Островского), рядом с Пажеским корпусом, в котором когда-то учился Шильдер. Здесь же Александринский театр, Екатерининский парк, Памятник основательнице «Публички» Екатерине II. И огромные интеллектуальные сокровища, собранные почти за сто лет.

Что сделал Шильдер для бывшей когда-то № 1 библиотеки России?

1901 год: завершено строительство еще одного нового здания библиотеки (Вороскловского), возобновлена деятельность комиссии по международному обмену изданиями. Менее чем за три года руководства Шильдером библиотекой в нее поступило более 200 тысяч книг, почти 12 тысяч рукописей, актов, автографов, в том числе материалы первого директора библиотеки — историка, археолога, графика, президента Академии художеств, члена Российской Академии наук А.Н. Оленина.

О.Д. Голубева, изучавшая деятельность Н.К. Шильдера на посту директора Публичной библиотеки, приводит такой интересный факт: «В 1901 году к нему, как «к лучшему знатоку в ученом мире эпохи Александра I», обратились из канцелярии императрицы Александры Федоровны с вопросом об установлении подлинности вещей Александра I — последнего его мундира и рубашки. Эти вещи были подарены сразу же после смерти императора его женой дежурному врачу — лейб-хирургу Г.Л. Добберту. С течением времени мундир и рубашка перешли к библиотекарю публичной библиотеки Ф.П. Кеппену. Последний выразил желание передать вещи «в надлежащее место». После заключения Шильдера по решению Николая II мундир и рубашка Александра I были переданы в Публичную библиотеку «для хранения навсегда». Где находятся в настоящее время эти вещи — неизвестно. В какой момент они пропали? Неизвестно.

Шильдеру недолго было отпущено потрудиться на благо «Публички» — в 1902 году, когда он скончался, ему было всего 60 лет. Его деятельность была отмечена многочисленными русскими, прусскими, австрийскими, румынскими и французскими орденами и знаками отличия. Похоронили генерала с воинскими почестями.

Архив и библиотеку (более 7 тысяч томов) Шильдера русское правительство купило у его дочери и передало в Публич-

ную библиотеку. «Современники аттестовали Ш[ильдера] как человека безупречного, доброго, доброжелат[ельного], без тени зависти, «без малейшей чиновничьей жилки», «ни политик, ни человек партий».

* * *

Шильдер — крупный специалист по истории России первой половины XIX века. «Ни политик, ни человек партий» — он писал честно и объективно, с минимумом интерпретаций. Его работы насыщены фактическим материалом и полезны нынешним историкам. Шильдер имел доступ ко многим документам, ко многим архивам, которые были недоступны и закрыты для других ученых. И он не стал «собакой на сене» и опубликовал многие документы, за это ему должны были бы быть благодарны последующие поколения российских историков. Но так не получилось: его имя и труды замалчивались и замалчиваются.

Из «Воспоминаний» П.Н. Милюкова видно, что два кружка петербургских университетских историков и между собой-то не общались. Те, кто входил в тот кружок, что возглавлял С.Ф. Платонов, тем самым автоматически исключался из другого, во главе которого стоял В.И. Семевский. Отдельно стоял в Петербурге выдающийся историк А.Лаппо-Данилевский, числившийся в Санкт-Петербургском университете всего лишь доцентом. Была еще Петербургская Академия наук, но и она приняла Шильдера в свои ряды всего лишь за два года до его смерти. Вероятно, Шильдера не интересовала не только чиновничья карьера, но и все научные звания — профессор, академик. Его интересовала только наука.

Свою деятельность на этом поприще он начал еще в 1872 году, опубликовав в ежемесячном петербургском историческом журнале «Русская старина» большой очерк о своем отце. В этом журнале (редактором которого Шильдер был в 1892—1894 гг.) он поместил множество исторических статей. Много статей и исторических документов он опубликовал также в «Историческом вестнике», «Русском архиве», «Историческом журнале», а также в «Военном сборнике».

Свой первый большой труд «Исторический очерк деятельности военного управления в России в первое двадцатилетие царствования Императора Александра II» (тома 2, 4) Шильдер составил в 1879 году. В 1887 году были изданы два тома

книги «Граф Э.И. Тотлебен, его жизнь и деятельность». И, наконец, главный труд его жизни «Император Александр I, его жизнь и царствование» (в 4 томах) был издан в 1897—1898 годах. В 1901 году в Петербурге была опубликована книга Шильдера «Император Павел I».

И уже после смерти историка в 1903 году увидела свет двухтомная работа «Император Николай I». Планировалось пять томов, но смерть прервала работу — биография Николая II была доведена только до 1833 года. Осталась неоконченной и другая крупная работа Шильдера — составленная по архивным материалам биография графа А.И. Чернышева.

Автор статьи о К.А. Шильдере в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона дал такую оценку научным трудам историка: «Написаны легко и увлекательно; главные их достоинства — искусный психологический анализ, тщательная и точная критика пособий и источников, обилие новых материалов. Они углубляют историческое понимание и, отказываясь от односторонности панегирика, открывают доступ новым взглядам. В сочинениях Шильдера идет речь о лицах и эпохах, или не затронутых вовсе, или затронутых односторонне; в особенности это следует сказать об истории Николая I, написанной вообще с большим историческим беспристрастием, необычным в историках такого положения, как Шильдер. Некоторые взгляды, высказанные столь авторитетным историком (как, например, о характере официального следствия по делу декабристов, о суде над ними), приобретают, поэтому, особо важное значение».

В общем, труды Николая Карловича Шильдера надо печатать и печатать. Их с интересом и пользой прочтут как профессиональные историки, так и просто любители русской истории.

Литература

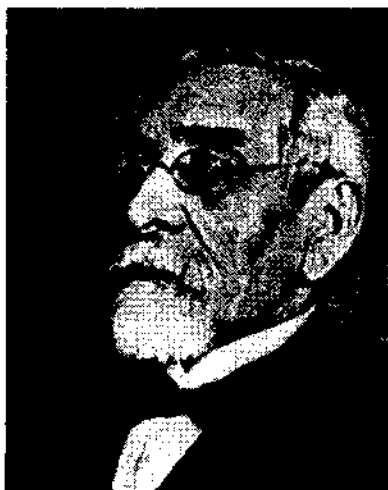
Голубева О.Д. Шильдер Николай Карлович // Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры. Биографический словарь. СПб., 1995. Т. 1.

Милюков П.Н. Воспоминания. Т. 1 (1895—1917). М., 1990.

«В ТЫСЯЧЕЛЕТНЯХ ЖИВУЩИЙ СТАРИК»

Кондаков Никодим Павлович

[1(13).11.1844, деревня Халань Новооскольского уезда Курской губернии — 17.02.1925, Прага, Чехословакия]. Похоронен на Ольшанском кладбище в Праге; впоследствии гроб с телом ученого был помещен в одну из ниш в крипте кладбищенского храма Успения Богоматери.

19 февраля 1925 года из пригорода Праги Вшенор Марина Цветаева писала О.Е. Черновой-Колбасиной: «17-го ночью, от разрыва сердца, умер Кондаков <> Недавно был его юбилей. При жизни его ценили, как обыкновенно — только после смерти. Черствый, в тысячелетиях живущий старик был расстроган. Умер 80-ти лет. Русские могилы в Праге растут. Это славная могила». После 1917-го русские могилы стали расти не только в Праге, но и в Константинополе, Берлине, Париже, Вашингтоне, Белграде, Шан-

хае, Харбине, везде, куда занесла судьба русских эмигрантов, спасавшихся от большевиков.

Н.П. Кондаков — крупнейший мировой авторитет в области византийского и древнерусского искусства, автор работ о шедеврах Киевской Руси, Кавказа, Константинополя, Сирии, Палестины, Македонии и т.д., академик Петербургской Академии наук сразу по двум отделениям — историко-филологическому и русского языка и словесности. Из всех многочисленных обществ и научных организаций русской эмиграции Кондаковский семинар (институт), созданный после смерти учителя его учениками, вероятно, следует назвать самым выдающимся научным достижением русского зарубежного исторического сообщества. Он существовал в Праге с 1925 года более 20 лет, издавал научный журнал, труды института,

множество прекрасно иллюстрированных томов по искусству, археологии. Ныне издания Пражского «Института Кондакова» украшают собрания крупнейших западных библиотек, а деятельность Института* рассматривается как история современной западной культуры.

В дореволюционной России не было преград для ученых, они занимались чем хотели, ездили куда хотели, чувствовали себя уверенно, по крайней мере, не ниже западных ученых. Та же византистика в России находилась на мировом уровне. В Советской же России последний оставшийся в живых крупный византист В.Н. Белешевич был сначала как «евразиец» отправлен в концлагерь на Соловки, а в 1937 году расстрелян как «немецкий шпион». В итоге современный исследователь И.П. Медведев отмечает: «Пустые публикации советских византистов, неавторитетность российского византиноведения в школе, его низкий научный уровень».

Профессор П.Ковалевский, подводя итоги достижений русской эмиграции, писал в изданной в 1960 году в Мюнхене книге: «Надо подчеркнуть, что десять томов кондаковского семинара являются настоящим кладом в отношении исследования отдельных проблем древней Руси». Русский академик Кондаков и его коллеги работали в эмиграции: в чужой стране, в тяжелейших условиях. Работали ради научной истины и считались работой высшего мирового качества.

Человек огромной эрудиции и огромных достижений, Кондаков был «воистину основателем научного изучения византийского искусства и создателем современной школы русских археологических исследований. Каждый ученый в этих областях сильно обязан скупуплезной и первооткрывательской работе Кондакова. Для его студентов, коллег и друзей во всем мире его смерть в зимней Праге стала невосполнимой потерей», — писал канадский исследователь влияния послебольшевистской русской эмиграции на современную европейскую культуру ИМЯ.

Одним из учеников Кондакова был муж Цветаевой — Сергей Эфрон. 19 февраля он должен был держать экзамен у академика. В уже цитированном выше письме Цветаева писала: «Ближайшие ученики в страшном горе. Вчера Сережа с еще одним, через весь город тащили огромный венок <> Умер

* В разные годы его возглавляли Г.В. Вернадский и Н.Е. Ефремов. Один потом станет наставником в Йельском университете, другой — в британском Кембридже.

почти мгновенно: «Задыхаюсь!» — и, прислушавшись: «Нет, — умираю». Последняя точность ученого, не терпевшего лирики в деле. Узнав, — слезы хлынули градом: не о его душе (была ли?), о его черепной коробке с драгоценным невозвратимым мозгом. Ибо этого ни в какой религии нет: бессмертия мозга. Сережа уже видел его: прекрасен. Строгий, чистый лик. Такие мертвые не страшны, страшна только мертвая плоть, а здесь ее совсем не было».

Вероятно, этот отзыв Цветаевой в частном письме — лучшая оценка человеческих и интеллектуальных качеств Кондакова. Непримиримость (и точность) оценок Цветаевой хорошо известны. Мало о ком она отзывалась с такой теплотой. И бурной экспрессией — «Слезы хлынули градом».

Известно, что близкими друзьями Кондакова и ценителями его таланта были Антон Павлович Чехов, историк и социолог Томас Масарик, первый президент новой страны, появившейся в Европе в итоге Первой мировой войны, — Чехословакии...

Среди бумаг покойного академика остались неоконченные воспоминания о детстве, юности, начале профессуры в Новороссийском университете в Одессе. Написаны они в 1919 году в Одессе, власть в которой в то время переходила из рук в руки: красные, белые, григорьевцы, бандиты Мишки Япончика, зеленые, опять красные. Красный террор. Кондакову было 74 года, и казалось, жизнь кончена. Опубликованы воспоминания были уже посмертно в Праге в 1927 году под названием «Воспоминания и думы» и с эпиграфом: «Угораздило меня родиться в России» (Л. Пушкин) и «Veritus odium parit» («Правда глаза колет»).

Прожил он в общем-то обычную жизнь русского ученого. Детство несчастное: нелюбимый отец — хохол-купец из крепостных, управляющий имениями князей Трубецких. В одном из таких имений и родился будущий академик. Мать академика — убогая швея, нянька — украинка. В 1845 году родители обосновались в Москве.

С ужасом и отвращением вспоминает Кондаков учебу в приходском училище. Несколько лучшую память оставили дни, проведенные во Второй Московской гимназии на Разгуляе. Здесь он пристрастился к чтению исторических книг, «выучился свободно читать по-немецки в силу желания читать историков». Еще будучи в гимназии решил специализироваться по истории искусств; «предмет совершенно новый в России, никому не известный», да и окружающая жизнь так неприглядна.

Друзей у него нет было. Учась в Московском университете, на жизнь зарабатывал грошовыми уроками. Сам университет (хотя и находился в ореоле своей славы, выше которого он уже больше никогда не смог подняться) тоже не вдохновлял: «На самом деле Московский университет и в то время в среде своей профессуры представлял много такой ветоши, что, конечно, ни один иностранный университет не потерял бы в своих стенах», — вспоминал Кондаков. Холодно относился он к лекциям знаменитого «отца русской истории» С.М. Соловьева. И только для академика Ф.И. Буслаева находит добрые слова: «Хотя я слушал его исключительно по литературе — русской и иностранной, но, пользуясь его широко открытыми для студентов приемами, ходил к нему часто, брал книги, слушал его с обожанием, а уже по выходе из университета стал заниматься христианским искусством именно под его влиянием». Буслаева Кондаков считал гениальным ученым и своим «незабвенным учителем».

С огромным большинством студентов Кондаков не знаком и только с Ключевским любил беседовать. Удивительно, как Кондакову удалось вообще сделать какую-то ученую карьеру: одиночка, пустынный, без друзей, без поддержки, да еще непьющий. Не посчастливилось ему после окончания университета быть оставленным при нем для подготовки к профессорскому званию. Зато Кондаков женился на Вере Александровне Гиляровой, племяннице известного журналиста Н.П. Гилярова-Платонова, и стал преподавать в различных учебных заведениях Москвы. «Ученая профессорская карьера стала для меня недостижимой мечтой», — вспоминал он.

В 1870 году он уезжает доцентом в Новороссийский университет в Одессу. 19 лет провел здесь Кондаков, стал профессором и позже написал об этом южном городе: «Не могу помянуть ее ничем тягостным». Из Одессы легко было выехать за границу — на Восток или в Европу: «И уже там осветить свою научную школу общением с заграничными учеными, памятниками и собраниями». Но это весной — летом. Зимой же, за исключением лекций перед несколькими студентами, «иногда не приходилось и слова сказать с кем-либо по своему предмету. Общее художественное невежество русской интеллигенции было настолько глубоко, что знакомые люди стеснялись даже задавать вопросы по искусству и его истории, равно как и по археологии, несмотря на существование в Одессе Общества истории и древностей». Свою первую поездку (вместе с женой) за границу Кондаков совершил в

1867 году: они побывали в Германии, Швейцарии. Ехали третьим классом, останавливались в недорогих отелях, пансионах, а то и снимали комнату у частных хозяев — денег было мало: «Бегали по даровым музеям и картинным галереям». Но ни одного своего путешествия Кондаков впоследствии не вспоминал с таким удовольствием, как этого первого — в Швейцарию. (Германия ему не понравилась.)

Именно заграничные поездки он стал считать главной частью своего образования и главной причиной своих успехов в науке. С 1 марта 1875 года по 1 августа 1876 года он был вновь за границей, теперь — для подготовки к защите докторской диссертации. Посетил библиотеки и музеи Рима, Лондона, Парижа, Вены, объездил всю Италию вплоть до Сицилии, завел знакомства с крупнейшими европейскими учеными.

В 1876 году в Одессе была издана докторская диссертация Кондакова «История Византийского искусства и иконографии по миниатюрам греческих рукописей». В 1886—1891 годах она выходит на французском языке в Париже и к ученому приходит европейское признание. Итальянский последователь и коллега Кондакова Антонио Муньос впоследствии писал: «Эту книгу справедливо считали в течение многих лет основной работой по Византийскому искусству. Подготавливая ее, автор имел возможность изучить все греческие работы с миниатюрами в итальянских библиотеках. Можно сказать, что он первый познакомил нас и определил истинную ценность многих рукописей Ватиканской библиотеки, в которой работали лишь немногие ученые».

Свои начатые в 1919 году в Одессе мемуары Кондаков довел только до конца 1880-х годов. Из них известно, что докторскую свою Кондаков защищал в 1876 году в Московском университете, что Буслаев высказал по поводу нее «всю свою очаровательную любезность». Он же был основным оппонентом на защите. От Муньоса мы знаем, что Кондаков знал и всегда любил Италию, как немногие из иностранцев. Вероятно, не любивший Россию Кондаков, действительно, был больше «итальянец», чем русский. Недаром же он говорил жене Ивана Бунина — Вере Муромцевой-Буниной: «Я алан (осетин. — Ю.Д.) по происхождению, и очень рад, что во мне нет ни капли русской крови. Я так и начал свои мемуары».

Тот же Муньос писал: «До войны он отлично проводил в Италии ежегодно несколько месяцев и до тонкости знал наши музеи и памятники средневекового искусства. Имя Кондакова пользуется широкой известностью среди итальянцев, занима-

ющихся историей искусства и видящих в нем непревзойденного учителя в области изучения византийского искусства».

В 1888 году Кондаков занял, наконец, кафедру истории искусства в Петербургском университете. В родной Москве места так и не нашлось. В 1889—1899 годах Кондаков при участии графа И.И. Толстого издал 6 выпусков труда «Русские древности в памятниках искусства». Это был капитальный вклад в русскую и славянскую археологию, обозначивший новый этап в ее развитии. Чешский археолог и историк Любор Нидерле писал, что новому труду Кондакова сопутствовал настолько большой научный успех, «что даже не знаю, был ли он в России как следует понят и оценен; за границей же значение сочинения сразу поняли, и Соломон Рейнак (лучший европейский знаток археологии. — Ю.Д.) поспешил выпустить его французским изданием». И далее разъяснял: «Это было первое, смелыми штрихами начертанное, указание этапов древнейшего периода русской истории на основании материала, собранного в русских музеях и других хранилищах и, даже, думаю, в самой России не всем известного. Н.П. Кондаков взялся смелой рукой...» и т.д.

«Петербургский период» жизни Кондакова длился 29 лет. Самый длительный, блестящий и плодотворный период его деятельности. Конечно, ученый не сидел в столице безвылазно, как в свое время не сидел и в Одессе. Теперь Кондаков делил свое время между Петербургом, Крымом, заграницей (по большей части Италией).

Впервые у Кондакова появляются и «ученики». Да еще какие и сколько! М.И. Ростовцев, С.А. Нибелев, Б.А. Тураев, Б.Ф. Фармаковский, Я.И. Смирнов, Г.Ф. Церетели... Целый кружок так называемых фактопоклонников.

Ростовцев вспоминал: «Я.И. Смирнов, ближайший и наиболее блестящий из учеников Н[икодима] П[авловича], первая жертва систематической голодовки для интеллигенции, впервые в анналах истории изобретенной большевиками, был, несомненно, наиболее сильной и цельной личностью из нашего кружка». Далее будущий гениальный классик и археолог вспоминал: «Я впервые стал ощущать, что без археологии в истории древности далеко не уйдешь. И это, конечно, шло прямо от Н[икодима] П[авловича]. Чистым археологом я не сделался, как не сделался и классическим филологом. Но я пытался и пытаюсь быть историком древности, понимание которого основано и зиждется на археологии и клас-

сической филологии». Ростовцев научился от Кондакова и Смирнова трудному делу: «смотреть и видеть».

Квартира Кондакова на Литейном, 15 была настоящей «Свободной академией». Здесь собирались на «субботы» и «воскресения» чуть ли не все видные ученые-гуманитарии. И те, кому еще предстояло стать таковыми.

Если первые 10 лет петербургского периода были посвящены изучению русских древностей, то с конца XIX века и до конца жизни Кондаков занимался изучением иконописи: русской, византийской, итальянской. Чтение лекций в университете он оставил уже через два года. «На студентов мне тошно было смотреть и в аудитории, а тем более в коридорах», — признавался он в «Воспоминаниях и думах». Нет, не приложима к характеру Кондакова вторая часть афоризма Гимерия — «Острый в делах. Кроткий в словах». Известно, что и с Милюковым Кондаков не поладил. В 1902 году пригласил его в экспедицию в Македонию. Тот предложение принял, хотя его и предупреждали, что характер у главы экспедиции тяжелый и они наверняка поссорятся. «При моем глубоком уважении к Н.П., я никак не допускал, что это может случиться. Однако же это случилось», — вспоминал Милюков.

Что Милюков! Кондаков не прощал дилетантизма даже своему другу В.В. Стасову. А друзей же у Кондакова было всего двое. Вторым был вице-президент Академии Художеств граф И.И. Толстой, помощник Кондакова по выпуску «Русских древностей».

Кратко перечислим главные успехи и заслуги Кондакова в петербургский период.

1888—1892: организовал и возглавил отделение Средних веков и Возрождения в Эрмитаже. Эрмитаж по богатству своих восточных коллекций был в то время, вероятно, первым европейским музеем.

1889—1899: издал 6 выпусков «Русских древностей».

1889: совершил поездку в Грузию по приказу императора для описания памятников древности в монастырях.

1891: совершил поездку в Палестину и Сирию по направлению Императорского Палестинского общества в качестве главы первой научной экспедиции Общества для изучения христианских ценностей Святой земли.

1892: «История и памятники византийских эмалей. Может быть, лучшее, что написал Кондаков» (Г.В. Вернадский).

1895: стал одним из организаторов Русского археологического института в Константинополе — центра русского византиноведения.

1896: «Русские клады. Исследование древностей великокняжеского периода» (том I). «Это издание гораздо глубже, чем «Русские древности». В основном оно предназначалось для ученых и имело огромное значение для русской археологической науки», — писал Г.В. Вернадский.

1898: 54-летний Кондаков избран в Академию наук.

1900: совершил поездку в «Русскую Ломбардию» — Владимирскую губернию и представил личный доклад императору о положении русской иконописи и мерах к исправлению ее упадка. Возглавил Главу историческую, этнографическую и археологическую экспедиции Академии наук в Македонию.

1901: по инициативе Кондакова под покровительством императора основан Комитет попечительства о русской иконописи.

1914—1915: «Иконография Богоматери» (тома 1—2) — одна из главных работ Кондакова. Здесь много фактического материала, важных положений о взаимодействии византийского и древнерусского искусства, развитии различных школ иконографии и т.д. Труд классический для желающих изучать историю христианской церковной живописи. Рукопись третьего тома «Иконография Мидонии» была закончена уже в Праге, затем куплена Ватиканом и до сих пор не издана.

В 1916 году отмечалось 50-летие научной деятельности Н.П. Кондакова. Воздали по заслугам. Ростовцев опубликовал сразу две статьи в честь Кондакова: в «Речи» и «Современном слове».

Как только в Петрограде начались февральские беспорядки, Кондаков вместе со своей ученицей (жена Кондакова — Вера умерла в 1913 году) Екатериной Яценко (1888 — после 1938) уехал на юг. С осени 1918 года жил в Одессе. В родном университете стал читать курс лекций по истории русской иконы. Когда город находился под контролем Вооруженных сил Юга России, вместе с И.А. Буниным редактировал газету «Южное слово», в которой вел отдел иностранной политики и публиковал статьи о русской истории и культуре. Найти бы эту подшивку газеты да опубликовать эти статьи Кондакова!

По воспоминаниям приемного сына Кондакова — Сергея Кондакова (1878—1940, Париж)* — в день освобождения Одес-

* Другой приемный сын Кондакова — П.Н. Кондаков — был убит на Северном фронте.

сы добровольцами 13 августа 1919 года Н.П. Кондаков «с небывалым одушевлением, с разгоревшимися глазами продиктовал часть воспоминаний, касающихся преосвященного Порфирия Успенского, а на другой день утром сел к письменному столу и написал четыре страницы второго тома «Русской иконы», о чем и сообщил окружающим, как показатель, что к нему вернулась прежняя гордость и вера в лучшее будущее».

Вот этот прекрасный фрагмент о Порфирии Успенском: «Заслуги Порфирия перед исторической наукой вообще и русской в частности, можно сказать, неисчислимы, а его роль на греческом Востоке могла бы составить блестящую страницу в русской истории прошлого века, если бы русские историки что-нибудь знали по нашим восточным делам. Советую каждому русскому образованному человеку читать по вечерам, когда мысль наша сколько-нибудь проясняется среди петербургского густого тумана и вековой затхлой атмосферы Москвы «Книгу Бытия» Порфирия Успенского в семи томах, изданную неутомимым В.Н. Хитрово на счет Палестинского общества; там любознательный русский прочтет, что в 1847 году архимандрит Порфирий молил Бога о даровании русскому царю разума для того, чтобы он даровал России конституцию, на основании непреложных, и для него самого, законов. Порфирий всю жизнь свою изнывал, желая деятельности, полезной государству и народу, церкви и стране, свободной от посягательств и мытарств русских канцелярий и дикой злобы русских властей».

Но кто слушал в царской России людей, подобных Порфирию? В итоге нет царя, нет России, а Кондаков в январе 1920 года на греческом пароходе «Патрас» бежит из этой страны.

Два года он жил в Софии, читая в университете курс истории искусства Средневековья, а с мая 1922-го приступил к чтению двухгодичного курса по истории искусства в Восточной Европе в Пражском Карловом университете. Вернадский писал: «Ему пришлось отказаться от завершения полной истории русской иконы, потому что основная часть его записей и материалов осталась в России. Кондаков был вынужден удовлетвориться изложением работы всей своей жизни в сокращенном очерке об истории русской иконы».

Письмо Цветаевой О.Е. Колбасиной-Черновой о смерти Кондакова заканчивается так: «Сереза уже видел его: прекра-

сен. Строгий чистый лик. Такие мертвые не страшны. Страшна только мертвая плоть, а здесь ее совсем не было. Я рада за него: не Берлин, не Париж — славянская Прага. И сразу: умираю. С этим словом умер и Блок».

Уже после смерти ученого пришло приглашение от итальянского короля. Кондакова приглашали стать гостем любимой им Италии. А его великая работа, «сокращенный очерк» (по Вернадскому) «Русская икона», вышла в четырех томах по-смертно в Праге в 1928—1933 годах. На английском языке она появилась на год раньше — в 1927 году в Оксфорде. В том же 1927 году в Праге были опубликованы «Воспоминания и думы» Кондакова, написанные весной 1919-го в Одессе. 75 лет спустя их опубликовали, наконец, и на родине академика в России. В Москве...

Г.В. Вернадский писал в 1926 году: «Необходимо составить научную биографию Кондакова точную и полную. Для его учеников эта задача является нравственным долгом». Она до сих пор так и не составлена.

Литература

Цветаева М. Собрание сочинений в 7-и томах. Т. 6. М., 1995.

Медведев И.П. Некоторые размышления о судьбах русско-го византиноведения: итоги столетия // Исторические записки. 3 (121). М., 2000.

Ковалевский П.Е. Наши достижения. Роль русской эмиграции в мировой науке. Выпуск 1. Мюнхен, 1960.

Муромцева-Бунина В.Н. Н.П. Кондаков. (К пятилетию со дня смерти) // Кондаков Н.П. Воспоминания и думы. М., 2002.

Нидерле П. Значение Н.П. Кондакова в славянской археологии // Кондаков Н.П. Воспоминания и думы. М., 2002.

Ростовцев М.И. Странички воспоминаний // Кондаков Н.П. Воспоминания и думы. М., 2002.

Вернадский Г.В. Никодим Павлович Кондаков // Кондаков Н.П. Воспоминания и думы. М., 2002.

Кондаков С. Воспоминания Никодима Павловича Кондакова // Кондаков Н.П. Воспоминания и думы. М., 2002.

«ОДНА ИЗ САМЫХ ВЫДАЮЩИХСЯ РУССКИХ ЖЕНЩИН»

Ефименко Александра Яковлевна

*[18(30).05.1848, деревня Варзуга Кольского уезда
Архангельской губернии — 18.12.1918, хутор Любочка
близ слободы Писарева Волчанского уезда Харьковской губернии).*

*Похоронена в селе Шоповка; позднее прах перенесен
в село Революционное, на могиле установлена плита и стела
с надписью: «Здесь похоронена профессор,
почетный доктор русской истории А.Я. Ефименко».*

Кондаков умер в изгнании в Праге. Александра Ефименко убита под Харьковом в 1918-м. Глава «петербургской школы историков» С.Ф. Платонов в написанном им некрологе назвал Ефименко «замечательной труженицей науки» и «одной из самых выдающихся русских женщин».

Ныне ее имя и труды, конечно, почти забыты. А ведь А.Я. Ефименко (урожденная Ставровская) была первой женщиной в Российской империи, получившей титул почетного доктора русской истории (1910 год. Харьковский университет). Ее высокий авторитет в русской исторической науке основан на работах по истории русского Севера и Украины. На ее труды ссылались Маркс, Энгельс, Плеханов, Ленин, а степень *honoris causa* ей была присуждена по инициативе знаменитого историка, ректора Харьковского университета Д.И. Багаля.

Не пришлось Александре Ефименко, как Софье Ковалевской, в Швецию уезжать, чтобы добиться научного признания. Да только вот убили в 70 лет, да еще вместе с младшей дочерью, прекрасной поэтессой «серебряного века» русской поэзии Таней Ефименко. Ее единственный сборник стихов «Жадные сердца» был издан в Петрограде в 1916 году.

Г.В. Вернадский в своей «Русской историографии» отнес Ефименко к группе выдающихся русских историков, главный вклад которых в русскую историческую науку состоял в изучении истории юго-запада России. То есть Украины и Белоруссии.

Сама же Ефименко выше всех остальных своих работ ценила свое знаменитое исследование «Крестьянское землевладение на Крайнем Севере». Напечатанное в «Русской мысли» в 1882 году именно оно принесло 34-летней уже Ефименко широкую известность и признание в научном мире.

В России было мало женщин-историков. Вернадский кроме Ефименко называет еще медиевиста и палеографа О.А. Добиаш-Рождественскую. В советское время были еще А.М. Панкратова и М.В. Нечкина.

Путь Ефименко на научный исторический Олимп поразителен. Родилась и жила до 24 лет в отдаленной северной губернии Российской империи, населенной поморами да ссыльными. Профессорская дочка Добиаш-Рождественская в Париже училась, а Ефименко, тогда еще Ставровская, что видела в своем детстве? Сохранились воспоминания: отец — мелкий чиновник, честный бедняк, родом из Вологды, сын священника. О матери известно только имя отчество — Елизавета Петровна. Раннее детство (с 3 до 8 лет) Ефименко прошло в Мезени, где в то время служил отец. Ефименко писала: «Воспоминания моей мезенской жизни отрывочны и смутны. Ясен только их общий колорит, тот мрачный колорит, которым было окрашено все мое невеселое детство... Что это было, просто ли результат общей болезненности, влияние материальных лишений и суровости семейного обычая, отражение ли на слабых впечатлительных нервах печальной и грандиозной природы, или, наконец, та подавленность, которой не могла не испытывать детская душа, погружаясь в мрачную северную демонологию, которой питалось все наше детство». Мезень — один из самых глухих углов Архангельской губернии. Дальше только Пустозерск. Авакумовские, староверческие места... Взрослые политссыльные не выдерживали местной жизни: вешались, стрелялись.

Дети в семье чиновника Ставровского подрастали. Пора было их учить, и отец переводится в Архангельск. В 1857—1863 годах Саша Ставровская училась в архангельском женском училище I разряда, приравненном к женской гимназии. Нелегко приходилось честному чиновнику Якову Ивановичу Ставровскому: пятеро детей, жена, теща, а жалование 30 руб-

лей в месяц. На такие деньги можно снять только холодную квартиру на окраине города.

Поморы-северяне ни тогда, ни теперь отнюдь не были «единственным честным русским этносом», как почему-то решились Д.С. Лихачев и А.И. Солженицын.

Ефименко вспоминала: «Взятничество — в виде вымогательства и обдирательства — в виде вещественных изъявлений почтения и благодарности — было такой стихией общественных отношений, вне которых нельзя было сделать и шага. По общепринятому и открыто высказываемому признанию, мог не брать взятку только дурак или юридивый. Отец не был дураком — ум его признавали все, а юридивым... да, конечно, он и был отчасти юридивым... На мою духовную жизнь его влияние было огромное, главным образом, вот с какой стороны. Его безусловная честность и бескорыстие... сделалось поводом семейного разлада, борьбы, тянувшейся целые годы и потрясавшей меня до глубины души... Все окружавшее чиновничество умело изворачиваться и не на таких должностях, умело выстраивать себе домики и сколачивать капиталы. А отец хотел быть лучше людей, и из-за его исключительной честности у детей не было одежды, учебных книг, не было того, не было другого... Конечно, мне было очень тяжело и обидно, когда смеялись в школе — пока еще не установилось сознание моих способностей и умственного превосходства, — над моим безобразным самодельным капором* и старой, десять раз перекрашенной шубой. Но мысль, что я страдаю из-за того, что он не берет взятку, как другие, всегда доставляла мне какое-то особое острое наслаждение и заставляла забывать и обиду. Таким образом, неестественно рано пришлось думать об общественных отношениях. Взятничество сделалось для меня, десятилетней девочки, предметом глубокого нравственного отвращения...».

Не парижские библиотеки, а жалкая библиотека женского училища в Архангельске заложила в ней стремление к знаниям. А учителем, определившим круг научных интересов, — преподаватель истории и географии Герард Иосифович Мижейко, автор работ по истории северной поземельной общины. Ее старший брат Самсон окончил гимназию с золотой медалью и поступил в Петербургский университет. Он жил в боль-

* Капор — женский и детский зимний головной убор с лентами, завязывающимися под подбородком.

шой нужде, заработал туберкулез и умер. В 45 лет умер отец, затем заболела мать. На какие деньги продолжала жить семья — непонятно. Ставровская тем не менее закончила училище и получила звание домашней учительницы.

В 1864 году в возрасте 16 лет она стала работать сельской учительницей в Холмогорах — на родине Ломоносова. В XVI—XVII веках крупнейший торгово-административный центр русского Поморья Холмогоры в XIX веке был таким же глухим местом, как и Мезень. Местом ссылки. С 1863 года здесь отбывал ссылку бывший студент Харьковского университета 28-летний Петр Ефименко. Уроженец Таврической губернии за участие в студенческом харьковском тайном обществе Ефименко в 1860 году был арестован, посажен в Трубецкой рavelин Петропавловской крепости, а затем отправлен в ссылку: Пермская губерния, Архангельская. Сначала Онега, затем Холмогоры. П. Ефименко имел достаточно сильный характер: не запил, не покончил жизнь самоубийством, убеждениям не изменил. В 1866 году уездный холмогорский исправник писал о нем: «Требуется постоянного и бдительного надзора. При малейшем поводе или разговоре о политике не чужд порицания правительственных мероприятий по тому или другому предмету».

Однажды Ефименко отказался купить портрет Комиссарова, крестьянина, выбившего револьвер из рук Дмитрия Каракозова, стрелявшего 4.04.1866 года в Летнем саду в Александра II (и возведенного за это в потомственное дворянство) за 35 копеек и сказал: «Вот за портрет Каракозова я бы и рубль дал». Еще до ареста Ефименко опубликовал статьи по украинской фольклористике, занимался этнографией, находясь в Онеге, писал в петербургский журнал Н.Н. Костомарова «Основы», а в Холмогорах по сути превратился в настоящего ученого. Тоже в общем-то феноменальная судьба. Казалось бы, все пути ведут в петлю или прорубь.

Только Архангельские губернские ведомости опубликовали более 100 статей Ефименко по истории, экономике, праву, этнографии Севера. Кроме того, были его публикации в «Памятной книжке Архангельской губернии», «Трудах архангельского статистического комитета» и в Москве. «Комитет общества для помощи нуждающимся литераторам и ученым» неоднократно переводил архангельскому губернатору деньги для передачи их ссыльному Ефименко: «Ввиду того, что Ефименко трудится на пользу русской юриспруденции и статистики».

Знакомство Ставровской с Ефименко сильно продвинуло ее интеллектуальное развитие, расширило горизонты и определило выбор пути. А характер у нее был. Ефименко стал для нее учителем. Под его руководством занималась самообразованием. Прошло 6 лет. Ефименко серьезно болен и старше Ставровской на 13 лет. Брак с политссыльным лишит ее должности учительницы, она будет взята под надзор полиции, ей будет запрещен выезд из Холмогор. Но это ее не испугало и в феврале 1870 года она стала его женой. Заботы о семье в Архангельске взяла подросшая к этому времени сестра Фивей.

Как ссыльный Ефименко получал 8 рублей в месяц. Чтобы заработать, А. Ефименко пишет очерки и рассказы. Публикует в Архангельске, Москве. Гонорары идут, постепенно приходит известность. Экзотическая северная тематика и талант писательницы привлекают читателей. Вот заголовки ее публикаций: «Пустозерск», «Шесть лет на Шпицбергене», «Мурманские промыслы», «На Югорском шаре», «Год лопаря» и т.д. Выходят и научные работы А.Я. Ефименко — «Словарь местных наречий Архангельской губернии», «Женщина в крестьянской семье», «Народное юридическое воззрение на брак» и т.д.

Три ее главные монографии о Русском Севере:

1. «Артели Архангельской губернии». Опубликовано в «Сборнике материалов об артелях в России». (Выпуск I—II. М., 1873—1874.) В Лондоне ее внимательно изучили Карл Маркс и Фридрих Энгельс;

2. «Трудовое начало в русском народном праве». Опубликовано в журнале «Слово» (Петербург). 1878. № 1;

3. «Крестьянское землевладение на крайнем Севере». Опубликовано в журнале «Русская мысль» (Петербург). 1882. № 4—5; 1883. № 6—8.

В «Крестьянском землевладении...», своей любимой работе, Ефименко выдвинула свою теорию общины, которая отличалась от теорий государственной и народнической школ. Чтобы изучить этот вопрос, Ефименко, по ее собственным словам: «Не убоаясь на два года всецело погрузиться в изучение архивных документов, чтобы почерпнуть себе желаемые знания у самих его источников». И как писал в некрологе С.Ф. Платонов: «Ей первой удалось с большим трудом восстановить по архивным документам долевые владения, как переходную форму к современной поземельной общине. Значение архивных находок Александры Яковлевны и ее выводы в общем ходе изучения нашего крестьянского строя были

очень существенны и сразу определили почетное положение А.Я. Ефименко в кругу наших этнографов и историков права.

Преемник Ключевского на посту «русского историка № 1» Платонов не был щедр на комплименты. Тем весомее его теплые слова о Ефименко. Он написал о ней даже в своем знаменитом университетском курсе «Лекции по русской истории», изданном 10 раз до большевистского переворота. Платонов писал: «В трудах позднейших этнографов (госпожи А.Я. Ефименко и др.) указано было на существование своеобразных общин архаического склада и русских людей в историческое уже время. Эти труды окончательно позволяют утверждать, что у славян на первой стадии исторической жизни существовал своеобразный общинный, а не родовой быт».

Вопрос об общине был предметом шумного спора западников и славянофилов. И любопытный отзыв об этой работе Ефименко содержится в воспоминаниях зачинателя этого спора Бориса Чичерина: «Госпожа Ефименко, которая занялась исследованием этого вопроса на месте (то есть в Архангельской губернии. — Ю.Д.), точно так же как я, приступила к нему с полной уверенностью, что нынешнее общинное владение искони существовало между крестьянами, но убедившись из памятников, что ничего подобного в древности не было, прямо объявила, что это чистый миф. При этом она сочла нужным заявить, что она вовсе со мной не согласна, хотя ее собственные изыскания более чем подтверждали мой взгляд».

В 1906 году в Стокгольме на IV съезде РСОРП Ленин, полемизируя с Плехановым, тоже взывал к авторитету «Крестьянского землевладения...» А.Я. Ефименко.

В 1872 году в связи с болезнью и по ходатайству видных ученых П.С. Ефименко разрешили отбывать оставшийся срок ссылки в Воронеже. Северный этап в жизни супругов закончился. В 1872—1879 годах они скитались по югу: Воронеж, Самара, Чернигов. А в 1879 году прочно осели в Харькове. Новый большой этап: П.С. Ефименко 44 года, он служит в местном статкомитете, редактирует «Харьковский календарь». К 1886 году его здоровье (он был болен эпилепсией) окончательно «сдало». Работу пришлось оставить, и хотя вскоре он поступил на новую службу — в Дворянский банк, «там он только числится на службе: Александре Яковлевне приходится забирать дела на дом и самой выполнять работу мужа».

В этот же период умерли в психиатрической больнице две дочери (старшая и младшая) супругов Ефименко. У них было

еще двое сыновей: Тарас* и Петр. В 1890 году в Петербурге А.Я. Ефименко родила еще одну дочь — Таню.

За 28 лет жизни в Харькове А.Я. Ефименко написала и опубликовала (несмотря на все личные «неприятности») более 60 работ по истории и культуре Украины. Ее считают одним из основателей «харьковской школы историков». Она неоднократно представляла харьковских историков на всероссийских археологических съездах. В 1893 году в Вильно очередной IX археологический съезд после доклада А.Я. Ефименко о «копных судах в левобережной Украине» приветствовал ее овацией, как выдающуюся русскую женщину, составившую себе громкое имя в науке. Знак к овации подал председатель собрания академик В.Г. Василевский.

С.Ф. Платонов в некрологе назвал ее — «типичная народница». Это так. Чем только не занималась в Харькове уроженка Терского берега Кольского полуострова: была товарищем председателя «Общества грамотности в народе», создавала Харьковскую общественную библиотеку (ныне библиотека им. В.Г. Короленко), возглавляла «Общество взаимопомощи трудящихся женщин», выступала с бесчисленными просветительскими лекциями, работала в историко-филологическом обществе при Харьковском университете, писала рассказы для детей (составила сборник «На Украине» и переиздавалась много раз) и т.д.

В 1902 году она была избрана действительным членом Императорского Московского археологического общества.

В 1905 году в Петербурге были изданы два тома ее «Южной Руси», в которых была собрана часть ее работ по истории Украины. Гонорар за них Ефименко передала обществу имени Т.Г. Шевченко на организацию бесплатных обедов для нуждающихся студентов.

В 1906 году, опять же в столице, был издан ее обобщающий труд «История украинского народа» в двух томах. Ефименко явно тесно в пределах Харькова, да и в пределах Украины. Свою «Историю украинского народа» она снабдила предисловием, на одну фразу из которого обратили внимание С.Ф. Платонов в некрологе и Г.В. Вернадский в «Русской историографии». Ефименко писала: «Автор настоящего труда, посвя-

* Тарас Ефименко стал юристом, в 1920 году в Харькове была издана его книга «Труд и собственность». Петр (1884, Харьков — 1969) в советское время занимал высокие посты в руководстве археологией и был членом-корреспондентом Академии наук УССР.

щенного южнорусской истории, как по своему великорусскому происхождению, так и по симпатиям, обнаруженном в изучении севернорусского юридического фольклора, должна стоять вне подозрений в южнорусском национальном субъективизме».

Можно понять, что в вековечном споре украинцев и русских Ефименко придерживается великорусской традиции Карамзина—Соловьева. Или наоборот? Между тем интерес к Украине будировался в столице. Слушательницы Высших (Бестужевских) женских курсов выразили желание слушать лекции по истории Украины. В итоге на курсах была создана небольшая кафедра истории Украины, которую возглавила А.Я. Ефименко.

С 1907 года с мужем и детьми она живет в столице. Петр Саввич уже совсем плох, прикован к постели. Ночами А.Я. Ефименко дежурила у постели больного, а днем читала лекции. 7 мая 1908 года П.С. Ефименко в возрасте 73 лет умер. А его жена продолжила работу. В 1909 году выходит ее учебник русской истории, написанный для Высших женских курсов. Теперь уже не скажешь, что она замшелый краевед Северной или Южной России.

В 1910 году отмечалось 40-летие (в 1870 году был опубликован «Словарь местных наречий Архангельской губернии») ученой деятельности Александры Яковлевны Ефименко. Ей всего 62 года. Харьковский университет осуществил свою давнюю мечту и возвел ее в степень доктора истории (в качестве исключения утверждено императором Николаем II), а Совет Бестужевских курсов избрал ее профессором. Небывалый в России случай.

У Ефименко появляются ученицы: Надя Суровцева из Киева, Елена Михайлова, дочь архангельского учителя И.И. Михайлова (подаёт особенно большие надежды), Ксения Минейко — тоже из Архангельска*.

* Суровцева-Олицкая Надежда Витальевна (1896, Киев — 1986, Умань) — впоследствии первая украинка, получившая степень доктора философии. Диссертацию «Богдан Хмельницкий или идея украинской государственности» защитила в Венском университете. Михайлова-Грандлевская Елена Ивановна (1897? — 1919, Архангельск). Ей прочили блестящую карьеру историка, талант был от Бога, но умерла при родах. Минейко-Гемп Ксения Петровна (1894, Петербург — 1998, Архангельск) — историк, географ, этнограф, биолог, альголог.

Защита М.А. Островской под руководством А.Я. Ефименко в Петербургском университете диссертации на тему «Земельный быт сельского населения русского Севера в XVII—XVIII столетии» стала триумфом А.Я. Ефименко. С.Ф. Платонов писал: «Профессорская коллегия и публика горячо приветствовали Александру Яковлевну, как одну из самых выдающихся русских женщин».

Летом 1917 года А.Я. Ефименко вместе с дочерью уехала в Харьковскую губернию на хутор Любочки. Сняла там квартиру у владелицы хутора директора Волчанской гимназии. Украина отделилась от России, кругом война, власть переходит из рук в руки: Центральная Рада, Скоропадский, немцы, Петлюра. 69-летняя Ефименко по-прежнему неутомима: читает в Волчанске лекции, ведет научные изыскания. Она осудила отделение Украины от России. Считает, что оно «не было актом политического и национального самосознания народных масс, так как все происходило в верхах. Но скоро наступит час и народным украинским массам сказать свое властное слово». Выхваченная из контекста эта фраза мало что говорит о политическом настроении А.Я. Ефименко. Не с диктатурой же большевиков объединяться «народным украинским массам».

18 декабря 1918 года она была зверски убита бандитами. То ли красными, то ли петлюровцами. Платонов в некрологе, опубликованном в 1920 году в красном Петрограде, писал, ссылаясь на сообщения Б. Элькина* в газетах за 1919 год: «Ее убили солдаты Петлюровского войска. Убили за то, что она не хотела выдать солдатам спрятавшихся в ее квартире двух дочерей харьковского губернского старосты (представителя гетманской власти) Нехлюдова... донос привел солдат к квартире Ефименко, где спрятались две дочери Нехлюдова; Ефименко отказалась выдать их, заявив, что у нее никто не спрятан; был произведен обыск, девушки были обнаружены, убиты, и их участь тут же на месте разделила А.Я. Ефименко». И ее дочь Таня тоже.

По данным Т.Катречко, опубликованным в 1990-м году: «Вместе с Александрой Яковлевной и Таней были зверски

*Элькин Борис Исаакович (1887—1972), юрист, душеприказчик и редактор последнего (посмертного) тома «Воспоминаний» П.Н. Миллюкова.

убиты конюх, горничная и еще две женщины». Две женщины, вероятно, дочери Нехлюдова?

На следующий год в Харькове была посмертно издана ее последняя работа — учебник «Начальное руководство по украинско-великорусской истории народных школ». В 1922 году в Харькове «История украинского народа» Ефименко была переведена на украинский язык и опубликована. Уже советскими властями.

В 1966 году, на исходе «оттепели», в Киеве П.Г. Марков опубликовал книгу «А.Я. Ефименко — историк Украины». Занимались ли А.Я. Ефименко украинские историки в эмиграции? Скорей всего, нет. Для них она была русская, приехавшая из «Московии». Даже в солидной «Encyclopedia of Ukraine», подготовленной украинской научной диаспорой, для А.Я. Ефименко (и П.С. Ефименко тоже) не нашлось места.

Публикация (впервые с харьковского издания 1922 года) «Истории украинского народа» А.Я. Ефименко в Киеве в 1990 году стала одной из первых ласточек политики «гласности» на Украине. А в 1991 году украинский народ вновь как когда-то в 1917-м стал независимым.

Имя «одной из самых выдающихся русских женщин» у нее на родине, в России, к сожалению, остается малоизвестным. Хотя, как писал безвестный автор «Нового энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона: «Наука русская многим обязана Ефименко».

Литература

Платонов С. А.Я. Ефименко // Дела и дни (Петербург). 1920. Кн. 1.

Ефименко А.Я. Автобиография // Первый женский календарь на 1908 год. (Под ред. П.Н. Ариян.) Гл. V. С. 17.

Катречко Т. Первая в России // Летописец Севера. Историко-краеведческий сборник. Архангельск, 1990.

Гинзбург Н. Писатели, журналисты и художники в Архангельской политссылке // Звезда Севера. Архангельск, 1935. № 9.

Хоткевич И.М. Предисловие // Ефименко А.Я. История Украины и ее народа. Харьков, 1919. (Укр. яз.) С. 5—6.

«ОТДАТЬ ДОЛГ КЛАССУ, КОТОРОМУ МЫ ОБЯЗАНЫ ВСЕМ»

Семевский Василий Иванович

[24.12.1848 (6.01.1849) Полоцк Витебская губ. — 21.09(4.10).1916, Петербург]. Похоронен на Литераторских мостках Волкова кладбища; могила не сохранилась.

П.Н. Милюков, приступив в 1886 году к работе над магистерской диссертацией, два летних сезона провел в Петербургских архивах. В столице он, имевший репутацию первого ученика Ключевского, быстро сделал знакомства с лидерами двух враждующих между собой групп историков. С.Ф. Платонов возглавлял «университетскую», достаточно благонадежную для властей группу. Что касается второй, то, «напротив, другая группа была определено «левой» и, как таковая, подвергалась правительственным гонениям.

Во главе ее стоял В.И. Семевский, историк крестьянского вопроса и русских общественных движений от декабристов до петрашевцев. Ему пришлось у нас, Москве, защищать свою диссертацию. В университете он не был терпим, и его большое влияние на молодежь основывалось на преподавании у себя на дому. Он был женат на вдове* педагога Водовозова, известной своими книгами для юношества; его старший пасынок, Николай Васильевич**, рано умерший, был одним из ранних марксистов, и через него я узнал о деятельности Ленина до отъезда за границу. Он был женат на моей

* Водовозова-Семевская Елизавета Николаевна (1844—1923) — писательница, общественная деятельница, мемуаристка.

** Водовозов Николай Васильевич (1878—1896) — экономист, публицист. В 1891 году исключен из Петербургского университета.

ученице М.П. Токмаковой*. Другой пасынок, Василий Васильевич**, стал специалистом по политической истории новой Европы и очень известным лексикографом. Он дожил до старости и, в тяжелых условиях эмиграции, кончил самоубийством в Праге. Единственным учеником В.И. Семевского по русской истории был В.А. Мякотин, неподкупный идеалист, стоявший тогда близко к народофильскому движению».

«Университетский» лагерь предпочитал не заниматься «опасными» темами. Лагерь же Семевского, наоборот, не интересовался древней русской историей. В кругу петербургских радикалов Милюков был принят как свой.

В.И. Семевского можно назвать «Некрасовым» русской истории. Сам себя он называл «мужицким историком». Накануне защиты своей магистерской диссертации на историко-филологическом факультете Петербургского университета в 1881 году 33-летний Семевский опубликовал в «Русской мысли» свою знаменитую статью, в которой призвал «отдать долг классу, которому мы обязаны всем». Семевский писал: «Наша современная интеллигенция, вскормленная грудью крепостных мамок, выращена на доходы, получившиеся при помощи крепостного труда, а теперь воспитывает своих детей на выкупные платежи за земли, облитые потом и кровью крепостных и в общественных заведениях содержимых преимущественно на народные деньги. При подобных условиях интеллигенция обязана трудиться на пользу крестьян и в жизни, и в науке».

Статья получила фурор, а диссертация «Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II» «патриотическим» советом факультета во главе с К.Н. Бестужевым-Рюминым не была допущена к защите. Как так: диссертант говорит о недостатках реформы 1861 года, что она ограбила крестьян и т.д.

Тогда Семевский обратился в Москву к В.О. Ключевскому и получил поддержку. Через год, 17 февраля в актовом зале Московского университета состоялась защита. Что нельзя в

* Водовозова (Токмакова) Мария Ивановна (1896—1954) — училась в Петербурге на Высших женских курсах. В 1901 году выслана из столицы под надзор полиции.

** Водовозов Василий Васильевич (1864—1933) — историк, экономист. В царские времена неоднократно арестовывался, сидел в крепости, ссылался. С 1922 года в эмиграции. Покончил жизнь самоубийством.

столице, можно в провинциальной Москве: «Присутствовала почти вся профессура и студенты университета, а также московская «публика», интерес которой был вызван как необычной темой диссертации, так и фактом отклонения ее в Петербургском университете. Защита прошла блестяще».

Как будто вернулись времена Грановского. «Правда еще жива», и «московские специалисты отнеслись к диссертации как истинные ученые». И «публика дружно рукоплескала, провожая Семевского». Триумф не только Семевского, но и Московского университета.

В.И. Семевский родился в семье мелкого помещика, отставного поручика, имевшего небольшое имение в Великолуцком уезде Псковской губернии и 100 душ крестьян. Семья — бедная, но пятеро братьев Семевских, в том числе и Василий (младший ребенок в семье, в которой была еще одна сестра — Софья), учились в кадетских корпусах, сам он поступил во 2-й кадетский корпус в Петербурге. Правда, на «казенный кошт». Софья поступила в Смольный институт благородных девиц. 2-й кадетский — старейший кадетский корпус в России с богатой историей. Здесь учился М.И. Кутузов, многие герои Отечественной войны 1812 года, декабристы, поэты. Преподавали известные русские академики, а когда-то, всего лет 10 назад — государственный преступник Н.Г. Чернышевский.

В стенах корпуса у Семевского впервые зародился интерес к русской истории, и после 4 лет учебы он переходит в 1-ю классическую гимназию уже с ясной целью — только выпускники гимназий имели право поступать в университет. В 1886 году с золотой медалью гимназия закончена. И чтобы получить «необходимый фундамент всех знаний без исключений» — знание естественных наук, он еще два года проучился в Медико-хирургической академии, лучшем заведении такого типа в России и, возможно, в Европе. Только перечисление имен ее выдающихся профессоров-ученых займет страницу — все первой величины в своих отраслях знаний.

Через два года Семевский перевелся на историко-филологический факультет Петербургского университета. Своей специализацией он избрал русскую историю. Еще недавно кафедру русской истории возглавлял блистательный Н.Н. Костомаров, неистовствовал в аудиториях университета и города старик К.Д. Кавелин, но ко времени поступления в университет Семевского — все в прошлом. Власть избавилась от бунтарей. Кафед-

ру русской истории с 1865 года возглавлял вполне благонамеренный и «управляемый» К.Н. Бестужев-Рюмин. Кроме того, у него, по свидетельству Е.Ф. Шмурло, «никогда не лежало сердце» к руководству исследовательской работой студентов и магистрантов». В письме к Шмурло Бестужев-Рюмин писал: «Ученым я не был, хорошим администратором тоже; по лени я мягкий человек и более ничего, <> ни сам нового ничего не создал, ни учеников не образовал».

Сам Шмурло, считавшийся «первым учеником» Бестужева-Рюмина, учителя характеризовал так: «Охарактеризовать памятник или некую категорию памятников, указать общие правила критики и анализа исторических источников, предостеречь от увлечений, отметить субъективную сторону мемуаров, крупное значение какого-либо документа — все это Бестужев выполнял мастерски, но он не любил и не умел вводить студентов в лабораторию исторической работы, руководить его занятиями».

Семевский пришел на исторический факультет, конечно, не для того, чтобы стать «стряпчим и исполнять «охранительные» обязанности по хозяйству от истории». Не для этого он читал статьи и книги Белинского, Чернышевского, Писарева. Кроме того, у него появился и наставник — Василий Иванович Водовозов (1825—1886), на квартире которого Семевский жил в университетские годы. В.И. Водовозов — известный педагог и писатель, оказал большое нравственное влияние на формирование молодого Семевского. На вдове В.И. Водовозова — Елизавете Николаевне Водовозовой (1844—1923) Семевский впоследствии женился.

В 1872 году после окончания университета Семевский был оставлен при кафедре для подготовки к профессорскому званию. «Не важно сколько ты поднял. Важно сколько ты напрягся». Свою магистерскую диссертацию Семевский задумал в трех томах, а защитил ее уже по одному первому тому. (Впоследствии, в 1901 году, вышел и второй том, а рукопись третьего тома «затерялась».) Над первым томом он работал восемь лет. А.А. Кизеветтер писал: «Нужна была исключительная ученая отвага, нужен был чрезвычайный объем исследовательского темперамента, чтобы решиться в одиночку, полагаясь только на собственные силы, поднять плугом ученого анализа необозримую новь в области русской исторической науки».

Историк считал, что история страны это, прежде всего, история народа, и в первую очередь его огромного большин-

ства — крестьянства, а «не славные деяния» Ивана Грозного, «Петра Алексеевича» или «Александра Павловича» и других царей и императоров. И не история госучреждений или внутренней и иностранной политики... Все это «внешняя история», внешнее проявление настоящей истории, настоящей неприукрашенной жизни.

Семевский проработал огромный массив архивных материалов. В.А. Федоров так описывает работу Семевского: «Автор раскрывает жуткую картину дикого барского произвола, бессмысленной жестокости и настоящего глумления над личностью крестьянина, причем не только в имениях какой-нибудь легендарной Салтычихи или провинциального «дикого барина», но и у помещиков просвещенных, известных в то время политических и общественных деятелей (у вельмож Паниных и Куракиных, екатерининских фаворитов Орловых, писателя и агронома А.Т. Болотова, поэта Г.Д. Державина, знаменитых полководцев П.А. Румянцева и А.В. Суворова. С цифрами и фактами в руках историк повествует о возмутительном торге крепостными». Писал Семевский и о недостатках проведенной 20 лет назад «Великой реформе».

Диссертация Семевского по сути стала вызовом и обвинительным актом политическому строю в России. И далеко вышла за рамки заурядной «диссертации», которые «пеклись» в те времена десятками. Неудивительно, что «хозяйственный» руководитель кафедры Бестужев-Рюмин вместе с членами Ученого совета не допустили Семевского к защите: император-освободитель Александр II только что, 1 марта 1881 года, был убит на Екатерининском канале Игнатием Гриневицким по приговору Исполнительного комитета «Народной воли». Членов Ученого совета можно понять.

В декабре 1882 года приват-доцента Семевского все-таки (Бестужев-Рюмин находился на лечении за границей) допустили к чтению лекций в Петербургском университете. Контроль за ним был жесткий. Писатель В.В. Вересаев вспоминал: «Однажды мы ждали Семевского в битком, как всегда, набитой аудитории. Вошел Семевский с целым сонмом всяческого начальства. Вошедшие разместились на первой скамейке, а Василий Иванович взошел на кафедру <> Однако содержание лекции нисколько не смягчал против обычного. Рассказывал он, как грозный стольник екатерининской Тайной экспедиции С.И. Шешковский (Радишев упал в обморок только от одного имени. — Ю.Д.) допрашивал некоторых сту-

дентов в связи с делом Н.И. Новикова, как сказал им: «Матушка-императрица приказала бить вас поленом, если вы во всем не сознаетесь» <> На лекции присутствовал попечитель округа генерал Новиков, товарищ министра народного просвещения М.С. Волконский, ректор университета юрист И.Е. Андреевский».

Бестужев-Рюмин написал письмо министру народного просвещения И.Д. Делянову, что Семевский сочувствует революционерам, в лекциях представляет историю крестьянства в слишком темных тонах и т.д. В 1886 году Семевский был уволен с кафедры по доносу редактора «Гражданина» князя Мещерского. Уволен Семевский был из Александровского лицея — его преподавание здесь оказалось еще более кратким.

В 1887 году этот же Делянов отставил от кафедры в Москве Максима Максимовича Ковалевского: дескать, «слишком умен». Ковалевский был богат и уехал за границу, а министр издал (все тот же — 1887 год) свой знаменитый циркуляр о «кухаркиных детях», по которому в гимназии и прогимназии допускались только дети, «находящиеся на попечении лиц, представляющих достаточное ручательство о правильном над ними домашнем надзоре». Умные не нужны, «безграмотными легче управлять» — знаменитая фраза того времени.

Через 14 лет в знаменитом Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона в статье о Семевском будет сказано, что чтением лекций по русской истории он: «Возбуждал стремление к серьезному изучению судеб русского народа и социально-экономических условий его жизни». И далее обтекаемо: «В 1886 году прекратил чтение лекций по независившим от него обстоятельствам». Именно в этом году и состоялось знакомство будущего лидера кадетской партии с опальным историком. Виц-мундир, в котором лектора тогда читали лекции в университете, был явно не для Семевского. Какой из него чиновник.

Изгнанный из университета, за границу он не уехал. Университетом стала его собственная квартира, здесь он читал свои лекции студентам всех факультетов. Сотни, может быть, тысячи студентов прошли через «университет» Семевского. Это и есть настоящая «школа», а не та формально-школярская, по которой самого Семевского надо считать учеником Бестужева-Рюмина. Ведь это при нем Семевский был отставлен «для подготовки к профессорскому званию». Неформальный авторитет и влияние Семевского были огромны.

Продолжалась и неустанная работа в архивах. Уже в 1888 году выходит двухтомная монография Семевского «Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века». В следующем году он защитил ее в Московском университете. Официальным оппонентом выступил В.О. Ключевский, который назвал труд «ценным вкладом в нашу историческую науку». Академия наук присудила Семевскому Уваровскую премию, Вольное экономическое общество наградило Большой золотой медалью.

Семевский легко, чисто и красиво «взял вес» — докторскую диссертацию. Как бы «между делом». Ему всего 41 год.

В «Брокгаузе» новый труд Семевского оценивался так: «Обнаружив в этом труде громадную эрудицию и дар тщательно-критического анализа источников, большею частью рукописных, С. дал блестящую характеристику отношений законодательства, литературы, общества и народа к вопросу об уничтожении крепостного права. В нашей литературе до тех пор не было отдельного труда, всесторонне обнимающего историю крестьянского вопроса в течение всей рассмотренной С. эпохи. Вывод, к какому приходит С., заключается в том, что теоретические основы освобождения крестьян были выработаны лучшими представителями нашей интеллигенции; программа по крестьянскому вопросу, выставленная русской интеллигенцией, позднее сделалась и правительственной программой, хотя и с некоторыми ограничениями (например, за крестьянами не сохранена вся земля, предоставленная им в пользование помещиками)».

Семевский первый сказал, что изучение истории русского крестьянства — это моральный долг интеллигенции. Сам он этот долг выполнил, за ним последовали другие: Венедикт Мякотин, например, Сергей Германович Пушкирев.

В 1891 году иркутский купец-золотопромышленник А.И. Сибиряков* предложил Семевскому написать историю рабочих сибирской золотопромышленности. Уже в мае 1891-го Семевский выезжает в Сибирь. Поездка длилась полгода. Он перетряс все губернские и уездные архивы, побывал почти на всех золотых приисках, завел массу знакомств с сибирской интеллигенцией, приобрел новый жизненный опыт. Вот также за год до Семевского на Сахалин уехал Чехов. В 1893—1894 годах

* Сибиряков Александр Михайлович (1849, Иркутск — 1933, Ницца).

его очерки о поездке на знаменитую каторгу произвели сильное впечатление и на читающую публику, и на власти. В 1895 году «Остров Сахалин» вышел отдельной книгой и вызвал сенаторскую проверку каторги, быт ее был улучшен. Семевский тоже помогает чем может приисковым рабочим, вступает в переписку с директором Горного департамента М.А. Денисовым (она длилась 6 лет — с 1892 по 1898 год), содействует распространению положения о пособиях на тех рабочих, которые получили увечья до его утверждения, и т.д.

В 1899 году в Петербурге выходит его третий капитальный труд «Рабочие на сибирских золотых приисках». По традиции — в двух томах. Труд получил Самаринскую премию. Статистик Н.А. Карышев писал Семевскому о его новом труде: «Классическая работа, которая никогда не может умереть». Прошло более 100 лет, и профессор В.А. Федоров пишет о «Рабочих на сибирских золотых приисках»: «Это было первое (и до сих пор остающееся единственным) обобщающее исследование о русской золотодобывающей промышленности, о положении и быте ее рабочих за полтора века существования».

Семевский продолжает упорно работать и над продолжением «Крестьян...». Уже в 1901 году выходит второй том, готовится третий. Но в 1903 году власти открыли материалы секретного делопроизводства о декабристах и петрашевцах. Конечно же, эта тема Семевского! «Крестьяне...» отставлены в сторону — его долг написать о тех, кто первыми выступили за народ. Он переписывает полностью или целиком материалы десятков следственных дел. В 1909 году было издано его четвертое (последнее) капитальное исследование «Политические и общественные идеи декабристов». Оно и положило начало научному исследованию этого первого этапа русского освободительного движения.

Помимо капитальных трудов Семевский опубликовал огромное количество статей в различных журналах: «Русской старине», «Вестнике Европы», «Бипом» и т.д. Он автор биографических очерков о княгине Е.Р. Дашковой, историке Н.И. Костомарове, В.И. Водовозове, основателе Харьковского университета В.Н. Каразине, исследователе Сибири Н.М. Ядринцеве, юристе, историке, основавшем вместе с Н.Н. Костомаровым и В.М. Белозерским Кирилло-Мефодиевское братство, шлиссельбургце Н.И. Гулаке и многих других. В «Русской мысли» Семевский выступил с большой статьей «Необходи-

мость отмены телесных наказаний» (1896, № 2, 3) — отменили в 1903 году.

В 1894 году Семевский был товарищем председателя Исторического общества при Петербургском университете (председатель Н.И. Кареев). Он был членом Комитета Литературного фонда. В течение многих лет вел большую работу в «отделе содействия самообразованию» при Педагогическом музее военно-учебных заведений. Образованных, мыслящих людей — вот чего не хватало. В 1896—1911 годах в Петербурге было издано 6 выпусков «Программы для самообразования». Дальнейшую работу прервала война, революция.

С 1904 года и до смерти Семевский возглавлял «Шлиссельбургский комитет». В 1907 году был издан сборник «Галерея Шлиссельбургских узников» — Семевский один из редакторов и авторов.

Вечером 8 января 1905 года Семевский вошел в состав делегации общественности из 10 человек (историки — Н.И. Карасев, В.А. Мякотин, К.А. Арсеньев, экономист А.В. Пешехонов, юрист И.В. Гессен, юрист, историк, статистик Н.Ф. Анненский, известный адвокат Е.И. Кедрин*, писатель Максим Горький, рабочий, один из руководителей «Собрания русских фабрично-заводских рабочих» в Санкт-Петербурге священника Г. Гапона — Д.В. Кузин), отправившейся к председателю Комитета министров С.Ю. Витте с просьбой не стрелять в намечавшееся на 9 января шествие народа к царю.

На следующий день произошло печально знаменитое «Кровавое воскресенье», открывшее путь первой и последующим русским революциям, гражданской войне, ГУЛАГУ. Делегация общественности была арестована по обвинению — «организация уличных беспорядков 9 января». И если другие члены делегации были быстро освобождены, то Семевский провел в Трубецком бастионе Петропавловской крепости несколько месяцев. Дело было закрыто только в ноябре — уже после «Манифеста», даровавшего стране демократические свободы.

В 1906 году вместе со своими друзьями Анненковым, Мякотиним, Пошехоновым Семевский стал создателем Трудовой народно-социалистической партии — партии неонароднического, крестьянского толка с ориентацией на ненасиль-

* Защищал когда-то Софью Перовскую и Александра Михайлова, главных, вместе с Андреем Желябовым и Игнатием Гриневицким, организаторов и исполнителей убийства Александра II.

ственные действия. И членом ее ЦК стал историк С.П. Мельгунов. В 1913 году Семевский помог Мельгунову основать и стал одним из редакторов одного из лучших русских исторических журналов «Голос минувшего».

Семевский предчувствовал приближающуюся смерть: 18 февраля 1916 года он составил завешание, в котором изложил проект публикации собрания своих сочинений. Этот проект не осуществлен до сих пор.

21 сентября 1916 года он менял книги в библиотеке Академии наук и скоропостижно скончался. «Я видел его еще не остывший труп на читательском столе. Под головой всюду — книги», — писал один из очевидцев смерти и похорон Семевского, скрывшийся за псевдонимом «Беломорцев»*.

«Их, этих седых юношей становится все меньше. Вчера, когда хоронили Семевского [они] зримо вернулись». Похороны были многолюдными. Были Максим Горький, Герман Лопатин, Владимир Бурцев, Павел Милюков, академик С.Ф. Ольденбург, ученики Семевского.

Карасев писал о Семевском: «Это был человек, которого нельзя было не уважать за стойкость убеждений и за нравственный ригоризм его общественного поведения». В роковом 1917-м вышел номер «Голоса минувшего», целиком посвященный памяти В.И. Семевского. В 1922-м в Москве был опубликован его незавершенный (но до сих пор лучший на эту тему) труд «М.В. Буташевич-Петрашевский и петрашевцы. Часть I». Вторая часть где-то «затерялась». До сих пор не опубликованы работы этого выдающегося историка и человека. Нет и его доскональной биографии, Семевский успел написать начало своей автобиографии («Голос минувшего». 1917, № 9—10. С. 7—48).

Сохранился лишь его огромный архив, в котором тоже масса рукописей.

Литература

Милюков П.Н. Воспоминания (1859—1917). Т. 1. М., 1990.

Федоров В.А. Семевский В.И. // Историки России. Биографии. М., 2001.

* «А.Беломорцев» — литературный псевдоним студента-историка Петербургского университета Алексея Алексеевича Иванова (1891, Архангельск — 1937, Суздальский политизолятор).

Шмурло Е.Ф. Очерк жизни и научной деятельности Константина Николаевича Бестужева-Рюмина. 1829—1897. Юрьев, 1899.

Кизеветтер А.А. Значение ученых трудов В.И. Семевского // Голос минувшего. 1917. № 1.

Вересаев В.В. В студенческие годы // Ленинградский университет в воспоминаниях современников. Т. I. Л., 1963.

Критский Ю.М. Эпистолярное наследие в архивах Москвы и Ленинграда // Археографический ежегодник за 1970 год. М., 1971.

Беломорцев Ал. На славном посту. Памяти В.И. Семевского // г. Архангельск, 1916. 11 октября.

Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. Л., 1990.

«СМЕРТЬ НЕ ДАЛА ТЕБЕ СТАТЬ ПЕРВЫМ В СВОБОДНОЙ РОССИИ»

Ковалевский Максим Максимович

*[27.08(8.09).1851, Харьков — 23.03(05.04).1916, Петроград].
Похоронен на Никольском кладбище Александро-Невской Лавры.*

Когда родился будущий ученый, его отцу — отставному генералу — было уже за шестьдесят. Известный дореволюционный журналист Аркадий Руманов писал: «М.М. Ковалевский был одной из колоритнейших фигур потонувшего мифа. Русский барин, помещик, типичный интеллигент, любитель острого слова и каламбура, превосходный рассказчик, профессорская голова, начиненная невероятным количеством знаний, по иным вопросам — ходячий университет, по эпохе английского короля Георга III и Звездной палаты — непревзойденный авторитет».

После окончания Харьковского университета Ковалевский был оставлен при нем для получения профессорского звания. Учителем Ковалевского был Дмитрий Иванович Каченовский. По его рекомендации Ковалевского и оставили для подготовки к профессорскому званию. Ковалевский вспоминал о Каченовском: «Он подготовил длинный ряд поколений в идеях гражданского равенства, публичности, свободы, народного самоуправления. <> Каченовский умер у меня на руках <> Я провел с ним последний день его жизни. С Каченовским исчез человек, в значительной степени определивший мою дальнейшую судьбу, — зародивший во мне первые семена политического свободомыслия, давший мне сведения о конституционных порядках западноевропейских стран».

В 1872 году в возрасте 21 года Ковалевский уехал за границу. Слушал лекции в Берлине, Париже, Лондоне. «Моя ум-

ственная жизнь была особенно деятельна в годы ученичества в Лондоне и Париже, то есть между 23 и 30 годами жизни, когда были намечены почти все темы, которые я разрабатывал и разрабатываю по настоящее время», — вспоминал он позже.

В Париже Ковалевский некоторое время занимался в *École des Chartes*. Павел Виноградов впоследствии отмечал в некрологе, что Ковалевский «не усвоил себе строгой техники в издании и критике источников, которой школа главным образом обязана своей славой, — кропотливая работа, точная до мелочей, была несвойственна нашему ученому, стремившемуся скорее к широким образам и обобщениям социологического характера, однако близость к одному из главных очагов французской эрудиции внушила Ковалевскому на всю жизнь интерес к первоисточникам и стремление знакомиться с сырым материалом из первых рук». В Лондоне Ковалевский часто посещал салон изгнанного из Германии Карла Маркса. Состоял с ним в переписке — она, к сожалению, не сохранилась. После пяти лет пребывания за границей Ковалевский вернулся в Россию и в 1878 году в Московском университете защитил магистерскую диссертацию «История политической администрации и политического суда в английских графствах с древнейших времен до смерти Эдуарда III». С этого же времени он стал преподавать в Московском университете.

Студентов, желающих слушать лекции Ковалевского, было так много, что ни одна университетская аудитория не могла их вместить. Читать лекции приходилось в актовом зале. К этому периоду жизни Ковалевского относится его знакомство с «великим старцем» — Львом Толстым, Иваном Тургеневым и другими. Коллега по университету Всеволод Федорович Миллер привлек Ковалевского к экспедиционным исследованиям на Кавказе. В итоге этих поездок был собран материал по истории правовой культуры народов Кавказа и написаны монументальные работы по истории обычного права: «Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении» (в 2-х томах. М., 1888) и «Закон и обычай на Кавказе» (в 2—4-х томах. М., 1890).

Вторая книга была издана уже после увольнения Ковалевского из Московского университета в 1887 году за «отрицательное отношение к русскому государственному строю», которое и не выражается прямо, но вытекает из «неуместного сравнения английских порядков с нашими и подкрепляется

соответственной интонацией». Министр народного просвещения граф И.Д. Делянов докладывал царю: «Лучше иметь на кафедре преподавателя со средними способностями, чем особенно даровитых, которые, однако, несмотря на свою ученость действуют на ум молодежи растлевающим образом».

Сам Ковалевский о своем увольнении говорил: «Я смог заняться своими исследованиями, ездить по миру. Если бы застрял в Москве, глядишь, и разменялся бы на мелкую борьбу с тем же Деляновым и его присными». Мудро поступил граф.

Ковалевский не был стеснен в средствах. Все свои многочисленные книги он издавал на собственные деньги. Он сам платил издателям и говорил: «Если бы не досталось мне от родителей имения, ни одна книга моя не увидела бы свет». Не нуждался он и в профессорском жаловании и сразу после увольнения уехал за границу и поселился на собственной вилле в Болье — лучшем месте французской Ривьеры. После смерти А.И. Герцена и И.С. Тургенева эта вилла во Франции стала духовным магнитом для русских свободолюбцев, их политическим и литературным центром. Здесь бывали А.П. Чехов, М.Горький, П.Д. Боборыкин, П.Л. Лавров, В.И. Фигнер и многие другие. Писатель Боборыкин, друживший с Ковалевским много лет, как его коренную душевную черту выделял — «жизнерадостность». Свои воспоминания о Ковалевском он так и озаглавил: «Жизнерадостный Максим».

Западные университеты: Стокгольмский, Парижский, Брюссельский, Оксфордский приглашали Ковалевского читать лекции. Неоднократно приходили приглашения и из Америки. В эти годы Ковалевский познакомился с Чеховым. Вместе они путешествовали по Италии. Вот отзыв писателя о Ковалевском: «Он на целых пять голов выше нашей столичной интеллигенции, ежедневно справляющей юбилей». Имя Ковалевского уже давно было легендой. Чехов, только познакомившись с Ковалевским, писал: «Это тот самый Ковалевский, который был уволен из Московского университета за вольнодумство и в которого незадолго до смерти была влюблена Софья Ковалевская».

Знаменитый русский математик Софья Ковалевская, так же как и ее однофамилец Максим Ковалевский, была фактически изгнана из России и работала в Швеции. Уже после смерти Ковалевской Ковалевский писал о ней: «По воспитанию и по своей деятельности она принадлежала Западу, и, в

частности, Швеции и Стокгольму, который приютил ее тогда, когда в России ей можно было найти место только учительницы арифметики в первых трех классах женской гимназии». Решительное объяснение влюбленных состоялось на его вилле в Бонне. Ковалевский сказал: «Нет». Возвращаясь в Швецию, Софья Ковалевская во время морской переправы с европейского материка на Скандинавский полуостров всю ночь ходила по палубе парохода. В итоге — простуда и смерть. Дочь Софьи Ковалевской от первого брака Максим Ковалевский удочерил.

Е.В. Спекторский писал, что М.М. Ковалевский оказал значительное влияние на все научные дисциплины, в которых работал, но не оставил школы. Если под «школой» понимать нечто узкое и субординационное, то это так. Посредственности льстит принадлежность к некоей «школе». Ковалевский сам отмечал в своих мемуарах, что ему редко приходилось встречать среди молодых людей, «оставленных для подготовки к профессорскому званию» при русских университетах, таких, которые могли бы повторить гордые слова Чацкого: «Служить бы рад, прислуживаться тошно».

А что касается профессоров, то, как писал известный историк С.А. Набелев: «В начале XX века их обуяло стремление «создать школу» и они предлагали кандидатов к оставлению без особого отбора и в больших количествах... Оттого-то у нас и получилось так много специалистов по русской литературе, русской истории, философии». Специалистов-то было много, но каково их качество?

В 1901 году в Париже Ковалевский создал Русскую высшую школу общественных наук. Со всей царской России потянулась сюда молодежь слушать опальных лекторов: социологов Е.В. де Роберти, Ю.С. Гамбарова, статистика С.П. Чупрова, историка Н.Я. Новомбергского, И.И. Мечникова и других русских профессоров. Среди лекторов были и лидеры запрещенных политических партий: социал-демократов — В.И. Ленин, Г.В. Плеханов, социалистов-революционеров — В.М. Чернов, будущих конституционных демократов — С.А. Муромцев, М.М. Винавер, О.Н. Милюков, П.Б. Струве.

Французский социалист Андре Гильбо, автор первой «толстой» биографии Ленина, приводил в этой книге отзыв Ковалевского о работе Ленина «Развитие капитализма в России» — «Какой хороший профессор мог бы выйти из Ленина».

Из учеников этой школы Ковалевского, впоследствии ставших известными людьми, можно назвать будущего лидера Коминтерна Григория Зиновьева (Е.А. Раджомысльского), Артема (Ф.А. Сергеева), Конкордию Самойлову (Громову) и многих других. Вообще Париж после русских университетских волнений 1899—1901 годов был буквально наводнен исключенными из университетов студентами, и создание здесь Высшей русской школы было весьма своевременно.

Большую часть своей жизни Ковалевский прожил на Западе. Один из самых выдающихся его учеников — социолог Питирим Сорокин писал через несколько дней после смерти Ковалевского: «Можно немало рассказать о западных друзьях Ковалевского. Когда-нибудь биографы и историки расскажут об этой хорошей и интересной странице нашего научного и социального общения с западом». И действительно, все выдающиеся и известные люди Европы были его друзьями и знакомыми: Г. Спенсер, Ф. Тейлор, Маркс и его друг Энгельс, Э. Вандервельде, Эрнест Соловей, Гильом де Грееф... Огромнейший архив Ковалевского после его смерти оказался разбросан по разным странам. Только в одном амстердамском Институте социальной истории хранятся десятки и сотни писем Ковалевскому от его иностранных корреспондентов. Письма сгруппированы по папкам с надписями: «Французские ученые, общественные и политические деятели», «Итальянские ученые, общественные и политические деятели», «Английские ученые, общественные и политические деятели». В папке «*Varia*» письма из США, Канады.

В 1905 году Ковалевский возвращается в Россию. На этот раз в Санкт-Петербург. Активно включается в общественную, научную, политическую, педагогическую жизнь столицы и России. По его инициативе в 1908 году в Петербурге создается Психоневрологический (частный) институт. «Справка о политической благонадежности» для поступления в институт не требовалась, и молодежь повалили туда валом. В Москве при активной поддержке Ковалевского был создан институт имени Шанявского. Студент той поры С.К. Сочивко писал: «Не разбираясь в научной ценности профессоров, их политических программах, юные, почти дети, мы определяли их каким-то особенным внутренним чутьем и шли за изгнанниками в Народный университет имени Шанявского, шли слушать князя С.Н. Трубецкого, П.Н. Новгородцева и других, шли улавливать их особый тон, особую сердечность, — шли не только за на-

учной истиной, но и «за движением общества и страны». Ковалевский становится основателем либеральной «Партии демократических реформ», от родного Харькова был избран в первую Государственную Думу, а в 1907 году как представитель от университетов — в Государственный Совет, где стал лидером небольшого либерального меньшинства.

В 1910 году Ковалевский приобретает и начинает редактировать знаменитый журнал «Вестник Европы». В 1914 году его избирают академиком Императорской Академии наук (членом-корреспондентом он был с 1899 года). Впрочем, для Ковалевского это была не такая уж большая честь. Скорее, честь для Академии, что в ее рядах оказалась такая «глыба», как М.М. Ковалевский. Российские академики слишком уж запоздали: за 30 лет до избрания в российскую Ковалевский был уже избран членом нескольких европейских Академий.

В годы Первой мировой войны Ковалевский занимал активную пацифистскую позицию, был председателем Санкт-Петербургского «Общества мира». Полиция вела за ним неусыпные наблюдения, перлюстрировала почтовую корреспонденцию. Пацифистскую линию Ковалевский отстаивал всеми доступными средствами: статьями в журналах и газетах, речами в Государственном Совете, руководством различными организациями, деятельность которых была направлена на сближение наций (Общество английского флага в России, Общество имени Шевченко, Общество славянского научного единения, Общество англо-русского сближения, Общество сближения России с Америкой).

В России, охваченной в первоначальный период войны приступом шовинистического патриотизма, эта позиция Ковалевского была поначалу непопулярна, но неудачный ход войны для России сказался позднее, и позиция различных общественных сил (а, главное, солдат в окопах) по отношению к войне эволюционировала.

Только перечисление всех постов, регалий и т.д. Максима Максимовича Ковалевского заняло бы здесь не одну страницу. Один из учеников Ковалевского по Петербургскому университету Макс Лазерсон (1877—1951, Нью-Йорк) писал, например, много лет спустя, что только «количество речей в Государственном Совете, в которых Ковалевский обращается к Соединенным Штатам как к модели, необходимому прецеденту или источнику важной информации, изумительно. Тщательное изучение стенографических отчетов Совета с

марта 1907 года до марта 1916 года, когда он умер, показывает упоминание Соединенных Штатов в связи с совершенно разными областями: конституционное право, самоуправление, включая земства, конституционные права и автономия Финляндии, уголовное судопроизводство, отсрочка приговора, местное судопроизводство, аграрная реформа и защита русской деревенской общины, экспансия России в Приморье, Амурском регионе и на границе с Маньчжурией, подоходный налог, контракты в нефтедобывающей отрасли, реформа экономики, технология русской железнодорожной системы, порто-франки и таможенные пошлины, программа курсов при университете и даже такие абстрактные предметы, как академическая свобода и свобода религии. Когда мы читаем его речи о расширении земского самоуправления в Сибири, взаимосвязи между политическим сознанием, местной культурой и плотностью населения, иллюстрированные примерами колониальной Америки и Соединенных Штатов, то чувствуем, будто находимся на потрясающе богатой лекции, построенной на сравнительном экскурсе в прошлое Америки и России...»

М.М. Ковалевский был выдающимся русским историком мирового значения, но ныне его исторические труды забыты как в России, так и на Западе. В самой России о нем изредка вспоминают как о социологе, еще реже как о политическом деятеле. Как о крупнейшем общественно-культурном деятеле России о нем еще предстоит подробно рассказать.

С началом Первой мировой войны и даже ранее научная деятельность у Ковалевского хотя и отошла на второй план, но он ежедневно продолжает диктовать своему секретарю Пилириму Сорокину статьи, перерабатывает и издает свои прежние научные труды. В 1914 году была опубликована работа Ковалевского «Происхождение семьи, рода, племени, собственности, государства и религии».

Более 40 лет Ковалевский писал статьи в газете «Русские ведомости», авторитетнейшем русском издании того времени. «Такой газеты, как «Русские ведомости», во всем мире нет», — говорил Максим Максимович. И не было после и не будет уже никогда — добавим мы. Ушла эпоха, нет того воздуха, предощущения свободы, которым жила царская Россия до октября 1917-го. «Русские ведомости» — либеральная газета нашего детства — по ней мы учились читать», — писал уже в изгнании большой русский писатель Борис Зайцев.

В марте 1916 года М.М. Ковалевский простудился. Воспаление легких осложнилось острым сердечным заболеванием. Аркадий Руманов писал: «Умирал Ковалевский от мучительной болезни. Последние часы у него сидел его ученик Питирим Сорокин и по просьбе умирающего друга прочел ему Лермонтова «По небу полуночный ангел летел». И когда он кончил:

И песен небес заменить не могла
Ей скучные песни земли... —

Максим Максимович слабым голосом прошептал: «А как еще этих скучных песен хотелось бы послушать!»

Похоронили Ковалевского на Никольском кладбище Александро-Невской Лавры. По некоторым данным в похоронах принимало участие до 100 тысяч человек. Один из участников похорон — Сергей Анисимов — вспоминал: «Процессия растянулась по Невскому проспекту так, что когда голова была уже за Николаевским вокзалом, последние ряды еще не сворачивали с Литейного. Участники похорон шли в глубокой печали, ухо поражала необыкновенная тишина, среди которой слышался только топот ног. Он умер 65 лет от роду».

Студенты на руках несли гроб с телом Ковалевского, на венке от студентов политехнического института было написано: «Смерть не дала тебе стать первым в свободной России». Над раскрытой могилой речи произнесли П.Н. Милюков, члены Государственного совета Д.Д. Grimm, Ф.И. Родичев, академик В.М. Бехтерев, редактор «Вестника Европы» профессор А.С. Плотников и другие выдающиеся деятели страны. От имени учеников выступил Питирим Сорокин: «Любите истину и никогда и ни за что не уступайте ее», — вот то, чему учил нас Максим Максимович... и мы, ученики его, прощаясь навек с дорогим для нас учителем, не забудем этой заповеди, которую сам Максим Максимович ни разу в жизни не нарушил». Ф.И. Родичев сказал: «Страна, которая хоть один день была свободной, не может остаться в рабстве, и она будет свободной. Здесь, у этой могилы, мы даем обещание добиться ее свободы».

Яркую речь произнес Михаил Туган-Барановский, сказавший, что «со времени смерти Льва Толстого русское общество не переживало такой крупной потери... Русский народ, конечно, не знал Ковалевского, но русская интеллигенция редко кого так любила. Он был для нее не профессор Кова-

левский, и тем более не член Государственного совета, а Максим Максимович».

Спустя 85 лет нам остается только мечтать о появлении таких профессоров, как Максим Ковалевский...

Литература

Руманов А. Штрихи к портретам. М.М. Ковалевский // *Время и мы*. Нью-Йорк, 1987. № 95.

Виноградов П.Г. М.М. Ковалевский. (Некролог) // *Известия Императорской академии наук*. 1916.

Сорокин П. М.М. Ковалевский и его западные друзья // *Биржевые ведомости*. 30 апреля (13 мая) 1916 года.

очивко С.К. Шестая симфония. (О Московском университете) // *Памяти русского студенчества*. Сборник воспоминаний. Париж, 1934.

Зайцев Б. *Собрание сочинений в пяти томах*. Т. 5. М., 1999. С. 504.

Серков А.И. Ковалевский Максим Максимович // *Русское масонство. 1731—2000*. Энциклопедический словарь. М., 2001.

Вилич В. Умер М.М. Ковалевский // *Вестник знания*. СПб., 1916. № 3.

Ерман Я. У могилы Ковалевского // *Путь студенчества*. 1916. № 2—3.

«СТОЮ НА ЭТОМ — ИНАЧЕ НЕ МОГУ»

Кареев Николай Иванович

[24.11(07.12). 1850, Москва — 18.02.1931, Ленинград].

Похоронен на Смоленском православном кладбище.

Удивительно, но в «Русской историографии» Георгия Вернадского имя крупнейшего, если не самого крупного специалиста по новой истории — Н.И. Кареева не встречается. Есть имена И.В. Лучицкого, Р.Ю. Виппера, А.Н. Савина, Е.В. Тарле — и все. По каким причинам Кареев не попал в историю русской исторической науки Вернадского, не понятно. В Советском Союзе Кареев, авторитетнейший русский ученый с мировой репутацией, имевший в течение десятилетий большое

влияние на российскую молодежь и все русское общество, в декабре 1930 года был подвергнут грубой критике академиком Н.М. Лукиным на заседании «методологической секции Общества историков-марксистов» в Москве.

Это общество и было создано специально для борьбы с остававшимися еще от старых времен настоящими просто историками. Только что закончился один из первых сфальсифицированных ОГПУ судебных процессов против старой интеллигенции — процесс «Промпартии». В Москве и по всей стране прошли многотысячные демонстрации, требующие «расстрелять контрреволюционную сволочь». Арестованы сотни, тысячи ученых. Готовятся новые «показательные процессы» над интеллигенцией. Кареев — прекрасная цель для битвы. Стопроцентный интеллигент. Бывший кадет.

Н.М. Лукин (его арестуют в 1938 году, через два года он умрет в тюрьме) обвинил Кареева в «реставрационных стремлениях», «антимарксистских выкриках» и т.д. Ленинградские газеты обвинения тут же распечатали. Свое дело «журналист-

ты» знали. Кареев, которому в декабре 1930 года исполнилось 80 лет, пытался протестовать, написал письмо президенту советской Академии наук А.П. Карпинскому: «Не садиться же на старости лет в тюрьму». В тюрьму Кареев не попал — он умер 18 февраля 1931 года. Имя его исчезло надолго, даже Вернадский «запамятовал». Но сохранился его огромный архив (не весь, конечно, многое дочь сожгла), сохранились его воспоминания.

За три года до смерти он писал: «Я не только не изменился, но и не хотел измениться не по внутреннему убеждению, а в порядке приспособления <> Не нужно ни компромисса, ни притворства, то есть дела для меня обстояли так же как тогда, когда от меня министр Боголепов требовал подачи прошения об отставке, что для меня было признаком своей неправоты, противной голосу и чести». И повторил вслед за Лютером его знаменитые слова на Вормском сейме: «Стою на этом — иначе не могу». С кафедры совести и чести Кареев не сошел.

В период «перестройки» в СССР о Карееве вдруг вспомнили и в соответствии с конъюнктурой стали писать: пришел к признанию советской власти, относился к В.И. Ленину «как ученый к ученому», в его доме царил «атмосфера уважения к имени Ленина» и т.д.

В своих воспоминаниях «Прожитое и пережитое», написанных в основном в 1921 году, дополненных двумя главами в 1927-м и одной (последней) — в 1928-м, Кареев ни разу Ленина не упомянул. Хотя и надеялся на их публикацию в советской печати.

В феврале 1929 года Кареев был вдруг избран «почетным членом» АН СССР. Отнесся к этому равнодушно.

Но по порядку. Кареев был внуком генерала, сыном военного. Детство провел в деревенской и уездной России, усердно читал Евангелие, был лунатиком. В 15 лет поступил в Первую Московскую гимназию при храме Христа Спасителя (а затем в новую — пятую, в том же здании). Сохранил о ней самые лучшие воспоминания. Вспоминал о тех годах: «Свободный дух шестидесятых годов не уступил еще места катковщине. В гимназии царил порядок и дисциплина, но ученики не были запуганы, и педагоги, большей частью, были гуманные...» Жизнь менялась и в России. Еще не так давно учеников-гимназистов секли, а подзатыльниками угощали вообще без церемоний. Самый близкий друг его в гимназии — Вла-

димир Соловьев, сын знаменитого историка и будущий знаменитый философ. В 16 лет Кареев присутствовал на всенародном молебне на Красной площади по случаю чудесного спасения императора от выстрела Каракозова и купил портрет Комиссарова.

Но уже через год стал радикалом, мечтал о революции, читал Писарева, «Что делать?» Чернышевского. Гимназию Кареев окончил с золотой медалью и поступил в Московский университет. Слушал лекции по русской истории С.М. Соловьева и по всеобщей истории М.С. Куторги и В.И. Герье. Куторга — первый в России специалист по греческой истории. «Лекции его мне понравились», — вспоминал Кареев. Герье же оказался, как преподаватель, наиболее дельным — «он прочитал при мне в три года очень систематический и содержательный курс западноевропейской истории от конца Римской империи до Французской революции и лучше, чем кто-либо, поставил у нас семинарские занятия. Он был, пожалуй, самым требовательным экзаменатором». Кареев стал вторым из четырех знаменитых учеников Герье (В.О. Ключевский, П.Г. Виноградов, А.А. Кизеветтер). Как раз во времена Кареева Герье впервые в России ввел в Московском университете семинарские занятия по своему предмету. За ним последовал С.М. Соловьев, введя семинары по русской истории.

Карееву повезло, что его учитель (Герье) оказался строгий. Герье дал своему ученику хороший старт, научил думать, приучил к дисциплине. В университете Кареев учился одновременно с П.Г. Виноградовым: «Часто помню, возвращаясь с вечернего семинария у Герье на дому, мы заходили вдвоем в ресторан закусить и побеседовать», — вспоминал Кареев в 1921 году.

В 22 года Кареев закончил университет, был оставлен Герье для подготовки к профессорскому званию и стал преподавать историю в Третьей Московской гимназии. Политические взгляды учителя и ученика были весьма различны: один — консерватор, другой — радикал. Но делу это не мешало.

Кареев сдал магистерские экзамены и в 1877 году уехал за границу. Обычно заграникомандировки «оставленным» давали на два года, но Кареев попросил год — «боялся соскучиться». Жил в Париже, работал над диссертацией.

Вдова историка М.С. Коремина — Н.П. Коремина много лет спустя так описала внешность Кареева в юности: «Мне он внушал некоторый страх своей импозантной наружностью. У не-

го был большой лоб, длинные русые волосы, голубые глаза, правильные черты лица. Во всей фигуре было что-то олимпийское. Он был очень хорошо сложен, хотя не высок ростом. Вообще был красив». В общем-то, Кареев и был создан для Парижа. Он был здесь «счастлив». В пушкинском понимании — покой и воля. «Это было хорошее, очень хорошее время моей жизни. Полнейшая свобода в распоряжении своим временем, отсутствие внешних обязанностей, возможность всецело предаться работе над одним научным вопросом в обстановке отличных библиотек и архивов, масса новых впечатлений, часы отдохновения в тесном кругу симпатичных людей — все это делало мою жизнь счастливой». Раз и навсегда исчезли неврастенические припадки, мучившие его в России. Париж стал для него родным городом. Карееву повезло. Он жил в молодости в Париже и потом неоднократно сюда возвращался, до конца дней любил и вспоминал этот город.

Кареев жил в меблированных комнатах на углу бульваров Сен-Мишель и Сен-Жермен. Бродил по набережной Сены, как когда-то в Москве по Пречистинскому бульвару, встречался с вождями русских революционеров П.Л. Лавровым и П.А. Кропоткиным, заходил на лекции знаменитостей в Сорбонну и в Коллеж де Франс. Воочию наблюдал политическую жизнь французской Макмагоновской республики и следил за ходом русско-турецкой войны по «Le Temps». В сущности, Париж тогда был центром Европы и мира. Год жизни в Париже — это образование, стоящее нескольких «Московских университетов».

В 1878-м пришлось возвращаться в Москву. Кареев вспоминает: «Историей крестьянского вопроса во Франции я занялся ввиду того важного значения, какое имел тот же вопрос для России и после освобождения крестьян, а вообще интерес к Французской революции не может быть вполне понятным ввиду того, что, как не я один думал, рано или поздно и у нас должна произойти революция».

Диссертацию Кареев сначала назвал: «Французская революция и крестьянский вопрос», но В.О. Ключевский спросил: «А вы не боитесь, что вас обвинят в социализме?» И чтобы не упоминать слово «революция» (после года свободной жизни в Париже Кареев, видимо, «забыл», что монархическая Россия это не республиканская Франция), заголовок диссертации был изменен на: «Крестьяне и крестьянский вопрос во

Франции в последней четверти XVIII века. По неизданным источникам».

Защита состоялась в 1879-м. Оппонентами были Герье и Виноградов, «от публики» выступил Максим Ковалевский. Он расхвалил диссертацию, Герье же был недоволен — в диссертации «пахло социализмом». Профессор был с диссертантом резок настолько, что после диспута Кареев не счел возможным с ним встречаться. И только через четыре года, когда понадобилось защищать докторскую, «мир был восстановлен». Ковалевский же один экземпляр диссертации Кареева послал в Лондон Карлу Марксу и получил от знаменитого экономиста «сочувственный» отзыв на нее.

В.М. Кареев в Энциклопедии «Отечественной истории» пишет: «По признанию французских историков, исследование Кареева о положении французского крестьянства накануне революции 1789 года проложило дорогу для дальнейшего изучения крестьянского вопроса во Франции. Работа Кареева конца 70-х — начала 80-х годов стали одной из вех, которыми отмечено складывание т.н. русской исторической школы (П.Г. Виноградов, М.М. Ковалевский, Кареев)». Действительно, до Кареева «проблемы» французского крестьянства в период Великой французской революции серьезно не изучались и в самой Франции. И Кареев своей магистерской диссертацией сразу «занял нишу». За ним пошли М.М. Ковалевский, И.В. Лучицкий... Так появилась «русская школа» в изучении аграрного вопроса в Великой Французской революции.

Кареев же после защиты с тоской, в том же 1879 году, уехал в Привислинский край — в русскую Польшу — в провинциальный, еще 10 лет назад бывший просто «Главной школой», Варшавский университет. В Московском университете места ему не нашлось. «Не заманчивая была бы задача явиться там, среди родственного славянского народа, не казенным обрусителем, но человеком, который бы явился представителем гуманной, либеральной, прогрессивной части русского общества, раз историческая судьба соединила Польшу с Россией. Займусь и я там историей Польши, во многих отношениях интересной». В Варшаве Кареев в 1881 году женился на москвичке Сонечке Линберг (вскоре родился сын Константин).

В год женитьбы Кареев опубликовал «Очерки истории французских крестьян с древнейших времен до 1789». Исполняя «задачу», печатал в «Русской мысли» свои (без подписи) «Польские письма», часто ездил в Москву и за границу. Так

что из пяти «варшавских» лет почти половину он был вне Варшавы. Воспоминания о профессорстве в Варшаве закончил так: «Я всегда был врагом всякой национальной исключительности и розни, всякого квасного патриотизма, шовинизма и т.п., всегда мечтал в духе завета Мицкевича о времени, «когда народы, распри забыв, в великую семью соединятся», всегда в особенности думая о необходимости русско-польского «примирения». Мое политическое поведение в Варшаве определялось этим настроением, а, между тем, я видел, что в Варшаве русские люди только и делают, что всячески теснят поляков и своей некультурностью позорят русское имя, к чести которого я не мог быть равнодушен на чужбине».

Все-таки взгляды Кареева в тот период были достаточно «политически скромными», чтобы, когда в 1885 году в Петербургском университете умер профессор новой истории В.В. Бауэр, Кареев занял его место. За год до этого, в 1884 году, в Московском университете он защитил свою докторскую диссертацию «Основные вопросы философии истории». Диспут прошел «совершенно гладко».

Польше Кареев посвятил около двух десятков статей. В 1882 году вышли две книги: «Исторический очерк польского сейма» в Москве и «Падение Польши в исторической литературе» в Петербурге. В 1905 году Кареев издал в Петербурге отдельный сборник своих статей по польским делам «полопис».

Стать в 35 лет профессором столичного университета совсем неплохо — хороший город, хорошее жалование. Кроме того, Кареев стал преподавать в Александровском лицее (и преподавал там 22 года) и с 1886 года (в этот год у него родилась дочь) на Высших женских курсах. Денег (не то, что в юности) более чем достаточно. «На историко-филологическом факультете было немало националистов, несочувственно относившихся к моему западничеству и либерализму», — проскальзывает в воспоминаниях. А факультет возглавлял «М.И. Владиславлев, профессор философии, натура довольно грубая, автор «Психологии», в которой, между прочим, степень уважения или пренебрежения к человеку измерялась высотой получаемого им дохода». Кто такой этот ныне всеми забытый Владиславлев? (В 1887 году этот человек стал еще и ректором Петербургского университета.) Оказывается, учился в Петербургской духовной академии, защитил диссертацию о «душе». Православный человек.

В общем, середина восьмидесятых годов — время «жесточайшей реакции». Был, конечно, Василий Семевский (на два года старше Кареева), которому не дали лекций ни в университете, ни в Лицее... Но он уже вне стен истфила. Таким образом, Кареев стал почти единственным представителем «западничества» и «либерализма» в этом казенном университете. Студенты Кареева любили. В 1890 году выходит его большая книга «Сущность исторического процесса и роль личности в истории». Еще раньше был опубликован большой труд «Литературная эволюция на Западе» (1886). В 1889 году Кареев организовал Историческое общество при Петербургском университете и стал его председателем. Заседания общества привлекали огромное количество людей, прежде всего молодежи. Из-за «направления» общество преследовалось властями и деятельность его в конце концов заглохла. Однако под редакцией Кареева было издано 22 тома неперIODических сборников общества «Историческое обозрение», а выделившаяся из него «русская» секция под руководством слушателя Кареева А. Лаппо-Данилевского продолжала успешно работать вплоть до голодной смерти своего руководителя в 1919-м.

В 1892 году Кареев начал публиковать свой монументальный труд «История Западной Европы в новое время» (до 1917 года вышло 7 томов), в которой довел историю Западной Европы вплоть до Первой мировой войны. Написана она с русским размахом: Это не только политическая и культурная история, но экономическая и социальная. Такого еще не было ни в России, ни на Западе.

В 1899 году, когда после 14-летнего преподавания в университете Кареев, наконец, был изгнан оттуда властями, как «неблагонадежный», ему шел уже пятидесятый год. Сделано было не мало. Среди своих учеников в этот первый период работы в Петербургском университете Кареев назвал:

1. Ону Александр Михайлович (1865—1938). Умер в эмиграции.

2. Юделевский Яков Лазаревич (1865—1956). Стал известным социологом. Умер в эмиграции.

3. Гримм Эрвин Давидович (1870—1939). В 1911—1918 годах — ректор Петроградского университета. Погиб при неясных обстоятельствах.

4. Бутенко Вадим Апполонович (1877—1930). После 1917 года — профессор в Саратовском университете.

И целый ряд других.

Поскольку в университете отсутствовал штатный профессор русской истории, то Кареев был автором отзыва на магистерскую диссертацию А.И. Лаппо-Данилевского и первым оппонентом на диспуте.

К кругу Кареева принадлежал и Венедикт Мякотин, который избрал, правда, своей специализацией не западноевропейскую историю, а русскую!

Оставив университет, Кареев вел большую работу по редактированию исторического отдела, выходившего с 1890 года, Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона. Тома выходили один за другим.

В конце 1890-х Кареев также очень много дискутировал с марксистами, и в аудиториях, и в печати. Те, в свою очередь, критиковали Кареева. Он «ссорился» не только с властями, но и со студентами. Вероятно, к 1899 году относится эпизод: «Один раз мы убеждали его (студента. — Ю.Д.) втроем, именно Гревс, Ольденбург и я, но на все наши аргументы он отвечал так: «Вижу, господа, вы совсем не понимаете, для чего существует университет». «Мы-то понимаем, — сказал я. — А вы как понимаете?» «Чтоб готовить революцию». Таких студентов было подавляющее большинство...

1902 год. Выходит книга Кареева «Политическая история Франции в XIX веке».

15 июля 1904 года бывший студент Московского университета эсэр Егор Сазонов убил министра внутренних дел В.К. Плеве...

9 января 1905 года «Кровавое воскресенье» в столице. Московские «Русские ведомости» на следующий день писали: «Гремят выстрелы <> льется кровь <> Масса убитых и раненых; это сообщается не с театра военных действий (с Японией. — Ю.Д.), а из Петербурга». Накануне расстрела Н.И. Кареев был в составе делегации к премьеру С.Ю. Витте, пытавшейся предотвратить расстрел. Вскоре все члены делегации, кроме Арсеньева, арестованы.

4 февраля 1905 года в Кремле бывший студент истории Московского университета Иван Каляев метнул бомбу в карету великого князя Сергея Александровича. Князь разорван на куски. Организовал это и множество других громких покушений студент Петербургского университета Борис Савинков. Совсем недавно Кареев убеждал его в нецелесообразности студенческой забастовки, которая стала поводом для увольнения Кареева.

Первая русская революция закончилась тем, что Россия стала конституционной страной. В 1906 году Кареев вернулся в университет. Второй раз и уже окончательно он был отставлен от преподавания большевиками в 1923 году.

Десять лет до февраля 1917 года — «Золотой век» Петербургского университета. Только историков сколько выдающихся: Тураев, Платонов, Ковалевский (вернулся из многолетней эмиграции), Шляпкин, Лаппо-Данилевский, Ростовцев, Гревс. Казалось, вот-вот, и Россия, быстро двинувшаяся после 1905 года по пути прогресса, станет нормальной страной. Появился парламент, политические партии, свободная пресса, мощно развивалось в результате столыпинских (с его «ставкой на сильного») реформ сельское хозяйство, по планам, профинансированным Государственной Думой, уже в 1920-х годах страна должна была стать полностью грамотной. Кареев активно участвовал в этом преобразовании России. Он — один из создателей конституционно-демократической партии, член первой Государственной Думы от столицы. Одновременно преподавал на Высших женских курсах (откуда был уволен одновременно с университетом), в открытом в 1908 году Частном Психоневрологическом институте и писал, писал, писал.

1908 год. Опубликована его работа «Происхождение современного народно-правового государства».

В 1916 году он — один из основателей Русского социологического общества имени умершего в этом году М.М. Ковалевского. В 1917 году Кареев избран Президентом Международного института социологии, в 1919 году — председателем (вместо умершего Лаппо-Данилевского) Русского Социологического общества. В том же 1919 году опубликованы его «Основы социологии».

В 1922 году — первый оппонент на защите первого русского доктора социологии Питирима Сорокина в Историческом институте Петроградского университета. Много лет спустя после смерти, в 1996 году в Петербурге была издана рукопись Кареева «Основы русской социологии», которую было бы правильнее озаглавить «История русской социологии». А сколько еще не издано!

Кареев имел совершенно феноменальную работоспособность. Библиография только опубликованных его работ составляет несколько сотен названий! А ведь в «Истории Западной Европы» изложение истории только одного XIX века соста-

вило 2400 страниц. Как успевал писать, обдумывать, собирать материалы, проверять факты (девиз Л. Ранке «Как на самом деле было» был и его девизом) и т.д., совершенно непонятно.

В 1911 году вышла и была мгновенно раскуплена последняя крупная дореволюционная работа Кареева «Парижские секции времен Французской революции (1790—1795)». В ней — вопросы рабочего движения, экономической стороны революций, организации населения в политическом движении, все это стояло в повестке дня современной России. Эти же вопросы в течение целого десятилетия стали темой замечательного семинара Кареева в университете и на Высших женских курсах. На основе этого семинара сложилась вторая группа учеников выдающегося историка:

1. Казанский Сергей Васильевич. Умер в 1918 году.
2. Шульгин Александр Яковлевич (1889—?). С 1920 года в эмиграции.
3. Соколов Николай Петрович.
4. Попов-Ленский Иннокентий Лаврентьевич (1893—?). В 1923 году находился в Иркутской ссылке.
5. Петров Евгений Николаевич (1888—1942?). В 1933 году — доцент ЛГУ.
6. Бирюкевич Владимир Владимирович (1895—1954). При советской власти преподавал в ленинградских вузах.
7. Данини-Глаголева Софья Михайловна (1884 — после 1941). В 1930 году арестована. Находилась в ссылке в Северном крае (Архангельская область).

И другие. Например, Я.М. Захер (1893—1963), находившийся в 1938—1951 годах в лагере, а затем до 1953 года в ссылке.

В опубликованной в 2000 году статье о Карееве читаем: «Гражданская война своим черным крылом не коснулась ни семьи Кареева, ни его самого».

Сентябрь 1918 года. 68-летний Кареев арестован вместе со всей семьей в деревне Зайцева (Смоленская губерния) и находился под домашним арестом пять дней.

Январь 1920 года. Кареев едва не умер от испанки.

Май 1921 года. Двоюродный брат Кареева — Осип Петрович Герасимов, товарищ министра народного просвещения в 1905—1907 годах и в первом составе Временного правительства — умер в чекистской камере на Лубянке, 2 в Москве. В соседней камере сидела дочь Льва Толстого — Александра Толстая. Она и свидетельствовала о смерти Герасимова, который

был репетитором ее братьев. Чудом не умер от голода сам Кареев. Но некрологи о его смерти были опубликованы в Крыму, Эстонии, Польше.

1923 год. Кареева окончательно отстранили от университета.

1924 год. Опубликованы три тома беспрецедентного труда Кареева «История Французской революции». Четвертый том не опубликован и находится в личном фонде историка в РГБ. Печатание трудов Кареева окончательно прекращено.

1928 год. Реквизировано родовое имение Кареева Аносово в Смоленской губернии. Аносово для Кареева как Шахматово для Блока или Ясная Поляна для Толстого.

Декабрь 1928 года. Арестован сын Кареева Константин. Освобожден в феврале 1929 года.

Дальнейшее известно. В декабре 1930 года вплотную взялись за Кареева.

С 1912 года семья Кареева жила на Васильевском острове в доме на углу Большого проспекта и 8-й линии. Это в «трех шагах» от того дома, в котором Осип Манделъштам (ему еще и 40 лет нет) написал в том самом декабре 1930-го: «Петербург, я еще не хочу умирать».

Последними же словами Н.И. Кареева в этой жизни были пушкинское: «Да здравствует солнце, да скроется тьма!»

Литература

Золотарев В.П. Историк Николай Иванович Кареев и его воспоминания «Прожитое и пережитое» // Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. Л., 1990.

Золотарев В.П. Николай Иванович Кареев (1850—1931) // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 2. Всеобщая история. Москва—Иерусалим, 2000.

Толстая А. Дочь. М., 2001.

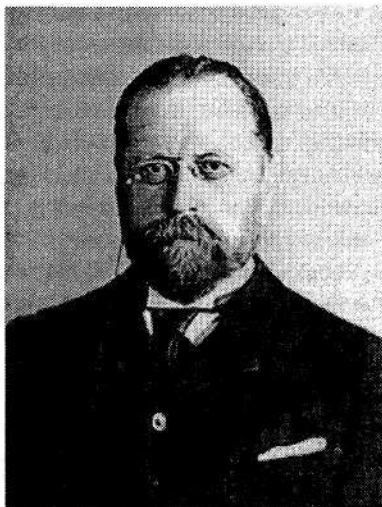
Анциферов Н.П. Из дум о былом. Воспоминания. М., 1992.

«РУССКИЙ АКАДЕМИК И АНГЛИЙСКИЙ РЫЦАРЬ»

Виноградов Павел Гаврилович

*[18(30).11.1854, Кострома — 19.12.1925, Париж, Франция].
Похоронен в Оксфорде (Великобритания).*

«В личности Виноградова было мало загадочного; он просто был очень даровитый, нормальный человек, с детских лет превосходно воспитанный, разносторонне и широко образованный европеец в лучшем смысле этого слова, более европеец, чем многие представители Запада, которым уже успела приесться культура Европы. Крупного, сильного сложения, на редкость здоровый, он не знал, что такое головная боль, даже если был болен. Неутомимый в работе, он поражал глубиной и, главное, отчетливостью всех своих знаний, разнообразием интересов и вкусов. Казалось, все ему давалось легко и было доступно. Он был не только историк и социолог, он обо всем имел определенное точное представление, знал превосходно европейскую литературу, любил и хорошо понимал музыку и другие искусства, был даже шахматистом, игроком первой категории в Московском шахматном клубе. Раз зашла речь о флоте. Он перечислил на память наши боевые суда, с точным указанием водоизмещений каждого (правда, у него был брат моряк). Его обширные знания, которые всегда были при нем, давали ему большую уверенность в себе; они сказывались в его тоне, важном, несколько торжественном, которым он высказывал всегда категорические утверждения, и не колебания или сомнения. Это был способный, даже несколько равнодушный человек, которому все происходящее казалось логично и легко. Ничто не могло вывести его из душевного равновесия; отто-

го он и сохранил и способность смеяться таким заразительным, детским смехом». Так вспоминал о П.Г. Виноградове его ученик по историческому факультету Московского университета, один из лучших адвокатов дореволюционной России и лучший оратор Государственной Думы ее 2—4 созывов, видный кадет В.А. Маклаков. Вспоминал после Второй мировой войны, живя в Нью-Йорке. И он же: «Виноградову с его взглядами, с его европеизмом было нелегко жить в России. И если мы не можем себе представить Ключевского вне России, то Виноградова гораздо лучше видим в Европе. Напротив, ему было трудно ужиться в России не только с правительством, но и с нашей общественностью. Он слишком хорошо знал Европу, был слишком подлинным европейцем, чтобы не понимать, что неудачи и беды России происходят не только по вине нашей власти, но и по неподготовленности, несерьезности нашего общества. Освободительному движению с конечными его идеалами он не мог не сочувствовать, но он понимал, что «дело веков исправить нелегко», что одна «свобода» и «народоправство» не могут сразу исцелить Россию от тех привычек, которые ей привил наш неразумный абсолютизм».

Виноградов был младшим в прославленной тройке русских историков-западников (Кареев, Ковалевский, Виноградов). По формальным признакам именно он добился больших успехов: стал действительным членом Петербургской Академии наук, возглавил кафедру в Оксфордском университете. Даже стал подданным британской короны и был возведен английским королем в рыцарское достоинство, получил право именоваться «сэром Павлом».

Все трое были провинциалами. Виноградов — волжанин самородок с Костромы (он знал 12 иностранных языков).

В 1912 году Виноградов возглавил на съезде историков в Лондоне секцию истории права. При открытии съезда известный немецкий историк Отто фон Перке недоуменно спросил о Виноградове: «Кто этот человек, который знает все законы и говорит на всех языках?» Современный биограф Виноградова А.В. Антощенко с удовлетворением отмечает, что при закрытии съезда «ответ на этот вопрос знали все его участники».

Кафедру юриспруденции в Оксфорде Виноградов занял еще в 1903 году. В 1908 году была попытка вернуться в Московский университет и «жить на две страны» — преподавать ча-

стью в Оксфорде, частью в Москве. Не получилось, и в 1911 году он подал во второй и последний раз в отставку и с тех пор преподавал только в Оксфорде.

В 1916 году ученик Виноградова по Московскому университету А.Н. Савин писал об учителе: «Виноградов — один из самых выдающихся медиевистов нашего времени. Главный предмет его исследований — социальная история средневековой Англии. В этой области рядом с ним можно поставить только Метланда и Сибому. Все три его английских книги являются основными по богатству использованного материала, по мастерству критической разработки источников, по широте выводов. При разработке английской истории В. постоянно имел в виду и континентальное средневековье, изучению которого он посвятил ряд видных специальных трудов. Он принимал живое участие в недавнем споре о германском социальном строе меровингского и каролингского периода, выяснял строение родовых союзов в скандинавской среде. В изучении средневековья В[иноградов] идет не дальше XIII века. Его занимают больше корни сложных процессов, нежели подробности быта, больше основные движущие силы, нежели местные особенности. В[иноградов] — историк-конструктор по преимуществу. В этом его сходство с Сибомом; но от чрезмерно смелых, порой почти произвольных построений Сибомы работы В[иноградова] отличаются систематическим и критическим изучением источников литературы. В этом сходство В[иноградова] с Метландом; но в то время, как скептик Метланд чувствует темноту и загадочность английского средневековья и очень часто сам же подчеркивает слабые стороны своих собственных предположений, В[иноградов], указав на трудности данного вопроса, выступает с выводами и построениями, стремящимися дать исчерпывающее решение. Подобно германистам 60-х и 70-х годов, В[иноградов] убежден в первенствующем значении германских начал в создании средневекового общества, в первоначальном преобладании среднесвободных (*Gemeinfreie*), в старшинстве свободной общины над поместьем. Но его германизм широкий и терпимый, смягченный вниманием к противникам — Фюстелю, Сибому, Метланду, новейшим исследователям вроде Гекка и Виттиха. В. посвятил очень много труда изучению хозяйственной истории и всегда был убежден в могущественном воздействии экономических сил на судьбы права; но он же всегда подчеркивал активность права, его способность творить социальные

отношения. По своему складу В. больше юрист, чем экономист. Больше всего привлекали его столкновения различных систем права, противоречия порядка, слагающегося из подобного столкновения».

Отцом самородка был директор костромской мужской гимназии Г.П. Виноградов (сын суздальского священника), матерью — Елена Павловна, урожденная Кобелева (дочь генерал-лейтенант П.Д. Кобелева).

В отличие от Кареева и Ковалевского Виноградов не написал воспоминаний: не выдалось свободного времени, да и умер неожиданно — был в Париже по случаю избрания почетным доктором Сорбонны, простудился, осложнение привело к смерти в возрасте 71 года.

Известно, что в семье было 10 человек детей. Когда будущему историку был один год, семья переехала в Москву, где отец стал директором Первой мужской гимназии, а впоследствии начальником всех женских гимназий Ведомства учреждений императрицы Марии. Учился Виноградов, по данным Г.В. Вернадского, в Первой Московской гимназии, по данным Л.С. Моисеенковой — в Четвертой. Если в Первой, то после Соловьева, Погодина и Кареева Виноградов 4-й историк, которому надо устанавливать мемориальную доску на ее здании. Пятый — П.Н. Милюков. Хорошую гимназию основал император Александр I в 1804 году!

После гимназии Виноградов поступил в университет. По свидетельству Кареева, там он был на голову выше своих конкурентов по историко-филологическому факультету. И, надо полагать, своего учителя В.И. Герье, в семинаре которого по всеобщей истории занимался.

В 1875 году 21-летний Виноградов был оставлен для подготовки к профессорскому званию и уехал, как когда-то Грановский, — в Берлин. Здесь он занимался в семинаре Теодора Момзена. Он и стал его настоящим учителем. В письме Герье Виноградов писал: «Вот тут я увидел, что для таких людей, как Момзен, не существует слишком специальных и мелких вопросов. Всякий осколок прошедшего есть, если можно так сказать, микрокосм, в котором отражаются и соединяются великие всемирно-исторические силы. Все дело в том, что немногим известно чудотворное «Сезам, отворись!» Не знаю, что я сумею извлечь из специальных занятий под руководством Момзена, но вижу, что можно воспользоваться весьма многим. Во всяком случае попробовать и поработать стоит». Впос-

ледствии Виноградов говорил, что занятия в семинаре стали «главным научным вдохновением его жизни».

Едва вернувшись из Германии, Виноградов уехал в Италию. Итогом этой поездки стала магистерская диссертация «Происхождение феодальных отношений в Лангобардской Италии» (1880 год). С 1880 года Виноградов — штатный преподаватель всеобщей истории Московского университета. К этому времени относятся воспоминания о Виноградове П.Н. Милюкова, бывшего в то время студентом: «Он imponировал нам своей серьезной работой над интересовавшими нас сторонами истории на основании архивного материала <> Но еще важнее, чем его лекции, был его семинарий. Только у Виноградова мы поняли, что значит настоящая научная работа, и до некоторой степени ей научились <> Он ставил нас сразу на собственные ноги <> И мы чувствовали, что растем, и не могли не испытывать величайшего удовлетворения, а к виновнику его — глубочайшей благодарности. Чем дальше, тем семинарий Виноградова становился все более серьезным, а участники семинария сближались на общей работе и составили в конце концов дружную семью...»

Если верить воспоминаниям Милюкова, уже в 1881—1882 годах у П.Г. Виноградова было четыре дочери — Елизавета, Наталья, Александра, Серафима. Из статьи же А.В. Антощенко следует, что Виноградов женился только в 1897 году на дочери известного норвежского судьи и англичанки Изабеллы Мэри Ньюболд — Луизе Стинг. Луизу Виноградов привез из своей поездки в Скандинавию в 1895—1896 годах и их свадьба положила «начало счастливой семейной жизни». Может быть, это была вторая женитьба?

Кто еще из занимающихся в семинаре Виноградова кроме Милюкова стал известным историком? А.Н. Савин, Р.Ю. Виппер, Д.Н. Егоров, Д.М. Петрушевский. Михаил Покровский тоже «виноградовец» (о нем в книге отдельная статья), А.К. Живелегов. Среди учеников также известный литературовед Михаил Гершензон.

В 1883—1884 годах Виноградов работает в архивах Англии, находит массу новых исторических материалов.

1887 год. Защита докторской диссертации «Исследования по социальной истории Англии в средние века». Оппоненты — Владимир Герье и Максим Ковалевский. Как отмечали, своей диссертацией Виноградов «открыл английскому народу его собственную историю». Как и Кареев четырьмя годами рань-

ше, Виноградов занял теперь свою собственную нишу. Его научные работы становятся известными в Англии. В 1891 году по приглашению Оксфордского университета он читает там курс лекций о славянофильстве — англичане хотят знать, что это такое. В следующем году в Оксфорде же на английском языке был издан переработанный и расширенный вариант докторской монографии Виноградова под названием «Крестьянство в Англии». В 1895 году в возрасте 41 года его избирают членом-корреспондентом Российской Академии наук.

В 1897 году Виноградов стал гласным Московской городской Думы, в которой возглавил училищную комиссию. Значителен вклад Виноградова в русскую педагогику. Он написал «Учебник всеобщей истории» (4.1.3. М., 1893—1896) для гимназий, редактировал «Книгу для чтения по истории средних веков» (1906—1910) — фактически открывая европейскую историю учащимся от гимназий до университетов, создал Педагогическое общество при Московском университете. Хорошо зная постановку школьного дела в Скандинавии, Виноградов подготовил по его образцу проект демократизации гимназического образования в России.

Но тут вышел конфликт с министром народного образования генералом П.С. Ванновским, и Виноградов сначала подал в отставку, а затем и вовсе покинул Россию. Его действия носили характер демонстрации. «Вся длинная платформа Брестского вокзала была полна студентов, и студенческие фуражки синели околышками, как васильки в поле. Павел Гаврилович с супругой были торжественно встречены и проведены к международному вагону. М-ме Виноградовой был поднесен роскошный букет. Затем был прочитан адрес от учеников, который Павел Гаврилович слушал с площадки вагона. На адрес он ответил с той же площадки вагона небольшой, обращенной к студентам речью, в которой говорил о том, что в науке — сила, и убеждал их заниматься наукой». Такими запомнились проводы Виноградова историку М.М. Богословскому.

Удивительное воспоминание оставил С.П. Мельгунов, приехавший к Виноградову в составе одной из студенческих делегаций для выражения благодарности: «Этот холодный, как мне казалось всегда, человек плакал настоящими слезами. Как-то было не по себе видеть в таком положении человека, державшего себя всегда с олимпийским видом великого ученого». И резюме: «Очевидно, Виноградову действительно тяже-

ло было уезжать из России, оставлять Московский университет, с которым он связан был столькими узами».

В 1902—1908 годах Виноградов жил в Англии. В Оксфорде всегда пристально следили за событиями в России; когда-то именно этот университет преподнес диплом доктора гражданского права И.С. Тургеневу за «Записки охотника». Летом 1902 года Виноградов читал в Кембридже лекции о реформах 60-х годов и современном состоянии России. Как и Семевский, он считал, что главная заслуга в их проведении принадлежит «образованному меньшинству, наделенному идеалом справедливости и независимым мышлением». При этом утверждал, что «идеалы либерализма утвердятся и в России», и надеялся, что «чем скорее будет признано, что достоинство и благополучие России жаждет свободы так же, как власти, и что единственной основой для того, чтобы объединить их, является закон, тем легче будет решить проблемы, поставленные перед нацией, которая играет великую роль в судьбах человечества».

Пока же больше пользы своей стране он принесет, работая в Англии. Успехи Виноградова — успехи России. Что было хорошо в Московском университете, то хорошо и в Оксфорде. Виноградов создает небывалую там ранее систему семинара для изучения истории Средних веков. Изучает многочисленные источники по средневековой английской истории. Выходят его книги на английском языке «Рост манора» (1905) и «Английское общество в XI веке» (1908). В 1909 году Виноградов приступил к публикации знаменитой серии «Oxford studies in social and legal history» (1909—1927). Так приходит мировая слава.

Опубликованных источников по деятельности самого Виноградова в Англии пока нет. Вернее они есть, но разбросаны по малодоступным русским и английским газетам и журналам. Надо бы эти статьи собрать, подробно откомментировать и опубликовать.

В «Русских ведомостях» в 1905 году Виноградов публиковал «Политические письма». Есть статьи в «Слове», в «Московском еженедельнике», в «Independent Review» и т.д. Как и умерший в 1904 году Б.Н. Чичерин, Виноградов высоко ценил земства. Развитие конституционной России видел главным образом через утверждение в обществе права. Понадобились потрясения 1905—1907 годов, чтобы об этом ненужном — шестом или седьмом «колесе в телеге российской государствен-

ности» — Богдан Кистяковский опубликовал статью «В защиту права» в знаменитом сборнике «Вехи» (1909).

Ученик Виноградова по Московскому университету Павел Милюков становится лидером наиболее «шумной» политической партии — Партии народной свободы. Земские же деятели объединились в «Союз 17 октября», который был ближе и Виноградову. В «Политических письмах» историк предупреждал против следования Россией «французским путем 1789 года». Предупреждал и «левых» и власть, которая «привычно занимается укрощением общества».

Статьи Виноградова имели резонанс. Даже лидер большевиков Ленин откликнулся. Со своей обычной полемической бесцеремонностью он назвал историка «ученым лакеем российской буржуазии», «презренной холопской фигурой», «мужем алтынной науки», который «с редкой рельефностью выразил интересы, тактику, психологию своекорыстной буржуазии».

В 1906 году когда премьер-министр Столыпин и лидеры «октябристов» вели переговоры о создании правительства, на пост министра народного просвещения предполагался Виноградов. Но он отказался: либеральное правительство в России сейчас невозможно, а то, которое есть, — ведет страну к пугачевщине. Страна, однако, успокоилась. И осенью 1908 года Виноградов приехал в Москву прочитать в Московском университете курс по истории права и социальной истории Англии в Средние века.

В Англии Виноградов «продвигал» Россию, а в России — Англию. В 1906 году в Ливерпульском университете появился преподаватель, который стал читать курс истории России. Это был Бернارد Пэрес — ученик Виноградова. В России, куда он неоднократно приезжал, его звали Бернардом Ивановичем. Пэрес стал «британским Виноградовым», основателем изучения России в Англии. В 1917 году он вновь был в России и описал ее в книге «Крушение империи». Книг и статей о России он написал еще много — до своей смерти в 1949-м.

Второй раз Виноградов приехал в Москву весной 1910-го и вновь прочитал курс лекций. Больше он (по данным Г. Вернадского) на родину не приезжал. В 1911 году министр народного образования Лев Аристидович Кассо в нарушение закона уволил ректора Московского университета А.А. Мануйлова и его помощников. В знак протеста значительная группа профессоров и доцентов подала в отставку. В их числе был и

Виноградов. Антощенко же пишет в своей статье о Виноградове: «Неоднократно по приглашению Российско-английского общества он приезжал в Россию, где участвовал в проводимых им собраниях и лекциях». Кто прав? Вернадский? Антощенко? Скорей всего, ошибся Вернадский. По данным Л.С. Моисеенковой: «С присущей ему основательностью ученый разработал программу деятельности общества, которая должна была развиваться по пяти направлениям: наука, образование, экономические отношения, пресса и предпринимательство».

Связи Виноградова с Россией, однако, окончательно не порвались. В 1914 году, вероятно, при активной поддержке А.С. Лаппо-Данилевского Виноградов избран в Академию наук. В 1916 году, после смерти М.М. Ковалевского, стал его преемником на посту председателя созданного в 1915 году в Москве «Общества англо-русского сближения». История этого общества очень интересна и почти не изучена.

Переломный 1917 год. В начале этого года король Георг V возвел П.Г. Виноградова за заслуги по укреплению сотрудничества союзников в ходе Первой мировой войны в рыцарское звание. В конце года в России совершен большевистский переворот, и Виноградов принимает решение стать британским подданным. Он поддерживает интервенцию союзников и антибольшевистскую борьбу в России. Пишет статьи в лондонской «Таймс», участвует в созданном эмигрантами антибольшевистского толка в Лондоне общества «Народоправство», активно помогает создать там же «Международный комитет помощи русским ученым за границей». Вместе с М.И. Ростовцевым и другими русскими деятелями основывает «Русский комитет освобождения», организует русских ученых и писателей для осуществления большого научного проекта американского фонда Корнеги «Экономическая и социальная история мировой войны» для составления томов, посвященных России, и т.д. и т.п.

Английское общественное мнение в необходимости «задушить коммунизм в колыбели» (как к этому призывал Черчилль) убедить не удалось. Союзники вывели свои незначительные войсковые контингенты из России, белые генералы оказались плохими политиками и неважными военачальниками, и Россия осталась под властью большевиков. Интересно, что либерал Виноградов написал статьи о вождях Белого дела генералах Деникине, Врангеле, адмирале Колчаке в

«Британскую энциклопедию (12-е издание). В это же издание энциклопедии русский академик-историк написал статью «Россия» (Том XXXII. С. 309—313).

В последние годы жизни Виноградов, конечно, занимался и наукой. Здоровье, правда, было уже не такое крепкое, как писал Василий Маклаков (у Виноградова ослабло зрение). Все же он опубликовал «Очерки исторического правоведения» в двух томах (1920—1921) и успел издать еще много исторических документов. Посмертно в 1926 году была издана его работа «Обычное право». В 1920 году в Оксфорде были опубликованы его «Collected papers» («Избранные труды»).

На могиле его им самим выбранная эпитафия: «Гостеприимной Британии благодарный пришелец».

Великобритания продолжает ценить научные и другие достижения своего рыцаря. Переиздаются его старые работы и издаются ранее неопубликованные рукописи. Действует целый научно-исследовательский комплекс, носящий имя русского изгнанника Павла Виноградова.

Литература

Маклаков В.А. Из воспоминаний. Нью-Йорк, 1954.

Антощенко А.В. Виноградов Павел Гаврилович (1854—1925) // Историки России. Биографии. М., 2001.

Вернадский Г.В. Русская историография. М., 1998.

Моисеенкова П.С. Павел Гаврилович Виноградов // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 2. Всеобщая история. Москва—Иерусалим, 2000.

Милюков П.Н. Воспоминания. Т. 1. М., 1990.

Богословский М.М. Историография, мемуаристика, эпистолярная. М., 1987.

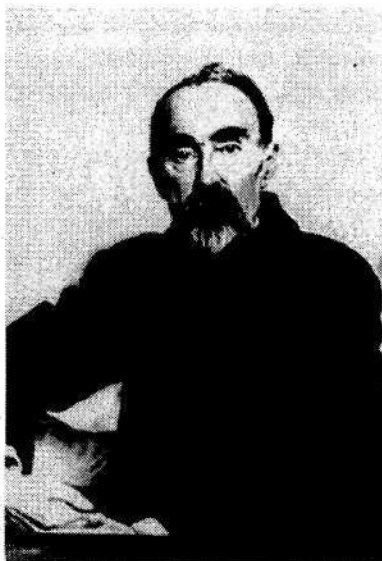
Мельгунов С.П. Воспоминания и дневники. Париж, 1964. Выпуск I. (4.1—2.)

«ВОСПИТАЛ ЦЕЛЫЕ ПОКОЛЕНИЯ»

Плеханов Георгий Валентинович

*[29.10(11.11).1856, деревня Гудиловка Липецкого уезда Тамбовской губернии — 30.05.1918, близ Териоки, Финляндия; ныне Зеленогорск Сестрорецкого района Ленинградской области].
Похоронен на Литераторских мостках Волкова кладбища в Петрограде.*

Историк Сергей Петрович Мельгунов, автор редакционного некролога в «Голосе минувшего» на смерть Г.В. Плеханова, писал: «30 мая в Финляндии, в санатории Перкиарви, скончался Георгий Валентинович Плеханов. Основатель русской социал-демократии, умер в момент, когда большевизм, с которым он боролся так неустанно в рядах своей партии, довел Россию до последней степени разложения и разрушения. Перед смертью Плеханов должен был испытывать жесточайшую муку, видя, как русский пролетариат, совершая ошибку за ошибкой, наносил страшные удары и своему собственному делу, и всей России и человечеству вообще. А перед этим жесточайшее испытание должен был выдержать он при виде поведения германской социал-демократии, которую он столько лет ставил в пример другим социал-демократическим партиям».

Плеханов вместе с Павлом Милюковым и Владимиром Соловьевым очертил перспективу для России XX столетия. У каждого из них перспектива была своя, но все получилось иначе. Все трое почти ровесники. Одно поколение — родились в 50-е годы. Идеалы их не осуществились. Если Соловьев умер молодым, то Плеханову и Милюкову довелось еще увидеть и полное их крушение.

Особенно трагична в этом отношении судьба столбового дворянина Плеханова. Мельгунов писал: «Трагична судьба всех тех мыслителей и вождей человечества, которые умерли, не видя торжества своих идеалов, но конец жизни Плеханова — нечто исключительное по жестокости судьбы: после сорока лет изгнания вернуться на родину для того, чтобы присутствовать при ее разрушении и своими глазами смотреть на чудовищное искажение всего, чему он учил». Да, Россия была разрушена, и фактически Плеханов был вынужден вновь бежать из нее в ставшую независимой Финляндию. А Россией правил Ленин, называвший некогда себя «учеником» Плеханова.

Последний долг Плеханову отдавали его политические оппоненты: эсеры, народные социалисты. «Этот изгнанник — один из вождей международного социализма, один из самых даровитых учеников Маркса, родоначальник русского марксизма и основатель русской социал-демократии, он — кость от кости и плоть от плоти — русский писатель и русский интеллигент, он из великой русской семьи, отцом которой был Белинский. Он страстный дух Белинского, дух русского правдоискательства вложил в формулу Маркса, и в этом тайна его влияния на русские умы. Ломая копыя с русскими народниками под знаменем Маркса, во имя интернационализма, он, блестящий русский писатель, всегда оставался глубоко русским в душе, и эта его русская душа, его любовь к России сказались как нельзя ярче в минуту смертельной опасности для родины». Они же его и хоронили. Над открытой могилой Плеханова речи произносило «болтающее меньшинство», — как презрительно отзывался некий большевик. От партии социалистов-революционеров выступил Александр Гизетти, историк и литератор, племянник Ивана Михайловича Гревса. По тем временам это было опасно. ВЧК, пришедшая на смену царской охранке, уже вела охоту на всех тех, «кто не с нами».

Плеханов был внучатым племянником Белинского, закончил Воронежскую военную гимназию, некоторое время учился в Константиновском военном училище в Петербурге. К 1876 году он успел проучиться два года и в Горном институте. 6 декабря 1876 года 20-летний Плеханов организовал и выступил на первой в России политической демонстрации, организованной «Землей и волей». С этого момента он стал профессиональным революционером. Нелегалом. С тюрьмой

Плеханов познакомился еще в марте 1876-го, но тогда за недостатком улик был отпущен.

В 1877 году он нелегально переходит границу: Берлин, Париж. Летом возвращается: живет в Саратове, в Петербурге. В декабре 1877 года на похоронах Некрасова на Новодевичьем кладбище в Петербурге произносит революционную речь. Он — ведущий активист и агитатор «Земли и воли», а после ее раскола — один из лидеров «Черного передела». В 1880 году по решению руководства организации он эмигрировал и вернулся в Россию только после февральской революции в 1917 году. Жил большей частью в Швейцарии — в Женеве. Там же в 1883 году вместе со своими соратниками организовал первую русскую марксистскую организацию «Освобождение труда» (самораспустилась в 1903 году), целью которой была пропаганда марксизма в России.

Формально Плеханов не имел высшего образования. Своей «alma mater» он считал петербургскую Публичную библиотеку, где с 1874 года прочитал немало, но основное образование и европейский кругозор он получил, конечно, в Западной Европе.

Из России Плеханов бежал не один, а вместе с женой, дочерью зажиточного купца, Розой Богард, своей ровеснице, на которой он женился в 1877 году. Роза тоже была отчаянной девушкой: училась в Медико-хирургической академии в Петербурге, участвовала в революционных кружках, скрывалась от полиции, работала помощником земского врача в Самарской губернии, пошла добровольцем на русско-турецкую войну и где-то в Румынии работала в инфекционном отделении военного госпиталя, вновь занималась революционной пропагандой среди крестьян и рабочих. Из России, видимо, Плеханов, вывез и туберкулез, от которого впоследствии страдал всю жизнь и умер.

Плеханов не имел кафедры в России, ни в университете, как Кареев, ни на дому, как Семевский, но влияние его идей на студенчество было огромно. Журналистка, дворянка, член ЦК Партии народной свободы Ариадна Тыркова-Вильямс вспоминала: «Мы встрясок не задавали. Для этого партия была слишком академичною. Университеты, рассадники радикальных мечтаний, были за кадет. То есть профессора не студенты. Молодежи у нас почти не было. Только в немногих высших школах были студенческие кадетские группы. Студенту надо было иметь много мужества, чтобы в студенческой сре-

де проповедовать кадетизм. Для молодежи мы были слишком умеренны. Те из них, в ком был политический темперамент, гораздо охотнее шли за социалистами, надеясь при помощи социальной революции сразу излечить все язвы общества. Но молодежь одобряла в кадетах их непримиримость. Самодержавие и после октябрьского манифеста полагалось считать деспотичным и ненавистным. Поэтому полагалось шумно откровенно презирать политических деятелей, которые были правее кадет и от сотрудничества с правительством не отказывались».

«Врозь идти — вместе бить»: профессора шли в кадеты, студенты — в социал-демократы, эсеры, анархо-коммунисты. Вождем последних был дворянин еще более знатный, чем Плеханов, и тем более Ленин, — князь Кропоткин. Из известных русских историков в члены ЦК кадетской партии входили: Милюков, Корнилов, Кизеветтер, Дживелегов, Лучицкий, Шахматов, Е.Н. Щепкин, кадетом был Кареев, некоторое время Мельгунов. Вспомним ответ студента на вопрос Кареева: «Для чего существуют университеты?» — «Чтобы делать революцию».

И властителями дум стали не казенные профессора Санкт-Петербургского и Московского университетов, а женеvский изгнанник Плеханов. Работы его нелегально переправлялись в Россию, в самой же России печатались под псевдонимами. В 1895 году в Петербурге была издана под псевдонимом «Н. Бельтов» знаменитая работа Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», ставшая настольной книгой целого поколения новых русских революционеров, пришедшего на смену народникам — марксистов. В развернувшейся вокруг книги полемике участвовали Н.И. Кареев, М.М. Ковалевский. Джеймс Беллингтон отмечал: «Плеханов почти единолично внедрил марксизм в Россию как серьезную альтернативу народнической идеологии; сходным образом «трое, которые совершили революцию», — Ленин, Троцкий и Сталин — сделали, каждый по-своему, все, чтобы марксизм воцарился в качестве новой государственной идеологии после смуты 1917—1921 годов». Если почитать автобиографии большевиков, опубликованные к 10-летию Октябрьской революции в знаменитом энциклопедическом словаре «Гранат», то можно увидеть, что многие из них указывают на работу «Бельтова» как решающую на их «обращение в марксизм».

В 1890-е годы в лагерь Плеханова в России вступили — Струве, Потресов, Мартов, Ленин, Туган-Барановский, Бер-

дьяв, Сергей Булгаков. Да кто из начинающих свой путь в те годы не был марксистом! Плеханов был для них «марксистским Белинским» (выражение Л.Д. Троцкого). Будучи ортодоксальным марксистом, он боролся с идеями Э. Бернштейна и русских «печальных марксистов», тесно сотрудничал с Лениным в период подготовки и на самом II съезде РСДРП в Лондоне в 1903 году. После съезда их пути разошлись. Плеханов по своему складу был теоретиком, пропагандистом и полемистом марксизма, но не реальным политиком, который боролся за власть, как те же Ленин, Троцкий. Ленин так прямо и говорил: «Сначала надо ввязаться в драку, а там посмотрим». Не получился, и не мог получиться из Плеханова «Русский Бебель».

Не готова была Россия, восточная и полувосточная деспотия, к таким марксистам-социалистам, как Плеханов: «не смолола еще той муки, из которой можно испечь пирог социалистической революции». После порицания декабрьского вооруженного восстания в 1905 году в Москве, Плеханов сказал: «Не надо было браться за оружие». Ленин отреагировал: «Надо было. И более решительно». Плеханов был «белой вороной», олимпийцем — и среди народовольцев, и среди социал-демократов, которые стали «большевиками», даже внешне.

Советский литературный критик-шестидесятник В. Лакшин, когда о Плеханове вдруг стало можно говорить и даже ставить спектакли («Народовольцы» в «Современнике»), в которых он произносит речи против террора, этой «повивальной бабки всякой революции», так описал Плеханова: «В своей европейской одежде, светлой с иголочки тройке и с элегантной шляпой в руках, он уже внешне выделялся в толпе мужчин в смазанных сапогах и поддевках, ношенных пиджаках и студенческих тужурках и женщин в теплых платьях курсисток. Народовольцы рвутся к решительному действию, а их товарищ выливает ушаты холодной воды на их разгоряченные головы, замечая, что на кончике кинжала парламента не утвердишь, а убийство царя поведет разве лишь к тому, что вместо двух палочек рядом с его именем появится три».

Так же выглядел Плеханов и среди первого поколения революционеров: богемного Мартова, напористого, как бульдог, Ленина, вертлявого Троцкого, и уж, конечно, такого «марксиста», как «закавказский Ленин», «самой выдающейся посредственности нашей партии», боевика-экспроприатора

Джугашвили-Сталина. В общем-то, по уму, таланту, воспитанию, образу жизни Плеханову надо было бы быть русским либералом. Трудно представить его где-то за кружкой пива в мюнхенском Швабинге или чашкой кофе на Монпарнасе. Вероятно, узнав ближе Ленина и других, Плеханов и сам понял, что «кампания» для него неподходящая. Да и просто эмигрантские дразги.

В 1911 году исполнилось 35 лет революционной деятельности Плеханова. Его почитатели предлагали создать «юбилейный фонд», издать «юбилейный листок», «меньшевистский Ильич» Федор Дан, называя плехановцев «лакеями», писал П.Б. Аксельроду: «О «юбилее» я беседовал в Берне с отдельными лицами (общее собеседование со всеми «членами партии» было по вопросу о конференции). Мое мнение таково, что группам надо принять резолюцию с восхвалением до небес заслуг юбиляра и выражением сожаления, что именно современный «кризис» и роль, играемая в нем Плехановым, не дают возможности рассчитывать на необходимое единодушие и заставляют поэтому отказаться от создания специального «35-летнего» юбилея «революционно-социал-демократической» (sic! так выражаются в своем усердии плехановские лакеи) деятельности родоначальника русской с[оциал] - д[е]мократ[ии].»

В общем, ни с меньшевиками, ни с большевиками Плеханов не ладил. За 20 лет существования «Группы Освобождения труда» (1883—1903) он написал и издал 147 работ. Воспитал поколение революционеров.

С 1908 года Плеханов приступает к работе над капитальной «Историей русской общественной мысли». Тем более что в 1906 году вышел первый том «Истории русской общественной мысли» молодого, 28-летнего неонародника Р.В. Иванова-Разумника. Эта работа Плеханова и сейчас не превзойдена. Эрудиции автору не занимать: западная философия, современная политика, Соловьев, Ключевский, Милюков. Недаром М.М. Ковалевский считал Плеханова «самым умным и дельным из русских социалистов».

В 1909 году обострился и туберкулез, в связи с чем зимние и летние месяцы он проводит в Италии, в Сан-Ремо, где его жена и старшая дочь Л.Г. Ле-Савуре-Плеханова организовали санаторий для легочных и сердечных больных. «Очерки...» стали «лебединой песней». Георгий Вернадский, совсем не марксист, назвал их «выдающимся трудом». В советские вре-

мена о нем писали, конечно, «неодобрительно». Всего в 1914—1916 годах вышло три тома. Фрагменты четвертого печатались в 1918-м.

В 1914—1918 годы, в годы Первой мировой войны, Плеханов — «социал-патриот», «оборонец». Он критикует русских «интернационалистов», немецких социалистов, поддерживает французских и бельгийских.

После февральской революции старый марксист вместе с женой прибыл в Петроград. Это было горестное возвращение. Ветераны народнического движения Н.В. Чайковский и Е.К. Брешко-Брешковская пользуются у властей новой России огромным уважением. Их называют «дедушкой» и «бабушкой» русской революции, а он, отец-основатель русского марксизма, не приглашен даже в Петроградский совет. Он, живя за границей, 35 лет жизни отдал делу русского пролетариата, а его на митингах и в большевистских газетах называют «врагом народа». Эсер Питирим Сорокин вспоминал об одном из петроградских митингов, на котором выступал и Плеханов, подвергнувшийся оскорблениям солдат и матросов:

«— Думали ли вы когда-нибудь о себе, как о реакционном контрреволюционере? — спросил я Плеханова.

— Если эти маньяки — революционеры, то я горжусь тем, что меня называют контрреволюционером, — ответил основатель партии социал-демократов.

— Берегитесь, господин Плеханов, — сказал я, — в конце концов вас арестуют, как только эти люди, ваши же ученики, станут диктаторами.

— Эти люди стали даже большими реакционерами, чем царское правительство, так что, чего еще мне ждать, кроме ареста?».

Во главе этих людей стоял Ленин. Плеханов вступает в группу «Единство», редактирует одноименную газету, публикует в ней статьи с изложением своей оценки происходящих событий: «Апрельские тезисы» Ленина назвал «бредом».

28 октября 1917 года после октябрьского переворота в «Открытом письме к петроградским рабочим» писал: «Несвоевременно захватив политическую власть, русский пролетариат не совершит социальной революции, а только вызовет гражданскую войну, которая, в конце концов, заставит его отступить далеко назад от позиций, завоеванных в феврале и марте нынешнего года. Власть должна опираться на коалицию всех живых сил страны, то есть на все те классы и слои, ко-

торы не заинтересованы в восстановлении старого порядка... Сознательные элементы нашего пролетариата должны предостеречь его от величайшего несчастья, которое только может с ним случиться».

В группу «Единство», которую возглавил Плеханов, входили известные революционеры: князь Кропоткин, шлиссельбуржец А.Н. Морозов, социал-демократ Александр Потресов, бывший большевик и член Государственной Думы Григорий Алексинский, менее известные В.Н. Катин-Ярцев, Н.В. Васильев, В.Н. Трапезников и еще несколько известных в России человек. Группа «Единство» приняла участие в выборах в Учредительное собрание. В Петрограде было выставлено 19 списков, и подавляющее большинство получили большевики. «Единство» оказалось в самом конце списка — пятым снизу. Меньше только получили «Женский союз спасения родины», «Союз народного развития» и т.п.

Победив в Петербурге, большевики проиграли по всей России в целом. Большинство в Учредительном собрании оказалось у эсеров. Свергнув правительство Керенского, большевики, конечно же, не остановились и перед разгоном Учредительного собрания — 5 января 1918 года, что стало прологом Гражданской войны.

Свободную прессу большевики стали закрывать еще до разгона Учредительного собрания. В январе 1918 года дошла очередь и до «Единства». Всего с марта 1918-го вышло около 200 номеров газеты.

Плеханов умер от туберкулеза в санатории Перкиярве под Териоками. В 1923—1927 годах, благодаря стараниям его вдовы, в СССР вышло Собрание сочинений Плеханова в 24 томах; в 1925 году — «Переписка Плеханова и Аксельрода» в 2-х томах; в 1934—1940 годах «Домом Плеханова» опубликовано «Литературное наследие Плеханова».

В 1921 году в Париже вдова опубликовала 2 тома статей и речей Плеханова за 1917—1918 годы «Год на Родине». В 1928 году Р.М. Плеханова привезла из Парижа и передала «в дар советскому правительству» огромный архив и библиотеку (более 8 тысяч томов) Плеханова. При alma mater Плеханова — Публичной библиотеке был создан специальный архив — «Дом Плеханова». Его директором в 1929—1939 годах была его вдова. В августе 1939 года она уехала во Францию и больше не вернулась. Умерла в Париже в 1949 году. Разместившийся в двухэтажном флигеле бывшего Вольного экономического об-

щества «Дом Плеханова» был и остался одним из самых закрытых архивов в России. Кроме самого Плеханова здесь сосредоточены личные архивы фонда В. Засулич, П. Дейча, Г. Гершина, П. Струве, П. Милюкова и многих других. В 1980-х годах историк А.Б. Рогинский за «неадекватное использование» материалов «Дома Плеханова» был арестован и получил лагерный срок.

Первая биография Плеханова была издана в Москве в 1924 году. Ее автора троцкиста В. Ваганяна расстреляли в 1936-м.

Не очень ясно, на каких политических условиях вдова согласилась передать его архив в СССР. Известно, что первое предложение (август, 1918) о его передаче она категорически отвергла. Известно, что в 1924—1925 годах при посещении СССР она встречалась с членами советского правительства и хлопотала об освобождении политзаключенных. Надо полагать, «плехановцев» в первую очередь. Не в обмен ли на облегчение участи заключенных она изменила свою позицию?

Когда в 1928 году в Липецке был открыт дом-музей Плеханова, а из Парижа в Ленинград везли его архив и библиотеку, свободно дискутировать о Плеханове и Ленине было можно уже только в лагере или ссылке. Известный троцкист Карл Радек 13 июня 1928 года писал из томской ссылки В. Ваганяну: «Я читал только статью Покровского, но характеризовал отношение нашей прессы к Плеханову точь-в-точь как ты. Проработав Ленина, я взялся за Плеханова. Читаю по два тома в неделю. Я в корне не согласен с твоей попыткой сделать из него большевика. Уже в «Наших Разногласиях» есть все элементы будущего его меньшевизма. Но в лучшие свои времена, а отчасти в «Истории Общ[ественной] Мысли», он такой гигант, что надо, не скрывая ничего о нем, ничего не прикрашивая в этой трагической судьбе, уча молодежь его понимать исторически, говорить ей, что в сочинениях Плеханова найдет она драгоценнейшие клады. Там есть лучшая разработка философских учений Маркса (только Ленина эмпириокритицизм сравним с ним). Там есть история общ[ественной] мысли в России, не превзойденная никем; там есть то лучшее, что меньшевизм мог противопоставить большевизму по вопросам русской революции. Сочинения Плеханова, касающиеся вопросов 1905 года, должны лечь в основу изучения различия между софистикой и диалектикой. Покровский противопоставил однобокости плехановской схемы не

менее однобокую, но более механическую схему. Через месяц-два пришлю тебе набросок работы, в чем состояло отличие русского развития от Зап[адно] европейского, которая ляжет в основу моей вступительной главы к моей книге о Ленине».

На «воле» же имя Плеханова стало почти таким же одиозным, как имя Троцкого и других оппозиционеров. С одной стороны, назвали в 1930-х годах в Москве в честь Плеханова целых три улицы, издавали «Литературное наследие» Плеханова; с другой — с энтузиазмом выполняли указание Сталина о критике его работ. Господствовал лозунг «Сталин — это Ленин сегодня». Старая «Ленинская гвардия», воспитанная на работах Бельтова—Плеханова, уничтожена. Только после смерти Сталина имя Плеханова было неофициально реабилитировано. В 1958 году в Ленинграде в честь его установили сразу три мемориальных доски: на здании Публичной библиотеки, в Горном институте, на Казанском соборе. (В 1923 году примыкающая к Казанскому собору Казанская улица была названа улицей Плеханова. В 1998 году ей все же вернули историческое название.)

Архивные материалы о Плеханове оставались (и остаются) недоступны исследователям. В 1963 году в США в Стенфорде (штат Калифорния) была издана первая, со времен В.Вагання, биография Плеханова — «Плеханов. Отец русского марксизма» Самуэля Барона. В ответ в Москве издали в серии «Жизнь замечательных людей» книгу о Плеханове ректоров Академии общественных наук при ЦК КПСС М. Иовчука и И. Курбатовой (1977). Еще ранее, в 1973—1974 годах, в Москве был издан трехтомник «Философско-литературного наследия» Плеханова. В 1997 году С.В. Тютюкин опубликовал книгу «Г.В. Плеханов. Судьба русского марксиста».

Настоящая, научная биография Г.В. Плеханова еще не написана. Недавно стало известно, что в начале 1950-х годов из парижской квартиры внука Плеханова Клода Бато-Плеханова были похищены важные материалы его деда. Их содержание известно только «косвенно». До сих пор в России не опубликованы два тома речей и статей Плеханова за 1917—1918 годы, изданных в Париже в 1921-м.

Литература

Тыркова-Вильямс А. На путях к свободе. Издание второе с послесловием Бориса Филиппова. Лондон, 1990.

Биллингтон Дж. Икона и топор. Опыт истолкования истории русской культуры. М., 2001.

Лакшин В. Посев и жатва // Новый мир. 1968. № 9.

Дан Ф.И. Письма (1899—1946). Амстердам. 1985.

Сорокин П. Дальняя дорога. Автобиография. М., 1992.

Филимонова Т.И. Плеханова Розалия Марковна // Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры. Биографический словарь. СПб., 1999.

Разгром новой оппозиции в СССР. Письма ссыльных большевиков. (1928). Публикация Ю.Фельштинского // Минувшее. Исторический альманах. М., 1992.

«САМЫЙ ЗНАМЕНИТЫЙ»

Милюков Павел Николаевич

[15(28).01.1859, Москва — 31.03.1943, Экс-Ле-Бен, департамент Савойя, Франция]. После Второй мировой войны прах перенесен в семейный склеп на кладбище Батиньоль в Париже.

Павел Николаевич Милюков не может пожаловаться на недостаток книг о нем. Первые две вышли еще в 1917 году в Москве и Петрограде и их авторами были профессиональные историки Г. Вернадский и А. Кизиветтер — друзья Милюкова по кадетской партии. В 1942 году в Чикаго вышла книга «Некоторые историки современной Европы». В ней была отдельная глава о Милюкове. В 1969 году тоже на английском языке была опубликована книга «Русский европеец: Павел Милюков в русской политике» американского историка чешского происхождения Томаса Рихи. Сам

Рихи таинственно исчез в том же году накануне своего сорокалетия. Его диссертационным советником в Гарварде был Ричард Пайпс, а заголовок к книге предложил Марк Вешняк. Уже упомянутый в этой книге норвежский историк Йенс Нильсен в 1938 году опубликовал в Осло брошюру «Милюков и Сталин: об эволюции политических взглядов П.Н. Милюкова в эмиграции». В Советском Союзе и нынешней России о нем пишут сотрудницы Института российской истории РАН Н.Г. Думова и М.Г. Вандалковская. Их трактовки Милюкова меняются в соответствии с колебаниями идеологического климата.

В 1939 году в Монпелье (департамент Это) во Франции в возрасте 80 лет Милюков начал писать мемуары, успел довести их только до 1918 года и умер. Мемуары были отредактированы Михаилом Карповичем и Борисом Элкиным и изданы в 1955 году в Нью-Йорке на русском языке в издательстве Чехова. В 1990 году они были перепечатаны и в Москве. А за

следующие девять лет в России было защищено шесть диссертаций на тему «Милюков». Это рекорд по русским историкам-эмигрантам. Со значительным отставанием идут С.П. Мельгунов и Е.Ф. Шмурло — по одной.

Дело Рихи в США продолжила еще одна ученица Ричарда Пайпса — Мелисса Стокдейл. Она сначала защитила диссертацию, а затем опубликовала книгу: «Павел Милюков в поисках либеральной России 1880—1918» (1996).

В 2002 в Москве наконец-то были опубликованы знаменитые, выдержавшие не одно издание в царской России, «Очерки истории исторической науки» Милюкова. Еще раньше, в 1994—1995 годах, Москва опубликовала три тома его «Очерков по истории русской культуры», которые, как писал Александр Мазур, являются превосходным дополнением к «Курсу русской истории» Ключевского. Эти работы Ключевского и Милюкова «надо читать вместе, так как Милюков заполняет многое из того, что Ключевский обошел». На немецком языке эти «Очерки» впервые появились еще в 1890-х.

На Западе Милюков несомненно один из самых, если не самый известный русский историк. Лекции о России, которые он прочитал сто лет назад в 1903 году в Чикагском университете, вообще стали одним из самых академических курсов о России в Америке, как когда-то лекции Шлецера о России в Геттингеме стали первыми в Европе.

Г.Вернадский в своей «Русской историографии» уделил места Милюкову почти в два раза больше, чем Ключевскому, и почти в четыре раза больше, чем Соловьеву. Очерк о Милюкове самый большой в книге.

Если взглянуть на обширную статью о Милюкове, опубликованную в «Новом энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона, то из нее перед нами предстает Милюков-политик либерального толка, противник самодержавия, один из основателей «Союза освобождения», конституционно-демократической партии, главный редактор ее газеты «Речь», член третьей и четвертой Государственной Думы. От выборов в Первую и Вторую Милюков был устранин правительством. А с выбором в Третью думу «биография Милюкова почти совершенно сливается с историей партии» и историей укрепления в России конституционного строя.

Умерший в 1959 году в Лондоне русский историк консервативного толка Виктор Леонтович писал: «Представители самых разных направлений (Кизеветтер, Милюков, Маклаков,

Гурко, Коковцев и др. — Ю.Д.) одинаково считают, что конституционный строй начал укореняться в России именно во время Третьей и Четвертой Думы».

«Новый энциклопедический словарь» ярко описал деятельность Милюкова: «В борьбе за права Думы и за неприкосновенность конституционного строя М. играл в III Думе выдающуюся роль. Несмотря на некорректные приемы обструкции, пускавшиеся в ход его противниками во время его думских выступлений, он добился уже в конце 1-й сессии III Думы, что речи его стали выслушиваться со вниманием, в особенности, когда он стал касаться непривычных в молодом русском парламенте тем внешней политики, проявляя при этом широкую осведомленность и тонкую критическую способность. Большое впечатление производили и его речи по вопросам финляндскому, аграрному, национальным, вероисповедным, конституционным. Каждое его выступление являлось научно-разработанным и всесторонне обставленным историческими и статистическими данными. На конференциях к.-д. партии образ действий М. часто подвергался откровенной, иногда довольно резкой критике, но основные положения представляемых им докладов всегда утверждались, если не единогласно, то огромным большинством голосов. В «Речи» ему принадлежит много передовых статей и политических фельетонов, а в последние годы — и «обзор печати». В перерывах думской работы М. разъезжал по России и читал лекции во многих городах, иногда совершал и заграничные поездки, связанные с очередными политическими задачами. Он был одним из деятельных участников междупарламентского союза, стремясь в особенности к сближению Англии и Америки с Россией».

В 1912 году Милюков был вновь избран в Государственную Думу в Петербурге огромным большинством. Александр Блок, услышавший как-то выступление Милюкова в Государственной Думе, сказал: «Теперь я верю, что и у нас возможны настоящие государственные деятели».

С момента объявления войны России Германией Милюков сделался одним из организаторов русского национального движения. Будучи убежденным пацифистом и участником международного союза пацифистов, Милюков признал, однако, что с точки зрения жизненных интересов России и всего человечества необходима организация победы над поработительными стремлениями Германии. Дело держав тройствен-

ного согласия с самого же начала представлялось Милюкову делом справедливым и праведным. В ряде статей и популярных лекций Милюков доказывал необходимость, на время войны, внутреннего объединения, прекращения внутренней партийной борьбы. Он полагал, что победа, достигнутая соединенными усилиями армии и страны, сделает невозможными происки реакционных групп, интересы которых не имеют ничего общего ни с интересами страны, ни с интересами армии. Участие его в событиях, вызванных войной, запечатлено и личными жертвами: оба сына его — один по призыву, другой добровольно — приняли непосредственное участие в военных действиях, и младший из них, 20-летний юноша, подававший большие надежды в будущем, пал на поле сражения при отступлении.

Лучшую оценку Милюкову политику и человеку дали, однако, люди другого партийного лагеря. «Милюков был человеком империи. Иначе он России не мыслил. Отрицая «особые пути», он признавал мировую роль России и ей гордился. Он чувствовал себя готовым к власти и управлению империей. Особое место России на смычке Европы и Азии. С открывающимися безбрежными возможностями. Если бы он провел план в жизнь, то вошел бы в историю как Бисмарк или Тьер» — это написал А.Ф. Керенский. Он приводит потрясающую сцену, когда после отречения Николая II Милюков убеждает его брата Михаила принять империю. Приехали А. Гучков и В. Шульгин. Гучков присоединился к Милюкову, Шульгин промолчал. Еще раньше все члены «Прогрессивного блока» (кроме Милюкова) высказались против передачи власти в руки Михаила. «Милюков уходил с Миллионной, 12* последним героическим и трагическим защитником монархии», — пишет Керенский.

Марк Алданов вспоминал, как Милюков выступал в 1917 году в бастионе большевиков, цирке «Модерн» перед солдатами, матросами. «Его могли разорвать на части. Вряд ли он убедил хоть одного из четырех тысяч, что Константинополь и проливы нужны. Но то, что он считал нужным сказать, Милюков сказал».

Милюков был полиглот. Когда работал в Государственной Думе, ежедневно получал и прочитывал газеты на 13 языках.

* Встреча с Великим князем проходила на квартире князя М.С. Пютятина.

Алданов, который сам был энциклопедистом, писал: «В Западной Европе государственный деятель, знающий хотя бы французский вдобавок к своему родному языку, в настоящее время редкость. В русской политической жизни почти не было вульгарной продажности. За Павлом Николаевичем никогда не было никаких косвенных закулисных влияний, каких-либо финансовых или промежуточных групп. Его речи в Думе или статьи это он, Милюков, думает, а не то, в чем заинтересована та или иная группа. Его невозможно было купить, и министерский портфель ему предлагали задолго до февраля*. Он выставил условия и в торг не вступал. Если бы он был англичанином, то был бы премьером в течение десятилетий».

Роль Милюкова в 1917 году хорошо известна. 9 марта США первыми признали первое русское правительство. «Кто у них министр иностранных дел?» — «Мистер Милюков? Знаем». Через два дня в Мариинском дворце Милюков получил ноты признания и от послов Британии, Франции, Италии. В конце года, уже после большевистского переворота, он избран членом Всероссийского Учредительного Собрания от Петрограда. Большевики пытались его арестовать, но Милюков уехал в Москву, затем были Новочеркасск, Киев, Лондон, активная антибольшевистская борьба. К ней он пытался привлечь сначала немецкие войска, затем Антанту. Одна из вышедших в СССР на четвертом году «перестройки» книг так и называлась: «Черчилль и Милюков против Советской России» (М., 1989).

В 1921—1940 годах Милюков жил в Париже. Из кадетской партии он вышел, но продолжал активно заниматься политической деятельностью. В 1924 году организовал «Республиканско-демократическое объединение» (все, кроме черносотенцев, монархистов и большевиков), но наиболее важный его вклад (не считая научных трудов) в «русское дело» в период изгнания — это редактирование парижской газеты «Последние новости» (1921—1940).

Самая популярная газета эмиграции — она была и самой долговременной. Последний номер вышел, когда немцы уже входили в Париж. Самое удивительное, что газета была самокупаема. Милюков был еще и отличным менеджером. Рассказа-

* Это предлагал министр внутренних дел Плеве в 1902 году, когда Милюков отбывал тюремное заключение в «Крестах» и писал там том «Очерков русской культуры». Милюков отказался.

зы Бунина, стихи Цветаевой, литературная критика Адамовича, статьи самого Милюкова, десятки других русских имен первой величины, информация и аналитика о положении в СССР. То, о чем молчала сталинская печать, сообщала парижская газета «Последние новости» Милюкова. Как писал один из ее журналистов Андрей Седых: «С ее исчезновением в Русском Париже образовалась громадная пустота, которая, фактически, никогда заполнена не была».

В 1929 году эмиграция торжественно отметила 70-летие Милюкова. Чествовали с размахом, издали сборник статей. В европейских столицах: Париже, Праге, Софии, Варшаве, Риге, вплоть до Тегерана, Харбина, Монтевидео и т.д., прошли юбилейные торжества.

В 1935 году умерла жена Милюкова Анна (урожденная Смирнова) — любимая ученица В.О. Ключевского, вдохновившая его на шедевр речь-статью «Евгений Онегин и его предки». Милюковы тайно обвенчались зимой 1888 года в Хотьковском монастыре. Отец Анны был ректором Московской духовной академии. Младший сын Милюковых — Сергей — погиб на фронте в Первую мировую, старший — Николай — уехал с родителями в эмиграцию. В СССР осталась дочь Наташа. Было ей только едва за двадцать лет, а уже вдова с 5 детьми. Умерла в 24 года в Полтаве в 1921 году. В 76 лет, через месяц-два после смерти жены, Милюков женился на молодой девушке — Нине Лавровой.

В 1939 году эмиграция отметила 80-летие Милюкова. Он все так же в превосходной интеллектуальной форме. Андрей Седых в очерке, посвященном Милюкову, писал: «Только в самое последнее время, за несколько месяцев до смерти, что-то начало портиться в этом удивительном человеческом аппарате. Ум его до самого конца оставался светлым и ясным, но в одном из последних писем поразила фраза, которая так не вязалась с нашим представлением о Милюкове. Анализируя свое физическое и душевное состояние, он писал: «Сажусь за стол с пером в руке. Хочу что-то написать. Проходит четверть часа, полчаса — я сижу все так же и ничего не пишу». За гробом Милюкова шло всего несколько человек. Перед смертью он жил в дешевой комнате чужеземной гостиницы, в которой, правда, «топили и даже умудрялись кормить». В номере висела карта Восточного фронта, и единственной темой бесед Милюкова с редкими посетителями была война. «Наш фронт, наша армия, наши войска», — вспоминал Дон-Аминадо в «Поезде на третьем пути».

Милюков, пожалуй, переступил черту в апологии Советского Союза. 20 лет занимал твердую антикоммунистическую позицию, а перед смертью написал статью «Правда большевизма». Напечатана она была уже после смерти автора в просоветской газете «Русский патриот» в Париже. Сдача и гибель русского либерала? Но не будем портить конец. Вернемся в Россию.

«Всею в жизни я обязан только своим собственным усилиям», — говорил Милюков. Сам себя воспитал и сделал, «сам всем себе обязан», — писал в «Воспоминаниях».

В родительской семье было сложно. Отец архитектор — слабовольный человек, мать — тиран и истеричка. Детей (Павла и его младшего брата) подвергали телесным наказаниям, мать — приговаривала, отец — исполнял. Близости с родителями не было. Учился в Первой гимназии, но там тоже тускло. Только преподаватель греческого языка сумел что-то заронить в душу и стремление к знаниям иностранных языков. Милюков выучил их восемнадцать: греческий, латынь, санскрит, литовский, немецкий, французский, английский, болгарский, сербо-хорватский, турецкий, финский, чешский, польский, украинский, норвежский, армянский, новогреческий, итальянский.

Гимназия за учебные успехи наградила его серебряной медалью (золотой не досталась никому). Сразу же после гимназических выпускных экзаменов в 1877 году он вступил в добровольческий санитарный отряд московского дворянства защищать братьев болгар. Но отряд был отправлен не в пекло, а на Кавказ, где военных действий не было. Вчерашний гимназист читает здесь впервые «Россию и Европу» Данилевского и штудировать грузинский язык. Осенью 1877 года Милюков возвращается в Москву и поступает в университет. Изучает санскрит под руководством Всеволода Миллера, слушает заканчивающего свою профессорскую карьеру и жизнь Соловьева и, наоборот, начинающего Ключевского, Герье, Виноградова, Ковалевского.

В марте 1881 года убит Александр II. За участие в студенческой сходке в апреле Милюков временно исключен из университета. Разбито и сердце 23-летнего студента: с девушкой, которую он в «Воспоминаниях» зашифровал как «дочь И.», спросила, может ли он приобрести такую же «славу», как приобрел Кареев. Что делать? «Бери посох, пускайся вдаль», — советовал Ларионов. И захватив целую коллекцию книг, глав-

ной из которых была «Ренессанс в Италии» Буркгардта, отправился в первую загранпоездку — в Италию. Путешествовал в полном одиночестве, а осенью вернулся в университет, окончил его на следующий год и был оставлен Ключевским для подготовки к профессорскому званию по русской истории. После сдачи магистерского экзамена Милюков становится приват-доцентом Московского университета. Дальше его формальная карьера не продвинулась. Уже в эмиграции, услышав об одном, быстро сделавшем карьеру ученом, сказал: «Профессор? Когда же и где он успел стать профессором? Теперь во всей эмиграции остался только один приват-доцент. Все остальные — давно уже профессора».

Свою первую и единственную диссертацию (магистерскую) Милюков писал 6 лет. Ее название: «Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII века и реформа Петра Великого». Вернадский пишет: «Основной мыслью Милюкова был тезис, что европеизация России была не продуктом заимствования, а неизбежным результатом внутренней эволюции, одинаковой в России и Европе, но запоздавшей в России по историческим условиям. Личность Петра при этом отодвигалась на второй план». О личности Петра I у Милюкова проскользнуло позднее: «Пирь и попойки сменяются казнями, в которых царь сам играет роль палача».

Защита состоялась в 1892 году. Герье и Виноградов настаивали сразу же присудить докторскую степень, но Ключевский подставил подножку ученику: «Пусть напишет другую выдающуюся книгу и получит «доктора»». На «пирушку» после защиты Милюков Ключевского не пригласил. Это был уже «форменный разрыв», — вспоминал Милюков перед смертью.

22 января 1893 года в аудитории Исторического музея в Москве Милюков прочитал лекцию «Разложение славянофильства: Данилевский, Леонтьев, Владимир Соловьев». В том же году она была напечатана в «Вопросах философии и психологии» и принесла Милюкову репутацию эксперта в вопросах славянофильства. Милюков утверждал: «Славянофильство умерло и не воскреснет» и доказывал: «Обе основные идеи старого славянофильства Хомякова, Аксакова, Киреевских, Кошелева, — идея национальная и идея всемирной миссии разложилась в среде эпигонов славянофильства, и это разложение завело славянофильство в тупик. Национальная идея привела у Данилевского и Константина Леонтьева к непод-

вижности и изуверству, мировая миссия в руках Владимира Соловьева привела к европеизации и католицизму.

В начале 1890-х годов Милюков, которому едва за тридцать, становится самой яркой звездой пробуждающегося русского «общества».

1891 год. Голод в Поволжье.

1894 год. Памятные слова Николая II при восшествии на престол о «бессмысленных мечтаниях» либералов. Статьи Милюкова печатаются в ведущих либеральных изданиях: «Русской мысли», «Русских ведомостях». Он читает публичные лекции в Москве. Ему давно уже тесно в затхлых стенах университета, где даже курс истории XIX века, который стал в это время учить в Петербурге Н.Н. Кареев, вызывал всеобщее неодобрение коллег-историков — «ненаучный». «Научными» считались только древние периоды. Милюков же едет в Нижний Новгород и читает там при огромном наплыве публики курс лекций «Об общественных движениях в России». «Последняя лекция содержала в себе прозрачные намеки на общие чаяния, и это было подчеркнуто прощальной овацией присутствующих».

Правительство и университетское начальство «приняло меры»: обвинений было много. В итоге в 1895 году и из университета изгнали, и из Москвы выслали в Рязань — самый близкий к Москве губернский город. К этому времени относятся пророческие пожелания редактора «Русской мысли» В.А. Гольцова, чтобы Милюков сделался «историком падения русской монархии».

Высылка Милюкова стала сенсацией, проводы на вокзале — демонстрацией (собралось более полтысячи человек). В следующем году вышла вторая большая книга Милюкова «Главные течения русской исторической мысли», в которых он «сводил счеты с прошлым русской исторической науки» (так он писал в 1897 году в Рязани). И в том же 1896 году вышел том его «Очерков по истории русской культуры». Кратко реферировать их можно так.

Том первый. После дискуссии о русской культурной отсталости Милюков пишет, что задача заключается не в археологических исследованиях древних времен, значение которых сильно преувеличено, а в концентрации всех усилий для строительства новой культурной традиции в плодотворной гармонии с социальными и политическими идеями современного времени.

Том второй. Разрыв между интеллигенцией и народом. Церковь не смогла стать мощной культурной силой, подобной протестантской церкви в Европе и особенно в Англии. Там культура развивалась одновременно с религиозной мыслью, и поэтому англичане до сих пор религиозны. Во Франции наоборот. Там церковь враждебна к развитию науки и культуры. В итоге французы против религии. В России ни то, ни другое. Церковь не смогла шагнуть в ногу с культурным развитием. И не создала инквизиции. И русский интеллигент традиционно безразличен к религии.

Том третий. Полувосточная политическая ориентация старой Москвы. Реформы Петра. Появление интеллигенции. Ее схватка с правительством. Будущее России зависит от успеха адаптации ее курса западной цивилизации. Этот процесс начался в XVIII столетии.

В послебольшевистском изгнании Милюков вновь опубликовал «Очерки» в значительно переработанном и дополненном виде. Третий том он озаглавил «Национализм и европеизм». Как глава парижской «Европейской школы» русских историков (в отличие от пражской «Евразийской» Г. Вернадского и П. Савицкого, которую Милюков подвергал суровой критике), он писал в предисловии к парижскому изданию 1929 года: «Читатель убедится, что наряду с элементами своеобразия, автор выделяет элемент общности России с более счастливыми в культурном отношении странами. Европеизм, с этой точки зрения, не есть начало, чуждое русской жизни, начало, которое можно только заимствовать извне, но собственная стихия, одно из основных начал, на которых эта жизнь развивается, насколько в ее «месторазвитии» даны общие Европе элементы развития. К этому представлению ведет и сам термин «Евразия», если употреблять его научно, а не тенденциозно. Евро-Азия не есть Азия; а есть Европа, осложненная Азией».

Первоначально «Очерки» печатались в «Мире Божиим». Значительная часть их была написана за два года на одном дыхании в Рязани. В 1897 году в Софийском университете освободилась кафедра всеобщей истории и ее предложили Милюкову. Российские власти тоже предложили: годичный тюремный срок в Уфе или высылка за границу на два года. Два предложения удачно совпали. «Я не могу передать того чувства освобождения, которое я испытал, очутившись тотчас после рязанских снегов в мягком климате Вены. Никакого начальства», — вспоминал Милюков.

За два года в Софии Милюков стал ведущим русским экспертом по «Балканскому вопросу», но и из Софийского университета его уволили — по настоянию русского посла. Это был уже второй университет, из которого его «ушли».

В 1899 году, через четыре года после изгнания из Москвы, Милюков появился в столице Российской империи. «Общество» (непереводимое на иностранные языки русское слово) уже почти «бурлило». Зимой 1900 года за выступление на студенческом митинге в Горном институте с речью в память умершего в Париже П.Л. Лаврова Милюков был арестован и отвезен на «квартиру» на Шпалерной. В камере Дома предварительного заключения просидел полгода. Затем его освободили, но жить в столице запретили. В новую ссылку отправился в Финляндию. Здесь Милюков жил в курортной Ловисе, затем в курортной же Удельной — 18 минут езды от столицы, но официально вне пределов Петербурга. Вскоре пришел и приговор — полгода тюрьмы. Милюков съездил в Англию и пришел в «Кресты» со своей подушкой — отсиживать. И именно тогда министр внутренних дел Вячеслав Константинович Плеве и предложил ему пост министра народного просвещения.

Освободили Милюкова по ходатайству В.О. Ключевского. На прощанье Плеве сказал Милюкову: «Не вступайте с нами в открытую борьбу. Иначе — мы вас сметем!» В 1903 году Милюков уехал в США и в Россию вернулся только в апреле 1905 года — Плеве уже был мертв. В год отъезда вышел 3-й том главной книги Милюкова «Очерки по истории русской культуры». В США Милюков выступал в аудиториях Чикагского и Гарвардского университетов. Впоследствии говорил: «Я не запомню такого высокого уровня аудитории, как это было в Бостоне». Говорил он там о России и ее проблемах. Получил приглашение в Чикаго прочитать первый курс в 1904—1905 годах, здесь Милюков узнал о «Кровавом воскресенье» в Петербурге. В 1905 году в Чикаго вышла книга Милюкова «Россия и ее кризис» — сбывалось пожелание Гольцова 10-летней давности. Самая же «горячая» «история современности» была изложена Милюковым в книге «Год борьбы» (1907). Историк с мировым именем П.Н. Милюков действительно стал «историком падения самодержавия» и историком современности.

В 1921—1923 годах в Софии вышли два тома его «Истории второй русской революции», а в 1922 году на английском — «Россия сегодня и завтра». В 1925 году в переработанном виде и под названием «Крушение России» она вышла на немецком

(размер книги увеличился вдвое и составил 2 тома). В 1927 году Милюков, существенно пересмотрев и еще раз дополнив и доведя развитие событий до 1936 года, издал эту книгу в Париже на русском языке под названием «Россия на переломе. Большевицкий период русской революции».

Это строго историческое изложение. В первом томе рассматривается происхождение и укрепление большевистской диктатуры. Второй том называется «Антибольшевистское движение». Название говорит само за себя. Отдельные разделы посвящены красному террору и русской эмиграции.

Много еще работ написал Милюков. Продолжил дело Виноградова, и в 13-м издании Британской энциклопедии появилась статья Милюкова о России. Он писал статьи о Чаадаеве, Екатерине II и т.д. для нью-йоркской «Энциклопедии социальных наук», в Париже в 1932—1933 годах на французском языке с двумя французскими коллегами издал «Историю России» в трех томах. Только список (неполный) его опубликованных работ составляет несколько печатных листов! И сколько еще неопубликованного хранится в российских и заокеанских архивах.

Из всех историков русской эмиграции Милюков самый знаменитый. Из всех русских историков XX века тоже. То политическое направление, которое представлял Милюков в старой России, пробивает себе дорогу в России нынешней, но никто из его лидеров даже отдаленно не напоминает нам Павла Николаевича Милюкова.

Одна из его последних статей «Драма русского гения» была посвящена Мусоргскому. О драме самого Милюкова вряд ли будет когда-нибудь написано.

Литература

Леонтович В.В. История либерализации в России. 1762—1914. М., 1995.

Керенский А.Ф. П.Н. Милюков // Новый журнал. 1943. Кн. 6.

Адланов М. Памяти П.Н. Милюкова // Новый журнал. 1943. Кн. 6.

Седых А. Далекое, близкое. М., 1995.

Вернадский Г. Русская историография. М., 1998.

Милюков П.Н. Сборник материалов по чествованию его 70-летия, 1859—1929. Париж, 1929.

Нильсен Е. Милюков и Сталин. Осло, 1983.

«РЕВОЛЮЦИЯ НЕ НУЖДАЕТСЯ В ИСТОРИКАХ»

**Романов Николай Михайлович,
великий князь.**

[26.04(08.05).1859—14(27).01.1919]

Об «августейшем историке» писали многие мемуаристы: С.Ю. Витте и В.Н. Коковцев, А.Ф. Керенский и П.Н. Милюков, Дж. Бьюкенен и М. Палеолог, великий князь Александр Михайлович и художник Александр Бенуа. Нина Берберова в своей знаменитой книге «Люди и ложи» уделила три страницы великому князю. Лидер эсеров Виктор Черняев назвал его «единственным интеллигентом в этой династии». «Самым культурным членом из всей царской фамилии» считал его Александр Бенуа.

В царской России Николай Михайлович был видным и широко известным историком, написал и опубликовал массу книг. В 1909 году его избрали президентом Русского Исторического общества, и он был не формальным, а активно действующим президентом. Петербургская Академия наук избрала его своим почетным членом.

Из самых знаменитых историков России он стал первой жертвой красного террора. Младший брат расстрелянного — великий князь Александр Михайлович вспоминал: «Максим Горький просил у Ленина помилования для Николая Михайловича, которого глубоко уважали даже на большевистских верхах за его ценные исторические труды и всем известный передовой образ мысли. «Революция не нуждается в историках», — ответил глава советского правительства. Историк Юрий Владимирович Готье записал в дневнике 4 февраля 1919 года: «На днях они расстреляли четырех Великих князей: Георгия и Николая Михайловичей, Дмитрия Константиновича и Павла

Александровича. Рязанов* назвал это «гнусным расстрелом». Великих князей расстреляли в Петропавловской крепости. «Официальным основанием для расстрела было то, что они были заложниками за Розу Люксембург и Карла Либкнехта».

Нина Берберова оставила также описание Николая Михайловича: «Был до конца жизни холост, и был во многом не похож на остальных членов семьи царя. Он был историком, редактором и издателем альбомов «Русские портреты», провел большую часть жизни за границей и в делах государственных избегал принимать участие, несмотря на интерес к внешней политике. Он знал шесть европейских языков (не считая латинского и греческого) и за границей водился либо с французскими и английскими учеными-историками, либо с молодыми людьми, которых предпочитал молодым женщинам <> Он при своих средствах и при высоком положении до и после февраля, мог обеспечить полную неприкосновенность своей частной жизни <> Сначала французский посол Палеолог, потом сменивший его Нулине — это мы знаем по их воспоминаниям, — настаивали на его отъезде, но он не двигался и, как это ни странно, — очень точно предвидел, где именно и когда именно (поздней сырой ночью, в десяти шагах от тяжелых гробов его царственных предков) окончится его жизнь».

Еще один портрет (историк династии Романовых Скотт Стаффан): «Николай Михайлович был во многих отношениях незаурядной личностью. Он был высокого роста, лысый, но по-своему красивый; как все Романовы, он получил военное образование, но вскоре увлекся историей и стал прилежным ученым <> Нина Берберова утверждает, что Николай Михайлович не интересовался дамами, предпочитал юношей, да и вообще уютнее себя чувствовал в мужском обществе. С другой стороны, по достоверным источникам, у него было несколько внебрачных детей. Как и некоторые другие Великие князья, он был активным членом масонской ложи, пожалуй самым активным <> В Монте-Карло он нередко играл в казино и был знаменит тем, что попеременно выигрывал и проигрывал бешеные деньги».

Великий князь Николай Михайлович был старшим из шести детей великого князя Михаила Николаевича (четвертого

* Рязанов Давид Борисович (1870, Одесса — 1938, Саратов) — большевик, историк, умер в тюрьме.

сына Николая I) и великой княгини Ольги Федоровны, урожденной принцессы Цецилии Баденской. Николай Михайлович учился в Академии Генерального штаба, служил в Кавалергардском полку. Еще в Академии, поскольку выступал за политические и социальные реформы, получил крепко приставшее к нему прозвище «Филипп Эгалите». Александр Михайлович писал: «Авторы этого прозвища не подозревали, что их царственный однополчанин шел в своем демократизме гораздо дальше, нежели брат французского короля. Мой брат Николай обладал всеми качествами лояльного президента республики <> Его ясный ум, европейские взгляды, врожденное благородство, его понимание мирозерцания иностранцев, его широкая терпимость и искреннее миролюбие стяжали бы ему лишь любовь и уважение в любой мировой столице». Но «он был обречен на бездействие людьми, которые не могли простить ему его способностей, ни забыть его презрения к невежеству».

Тонкая натура, Николай Михайлович, как и Владимир Набоков, обожал бабочек: в коллекции великого князя их было 25 тысяч. О качествах президента республики его брат говорил не случайно: сам Николай Михайлович в частной беседе с министром иностранных дел Н.Н. Покровским в 1916 году сказал о неизбежности падения монархии и добавил: «Каково мне, великому князю, готовиться на старости лет в президенту Российской республики».

В юности Николай Михайлович был влюблен в свою кузину — принцессу Викторию Баденскую, но получил отказ со стороны церкви царя. Александр Михайлович пишет: «Эта несчастная любовь разбила его сердце, так как православная церковь не допускала браков между двоюродными братом и сестрой. Она вышла замуж за будущего шведского короля Густава-Адольфа. Он же остался на всю жизнь холостяком и жил в своем слишком обширном дворце, окруженный книгами, манускриптами и ботаническими коллекциями». Впрочем, как отмечает Скотт Стаффан, «судя по тому, что известно в Швеции об умной и консервативной Виктории, они едва ли ужились бы с «известным либералом» русского Императорского дома».

Первая книга Николая Михайловича было сравнительно невелика по объему. «Князья Долгорукие — сподвижники императора Александра в первые годы его царствования» (1901). Но она определенно предмет дальнейших исследований историка: Александр I и его эпоха. Первой капитальной книгой Ни-

колая Михайловича стала трехтомная биография одного из ближайших сподвижников Александра I — «Граф Павел Александрович Строганов. 1774—1817» (1903). Биография написана на фоне эпохи, уже в ней он отбрасывает привычную в историографии трактовку Александра I как либерала: «Говорят и повторяют, что все преобразования, над которыми так много потрудились в первые годы XIX столетия, исходили от Александра I. Согласно с этим, укоряют и клянут перемену, будто бы происшедшую позже во взглядах и намерениях старшего внука Екатерины II. Это не столько недоумение, как большая ошибка. Не подлежит никакому сомнению, что император Александр, вслед за воцарением, многим был недоволен, многое желал изменить, даже исправить. Несомненно, что ни одна из произведенных в это время реформ не исходила от него лично, что все они были не без труда внушаемы ему, причем его согласие добывалось нередко с большими усилиями. Император Александр I никогда не был реформатором, а в первые годы своего царствования он был консерватором более всех окружавших его советников». В книге помещено множество впервые вводимых в научный оборот документов. Последующие работы Николая Михайловича тоже всегда содержали много новых важных документов.

В 1905—1909 годах он опубликовал капитальный труд «Русские портреты XVIII и XIX столетий» — пять томов, каждый из четырех выпусков. Всего в него вошло 1150 портретов русских государственных, политических, военных и придворных деятелей. Конечно, с биографиями и иногда подробными. Александр Бенуа писал: «В течение зимы 1903—1904 года я виделся с ним по крайней мере один раз в неделю, и я просиживал целые часы в его кабинете, беседуя с ним, а то и занимаясь разбором тех фотографических материалов, которые он собрал для задуманного капитального издания...»

В 1908—1909 годах вышли три тома работы Николая Михайловича «Императрица Елизавета Алексеевна, супруга императора Александра I».

В 1910 году выходит подготовленная Николаем Михайловичем «Переписка императора Александра I с сестрой, Великой княгиней Екатериной Павловной».

Николай Михайлович подготовил и издал в 1905—1914 годах еще один капитальный — в семи томах труд — «Дипломатические сношения России и Франции по донесениям послов императоров Александра и Наполеона, 1802—1812». Занимаясь эпохой Александра I, Николай Михайлович не мог, ес-

тественно, не обратиться к проблеме «Федора Кузьмича». Молодой, абсолютно здоровый Александр I умер неожиданно в Таганроге в 1825 году, в возрасте 48 лет. А в 1836 году в Сибири появился некий старец Федор Кузьмич, «бродяга, не помнящий родства», и в 1864 году он умер в Томске. Таинственность, окружающая этого старца, способствовала распространению легенды, что Федор Кузьмич это не кто иной, как Александр I, который не умер, как объявили власти, а добровольно отрекся от мира.

Вера в эту легенду была широко распространена среди русского народа: один из сосланных в Сибирь дворцовых служителей признал в Федоре Кузьмиче Александра I; когда Александра I хоронили, то его гроб в течение семи дней стоял закрытым в Казанском соборе, и множество других доводов свидетельствовало, что Федор Кузьмич — это Александр I. Николай Михайлович первым подверг эту легенду научному изучению. Проблема эта, как известно, волновала и Льва Толстого — с ним Николай Михайлович познакомился в начале XX века в Крыму. Вспоминая одну из бесед с Толстым в 1901 году, Николай Михайлович записал: «Насчет императора Александра толковали мы много, и граф Толстой говорил, что давно ему хотелось написать кое-что по поводу легенды, что Александр кончил свое поприще в Сибири в образе старца Ф.К. Хотя пока еще легенда эта не подтверждается и напротив того много данных против нее, но Л.Н. интересовала душа Александра, столь оригинальная, сложная, двуличная, и Толстой добавляет, что если только Александр кончил свою жизнь отшельником, то искупление, вероятно, было полное, и согласился с Шильдером, что фигура вышла бы шекспировская».

В 1904 году был издан четвертый том работы Н.К. Шильдера «Император Александр I. Его жизнь и царствование», в которой допускалась возможность тождества Александра I и Федора Кузьмича, но специально этим вопросом Шильдер не занимался. Исследовав проблему, Николай Михайлович опубликовал в «Историческом вестнике» (1907, № 7) статью «Легенда о кончине императора Александра I в Сибири в образе старца Федора Кузьмича», в которой выступил против легенды. В 1914 году, в том же «Историческом вестнике» (№ 3) он посвятил этой теме еще одну статью «Некоторые новые материалы о кончине императора Александра I». Но наиболее четко он выразил отношение к проблеме в монументальном двух-

томном труде «Император Александр I. Опыт исторического исследования» (1912). «Выяснилось только одно, а именно, что старец не был и не мог быть императором Александром». Личность же Федора Кузьмича Николаю Михайловичу установить не удалось. Впрочем, и вопрос о тождестве двух персон до сих пор вызывает противоположные мнения.

В «Императоре...» Николай Михайлович стремился показать Александра I не только как государя, но и как человека. Труд этот, конечно, «монархического» толка. С. П. Мельгунов впоследствии давал Александру I совсем другие характеристики. Но по документальному обеспечению «Император...» конечно превосходит. Из биографов русских императоров Николай Михайлович, видимо, по основательности своего труда превосходит биографов Петра I, Екатерины II, Николая I. Великий князь Александр Михайлович писал: «Монументальная биография императора Александра I, написанная после долгих лет собирания материалов и проверки дат, останется непревзойденной в исторической русской литературе <> Книга, которая была переведена на французский язык, произвела сенсацию в среде французских наполеонистов, заставив их пересмотреть, исправить и даже пересоставить целый ряд исторических трудов. Французская Академия избрала его своим членом — честь, которой почти никогда не удостоивались иностранцы, и его всегда осыпали приглашениями прочесть лекции во французских исторических обществах. Его глубокие познания в области французской культуры и его зрелое понимание римской цивилизации помогли ему завязать дружбу со многими выдающимися французскими писателями и учеными».

Совершенно феноменальны работы Николая Михайловича: «Московский некрополь» в трех томах (1907—1908), «Петербургский некрополь» в четырех томах (1912—1913), «Русский провинциальный некрополь» (Т. I. М., 1914), «Русский некрополь в чужих краях. Париж и его окрестности» (Выпуск I. П., 1915). Все это поистине неистощимый источник информации, из которого современные историки черпают и будут черпать еще долго.

В 1913 году Николай Михайлович опубликовал еще две важные книги по изучаемой им эпохе: «Генерал-адъютанты императора Александра I» и «Донесения австрийского посла при русском дворе Лебцельтерна за 1816—1826 годы». Он словно бы соревновался со своим, уже умершим другом, Львом Толстым.

Толстой очень ценил научные работы Николая Михайловича, сам написал о Федоре Кузьмиче. Именно через Николая Михайловича Толстой передал императору в январе 1902 года свое знаменитое письмо, в котором умолял его изменить правительственный курс.

Многoletние отношения Николай Михайлович поддерживал с немецким ученым Теодором Шлиманом, который тоже занимался историей России XIX века. Николай Михайлович писал немецкому коллеге письма, в которых делился соображениями о русской политике, давал характеристики Витте, Столыпину, Извольскому, Горемыкину, Николаю II, «который сделан не из того теста, чтобы управлять». Коллега был сторонником имперской Германии, и письма русского великого князя неизменно попадали в германский МИД, где их читали с особым интересом.

Вообще переписка Николая Михайловича — это богатый исторический источник. Помимо переписки с родителями, братьями, Николаем II, императрицей Марией Федоровной и т.д. в архиве Николая Михайловича содержатся письма к нему германского императора Вильгельма II, Столыпина, Извольского, Трепова, Витте, Сазонова, Ванновского, Пуанкаре, Ганата, историков Ф. Масона, А. Вандаля, П.И. Бартенева, В.А. Бильбасова, Е.С. Шумигорского, Б.Л. Модзалевского, английского посла Дж. Бьюкенена, румынского Диаманди и многих других. Помимо переписки сохранились воспоминания Николая Михайловича «Мои встречи с графом Л.Н. Толстым в 1901 году», о службе в кавалергардах и много других материалов. Все они содержат огромный фактический материал и не изучены и трудно доступны.

За время руководства Николаем Михайловичем Императорским Русским историческим обществом было издано 20 томов Сборников РИО, 11 томов «Русского биографического словаря», без которого вообще трудно писать что-либо по истории России.

Николай Михайлович трезво оценивал современную ему ситуацию в Империи. В ноябре 1916 года он писал Николаю II: «Ты часто выражал волю вести войну до победы. Но неужели же ты думаешь, что эта победа возможна при настоящем положении вещей? Знаешь ли ты внутреннее положение империи? Говорят ли тебе правду? Открыли ли тебе, где находится корень зла? Ты часто говорил мне, что тебя обманывают, что ты веришь чувствам своей супруги. А между тем, слова, которые она произносит — результат ловких махинаций и не пред-

ставляют истины. Если ты бессилён освободить ее от этих влияний, будь, по крайней мере, беспрерывно настороже против интриганов, пользующихся ею, как орудием. Удали эти темные силы, и доверие твоего народа к тебе, уже наполовину утраченное, тотчас снова вернется. Я долго не решался сказать тебе правду, но я на это решился с одобрения твоей матери и твоих двух сестер. Ты находишься накануне новых волнений. Я скажу больше: накануне покушения. Я говорю все это для спасения твоей жизни, твоего трона и твоей родины». В годы Первой мировой войны Николай Михайлович находился в штабе Юго-Западной армии и воочию видел некомпетентность командования. Письма его император не читая передавал своей супруге, ненавидевшей Николая Михайловича.

После убийства Распутина Николай Михайлович был выслан в свое имение Грушевку в Херсонской губернии. Февральская революция освободила его из ссылки и возвратила в столицу. И хотя «Филипп Эгалите» считал, что падение самодержавия приведет к спасению России, работы самому Николаю Михайловичу по спасению родины не нашлось. А планы у него были далеко идущие. Имея большие имения в Тамбовской губернии, он наивно надеялся представить ее в Учредительном собрании! Обсуждал этот проект с самим Керенским, с которым часто встречался в Зимнем дворце. Керенский вспоминал: «Великий князь Николай Михайлович, историк-любитель с хорошо развитым чувством здравого смысла в области политики... часто навещал меня по ночам в Зимнем дворце и сообщал о том, что происходит в гвардейских полках и в высшем обществе, никогда, даже случайно не упомянув ни одного имени... Эти умники, — сказал он как-то, имея в виду гвардейских офицеров, замешанных в заговоре*, — абсолютно не способны понять, что вы (то есть Временное правительство) — последний оплот порядка и цивилизации. Они стремятся разрушить его, и, когда в этом преуспеют, все, что осталось, будет сметено неконтролируемой толпой».

После большевистского переворота Николай Михайлович был выслан в Вологду. Еще до расстрела царской семьи в Екатеринбурге он был там, 1 июля по приказу председателя Петроградской ЧК Урицкого арестован, а в конце месяца привезен в Петроград в тюрьму на Шпалерную. Еще в Вологде он не строил иллюзий на счет своей судьбы. Против ареста чле-

*Речь идет о заговоре генерала Л.Г. Корнилова.

на французской Академии наук протестовал посол Франции Ж. Нуланс. Значительные усилия для спасения Николая Михайловича и других великих князей предпринимал датский посол Харальд Скавениус, он вел переговоры с Урицким, пытался добиться гарантий безопасности арестованным великим князьям, посещал их в Петропавловской крепости, куда их перевели со Шпалерной, вел с ними тайную переписку, пытался использовать деньги для их освобождения. Документы частного архива Скавениуса в Копенгагене сохраняют свидетельства о последних месяцах жизни великих князей. Последнее письмо от Николая Михайловича было получено 8 декабря 1918 года. Письмо вынесли в суповой миске, в которой датское посольство доставляло пищу князьям.

Датский историк Бент Енсен писал: «Великий князь Николай писал Скавениусу, что его кузен, великий князь Дмитрий, более не походит на человека — он совершенно высох и страдает от постоянных сердечных приступов. Георгий, его брат, жалуется на больной желудок, но сам Николай, как он выразился, «в боевом духе». И это несмотря на то, что теперь он уже был уверен, что их не освободят. Никакие власти — ни русские, ни союзнические, ни нейтральные — не могли добиться этого, — писал он. И в заключение просил переслать это письмо королеве, чтобы она знала, по крайней мере, что великие князья еще живы». В тюрьме Николай Михайлович встречался с убийцей Урицкого, поэтом Леонидом Киннегисером. Своей сестре, встретившись с ней в тюремном коридоре, сказал: «Леня вел себя как истинный герой и мученик».

За месяц до смерти в письме к историку К.Ф. Масону Николай Михайлович писал: «В этой тюрьме, к счастью, есть библиотека, и, кроме того, мне присылают все, что я пожелаю, из экс-императорской библиотеки. Я ежедневно записываю все мои впечатления, весь путь, с тем, чтобы передать секретарю Исторического общества г-ну Саитову... Это единственная отдушина, без этого можно было бы сойти с ума, ведь безделье убивает. Я непоколебимо убежден, что в один прекрасный день порядок будет восстановлен, но не иначе, чем штыками союзников; что касается монархии, о ней не стоит и думать, это прочитанная страница; я еще допускаю республику с президентом, с диктаторской властью, а так — массы слишком развращены, чтобы поддержать хотя бы намек идеи о монархе. Ленин показал пример настоящего государственного деятеля, с цинизмом провозгласив принцип:

«Все способы хороши для достижения цели»... Все это ужасно, вот как Революция обернулась для нас. В своем роде уникально! Во имя неба, спасите нашу страну всеми способами от этой заразы большевизма. Это наиболее опасная форма анархии, какая только может быть». Где ныне этот «этюд» о Сперанском и записи Николая Михайловича о «ежедневных впечатлениях» и «всем свое и пути»? Ценнейший исторический материал.

Кто непосредственно отдал приказ о расстреле Николая Михайловича и других великих князей? Известно, что расстрелян Николай Михайлович был по постановлению Петроградской ЧК от 24 января 1919 года. В январе председателем ЧК был друг М.Горького — бывший слесарь А.К. Скороходов. Память этого «товарища» в большевистском Петрограде увековечили: назвали его именем трамвайный парк, обувную фабрику, Большую Монетную переименовали в улицу Скороходова.

Когда в 1918 году Русская зарубежная церковь причислила к лику Святых великомучеников всех членов династии Романовых, убитых во время революции, а также других жертв того периода, имени Николая Михайловича среди них не упоминалось. Как пишет Скотт Стаффан: «Зная взгляды великого князя Николая Михайловича, можно предположить, что он был бы доволен, что избежал звания великомученика».

Литература

Великий князь Александр Михайлович. Воспоминания. М., 1999.

Готье Ю.В. Мои заметки. М., 1997.

Берберова Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. Харьков—Москва, 1997.

Стаффан С. Романовы. Биография династии. 1613—1999. М., 2000.

Бенуа А. Мои воспоминания. Т. II. М., 1980.

Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991.

Керенский А.Ф. Россия на историческом переломе. М., 1993.

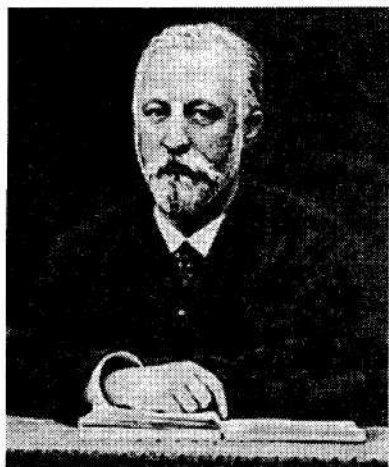
Епсен Б. Среди цареубийц. Вдовствующая императрица, семья последнего русского царя и Запад. М., 2001.

Зайцева А.А. Письма Великого князя Николая Михайловича Ф.Масону // Книга в России. Проблемы источниковедения и историографии. СПб., 1991.

«МЫ НАЗЫВАЛИ ЕГО «ПАДРЕ»»

Гревс Иван Михайлович

*[04(16).05.1860, село Лутовиново Бирюченского уезда
Воронежской губернии — 16.05.1941, Ленинград).
Похоронен на Волковом кладбище.*

П.Н. Милюков вспоминал о своей первой поездке в 1893 году во Францию и кратком пребывании в Париже, упоминает о своем знакомстве там со знаменитым вождем украинофильства М. Драгомановым: «Меня познакомил с ним молодой Гревс — первый, давший мне в руки запретного Герцена». Милюкову и Гревсу было в то время едва за тридцать — жизнь только начиналась. Гревс познакомил с Герценом, с Драгомановым. В 1905-м Драгоманов, умирая, назовет Милюкова в

качестве своего преемника по кафедре в Софийском университете.

В одной книге Худяковых мы читаем о Гревсе: «Историк, представитель культурологической школы в русской историографии, педагог, краевед, общественный деятель, один из основателей «Академического союза» (1904), член партии кадетов, приват-доцент (с 1890) и профессор (с 1903. — Ю.Д.) университета. Окончил историко-филологический факультет (1883).

Список учеников Гревса не менее впечатляющ, чем у Ключевского и Платонова: Лев Карсавин, Георгий Федотов, О.А. Добиаш-Рождественская, А.П. Анциферов, А.А. Гизетти (это он произносил речь на похоронах Г.В. Плеханова), Н.П. Оттокар, Владимир Лосский и многие другие.

Ровесник Платонова, Гревс преподавал в университете до последнего дня, прожил почти 81 год. Почему не «тронули»: за исключением увольнения из университета в 1923 году (в

1934 восстановили) и ареста в 1930-м? Его ученица А.И. Хоментовская в своих воспоминаниях высказала предположение: «Один из немногих уцелевших старых профессоров, он этим обязан был в 1935 году заступничеству Дыбенко, своего бывшего слушателя, но ученики его почти все рассеялись: кого рок давно и безвозвратно увлек на запад, кого — на восток. Его старость была омрачена». «Восток» — это концлагерь. Сама Хоментовская писала свои воспоминания, выйдя из инвалидного лагеря, и умерла в 1942-м, после нее остались рукописи по истории итальянского гуманизма.

Гревс был выдающимся педагогом и историком. В 1892 году он стал профессором Бестужевских курсов и преподавал на них до 1918 года — до их слияния с Петроградским университетом. Преподавал историю в знаменитом Тенишевском училище, где учились Осип Манделъштам и Владимир Набоков. Гревс был одним из создателей системы семинаров в русских университетах. Только в Петербургском университете их было пять, причем исторический возглавлял Гревс. Много написано о «Пушкинском семинаре» С. Венгерова и его учениках. Кто напишет о семинаре Гревса?

Один из его уцелевших после «Крестов», Соловков, Таганки, Бутырки и т.д. учеников — Н.А. Анциферов, автор книг «Душа Петербурга», «Петербург Достоевского», — осенью 1909 года поступил на истфил Петербургского университета. Уже после Второй мировой войны вспоминал: «Его кафедры были заняты выдающимися учеными, которыми гордилась русская наука. К кому пойти? Кого слушать? <> Вот Тураев, вот Кареев, вот Шляпкин, вот Лаппо-Данилевский, Платонов, Ростовцев, Фаддей, Зелинский, Эрвин Гримм...» Действительно, кого? «Никто из этих прославленных ученых не стал моим учителем. Своим учителем я избрал Ивана Михайловича Гревса. <> Мы называли его padre <> Помню, как увидел его впервые. В конце перерыва между лекциями по длинному коридору одним из первых шел высокий профессор с седеющей головой, слегка наклоненной набок. Мне сказали, что это и есть Гревс. Он медленно вошел в аудиторию и поднялся на кафедру. Иван Михайлович читал в «Историческом семинаре». Его аудитория отделялась от коридора семинарской библиотекой.

В небольшой комнате исторического семинария студенты сидели вокруг столов. На стенах висело всего два портрета: Моммзена и Ранке. (Почему не было Грановского?) Там вы-

сокая фигура Ивана Михайловича казалась чрезвычайностройной. Смуглое лицо с подстриженной, побелевшей бородой выступало в раме седеющих волос, зачесанных назад. Ничего профессорски декоративного: ни длинных кудрей, ни развевающейся бороды, как у Маркса. Что-то скромное, почти застенчивое, и, вместе с тем, полное благородного изящества и чувства достоинства. Движения были мягки и сдержанны».

Читал Гревс два курса: «Французское средневековье» и «Духовная культура конца Римской империи и раннего средневековья». Н.А. Анциферов вспоминал: «Содержание лекций И.М. Гревса совершенно соответствовало тому, что я искал в историке-учителе. Каждый из двух курсов, читанных им в 1909—1910 году, дал мне то, ради чего я стал заниматься историей».

Общему курсу французского средневековья было предпослано большое вступление, в котором Иван Михайлович развивал всемирно-историческую точку зрения на историю. Вслед за Фюстель де Куланжем он рассматривал средневековье в тесной связи с наследием древнего Рима (и эллинизма). Он боролся с точкой зрения «германизма», которая исходила из представления о разрыве в историческом процессе, в результате которого германские племена начали совершенно самостоятельную, себе довлеющую культуру на развалинах рухнувшей Римской империи. (В сущности, и Шпенглер стоял на точке зрения такой же изоляции отдельных культур.) Иван Михайлович горячо отстаивал идею единства процесса всечеловеческого развития. История — биография рода человеческого.

Иван Михайлович стремился по завету Тацита излагать историю *sine ira et studio*. Но его беспристрастие было ограничено глубоким и горячим моральным чувством. Его особенно привлекали духовно прекрасные личности и, во всяком случае, те, кто был носителем (или искателем) правды. Таковы Августин, Франциск, Данте. Это были его герои. В этом резкое отличие Ивана Михайловича от Е.В. Тарле, которого особенно привлекают сильные умом и волей, хотя бы совершенно аморальные лица (Наполеон, Талейран)».

Еще в студенческие времена 1880-х годов Гревс подружился на всю жизнь с Ф.С. и С.Ф. Ольденбургами, князем Д.И. Шаховским, будущим историком России XIX века А.А. Корниловым, В.И. Вернадским. Знаменитое «Приютинское братство»

было создано в 1885 году. Занимались они личным усовершенствованием, искали, как писал Гревс, «новых, более глубоких и полноценных идеалов и путей, чем те, к которым звали ходячие прогрессивные знамена», провозглашали свободу и культуру для всех и работу для всех».

Н.А. Анциферов знал и встречался с ними, когда они уже стали теми, кем стали: «Все они напоминали своими длинными бородами и длинными волосами (но не до плеч) греческих философов. Мудрая ясность отражалась на их благородных лицах. Тип этих лиц исчезнет вместе с ними. Первыми его представителями у нас были: Герцен и Огарев. Друзья Гревса — последнее звено в этой цепи. Их «братство» зародилось в 80-х годах. Они втянули в него и своих жен, они мечтали совместно воспитать в своем духе и своих детей. Но... детей мы порожаем, а не творим». Д.М. Шаховского расстреляют в 1939-м, последним умрет в 1945-м Владимир Вернадский.

Кто напишет историю «Приютинского братства»? В личном фонде И.М. Гревса в петербургском филиале архива Российской Академии наук только письма Шаховского Гревсу за 1921—1938 годы составляют почти тысячу листов. О «Братстве» имеются воспоминания 1918 года самого Гревса, статья сына Владимира Вернадского Георгия от 1968-го, да обрывочные публикации современных публикаторов. Капитальной же работы нет. В Москве есть проспект Владимира Вернадского. В Петербурге избавили университет в 1989 году от ставшего одиозным «имени Жданова»; все никак «не получается» сделать его «имени Вернадского».

Иван Гревс родился в имении своего отца, предки которого были родом из Англии и поступили на русскую службу при Петре I. Участник Севастопольской кампании, отец вышел в отставку поручиком. Мать — урожденная Бекаюрова. Домашним учителем, а затем и другом Гревса был студент-юрист Петербургского университета А.В. Гизетти. Он был женат на двоюродной сестре и близком всю жизнь Гревсу человеку Натали Дмитриевне Бекаюровой (переводчице и писательнице). Гизетти после окончания университета был оставлен там по кафедре политической экономии. Кроме того, он был историком, близким к В.О. Ключевскому и А.А. Шахову. И, конечно же, А.В. Гизетти (полная фамилия Гизетти-Капорфиерри) был революционером, народником. В его «экономический кружок» при поволжском землячестве входили многие известные революционеры: Александр Ульянов,

Виктор Бартнев, братья Никоновы. Впоследствии он был кандидатом в члены «Приютинского братства». Умерший в 1914 году Гизетти, видимо, был и первым учителем Гревса по «жизни»: любовь к Италии, революционные устремления, которые Г. Вернадский в своем очерке о И. М. Гревсе в «Русской историографии» совершенно обошел стороной и ограничился фразой «сочувствовал революционерам».

В 1872—1879 годах Гревс учился в Ларинской классической гимназии (6-я линия Васильевского острова). С 12 лет он — петербуржец. Учителя в гимназии были неважные, но один «луч в темном царстве» все-таки был — учитель русского языка Виктор Петрович Остроградский.

В 1879 году Гревс поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета. Здесь он «изучал науку» под руководством известного византиста В. Г. Васильевского и под его влиянием стал медиевистом. Крупнейший специалист по средневековью и сын сельского ярославского священника, Васильевский в 1872 году опубликовал работу «Византия и печенеги», заложив фундамент русской и европейской византинологии. В России ее развитие было прервано Октябрьским переворотом, но А. А. Васильев, ученик Васильевского, эмигрировав в США, стал основателем этой науки в США и вывел ее на первое место в мире.

В 1883 году Гревс окончил университет и был оставлен при кафедре всеобщей истории для подготовки к профессорскому званию. На самом деле студенческая и впоследствии преподавательская кафедры Гревса складывались не так гладко, как на бумаге. Из полицейских материалов известно, что он, «находясь в университете, в 1881—1883 годах, принимал участие в народовольческих кружках (В. Караулов, А. Гаусман, Г. Андронников, Ю. Антоновский и др.). Арестован в Петербурге и содержался под стражей в Доме предварительного заключения с 18 по 24 ноября 1884 года. Привлечен к дознанию при Петербургском жандармском управлении по делу о рабочей группе партии «Народная воля» (дело М. Орлова, Н. Воронцовой и др.) в виду нахождения его адреса у В. Полюхова. При обыске обнаружен журнал «Вперед» и гектографирован, брошюра Либкнехта «В защиту права». По освобождении подчинен особому надзору полиции. По выс. пов. от 22 января 1886 года вменено в наказание предварительное содержание под стражей. По распоряжению департамента полиции от 25 февраля 1886 года подчинен негласному надзору, продол-

жавшемуся до 1903 года. Состоял преподавателем истории средних учебных заведений и приват-доцентом Петербургского университета по кафедре средней истории. В 1899 году по распоряжению министра народного просвещения вследствие политической неблагонадежности уволен от должности приват-доцента Петербургского университета и профессора Высших женских курсов. В 1902 году возвращен к педагогической деятельности в высших учебных заведениях. В 1903—1904 годах принимал деятельное участие в организации «Союза Освобождения».

В 1885 году Гревс женился на Марии Сергеевне Зарудной, дочери переводчика Данте и Петрарки, видного деятеля судебной реформы 1860-х годов, С.В. Зарудного. Два ее брата Александр и Сергей были революционерами. В 1887 году С.В. Зарудный умер, а оба его сына оказались в тюрьме, так как оказались замешены в дело «первомартовцев» — о подготовке покушения на Александра III. Сергей был отправлен в Сибирь, а Александра освободили, и он стал известным адвокатом, участвовал в политических процессах Бейлиса, лейтенанта Шмидта, Первого Совета рабочих депутатов и т.д. При Керенском в 1917 году стал товарищем министра юстиции, входил в Партию народных социалистов Венедикта Мякотина, был непримирим к большевикам, но после большевистского путча стал одним из немногих адвокатов, пошедших на сотрудничество с новой властью. В 1933 году по ходатайству общества политкаторжан стал пенсионером всесоюзного значения и в следующем году умер.

Магистерскую диссертацию «Очерки из истории римского землевладения» Гревс защитил только в 1900 году в возрасте 40 лет. О титулах, также как и о рукописях, не заботился. Докторскую диссертацию писать не стал, в Академию наук не попал.

В 1887 году у Гревсов родилась дочь Катя, в 1894-м — Саша. Саша умерла 16-летней в 1910 году. Ее подруга сказала Анциферову: «Думая о ней, вспоминаешь ту девушку Блока, что «пела в церковном хоре о всех, забывших радость свою». Анциферову же казалось, что «и жена Ивана Михайловича, Мария Сергеевна, и дочь его Катя навсегда забыли «радость», храня память о Шурочке. Ивана Михайловича спасли его творческие научные интересы, способность любить друзей и многочисленных учеников, неиссякаемый интерес к жизни и, в особенности, глубокая и незыблемая вера». Жена и старшая

дочь Гревса переживут его на один год и умрут в 1942 году в Ленинградскую блокаду.

Летом 1889 года приват-доцент Гревс выехал в свою первую научную поездку за границу: побывал в Италии, Франции, Германии, Австро-Венгрии, Швейцарии. Настроенный первоначально «антизападнически», он в итоге стал последователем умершего в том же 1889 году французского историка Н.Д. Фюстель де Куланжа. И стал считать его вместе с Васильевским своим учителем.

В.Г. Васильевский умер 10 лет спустя, в 1899 году, не дожив одного года до защиты ученика. И первую свою большую работу (не считая диссертации) Гревс посвятил учителю, опубликовав в «Журнале министерства Народного просвещения» статью «В.Г. Васильевский, как учитель науки. Наброски воспоминаний и материалы для характеристики» (1899. № 8). Ранее в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона Гревс опубликовал большую статью о Фюстель де Куланже. В 1903—1905 годах выходят из печати его «Очерки флорентийской культуры», а в 1913 году «Очерки о Данте» (переизданы 10 лет спустя, уже в «другой стране» — Советской России).

Когда началась Первая мировая война, Россию охватил приступ шовинизма. Толпа во главе с М.В. Пуришкевичем разгромила здание немецкого посольства на Исаакиевской площади. Ученые послали своим немецким коллегам письмо с осуждением «зверских способов ведения войны» Германией, «вычеркивания русских из защитников мировой цивилизации» и т.д. Анциферов вспоминал: «Это послание отказались подписать три профессора, насколько я помню, это были Петражицкий, Жижиленко (или Кареев) и Иван Михайлович <> Сейчас уже, вероятно, трудно понять, какое тогда требовалось мужество, чтобы отказаться дать свою подпись».

Февральскую революцию старый революционер Гревс, надо полагать, встретил как свою. Друзья по «Братству» стали министрами и товарищами министров во Временном правительстве. Все это быстро кончилось. В марте 1918 года живший в Петрограде Гревс писал: «Живется так тяжело, как никогда даже не чаялось, что может быть так! Выхода не видно. Позор и ужас. Унижение и рабство». 30 декабря 1917 года впервые не состоялось ежегодное (с 1885!) собрание «Приютинского братства». В конце года скончалась «от жестокой болезни, вызванной потрясениями рокового года», сестра жены Гревса — известная художница Екатерина Зарудная (по мужу

Кавос). В первой половине 1918 года умерли Б.Э. Кетриц и Е.П. Свешникова. Гревс берется за перо, пишет воспоминания, спешит назвать десятки имен, сохранить их для истории, пишет о годах юности, о «студенческом научно-литературном обществе», о «Братстве».

В эпоху воцарившегося варварства Гревс стремится сохранить историю и передать заветы. В предисловии писал: «В трагический момент угнетения духа физическим насилием <> хочется передать, как только могу лучше, что нас окрыляло, хочется увековечить хоть часть наших заветов для тех, кто прочтет мои строки, и в ком они тронут созвучные струны. Ощущаю потребность голос подать тем из страдающих современников, уже стареющих, кто услышит в них братские отзвуки, а также вручить накопленное наследие младшим, которые мнутя среди захватившего нас вихря: может, вынесут они из уст старшего утешение и одобрение, а, может, и указание на предстоящую страду.

Мы высоко ставили культуру и личность, признавали великими путями для их развития науку и просвещение, чужды были неподвижного догматизма, почитали свободу и терпимость единственными достойными средствами достижения целей прогресса человечности. Мы чтим традицию отцов, но искали и обновления идеалов, прилагали усилия к объединению обоих в «творческую эволюцию», не хотели дать им столкнуться во взаимном разрушении. Теперь, когда все это попирается, вдвойне важно поднимать знамя с такими девизами». Последние строки статьи. Не завещаны ли они нам? «И среди нее были люди, служившие образцом и опорой. Я старался начертать их образы». Дату поставил «Петроград. 25 марта 1918 года». Этот первый мемуар был напечатан в «Былом» летом 1918-го. Его продолжение, написанное летом же 1918 года в Калуге, появилось в «Былом» только в 1921-м.

Известно, что в 1920 году Гревс преподавал в Богословском институте. По-прежнему профессор в университете, вел там семинар по «Жану Кристофу» своего любимого Романа Роллана, перевел первые шесть томов этого романа для издательства «Всемирная литература», но издание не состоялось. Для этого же издательства написал наполовину книгу о самом Р. Роллане. В апреле 1928 года Гревс председательствовал на диспуте Питирима Сорокина. В физической аудитории Петербургского университета о его двухтомной «Системе социологии». Сорокину была присуждена степень магистра — первый дипломированный русский социолог.

В годы Гражданской войны Гревс, видимо, избежал арестов. Не был арестован и выслан из России в 1922-м. В 1923 году среди парижской эмиграции ходили слухи, что «московские мерзавцы» воспевают Гревса. Его не выслали, но из университета уволили.

Еще в 1907 и 1912 годах Гревс возил своих учениц по Высшим женским (Бестужевским) курсам в Италию. Padre считал, что путешествия — часть образования, даже говорил: «Путешествия — мои учителя». В 1921 году он стал одним из создателей Петербургского научно-исследовательского института. Теперь он ездит на Север. Вскоре, правда, институт закрыли, и Гревс перешел в Центральное бюро краеведения.

Как прощание с прошлым он переиздал в 1923 году свою книгу 1913 года «Очерки о Данте», а в 1925 году опубликовал свою первую и последнюю при советской власти книгу «Кровавая свадьба Буондельмонте. Жизнь итальянского города в XIII веке».

К 1926 году у Гревса, видимо, разорваны личные отношения с членом «Братства» С.Ф. Ольденбургом. «Слишком далеко зашел в сотрудничестве с большевиками» неприменный секретарь Академии наук, предал идеалы молодости. Гибнущие в столицах и особенно в провинции культурные ценности надо было спасать. С 1921 года в стране возникло так называемое краеведческое движение. Его центр — Центральное бюро краеведения — существовал сначала при Академии наук, а затем стал самостоятельным. Это было мощное движение с двумя тысячами местных организаций. Гревс стал одним из его руководителей и теоретиков.

В 1930 году краеведов стали арестовывать. Арестован Н.А. Анциферов, многие другие ученики Гревса. Явно готовилось «дело ЦБК». Гревса также ненадолго арестовали, затем освободили, но вплоть до 1932 года регулярно вызывали на допросы. Из ЦБК Гревса уволили и новой работы не дали. Денег не было, надвигалась голодная смерть. Он пишет Д.И. Шаховскому, что занимается переводами о... сигах и ершах. Вернадский все-таки помог, и Гревсу дали переводить Гёте. Только в 1934 году, когда в университете был учрежден исторический факультет, Гревс был приглашен туда профессором. Занимался он там в основном подготовкой аспирантов. В 1940 году, когда были вновь учреждены ученые степени, 80-летнему Гревсу без защиты диссертации присвоили степень доктора исторических наук. Анциферов писал: «Выдающийся ученый,

Иван Михайлович совершенно не заботился о печатании своих трудов. Ящики его большого стола были полны рукописями». Но они «не соответствовали требованиям переживаемого нами исторического часа» и не могли быть напечатаны.

В 1938 году в апогей сталинского террора Гревс написал книгу о Таците. Опубликована она была уже посмертно. Медиевист Гревс писал о самой что ни на есть истории современности: «За последнее пятнадцатилетие, — цитирует Гревс Тацита, — множество граждан погибло: одни от горестных случайностей, другие жертвами жестокости государя. Все мы наперечет — те, кто пережил не только других, но, так сказать, и самих себя, потеряв в середине жизни столько лет в бездействии и молчании <...> Деспотизм напрасно надеется заглушить голос народа римского, поработить свободу сена-та и — самое важное — задавить сознание человеческого рода, уничтожить людскую совесть, силу независимой мыслящей личности: сила эта воскреснет, сознание это вновь оживет».

Гревс умер неожиданно. На фотографии 1940 года, которая помещена в «Таците», никак не скажешь, что ему 80 лет. 50—60 быть может. Собирался вроде в поездку по средневековым прибалтийским городам.

Сейчас выходят собрания сочинений его учеников: Георгия Федотова, Льва Карсавина, в Петербурге учреждена «Анциферовская премия» за лучшую работу об этом городе. Кто же вспомнит о «падре»?

Литература

Милюков П.Н. Воспоминания. Т. 1. М., 1990.

Ходяков М.В., Ходякова О.А. Знаменитые универсанты питомцы Санкт-Петербургского-Петроградского-Ленинградского университета. СПб., 2002.

Анциферов Н.А. Из дум о былом. Воспоминания. М., 1992.

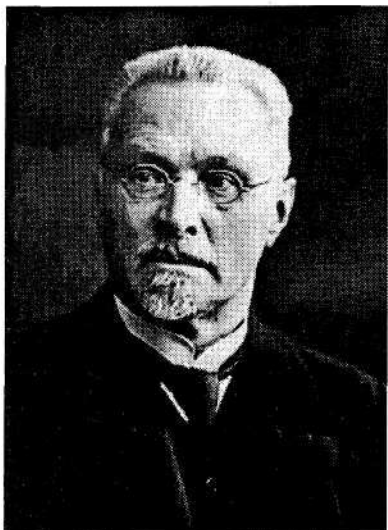
Вернадский Г.В. «Братство Приютино» // Новый журнал (Нью-Йорк). 1968. Книга 83.

«Теперь не наши полосы...» (Из архива А.А. Корнилова). Предисловие, публикация и комментарии М.Ю. Сорокиной // Минувшее. Исторический альманах. Т. 16. М.-СПб., 1994.

«ВОЖДЬ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ШКОЛЫ»

Платонов Сергей Федорович

*[16(28).06.1860, Чернигов — 10.01.1933, Самара].
Похоронен на Самарском городском кладбище.*

Внук крепостного крестьянина С.Ф. Платонов стал после смерти В.О. Ключевского ведущим русским историком. Еще раньше, начиная с 1895 года, он обучал истории наследников российского престола.

На год моложе Милюкова и Плеханова, он был полная им противоположность. Фундаментально «аполитичен» (как и его ровесник Чехов). То, что называлось тогда — «восьмидесятник». П.Н. Милюков писал: «После разгрома остатков революционного движения (народовольцев 1884 года) восьмидесятые годы представляли унылую

картину победившей реакции. В кругах интеллигенции это отразилось появлением типа «восьмидесятников», — преходящего, но очень характерного. Это были «непротивленцы» по Толстому, строители культурных «скитов», проповедники «малых дел», дезертиры политики, укрывшиеся под знаменем аполитизма, вернувшиеся к проповеди религии и личной морали. С ними я вел борьбу, возвращаясь нарочито под знамя «семидесятничества». За нами, «семидесятниками», уже стучалось в двери истории поколение «девяностыхников» — декадентов и символистов, тогда еще не успевшее обозначиться публично и мне лично неизвестное».

Уже отец будущего историка, что называется, «выбился в люди». Был он типографским служащим, привил сыну любовь к книгам. В 1869 году его перевели в Петербург. Карьера успешно продвигалась и завершилась должностью управляющего типографией Министерства внутренних дел и получе-

нием дворянского титула. Отец хорошо зарабатывал, и сын имел возможность учиться сначала в частной гимназии Ф.Ф. Бычкова, а затем на историческом факультете Санкт-Петербургского университета.

В университете главное влияние на него оказал «шлецеровец» К.Н. Бестужев-Рюмин. Платонов впоследствии нарушил его девиз «писать историю рано, надо изучать источники» — и источники изучал, и историю написал. Кроме Бестужева-Рюмина влияние на формирование Платонова оказали еще А.Д. Градовский, В.И. Сергеевич и византист В.Г. Васильевский — «великолепный ученый и очаровательный человек».

Свою кандидатскую работу о Московских земских соборах Платонов представил Е.Е. Замысловскому, который заменял на кафедре уехавшего надолго за границу лечиться Бестужева-Рюмина. Замысловский сочинение одобрил и оставил Платонова при кафедре русской истории для подготовки к профессорскому званию. Платонову тогда было всего 22 года. Темой его магистерской диссертации стали: «Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVIII века как исторический источник». На выявление, изучение, осмысление источников ушло восемь лет. Одновременно Платонов, зарабатывая на жизнь, преподавал в Александровском лицее и историко-филологическом институте. В 1888 году диссертация была опубликована и защищена и удостоилась Уваровской премии Академии наук. На следующий год тяжело заболел уже Е.Е. Замысловский, и Платонов стал преемником двух своих учителей (Бестужева-Рюмина и Замысловского) на кафедре русской истории Санкт-Петербургского университета. Из университета он ушел только в 1927 году, будучи, несмотря на свое знаменитое терпение, больше не в силах выносить варварства, творимого там большевиками.

В 1899 году была опубликована «докторская» монография Платонова «Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI—XVII веков (опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время)». В том же году он защитил ее в Киевском университете — так как в Петербургском университете докторов по русской истории не было, а в Киевском же их было три, и все трое серьезные солидные ученые — В.С. Иконников, П.В. Голубовский, Б.В. Антонович. Теперь научное имя и авторитет Платонова были «установлены твердо» в пределах всей Российской империи. В том же 1899 году вышло первое издание его знаменитых «Лекций по русской истории (до 1917 года они издавались десять раз).

Г.В. Вернадский писал: «Лекции» Платонова и «Курс» Ключевского — два столпа русской историографии конца XIX — начала XX века. Десятки тысяч студентов их прослушали в университете. Десятки тысяч русских образованных людей их прочли. На них воспиталось русское общество. На них в конце XIX и начале XX века создавалось русское общественное мнение. Курс Ключевского, как мы видели, не фактическое изложение хода внешних событий русской истории, а выяснение внутреннего содержания исторического процесса с социальной точки зрения. Облечен курс в неповторимый, свойственный одному Ключевскому художественный стиль.

Иной характер имеют «Лекции» Платонова. Это — систематический обзор хода русской истории от древнейших времен до царствования Николая I включительно. Изложение событий связано с историей учреждений, сословий и общественной жизни. Даны сжатые, но выразительные характеристики выдающихся деятелей — Ивана Грозного, Бориса Годунова, Козьмы Минина, царя Алексея Михайловича, патриарха Никона, Петра Великого, Екатерины II. В качестве введения к «Лекциям» Платонов дал превосходный сжатый очерк русской историографии и обзор источников русской истории».

Что касается «Очерков по истории смуты», то они стали кульминацией исследовательской деятельности Платонова. Он сам это признавал. Обязанностей у Платонова было много: декан исторического факультета, директор женского педагогического института, редактор «Журнала Министерства народного просвещения» и т.д. и т.д., различные комиссии, ученые комитеты.

Среди его учеников будущие известные историки: А.И. Андреев, П.Г. Любомиров, Н.П. Павлов-Сильванский, А.Е. Пресняков, С.В. Рождественский, Б.А. Романов, П.Г. Васенко, А.А. Введенский, А.И. Заозерский, С.Н. Чернов, И.И. Лаппо, работали на его кафедре Б.Д. Греков и В.Г. Вернадский, а последним его учеником был, надо полагать, Н.И. Ульянов — но это уже при советском режиме. Среди студентов Платонова на историко-филологическом факультете был и будущий премьер-министр России А.Ф. Керенский. Впоследствии он перешел на юридический факультет, но год или два проучился на историко-филологическом факультете. Керенский был крайне левым, революционно настроенным студентом. Много лет спустя он вспоминал о профессорах своей *alma mater*. В том числе и о Платонове: «Профессора С.Ф. Платонова отли-

чала твердость убеждений и поведения. Всегда безупречно одетый, он не допускал в отношениях со студентами и капли фамильярности. В чем-то он как историк, на мой взгляд, превосходил В.О. Ключевского, поскольку Ключевский свои описания исторических событий и деятелей всегда приукрашивал казавшимися мне излишними саркастическими комментариями. Платонов же, наоборот, всегда излагал суть дела четко и ясно. Он был очень популярен среди студентов, но никогда не был объектом такого поклонения, как Ключевский в Москве. Платонов возил нас на экскурсии — сначала в Псков, потом в Новгород, где знакомил нас с устройством некогда процветавшей там древнерусской демократии».

Учениками Платонова в 1895—1902 годах были также дети Александра III — великая княжна Ольга Александровна и великий князь Михаил Александрович — и два его племянника — Великие князья Дмитрий Павлович и Андрей Владимирович. В бумагах Николая II сохранился такой отзыв: «Вполне приличен также и профессор Платонов, обладающий огромной эрудицией, но он сух и уже, несомненно, весьма мало сочувствует культу русских героев, конечно, изучение его произведений не может вызвать ни чувства любви к Отечеству, ни народной гордости». Ученицей С.Ф. Платонова по русской истории была и его старшая дочь — Надежда Сергеевна.

В 1904 году в Германии завершил свой жизненный путь его ровесник Чехов. «Человек раннего развития, усиленного сгорания, непрерывного роста». Ему не нужно было подниматься по ступенькам «магистерская», «докторская» — семь орденов, чин тайного советника. Что такое какая-то Уваровская премия, да и сама Академия наук (ее всего лишь членом-корреспондентом Платонов стал в 1908 году. Чехов почетным академиком был с 1900 года, а в 1902 году отказался от «почетного» звания).

В 1894 году Чехов опубликовал в «Русских ведомостях» свой знаменитый и (самый свой любимый) рассказ «Студент». К моменту защиты Платоновым (1888) магистерской диссертации Чехов выпустил уже 5 книг, его имя широко известно, он уже автор «Припадка», «Иванова», «Степи». Когда Платонов в 1899 году защитил свою «докторскую», Чехову и оставалось-то в этой жизни написать «Архиерея» и апофеоз — «Трех сестер».

К 1916 году Платонов выслужил положенный для получения пенсии срок, но читать лекции в университете и институте продолжил. Из казенной квартиры переехал в собственную (Каменноостровский проспект, д. 75, кв. 13) — квартира большая, он «держит салон», устраивает по средам «журфиксы». В том же 1916 году было издано последнее, 8-е издание «Учебника русской истории средней школы», первое издание вышло в 1908 году, и в течение 10 добольшевистских лет этот учебник был ведущим учебником в русских гимназиях. Эмиграция же его продолжила издавать. С 1993 года он, вместе с «Лекциями по русской истории» для университетов, издается в нынешней России, и, как пишет академик С.О. Шмидт: «Они по-прежнему признаются недосягаемыми пока образцами методического совершенства».

Платонов, в отличие от многих других профессоров, никогда ни в каких политических партиях не состоял, был лоялен властям. После большевистского переворота, когда десятки известных историков (и не историков) эмигрировали, десятки были расстреляны или умерли с голоду, Платонов остался на родине и продолжал лояльно выполнять свои обязанности. Известно, что 28 мая 1919 года он был арестован, но в тот же день вечером освобожден по приказу Зиновьева. Делал, что мог, был заведующим Петроградского отделения Главархива. Многое ему удалось спасти от разграбления и уничтожения — в частности, «Пушкинский Дом», директором которого он был в 1925—1929 годах, и библиотеку Академии наук (ее Платонов возглавлял в 1925—1928 годах). Когда в 1919 году умер Лаппо-Данилевский, Платонов взял на себя руководство постоянной исторической комиссией АН. В 1926 году ее объединили с Археографической комиссией. Новую историко-археографическую комиссию Платонов возглавлял до 1929 года.

Большевики Платонову доверяли — трижды в 1920-е годы он выезжал в командировки за границу, мог там остаться, ведь количество «невозвращенцев» было немалым. Но он всегда возвращался. В советский период Платонов много занимался изучением Русского Севера, активно участвовал в работе Географического общества. В мае 1920 года выступил с лекцией на конференции АН по изучению Севера, редактировал двухтомные «Очерки по истории колонизации Севера и Сибири» (Петроград, 1922), которые получили премию немецкой Академии наук в 1923-м.

В 1923 году в Петрограде и в 1924 году в Берлине вышла его книга «Прошлое русского Севера». В июле 1928 года на орга-

низованной немецким обществом по изучению Востока «Неделе русской исторической науки» в Берлине Платонов прочел лекцию «Проблемы русского Севера в новейшей историографии», в которой рассказал «о тех успехах, какие сделала русская наука в последние десятилетия в деле изучения истории одной из любопытнейших русских окраин». Рассказав о работах Б.Н. Чичерина, А.Я. Ефименко, М.А. Островской, Б.Д. Грекова, А.А. Введенского, А.И. Андреева, Б.А. Кордта, «безвременно погибшего в великой войне» А.В. Тищенко, И.И. Любименко, А.А. Кизеветтера, Платонов отметил «Капитальное исследование «Влияние иностранного капитала на колонизацию русского Севера» участников своего семинара в Петроградском университете Н.И. Ульянова. Закончил доклад сообщением «О любопытном по содержанию и остроумному методу исследования» своего первого ученика, профессора С.В. Рождественского — «О отношении «Двинской земли» к Новгороду как к ее метрополии».

Когда Платонова и Тарле громили в январе 1931 года, то среди других сыпавшихся обвинений было такое: использовал изучение Севера для приглашения туда иностранных интервентов.

Что еще написал Платонов помимо двух монографий и двух учебников? В 1912 году 2-м изданием в Петербурге были изданы его «Статьи по русской истории (1883—1912)». Он написал также очень много важных для исторической науки рецензий на книги коллег и некрологов. В 1917 году сделал описание для архива Министерства народного просвещения. В 1921 году опубликовал брошюру о своем любимом Борисе Годунове, а в 1925 году об Иване Грозном (попытался проследить логику его действий и особенно, конечно, oprичнины). В 1925 году вышла его книга «Москва и Запад в XVI—XVII веках», а в 1926 году «Петр Великий. Личность и деятельность». Больше книг ему опубликовать не удалось.

В 1920 году Платонов был избран академиком Академии наук. Из 46 ее членов в 1917 году к 1920 году в России осталось 28. 10 умерло. 8 эмигрировало. В 1921—1923 годах умерло еще пятеро.

В ноябре 1921 года по требованию большевиков Платонов был убран с поста председателя Союза российских архивных деятелей. (Этот пост он занимал с мая 1919 года.) В 1923 году его убрали и с постов заведующего Петроградским отделением Главархива и директора Археологического института.

В 1928 году всевластный большевик, замнаркома, ученик Ключевского М. Покровский назвал Платонова «старым монархистом в духе Леопольда фон Ринке». Сигнал был подан. В том же году 68-летний ученый еще успел произнести свою лебединую песнь «Значение археографических экспедиций в русской историографии». В 1929 году была опубликована его последняя работа — публикация «Списка лиц, посланных для научения в Италию на рубеже XVII—XVIII веков», составленного князем Б.И. Куракиным, и заметка к нему Платонова об одном из «посланных», князе А.П. Прозоровском, ставшем «невозвращенцем».

В январе 1930 года Платонов, его дочь Мария и десятки других историков в Ленинграде, Москве и в провинции были арестованы по обвинению в монархическом заговоре — очередной фабрикация ГПУ. 70-летний Платонов прошел через 20 месяцев бесконечных унижений, допросов и т.д. Сотрудничать со следствием Платонов стал только через 8 месяцев после ареста, написал в коллегия ОГПУ «покаянную записку». Повредить она уже никому не могла. Е.В. Тарле «сознался» через неделю после ареста, то же и другие.

А.Ф. Изюмов пишет: «Мужественное поведение С.Ф. Платонова на допросах выгодно отличает его показания от показаний других обвиняемых (Е.В. Тарле, Н.В. Измайлов, Ю.В. Готье, В.И. Пичета, С.В. Рождественский и др., проходивших по этому делу)». Количество человек, арестованных по делу Платонова, перевалило за сотню. На «воле» между тем события развивались так: совместное судилище над Платоновым и Тарле устроили Институт истории при Ленинградском отделении коммунистической академии и Ленинградское отделение общества историков-марксистов. Проходило оно в четыре приема в Ленинграде 29 января и 1, 12 и 16 февраля 1931 года. Материалы этого «заседания» были в том же году опубликованы и представляют уникальный источник. По сути дела, они фиксируют конец «Петербургской исторической школы» и градус духовного и морального растряпанности историков, до которого их довела советская власть. Изюмов, русский историк и архивист, живший в Праге, писал: «Что думал перед смертью знаменитый русский историк, я не знаю. Мне кажется, что деяния чекистов его не удивляли: он чересчур хорошо знал историю Смутного времени. Но вот плевки, которыми наградили его же ученики, я думаю, доставляли ему наибольшие страдания».

Доклад «Платонов и его школа» сделал М.М. Цвибак, «Тарас и его школа» — Г.С. Зайдель («историк» и консультант ГПУ по кличке «Буревестник»). Оба они были большевистскими выдвигенцами-назначенцами и к истории имели отношение «постолько-поскольку». Но в «прениях» выступали и были вынуждены громить своих учителей: А. Введенский, Н. Попов, П. Щеголев, С. Валк, Л. Райский, М. Мартынов, С. Семенов-Зуссер, А. Молок, В. Кашин, Х. Лурье, Н. Розенталь, С. Томсинский, З. Лодзинский.

Репрессий избежали только вроде Валк и Молок — они дожили до преклонных лет, Цвибак и Зайдель погибли в мясорубке 1930-х годов. Если Платонов пытался разобраться в логике террора Смутного времени, то в логике сталинского террора разбираться бесполезно. Постановлением Коллегии ОГПУ от 8 августа 1931 года Платонов был приговорен к пяти годам ссылки в Самару. Вместе с ним туда приехали тоже осужденные его дочери — Марна и Нина. Еще в Ленинградской тюрьме у него развилась сердечная болезнь. Как писал П.Н. Милюков в некрологе на смерть Платонова, в Самаре на положении лишенца «он не мог устроиться сколько-нибудь прилично. Он поселился под городом, в маленьком домике, жил впроголодь, был лишен книг и возможности работать. Скорая смерть, очевидно, входила в расчеты его гонителей!». В Самару его послали умирать. Он и умер в течение четырех месяцев.

После смерти Сталина в изучении С.Ф. Платонова, «вождя петербургской школы», как назвал его немецкий профессор Хетцш, ничего не было сделано. В 1967 году его тихо, без шума, реабилитировали. Его огромный архив оказался в Ленинградской публичной библиотеке, но к нему никто не прикасался.

В 1977 году в Нью-Йорке чудом выживший в советских тюрьмах и лагерях ученик Платонова — Н.И. Ульянов, ставший профессором в Йельском университете в США, опубликовал об учителе небольшие воспоминания в нью-йоркском «Новом журнале» (Т. 126).

В 1981 году, тоже за рубежом, были опубликованы воспоминания еще одного арестованного по «делу Платонова». Историка С.В. Сигриста: «Теперь обрисовывался характер обвинения: Платонова обвиняли в подборе монархистов, молодежь — в организации кружков. Тарле признался, что руководил молодежью, враждебной исторической «школе»

замнаркома М.Н. Покровского, оплевывавшей прошлое монархии.

Оригинальный прием употребил Мосевич* в отношении Платонова, которого не пугали угрозы расстрела и аресты родных и друзей.

Мосевич сказал, что потомки судят о разных декабристах по их поведению на допросах, и наши потомки будут судить о Платонове, читая его показания, в которых он лукавил и прикидывался сторонником советского режима. Тогда честный и мужественный академик объявил себя монархистом: отрицая всякие заговоры, сказал, что до революции разделял программу Союза 17 октября, что сознательно отстаивал Академию от вторжения коммунистов и окружал себя честной монархической молодежью». Сигрист подводит итог: «Дело четырех академиков» принесло советскому правительству желанный результат. В компартию вступили Марр, Иоффе, профессор международного права С.Б. Крылов, мой друг монархист покойный историк Серафим Владимирович Юшков. Старик-геолог академик Борисьяк начал посещать кружок безбожников для технического персонала Академии. По тюрьмам и лагерям «перековались» и стали законопослушными учеными... — не будем их еще раз перечислять.

Но ради сытого куска и жизни в Ленинграде далеко не каждый из нас шел на prostituiрование любимой науки. Большинство поставило крест над научной работой, не писало бесстыдных статей, жило скромно по ссылкам. Мы добывали хлеб уроками языков и случайными заработками. В этом заключался наш подвиг. Так текла жизнь большинства моих коллег».

И только в «перестройку» официальные историки приступили к «изучению» Платонова. В 1995 году в Петербурге издана книга профессора В.С. Брачева «Русский историк С.Ф. Платонов».

Последние посмертные работы Платонова так и не опубликованы. Осмысления трагедии Платонова не произошло. «Уроки» не извлечены. Лучшими словами о Платонове остаются слова Милюкова: «Смерть унесла от нас человека, занявшего по праву видное место в истории нашей науки и не сказавшего своего последнего слова. Роль его убийц, — не только моральных, но и физических, в его преждевременной кончине очевидна. [«Преследование С.Ф. Платонова началось в то

* Мосевич А.А. — начальник отдела Ленинградского ГПУ.

время (1930 год), когда уровень советской интеллигенции безнадежно понизился, нравы огрубели и сознание полной безответственности и безнаказанности самого варварского поведения возросло до последних пределов]».

Литература

Милюков П.Н. Воспоминания. Т. 1. М., 1990.

Вернадский Г. Русская историография. М., 1998.

Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. М., 1996.

Чернобаев А.А. Платонов Сергей Федорович // Историки России. Биографии. М., 2001.

Шмидт С.О. С.Ф. Платонов // Портреты историков России. Т. 1. Москва—Иерусалим, 2000.

Брачев В.С. «Наша университетская школа русских историков» и ее судьба. СПб., 2001.

Зайдель Г. Цвибак М. Классовый враг на историческом фронте. Тарле и Платонов и их школа. М.-Л., 1931.

Милюков П.Н. Два русских историка // Современные записки. (Париж), 1933. № 51.

Ростов А. (С.В. Сигрист) Дело четырех академиков // Память. Исторический сборник. (Париж), 1981. Т. 4.

«ДЛЯ РУССКОГО ЧЕЛОВЕКА НЕТ НАУКИ ВНЕ ЖИЗНИ»

Лаппо-Данилевский Александр Сергеевич

*[15(27).01.1863, имение Удачное села Мало-Софиевка
Гуляйпольской волости Верхнеднепровского уезда
Екатеринославской губернии — 07.02.1919, Петроград].*

Похоронен на Смоленском православном кладбище в Петрограде.

О последних днях Лаппо-Данилевского Питирим Сорокин записал в своем «Петроградском дневнике» в феврале 1919-го: «Сегодня после обеда хоронили академика Лаппо-Данилевского. На прошлой неделе, когда я посещал его, он выглядел живым скелетом. Слабо улыбаясь, он рассказал, что несколькими днями ранее, по дороге в академию, упал и слегка повредил ногу. Три дня спустя, я навестил его в больнице, где ему сделали хирургическую операцию.

Лежа в больничной койке, этот умирающий читал «Феноменологию духа» Гегеля. «Никогда не было времени внимательно проработать ее, — прошептал он. — Начну сейчас».

56-летний Лаппо-Данилевский не имел статуса «профессора», не принадлежал ни к какой «школе». В следующем, 1920 году вышел специальный выпуск «Русского исторического журнала», посвященный Лаппо-Данилевскому. Статьи о нем написали и корифеи — Н.И. Кареев, И.В. Гревс, С.Ф. Ольденбург, и молодые — Б.А. Романов, С.Н. Валк. В 1929 году в Ленинграде были изданы «Материалы для библиографии А.С. Лаппо-Данилевского», а в 2001-м в Санкт-Петербурге вышла и небольшая книжка о нем.

Сам же Лаппо-Данилевский даже на фоне ученых начала века, которыми блистала российская столица, был «белой вороной». Ни в каких партиях и кланах не состоял. Как и Милю-

ков, в университетской карьере дальше приват-доцента не пошел. Но за 28 лет своей научной деятельности сделал много.

Питомец «усадебной культуры». Сын уездного предводителя дворянства, ставшего таврическим вице-губернатором. Семья зажиточная и просвещенная. В детстве Лаппо-Данилевский был отправлен отцом в Швейцарию «получать образование». Провел там полтора года, после этого ничего не стоило окончить симферопольскую гимназию с золотой медалью и поступить в 1882 году на историко-филологический факультет Петербургского университета. Еще в гимназии он прочитал «Историю Греции» Дж. Грота, в дальнейшем этот английский ученый стал эталоном для Лаппо-Данилевского.

В университете никто из профессоров особого влияния на него не оказал, кроме профессора юридического факультета А.Д. Градовского и трудов Б.Н. Чичерина. Их влияние и определило тему магистерской диссертации Лаппо-Данилевского, а официальным ее куратором стал Е.Е. Замысловский. Уже в 1890 году она была защищена и сразу сделала своего автора знаменитым. 25 лет спустя будущий выдающийся экономист, а в 1915 году один из студентов Лаппо-Данилевского Н.Д. Кондратьев отмечал: «Академик Лаппо-Данилевский известен больше всего как серьезный и вдумчивый историк. Его выдающийся труд «Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований» — ценный вклад в историю экономического развития России и получил признание от таких авторитетов, как покойный Ключевский, Милюков и другие. Его вклад засвидетельствован избранием его в Академию наук».

Быстро, успешно и блестяще защитив магистерскую диссертацию, Лаппо-Данилевский не стал защищать докторскую — магистерская давала минимальный научный и университетский статус. Этого Лаппо-Данилевскому было достаточно, чтобы заниматься наукой с полным правом, карьера же, как таковая, его не интересовала. Другой его студент, не такой выдающийся как Кондратьев, но тоже знаменитый, А.Е. Пресняков, писал в 1922 году: «А.С. Лаппо-Данилевский одинокий и замкнутый в напряженной личной работе, не примыкал ни к какой «школе», не был чьим-либо учеником, в подлинном смысле этого слова, да, по-видимому, никогда не искал живого общения и личного сближения с кем-либо из университетских преподавателей. В занятиях своих он шел своими путями, подчиняясь внутренней последовательности

собственной мысли, и тем, чем стал, был обязан самому себе, упорному самостоятельному кабинетному труду. Эта замкнутость, это одиночество в личном труде — характерная особенность Лаппо-Данилевского».

Лаппо-Данилевский был членом «Приютинского братства», женат на Е.Д. Бекауровой, двоюродной сестре жены И.М. Гревса М.С. Зарудной. В 1895 году у Лаппо-Данилевских родился сын Иван — будущий математик и член-корреспондент АН. В 1905 году в возрасте 42 лет Лаппо-Данилевский был уже «полным» академиком. Для сравнения — С.М. Соловьев стал академиком в 52 года, а В.О. Ключевский (Лаппо-Данилевский и рекомендовал его в Академию) в 59 лет. И сколько бы еще Лаппо-Данилевский мог бы сделать, не будь октябрьской «революции»!

Обычно среди главных работ Лаппо-Данилевского первой называют написанный еще в студенческие годы труд «Скифские древности» (1887). Затем следует магистерская диссертация, которую П.Н. Милюков в отзыве на нее назвал «самым замечательным явлением в русской исторической литературе». Далее «Русские промышленные и торговые компании в первой половине XVIII столетия» (1899). Обычно работы Лаппо-Данилевского (их около 200) написаны после тщательного изучения всех доступных источников. Изучая русские промышленные и торговые компании, он пришел к выводу, что их возникновение напрямую связано с деятельностью иностранцев. Общий вывод Лаппо-Данилевский сделал такой: «С экономической точки зрения они [компании] оказались довольно выгодной формой предприятия — но еще слишком мало согласовались с правами русского общества и отчасти были дискредитированы в его глазах беззастенчивой эксплуатацией народного богатства, а также чрезмерным покровительством государственной власти. Несмотря на ее содействие, наши компании на первых порах не могли приобрести того общественного и политического значения, какое союзы подобного рода имели в Западной Европе, а со второй половины XVIII столетия лишились и выгодной им поддержки со стороны русского правительства».

Следующей крупной работой стал «Очерк истории образования главнейших разрядов крестьянского населения в России» (1905). Г.В. Вернадский назвал его «очень ценным». Известно, что Лаппо-Данилевский собирался написать докторскую диссертацию на тему: «История политических идей в

России в XVIII веке в связи с развитием ее культуры и ходом ее политики». Докторскую не защитил, но ряд статей по эпохе Екатерины II опубликовал. В 1990 году часть докторской диссертации Лаппо-Данилевского была издана в Москве под названием «История русской общественной мысли и культуры XVII—XVIII веков» и со статьей о Лаппо-Данилевском известного специалиста по истории религии А.И. Клибанова.

В 1910—1913 годах в Петербурге вышел главный теоретический труд Лаппо-Данилевского «Методология истории» (в 2-х выпусках). Он стал предметом многочисленных дискуссий и дебатов. С 1901 года Лаппо-Данилевский принимал участие в Международных исторических конгрессах, состоял членом Международного социологического института. Власти в России в то время социологию путали с социализмом и считали и то и другое вредным и опасным. Книжки по социологии сжигались, как например, работа американского социолога Л.Уорда «Динамическая социология». Зародыш первого социологического общества в России появился в 1913 году в виде социологической секции при Историческом обществе Петербургского университета. Историческое общество возглавлял Лаппо-Данилевский. В 1916 году было создано гораздо более мощное Русское Социологическое общество, и возглавил его Лаппо-Данилевский.

Масштаб Лаппо-Данилевского, хотя его специальностью и была история России, был явно не санкт-петербургский и российский, а гораздо больший. Начав с тщательного изучения всех иностранных жителей в Москве в первой половине XVII века и всего, что к ним относилось, Лаппо-Данилевский пришел к изучению германо-русских отношений в XVIII веке. В 1902 году он исследовал архивы в Кёнигсберге, Неаполитанском королевстве, Ватикане, искал русские материалы. В 1903 году составил доклад о необходимости Академии наук иметь своих научных корреспондентов в Риме. Без исследования римских архивов отношения между русской православной и западной католической церквями (также как и роль Москвы на Ближнем Востоке) изучать невозможно.

Г.В. Вернадский писал о Лаппо-Данилевском: «В 1913 году он участвовал в Международном историческом конгрессе в Лондоне и прочел там доклад о развитии идеи государства в России от Смутного времени до реформ XVIII века. Местом заседания Международного исторического конгресса 1918 года был назначен Петербург. Лаппо-Данилевский был назначен

председателем Исполнительного комитета по устройству этого конгресса. Конгресс не мог состояться из-за первой мировой войны. Для Европы и Америки Лаппо-Данилевский был живой связью с русской исторической наукой. Когда кто-либо из иностранных ученых приезжал в Россию для занятий в архивах и библиотеках, он прежде всего обращался в Академию наук к Лаппо-Данилевскому, и тот налаживал ему нужные для него знакомства с русскими коллегами и учеными учреждениями. Многих из этих ученых он приглашал к себе на дом, на свои вечерние приемы. В 1915—1916 годах я бывал на этих научных беседах, собиравшихся, сколько помню, по понедельникам. Собрания эти были немногочисленные, но очень много дававшие всем участникам. Александр Сергеевич сначала беседовал с каждым гостем отдельно — остальные в это время разговаривали друг с другом. Отдельные беседы были чрезвычайно ценны для их участников. Каждому представлялась возможность сказать о ходе своей научной работы и получить советы Александра Сергеевича по литературе и характеру нужных источников. После этого бывал общий разговор, в котором и Лаппо-Данилевский принимал живое участие. Говорили о научных новостях, о новых направлениях в исторической науке, о методологии истории. Я старался не пропускать ни одного из вечеров у Лаппо-Данилевского, но не всегда это удавалось. В числе постоянных посетителей были историк русского права Михаил Александрович Дьяконов и археограф С.Н. Валк (участники семинара Лаппо-Данилевского по дипломатике частных актов). Часто бывали и иностранные ученые, в том числе два американца — Франк Гольдер (занимавшийся историей Сибири) и Р.Г. Лорд (занимавшийся историей Польши). Эти беседы были как бы отголоском широкой организационной деятельности Лаппо-Данилевского — и русской и международной.

В 1916 году Лаппо-Данилевский был удостоен звания почетного доктора права Кембриджского университета в Великобритании. По своим политическим взглядам Лаппо-Данилевский был близок к кадетской партии. В 1906 году его избрали членом Государственного Совета от Академии наук и университетов, но это звание он быстро с себя сложил после роспуска первой Государственной Думы. Но слишком уж аполитичным он не был. В 1905 году с А.А. Шахматовым составил записку «О свободе печати», поддержанную общим собранием Академии наук. Своим авторитетом академика Лап-

по-Данилевский поддержал либеральную и радикальную русскую интеллигенцию в ее борьбе за свободу печати. П.Н. Милюков несколько ранее — в 1904 году писал с иронией: «Если вы спросите обыкновенного среднего англичанина, что он думает о свободе печати, он, вероятно, очень удивится и будет поставлен в затруднение: он давно уже об этом сюжете не думает. И если вы будете все-таки настаивать, он, может быть, скажет вам, что рассуждать о свободе печати — это то же самое, что толковать о важности здоровья, об употреблении вилки и ножа за столом, о незаменимости железных дорог для цивилизации или о пользе стекла, и что лучше всего предоставить все эти темы гимназистам средних классов».

В России же на подобный вопрос власть ответила: «Свобода печати недопустима при существующем порядке вещей, ножом можно обрезать, ум подданных безнадежно ограничен, и за каждым субъектом, употребляющим нож, должен стоять другой субъект для наблюдения как бы первый не причинил себе повреждения». Понадобились Цусима, «кровавое воскресенье», выступление академиков и т.д., чтобы свобода печати была вырвана, наконец, 17 октября 1905 года у власти.

Свобода печати закончилась в России после 25 октября 1917 года. Кадетская «Речь» была закрыта сразу же. 12 ноября «заткнули рот» (выражение М.Горького) газете Плеханова «Единство», еще чуть позже закрыли и газету самого Горького «Новая жизнь». Летом 1917 года Лаппо-Данилевский еще успел поработать в Особом совещании по выработке закона о выборах в Учредительное собрание. Председателем Особого совещания был Ф.Ф. Кокошкин. В январе 1918 года Кокошкина убили, а Учредительное собрание разогнали.

Лаппо-Данилевский 21 ноября 1917 года на заседании академии назвал «Октябрьскую революцию» великим бедствием, но продолжал «тянуть лямку» и в Академии и в университете и даже занимался «реорганизацией» архивного дела. По советскому образцу: с двумя комиссарами с пистолетами за спиной.

В Академии наук Лаппо-Данилевский в 1918 году занимался созданием Института социологии, возглавлял специальную комиссию по его организации. Последней опубликованной при жизни Лаппо-Данилевского работой стала «Записка» комиссии РАН «Об институте социальных наук» (июнь 1918). В ней указывалось, что подходящим для института было бы здание

Александровского лицея, а сам институт необходим в качестве «научного учреждения и высшей школы». Но академики и профессора умирали один за другим. Лаппо-Данилевский успел уже написать некролог на Д.Ф. Кобеко. Большевистский «комиссариат просвещения» никак не откликнулся на предложение Академии наук.

Вскоре умер и сам А.С. Лаппо-Данилевский. В петроградском некрологе он был назван жертвой «нависшего над истерзанной Россией тяжелого лихолетья» («Известия Российской АН». 1919. № 8—11). Посмертно были опубликованы две его работы, которые тоже принято относить к «главным»: «Очерк русской дипломатики частных актов» (Пг., 1920) и «Очерк развития русской историографии» (Русский исторический журнал. 1920. № 6). Последний был написан для английского читателя. Перед смертью Лаппо успел еще закончить первый том «Сборника грамот Коллегии экономики» (опубликован в 1922 году).

В Лондоне в память об умерших друзьях и коллегах написал статью «Мученики науки в Советской России» академик М.И. Ростовцев. О Лаппо-Данилевском он писал: «Знал я его давно, но мы никогда не были друзьями. Слишком разны были наши темпераменты. Замкнутый, гордый, самолюбивый, вечно ищущий и всегда недовольный своими исканиями, он был видной фигурой и на Западе, языки и науку которого он знал в совершенстве, и в России. Крупный историк, автор ряда глубоких книг и статей по экономической истории России, редактор многих изданий документов, палеограф и сигиллограф, он больше всего тяготел не к этой работе исследователя, а к широким обобщающим построениям в области философии истории. Его лекции по философии истории — глубокие и тяжелые — были и наслаждением и мучением для ряда начинающих историков, его учеников. Он умер гордый и замкнутый, в глубокой тоске по гибнущей родине».

После смерти Лаппо-Данилевского его ученики А.И. Андреев, С.Н. Валк и др. пытались сохранить его семинар, был создан «кружок памяти А.С. Лаппо-Данилевского». Итогом работы кружка стал изданный в 1922 году под редакцией А.И. Андреева «Терминологический словарь частных актов Московского государства». В середине 1920-х в кружке произошел раскол. В конце 1920-х многие члены кружка были арестованы и материалы по его истории похоронены в недрах архива ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области.

В советской же печати имя покойного Лаппо-Данилевского подвергалось нападкам со стороны М.Н. Покровского, В.И. Невского. С однозной и предвзятой статьей «А.С. Лаппо-Данилевский — буржуазный историк и источниковед» выступил в 1949 году в журнале «Вопросы истории» Л.В. Черепнин. Советские историки громили в то время М.Д. Приселкова, А.А. Шахматова и других «буржуазных историков».

Еще один важный момент. Друг Лаппо-Данилевского С.Ф. Ольденбург указывал на важность характеристик (в виде «Записок»), которые Лаппо-Данилевский давал выдающимся историкам в качестве их представления в Академию наук или об ушедших в мир иной членах Академии: «Записки эти относятся и к русским ученым и к иностранным; список их длинный и обнимает имена: В.О. Ключевского, Ф.И. Успенского, Е.Ф. Шмурло, М.А. Дьяконова, И.В. Лучицкого, Д.А. Корсакова, И.И. Кареева, П.Г. Виноградова, А.А. Кизеветтера, И.А. Линниченко из русских и Э. Мейера, Брайса, Моно, Гирке, Виоллэ, Лависса, Я. Голля, Бутру, Дайси, А.Пирена из иностранцев.

Второй тип — это некрологи и характеристики покойных ученых, подведение итогов их работ. Здесь А.С. в не меньшей степени, чем в статьях первого типа, проявил свое глубокое проникновение в духовный мир ученого, умение характеризовать его работу и выяснить то, что он дал для науки; надо пожелать, чтобы все эти статьи были собраны и изданы вместе; из русских мы здесь имеем: Н.Ф. Дубровина, Г.А. Леера, В.Б. Антоновича, В.О. Ключевского, А.А. Куника, Д.Ф. Кобеко, из иностранцев Я. Каро, А. Сореля, Г. Иречека, К.К. Ширена».

Тот же Ольденбург рассказывает о мнении Лаппо-Данилевского относительно «специфических черт русских ученых». Перед поездкой в 1916 году в Англию с докладом о русской науке Лаппо-Данилевский говорил Ольденбургу: «Я ясно вижу, как через всю научную работу русских ученых в какой бы области они не работали, приходит одно настроение, одно чувство, одна мысль: их работа связана с жизнью, с тем, что мы в России зовем идеей; для русского ученого нет науки вне жизни и без жизни; конечно, есть отдельные исключения, но это те исключения, которые, как говорится, подтверждают правило. Припомни хорошенько русских ученых и в XVIII и в XIX веках и в наши дни, и ты согласишься со мной. Вот это мне бы так хотелось сказать на Западе, дать им понять, чем

мы живем, что живит нашу работу. Не знаю, найду ли я только настоящие слова». Думается, что я почти дословно запомнил сказанное тогда А.С. Боюсь, что он счел, что не нашел настоящих слов для выражения своей мысли, а раз не нашел, значит, думал он, и не говори ничего».

По свидетельству И.М. Гревса, Лаппо-Данилевский говорил: «Всякая деятельность измеряется не только результатом, но и задачами; оценку людей, преданных делу, можно производить только с таких точек зрения». Затем, процитировав Шиллера: «В духовной области менее благородное меняется по тому, сколько дают, более благородное по тому, что они суть», Гревс начертал: «Александр Сергеевичу надо высокую дань воздать и за то, и за другое: в этом широкообъемлемость реального значения его личности в нашей духовной культуре. Нельзя этого и его забывать! Сумеет ли?»

Литература

Сорокин П. Дальняя дорога. Автобиография. М., 1992.

Малинов А., Погодин С. Александр Лаппо-Данилевский: историк и философ. СПб., 2001.

Кондратьев Н.Д. Теория истории А.С. Лаппо-Данилевского. К 25-летию его научно-литературной деятельности // Историческое обозрение (Петроград). Т. 20. 1915.

Пресняков А.Е. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. Пг., 1922.

Вернадский Г. Русская историография. М., 1998.

9. Ольденбург С.Ф. Работа А.С. Лаппо-Данилевского в Академии наук // Русский исторический журнал. Пг., 1920. Книга 6.

Гревс И.М. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6.

УЧЕНЫЙ И ГРАЖДАНИН

Кизеветтер Александр Александрович

[10(22).08.1866, Петербург — 09.01.1933, Прага, Чехословакия].
Похоронен на Ольшанском кладбище в Праге.

Московский историк Маргарита Вандалковская в американском сборнике статей «Историография имперской России», опубликованном в 1990 году, пишет: «Имя Кизеветтера было забыто советской историографией». Почему забыто? Почему вдруг сейчас «вспомнили» имя Кизеветтера? Да и хотели ли помнить Кизеветтера и другие имена сами советские

историки? Ведь Кизеветтер — член царской Академии наук, член «Союза освобождения» П.Б. Струве, член ЦК кадетской партии П.Н. Милюкова, участник многочисленных белогвардейских заговоров против советской власти, высланный в 1922 году за границу.

Был такой «просто» историк, школьный учитель в Ленинграде Федор Перченок (1931—1993), который не только не «забыл», но и активно изучал, по крупицам собирал сведения о всех «забытых» советской историографией ученых, членах Академии наук. Он один сделал то, что под силу только коллективу «профессионалов». Впрочем, дело здесь как раз в той «сути», о которой говорил Шиллер.

Что же удалось узнать Перченку о Кизеветтере? В посмертно опубликованной работе Ф.Ф. Перченка «К истории Академии наук: снова имена и судьбы. Список репрессированных членов Академии наук» читаем: «Кизеветтер Александр Александрович (1866—1933) — историк России. Член-корреспондент РАН с 29 декабря 1917. Член ЦК конституционно-демократической партии в 1906—1917. Преподавал в Московском университете (1897—1911, 1917—1922); преследуемый за политическую деятельность, смог стать ординарным профессором лишь в 1917. Арестован у себя дома, в Москве, вместе с же-

ной и обеими дочерьми, 29 сентября 1918. Неделю провел на Лубянке, перевезен в Бутырскую тюрьму. На некоторое время помещен в тюремную больницу, потом возвращен в прежнюю камеру. Незадолго до освобождения зачислен в политические заложники и подлежал переводу в концентрационный лагерь. Во время заключения читал сокамерникам лекции по русской истории, перевел с французского книгу по истории России (не напечатана). О его освобождении и взятии на поруки ходатайствовали Совет старост 2-го МГУ (указавший, что Кизеветтер страдает склерозом и диабетом), труппа Малого театра, швейцары университета им. Шанявского, Д.В. Рязанов. Накануне освобождения Кизеветтера жена его, выпущенная раньше, «говорила по телефону с [М.Н.] Покровским, и он сказал, чтобы она успокоилась на мысли, что все хлопоты напрасны, что /.../ не выпустят». Неожиданно освобожден в первый день «старого» нового года — 14 января 1919. Осенью 1919 (или в конце августа?) арестован в Москве, на квартире Д.М. Петрушевского, по делу «Национального центра». В числе захваченных вместе с ним — историки Петрушевский и М.М. Богословский, а также жена Кизеветтера. Несколько дней находился на Лубянке, в Особом отделе ВЧК. Переведен в Бутырки, где успел прочесть товарищам по камере «курсик» по истории Смутного времени. Пробыл под стражей более двух недель. В 1919—1922 служил в Главархиве. В 1921 арестован в Иваново-Вознесенске, куда выезжал для чтения лекций. Препровожден под стражей в Москву, просидел около месяца. С июня 1922 — зав. Центральным архивом ВСНХ. В августе 1922 (?) подвергнут домашнему аресту, во время которого (16 сентября?) ему предъявлено решение о высылке его за границу. Выехал из Петрограда 28 сентября 1922».

За свою жизнь Кизеветтер написал очень и очень много. В эмиграции написал мемуары «На рубеже двух столетий» и «Исторический очерк Московского университета». Некролог на смерть Кизеветтера подписал П.Н. Милюков. Имя Кизеветтера было хорошо известно и в царской России и в Русском зарубежье.

В 1985 году в СССР началась «перестройка». Постепенно были ликвидированы «спецхраны» в библиотеках, имя Кизеветтера и других разрешили «вспомнить». Марк Вишняк, имя которого тоже «вспомнили», писал о Кизеветтере: «Москвичи моего поколения с отроческих лет были слышаны о

Кизеветтере, как занимательном преподавателе и отличном лекторе. Учителем в гимназических классах Лазаревского института восточных языков, профессором Московского университета, а потом университета Шанявского в Москве и Карлова университета в Праге, депутатом 2-й Государственной Думы, докладчиком или оппонентом на политическом собрании, за торжественным банкетным столом или на столе в ресторане «Яр» в день празднования московскими профессорами и студентами Татьянина дня, — всегда его речь выделялась стройностью и ладом, часто остроумием и юмором.

Я увидел его впервые на университетской кафедре в Москве, где приват-доцентом он читал курс лекций о реформе 1851 года в громадном зале, заполненном филологами-историками и юристами. Прямой, в черном сюртуке, с прославленной бородой «Черномора» и неустойчивым пенсне на черном шнурке, Кизеветтер казался стройным, представительным и несколько чопорным. Когда же сходил с кафедры, он точно терял в росте и выигрывал в обыденности.

Читал он — вернее, говорил — необычайно просто, свободно и выразительно, не избегая образов и стилизованных характеристик, но без нарочитых «красот». Встречал я А.А. несколько раз и у него на дому, в семейной обстановке, где дружил с его падчерицей Наташей Кудрявцевой. Здесь Кизеветтер был веселым остроловом и «пересмешиком», выдумщиком всяких игр и участником в них, импровизатором эпиграмм и пародий. Помню, как он свою фамилию — немецкого корня — расшифровывал: Кизэ-Веттер — держи нос по ветру!...»

Эсер Марк Вишняк был редактором ведущего «толстого» журнала русской эмиграции «Современные записки» (Париж). Сразу после высылки из Советской России Кизеветтер стал сотрудничать с журналом, публиковал там исторические, литературные и политические статьи, рецензии на книги по русской истории как эмигрантских, так и советских авторов (по числу рецензий он занял в журнале первое место), некрологи (на смерть М.М. Богословского и А.Е. Преснякова) и т.д. Публикации Кизеветтера разбросаны и по другим русским журналам и газетам. В рижской газете «Сегодня» он опубликовал некрологи на смерть историков Д.Н. Егорова, Д.И. Багалея, и его статья «Кончина историка С.Ф. Платонова» была опубликована в «Сегодня» 18 января 1933 года. Кизеветтер умер 9 января 1933 года, Платонов 10 января 1933 года. Умерли они по-

что одновременно, но слухи о смерти С.Ф. Платонова ходили давно. Вот Кизеветтер и написал некролог, который был опубликован в Риге, когда и Платонова и его самого не стало.

Эмигрантская Россия никогда не забывала А.А. Кизеветтера и других.

В 1974 году в мемуарной серии под редакцией профессора Колумбийского университета Марка Раева* было издано репринтное издание воспоминаний А.А. Кизеветтера, впервые опубликованных в 1929 году в Праге. Доведены мемуары до 1914 года. По сути, это последняя крупная работа историка. Предисловие к ней написал профессор из университета Нью-Мексико Ричард Роббик, назвавший его «А.А. Кизеветтер. Ученый и гражданин». Профессор писал: «Вероятно, наиболее трагичным фактом предреволюционной России был тот, что нация существовала без граждан <> Только к концу XIX века группа людей увидела возможность и значимость гражданских действий и вступила в борьбу за гражданские права. Мемуары Кизеветтера это не только отчет о его персональных усилиях. Это больше. Это история борьбы поколения за гражданственность».

Предки Александра Кизеветтера были родом из Тюрингии. Дед музыкант — переселился в Россию, отец заведовал архивом Главного штаба, мать — урожденная Турчанинова, дочь преподавателя истории. Детство Кизеветтера прошло в Оренбурге. Там он и прочитал знаменитую «Боярскую Думу» В.О. Ключевского и решил учиться только у него. В 1884 году поступил на историко-филологический факультет Московского университета и стал любимым учеником Ключевского. Ключевский и оставил в 1888 году Кизеветтера при кафедре русской истории для подготовки к профессуре. Студенты в университете делились в то время на три категории: «на политиков, на будущих обывателей, на будущих ученых». Хотя Кизеветтер примыкал к последней группе, у него выработались четкие конституционалистские убеждения (не зря ведь слушал лекции П.Г. Виноградова, П.Н. Милюкова, С.Ф. Фортунатова, «энтузиаста политической свободы», и других свободомыслящих профессоров), поэтому решил сосредоточить свои исследовательские усилия на выяснение корней гражданских свобод в России.

* Он родился в 1923 году в Москве и был учеником М. Карповича в Гарварде.

Время в России в то время было смутное. В 1889 году умер Салтыков-Щедрин, перед смертью напомнивший «забытые слова», что кроме слов «нажива» и «благополучие» есть слова «отечество» и «человечество». И не надо грустить над идеалами освободительной эпохи.

Летом 1894 года Кизеветтер женился на вдове своего друга историка А.А. Кудрявцева. От первого брака у нее уже был сын Всеволод и дочь Наташа (это за ней потом ухаживал Марк Вишняк). В дальнейшем у Кизеветтеров родилась дочь Екатерина. Сыграв свадьбу, Кизеветтер приступил к работе в архивах. Сам «9 лет сидел ежедневно с 5 до 15 часов», сделав гору выписок. В 1898 году, в возрасте 32 лет Кизеветтер стал, наконец, приват-доцентом Московского университета и читал там различные курсы по темам русской истории. В 37 лет Кизеветтер выпустил свою первую книгу «Посадская община в России XVIII столетия» и защитил ее в качестве магистерской диссертации. Шел уже 1903 год, разбухшая голодом 1891 года Россия просыпалась.

В начале 1900-х сначала в Штутгарте, потом в Париже издавался и нелегально переправлялся в Россию журнал «Освобождение». Вокруг журнала сложился «Союз Освобождения», ставший в 1905 году ядром легальной конституционно-демократической партии. Редактировал журнал П.Б. Струве, о котором А.И. Солженицын написал в «Марте семнадцатого»: «Главный редактор незабываемого «Освобождения», беспощадный грозный эмигрант герценовского размаха, «штутгартский рыцарь»».

В самой России после убийства Егором Сазоновым министра внутренних дел Плеве в июле 1904 года наступила «политическая весна». В Петербурге, Москве, провинциальных городах проходят банкеты, на которых звучат призывы к свободе и никого не сажают. Лето 1905 года Кизеветтер проводил в Тариоках. Каждое утро ездил в Петербург в архивы. Собирал материалы к диссертации «Городовое положение Екатерины II 1785 г.».

«Весна» быстро превращалась в горячее лето, закончившееся декабрьским вооруженным восстанием в Москве и его подавлением. Диссертацию Кизеветтер отставил в сторону. Россия быстро идет к свободе. Надо участвовать. 17 октября в доме князя Долгорукова проходил организационный съезд конституционно-демократической партии. Заседание вел М.М. Винавер. Вечером появился журналист «Русских ведомостей» И.А.

Петровский, подал Винаверу газетную гранку, тот взглянул, побледнел, прервал оратора и прочел «Манифест» о даровании свобод.

Лозунг лидера созданной партии остался тот же: «Ничего не изменилось. Война продолжается». В ней на стороне кадетов тайно участвует даже В.О. Ключевский. Кизеветтер же стал одним из руководителей Московского губернского комитета партии, на II съезде в январе 1906 года его избрали в ЦК. В те же дни он фактически ежедневно выступал на митингах в пользу партии, а в 1905 году стал членом редколлегии «Русских ведомостей» и его статьи в этой ведущей либеральной газете печатались вплоть до 1918 года, пока большевики не уничтожили всю независимую печать.

16 июня 1906 года «Русские ведомости» напечатали список будущих министров из общественных деятелей.

18 июля 1906 года в Териоках выстрелом из-за угла был убит депутат первой Государственной Думы, кадет, профессор-экономист Михаил Герценштейн. Следователи уже добрались до заказчиков, но «сверху» дело свернули.

16 марта 1907 года был из-за угла убит еще один депутат Государственной Думы, кадет, коллега Кизеветтера по «Русским ведомостям» Григорий Иоллос. Кизеветтер вспоминал: «Судебный следователь показал мне отобранную у убийцы Иоллоса книжку, где рядом с адресом Иоллоса был написан карандашом мой адрес».

Сам Кизеветтер стал депутатом второй Государственной Думы (от Москвы по кадетскому списку). После 1907 года, когда митинги, политические дискуссии схлынули, он завершил свою докторскую диссертацию, опубликовал ее и в 1909 году стал доктором. Его истинным призванием была наука. Политикой занимался из чувства гражданского долга. В своей докторской диссертации Кизеветтер, как пишет М. Вандалковская, «выступил против общепринятой тогда схемы, подкрепленной трудами В.А. Бильбасова, А.Г. Брикнера и отчасти П.Н. Милюкова о том, что Екатерина II, под влиянием идей Века Просвещения, цель своей политической программы видела в уравнении сословий, уничтожении деспотизма и крепостного права, и лишь во второй период своей деятельности стала истинно «дворянской царицей»». В противовес этому Кизеветтер утверждал, что Екатерина с самого начала своего правления защищала интересы дворянства и никогда не помышляла об отмене крепостного права; вос-

приятие идеологии просвещенного абсолютизма не противоречило самодержавно-дворянской направленности ее политики».

Магистерская и докторская диссертации собственно и являются главными научными трудами Кизеветтера. Обе они посвящены XVIII веку. Обе были нацелены на широкую публику и, что для нас важно, обе имели дело с проблемой гражданских свобод.

В 1911 году Кизеветтер был в составе большой группы ученых, покинувших Московский университет. Преподавание русской истории продолжил в Народном университете имени А. Шанявского и в Коммерческом институте. Основанный на деньги А. Шанявского, этот институт был аналогом Психоневрологического института, основанного на деньги В. Бехтерева в Петербурге. Во главе института стоял Н.В. Давыдов, друг Л.Н. Толстого, судья, много лет бывший председателем Московского окружного суда. Как пишет Кизеветтер, в Институте Шанявского октябристы, кадеты, эсеры, социал-демократы «действовали спаянно и дружно», и можно сказать без преувеличения, что звание «шанявца» служило по всему лицу русской земли отличной рекомендацией для человека». Большевики уничтожили и этот институт, организовав в его прекрасном здании (построенном на счет городских властей Москвы) на Миусской площади «Университет имени Свердлова».

В 1912 году Кизеветтер опубликовал сборник своих историко-публицистических работ «Исторические очерки». В 1916 году издал еще один сборник «Исторические отклики». Кизеветтер идеализировал деятельность Александра I, Николая I и особенно Александра II, считал реформы 1860-х годов «плодом взаимодействия царя и «общества»». Уже после краха России был издан еще один сборник статей «Исторические силуэты» (Берлин, 1931 год).

С предвоенных лет Кизеветтер участвовал в получившем тогда широкое распространение Кооперативном движении: был членом совета общества «Кооперация», участвовал в создании кооперативных курсов при университете Шанявского. Впоследствии на их основе был создан Кооперативный институт во главе с Сергеем Прокоповичем.

Помимо научных и публицистических трудов Кизеветтер писал и популярные книжки: по заказу Московского купеческого общества была написана «Гильдия московского дворян-

ства» (1915), на «злобу дня» — «Местное самоуправление в России» и «П.Н. Милюков» (обе 1917).

В 1919 году в Вологде он опубликовал один из первых очерков по истории Севера, как сказал С.Ф. Платонов в 1928 году в Берлине, «построенных на новом материале», «Русский Север. Роль Северного края европейской России в истории Русского государства» и т.д.

Февральскую революцию Кизеветтер принял восторженно и в марте 1917-го вернулся в Московский университет. В декабре его избрали членом-корреспондентом Академии наук. Известно, что после завершения докторской диссертации Кизеветтер задумал новый грандиозный труд. Милюков в своем некрологе на смерть Кизеветтера цитировал его слова: «Заключив свои долгие работы по истории городского самоуправления в России в XVIII столетии, я принялся за новые архивные разыскания, поставив себе обширную задачу изучить служебное и экономическое положение «гостей Московского государства», «верхнего слоя представителей торгового капитала в XVI—XVII веках». Эта работа занимала меня в течение всех последующих лет до моего изгнания из России. Я собрал громадный и интереснейший архивный материал и уже готовился приступить к его разработке, но революционные события смяли и развеяли мои научные планы. Удастся ли их когда-либо выполнить? Бог весть». Не удалось никогда.

Впрочем, в 1918—1922 годах вопрос стоял уже не о научных планах. Милюков писал в некрологе: «В нетопленной аудитории среди хаоса постоянно меняющихся советских программ Кизеветтер старался поддержать преподавание на прежней высоте, предупреждая желавших специализироваться на русской истории, что это «все равно, что в монастырь постричься». Решившимися на это он руководил, не жалея времени, входя во все подробности их подготовительной работы».

Преподавать Кизеветтеру запретили в 1919-м, он стал работать в Главархиве, а 16 августа 1922 года был арестован. Осенью 1922 года, как и многих других общественных деятелей, историков, философов, писателей антисоветского толка, Кизеветтера выслали из Советской России. Он осел в Праге, преподавал на философском факультете Карлова университета, Русском юридическом факультете, был сотрудником Славянского института, председателем Русского исторического общества. Оставался таким же, каким был в Москве, как его описал Марк Вишняк — общительным, веселым, всегда в

центре общественной эмигрантской жизни. Но жизнь брала свое. В 1924 году умерла жена, в 1931 году падчерица Наташа Кудрявцева. Он и сам умер в общем-то молодым — ему было всего 67 лет.

Библиографию его работ составил зять Кизеветтера историк Е. Максимович. Только за эмигрантский период их насчиталось около 200. Среди наиболее важных Г. Вернадский называет «Иван Пересветов» (собрание статей, посвященных П.Б. Струве, Прага, 1925); «Первое пятилетие правления Екатерины II» (Сборник статей, посвященных П.Н. Милюкову, Прага, 1929); исторические очерки по истории Московского государства (в XV—XVI столетиях), по истории России в XVIII столетии и по истории царствования Александра I.

Добавим в этот список еще, что Кизеветтер был редактором воспоминаний знаменитого земского лидера, организатора и председателя «Союза освобождения», председателя кадетской партии (1909—1915) Ивана Петрункевича. Мемуары были опубликованы в 1934 году, когда ни автора, ни редактора уже не было в живых.

Как и Максима Ковалевского, мы ценим Александра Кизеветтера не за его ученые труды, а за его суть ученого и гражданина. Как писал Ричард Робинс: «В любом случае, в течение короткого времени настоящие граждане существовали в России. Это трагедия России и мира, что количество этих граждан было так мало и что они имели так мало времени для борьбы за лучшее будущее для их страны».

Литература

In Memoriam. Исторический сборник памяти Ф.Ф. Перченка. М.-СПб., 1995.

Вишняк М. «Современные записки». Воспоминания редактора. СПб., 1993.

Вандалковская М.Г. Кизеветтер Александр Александрович // Историки России. Биографии. М., 2001.

Милюков П.Н. Очерки истории исторической науки. М., 2002.

Вернадский Г. Русская историография. М., 1998.

Макаров В.Г. «Власть ваша, а правда наша». (К 80-летию высылки интеллигенции из Советской России) // Вопросы философии. 2002. № 10.

«АВВАКУМИСТ — ДО ПОСЛЕДНИХ ДНЕЙ СВОИХ»

Мякотин Венедикт Александрович

[12(24).03.1867, Гатчина Царско-Сельского уезда
Петербургской губернии — 05.10.1937, Прага, Чехословакия].
Похоронен на Ольшанском кладбище в Праге.

16 июля 1922 года вождь большевиков В.И. Ленин написал в письме Сталину:

«т. Сталин!

К вопросу о высылке из России меньшевиков, народных социалистов, кадетов и тому подобных <>.

Решительно «искоренять» всех энесов? Пешехонова, Мякотина, Горнфельда, Петрищева и других. По-моему, всех выслать. Вреднее всякого эсера, ибо ловчее.

Делать это надо сразу. К концу процесса эсеров*, не позже. Арестовать несколько сот и без объявления мотивов, — выезжайте, господа!»

Мякотину, также как и А.А. Кизеветтеру, П.А. Сорокину, С.П. Мельгунову и другим, посчастливилось быть высланным. В то время (в 1922 году), как писал в 1933 году П.М. Милюков, «...у большевиков еще сохранялся проблеск понимания, что они делают, преследуя лучших русских людей, — и остаток опасений, как на это посмотрит заграница».

В Берлин Мякотин приехал в одном вагоне с П.А. Сорокиным. Одному было 55 лет, другому — 33. 80 лет спустя, в статье, посвященной этой необычной акции большевиков, американский журналист Карлин Романо писал: «Как бы вы отреагировали, если бы президент Буш посадил Сьюзен Зонтаг и других наших критиков на боинг и выслал из страны. Нечто подобное проделал Ленин 80 лет назад».

* В июне—августе 1922 года в Москве проходил судебный процесс над социалистами революционерами.

Вероятно, мало кому из самых знаменитых историков, не России — мира, досталось столько, не премий — тюрем, арестов, ссылок, сколько их досталось Мякотину. Он трижды арестовывался царскими властями, сидел в Двинской и Петропавловской крепостях. Но после 1917 года его ждали еще более суровые испытания: в 1919 году заочно приговорен к смертной казни, арест, Лубянка, Бутырская тюрьма, еще один смертный приговор, замена 15-летним тюремным заключением. Затем Мякотина освободили по ходатайству В.Г. Короленко, по «состоянию здоровья», и выслали из России. Его младшая сестра Антонина (1875 года рождения), эсерка с 17 лет, в 18 лет пошла в свою первую ссылку, в 1916 году приговорена к году крепости. Бесконечные аресты и ссылки при советской власти и расстрел в октябре 1937 года в Ленинграде. Удивительное совпадение: арестовали Антонину Мякотину в апреле 1937-го, а 4 октября тройка НКВД по Ленинградской области приговорила ее к расстрелу. На следующий день в Праге умер 70-летний Венедикт Мякотин, Антонину расстреляли 9 октября. Кадет Милюков охарактеризовал своего друга энеса Мякотина как «неподкупного идеалиста», а его сестру эсерку как «идеальную девушку».

Мякотин родился в семье почтмейстера. Учился в Кронштадтской гимназии, где закон Божий преподавал знаменитый Иоанн Кронштадтский, причисленный впоследствии Русской православной церковью за рубежом и Московской патриархией к лику святых.

В 1888 году Мякотин окончил историко-филологический факультет Петербургского университета и был оставлен для подготовки к профессорскому званию. Еще в студенческие времена определились научные интересы Мякотина (польская и украинская история). Под влиянием Н.Н. Кареева студент Мякотин написал работу «Крестьянский вопрос в Польше в эпоху ее падения» и после опубликования (1895) получил за нее золотую Уваровскую медаль. Под руководством Кареева он принимал участие также в переводе «Истории Польши» М. Бобржинского. Польше была посвящена и первая опубликованная работа Мякотина, рецензия «К вопросу о падении Польши» («Русская мысль», 1889. № 5).

В 1891 году Мякотин по рекомендации Кареева стал премником С.Ф. Платонова на кафедре русской истории в Александровском лицее и преподавал здесь в течение 10 лет. Директор не любил Мякотина за демократическую направлен-

ность его лекций, но попечитель говорил: «Успокойтесь — наши застрахованы, их ничем не проймешь». Преподавал Мякотин также и в Военно-медицинской академии. Очень много печатался в газетах и журналах. Уже в 1892 году он опубликовал лекции по истории России XVIII—XIX веков. Читал также курс лекций по истории Украины для украинских студентов, обучавшихся в столице. С 1893 года стал сотрудничать в «Русском богатстве», который только что возглавил Н.К. Михайловский. Публикации в журнале выдвинули Мякотина в число видных общественных деятелей.

Кареев вспоминал: «Я был бы очень рад, если бы Мякотин сделался специалистом по новой западноевропейской истории, но он предпочел русскую, и был по этой кафедре оставлен при университете по предложению профессора Замысловского. Когда последний умер, факультет поручил мне заботиться о Мякотине, и мне удалось устроить его командировку в Киев, где он занялся историей малороссийских крестьян и очень сошелся с моим приятелем, профессором Лучицким и его кружком. Через меня же устроилось и преподавание Мякотиним русской истории в старшем курсе Лицея, продолжавшееся около десяти лет. В самом начале нынешнего столетия Мякотин был арестован, просидел некоторое время в тюрьме и подвергался на продолжительные сроки высылке из Петербурга. До этого времени мы постоянно виделись, познакомившись и семейным образом (с матерью и сестрами Мякотина), а во время его высылки я бывал у него и в Валдае, и в Сестрорецке, как посетил его и в Двинской крепости, когда он сидел в ней (1912) за какое-то литературное прегрешение. Очень близкие друг к другу, в 1905 году мы, однако, очутились в разных политических партиях. Он был одним из основателей партии народных социалистов (н.с.), не имевшей, как известно, большого количества членов».

Видимо, активная общественно-политическая деятельность не способствовала карьерным успехам Мякотина. В полдесятке статей о Мякотине, опубликованных о нем в России с 1985 года, не упоминается, что он защитил магистерскую диссертацию. Только в книге Марка Раева промелькнуло: «Те, кому удалось привезти (из Советской России за границу. — Ю.Д.) с собой свои рабочие материалы, имели возможность писать монографии, один из лучших примеров подобных работ — магистерская диссертация В. Мякотина о социальных сдвигах в Украинском крестьянстве в конце XVIII — начале XVIII в.».

Так что, возможно, Мякотин защитил свою диссертацию в Праге! Попутно отметим, что вторая крупная научная работа после «Крестьянского вопроса в Польше» — «Прикрепление крестьянства Левобережной Украины в XVIII веке» была опубликована в «Русском богатстве» (1894. Книги 2—4). Кроме того, в 1891 году он опубликовал книгу об Адаме Мицкевиче, а в 1898 году на обеде в его память произнес речь, в которой, как говорилось в полицейском досье на Мякотина, заявил, что «вся русская действительность — смрад и позор».

В начале 1890-х Мякотин стал интересоваться расколом и написал книгу «Протопоп Аввакум», выдержавшую до 1917 года 4 издания. Главными источниками для нее послужили не архивы (чем ценны другие работы Мякотина), а собственные сочинения Аввакума, книги А. Бороздина и А. Пругавина, «Критико-биографический словарь русских писателей и ученых» С. Венгрова. Мякотин писал: «История каждого народа знает эпохи более или менее крутого перелома умственной жизни нации, более или менее резкого разрыва ее со старыми преданиями и традициями. В жизни русского народа одной из наиболее замечательных эпох такого рода была вторая половина XVII века, начавшая собою новый период в истории умственного развития страны и надолго разъединившая жизнь общества и народной массы».

От «смрада и позора» современной жизни Мякотин уходит в «замечательную эпоху» сопротивления и пишет биографию ее главнейшего деятеля на широком историческом фоне, начиная с событий, которые эту эпоху подготовили. Эпоха заканчивается со смертью героя. Последний жизненный «приклон» неистового Аввакума — тюремная земляная яма в Пустозерске, на краю земли. Но эта яма и становится центром, как в XX веке Ясная Поляна или Вермонт. «Убогая земляная келья в Пустозерской тюрьме, где страдал и томился нагой человек, приобрела характер умственного центра широкого народного движения, громадной волной прошедшего по всей русской земле. Сюда, в эту келью, стекались все известия, относившиеся к судьбе раскола, и находили себе отзвук в проповедях ее обитателя, то торжествующих, то гневных, но всегда исполненных глубокого убеждения и страстного энтузиазма. Сюда обращались за советом и поучением в делах веры, здесь искали наставления в самых разнообразных вопросах житейской практики, отсюда ждали утешения и ободрения, и в ответ на эти многообразные запросы, приходившие из

разных мест России, отсюда шли послания, проникнутые нежною любовью и яростной злобой, заключавшие в себе защиту и утешение раскольников и резкое обличение никонианства, содержавшие практические указания и распоряжения насчет судьбы раскольничьих общин и отдельных их членов». 14 апреля 1682 года Аввакум и трое его последователей по указу царя были сожжены.

Мякотину и самому были присущи аввакумовские черты. Недаром же он стал одним из главных организаторов сопротивления большевикам. «Аввакумистом», по свидетельству С.П. Постникова, он оставался до последних дней своих.

Пертоминск же, где царские власти сожгли четверых староверов, при советской власти стал усыпальницей для многих. Первый советский концлагерь, созданный первоначально в Холмогорах, был переведен через год в Пертоминск. Если Холмогоры все-таки близко к Архангельску (и Москве), то Пертоминск — край света.

По свидетельству современников, Мякотин был превосходным оратором, говорил хорошо, а вот писал, по собственному мнению, плохо. На рубеже веков пережил бурный роман с М.Н. Слепцовой (1855—1951), женой одного из основателей «Земли и воли» А.А. Слепцова (1835—1906). Роман перешел в многолетнюю дружбу.

Преподавательская карьера Мякотина длилась 10 лет и оборвалась в 1901 году, когда в связи со студенческими волнениями он был арестован, провел два месяца в тюрьме и выслан на три года под надзор полиции в Валдай. В 1904 году Мякотин вернулся в столицу, вошел в состав редколлегии «Русского богатства» — вместо умершего в том же году М.К. Михайловского ее уже возглавлял В.Г. Короленко. В статье о Карееве уже говорилось, что Мякотин был в составе делегации, отправившейся к Витте с просьбой о предотвращении кровопролития 9 января 1905 года. Делегаты (и Мякотин в том числе) были арестованы и оказались в Трубецком бастионе Петропавловской крепости, но очень скоро их освободили. Мякотин сотрудничал с «освобожденцами», эсерами, участвует в создании «Союза союзов». Друг Мякотина Н.Н. Кареев вспоминал о тех днях: «Это было временем дифференциации русской интеллигенции на политические партии. Подпольно уже существовали социал-демократы и социалисты-революционеры, а так называемые народные социалисты родились позже, никогда, впрочем, не достигнув сколько-нибудь зна-

чительной численности. Зерно этой партии составила редакция «Русского Богатства», к которой я стоял довольно близко, но некоторые члены этой партии, особенно Мякотин, проповедовали бойкот выборов в Государственную Думу. Если бы эта партия образовалась раньше кадетской, и ее члены не были склонны к бойкоту выборов, очень может быть, я и примкнул бы к ней, но конституционно-демократическая партия по своему общественному направлению была близка «Русскому Богатству», считавшемуся преемником традиций и «Современника», и «Отечественных записок», и по чисто личным своим отношениям к будущим основателям партии народных социалистов».

Официально Трудовая народно-социалистическая партия, одним из лидеров которой стал Мякотин, заявила о себе в сентябре 1906 года публикацией программы, устава и списка членов партии в первом выпуске своего бюллетеня «Народно-социалистическое обозрение». Кареев прав — партия эта действительно не пользовалась большим влиянием, до уровня популярности среди народа Ж.Жореса никто из лидеров партии не поднялся. Нишу уже заняли кадеты. Из историков в ТНСП, кроме Мякотина, вошли В.И. Семевский и С.П. Мельгунов (успевший побывать и у кадетов).

В 1906 году в «Русском богатстве» Мякотин опубликовал статью «Надо ли идти в Государственную Думу?», в которой призывал к бойкоту. В партийном же бюллетене опубликовал несколько статей, в которых разъяснял задачи партии — свержение самодержавия и закладка азов Учредительного собрания. Вновь против него было возбуждено уголовное дело. Пока «суд да дело», у Мякотина родились две дочери: Наташа (1909) и Нина (1911). В конце концов дело закончилось в 1911 году осуждением Мякотина и заключением его в Двинскую крепость. Освободившись осенью 1912 года, он стал печатать в «Русском богатстве» продолжение своих очерков по социальной истории Украины. К концу 1916 года оставалось напечатать последнюю, завершающую главу. Как пишет современный исследователь творчества Мякотина Е. Иогансон: «Социальную историю Украины Мякотин исследовал в связи с развитием отношений между Россией и Малороссией. Он опроверг утвердившуюся в науке концепцию, согласно которой крепостное право на Украине возникло в результате политики Екатерины II. Основываясь на огромном количестве исторических источников, многие из которых он впервые ввел в

научный оборот, доказал, что закрепощение явилось закономерным следствием внутреннего социально-экономического развития украинских земель после их отделения от Польши».

Но грянула Февральская революция. В этот ответственный момент, в июне 1917 года Мякотин был избран председателем ЦК ТНСП. Был последовательным сторонником коалиции демократических и либеральных сил, «оборонцем», сторонником Временного правительства. Но правительство пало, а Учредительное собрание в январе 1918-го было разогнано. В мае 1918 года Мякотин с товарищами по партии С.П. Мельгуновым, А.В. Пешехоновым, Н.В. Чайковским создает для борьбы с большевиками «Союз возрождения России», в который вошли также кадеты, эсеры и меньшевики. Политические разногласия надо отставить и дружно работать для спасения России. Мякотин становится председателем Союза. Летом 1918 года он уезжает из Москвы по делам «Союза» на юг: Киев, Одесса, Екатеринодар, Новороссийск, опять Екатеринодар. Здесь в 1920 году он был схвачен, доставлен в Москву. От расстрела его спас, как уже говорилось, В.Г. Короленко. Сам Короленко умер в 1921 году, а на следующий год вышел сборник, посвященный его памяти; редактировал его Венедикт Мякотин.

Обосновавшись в Праге, Мякотин стал профессором Русского народного университета, секретарем Ученой комиссии Русского заграничного исторического архива, членом русской академической группы. Перечислять можно долго.

Его статьи печатаются по всему миру в эмигрантской печати и в научных журналах Германии, Англии, Франции, Чехословакии. Особняком стоят воспоминания «На распутье» и «Из недалекого прошлого», о событиях после октябрьского переворота — обвинительный акт старого революционера большевикам, красному террору и очень ценный исторический документ. В 1923 году Мякотин опубликовал книгу «Пушкин и декабристы», а в 1924—1926 годах в Праге в трех выпусках был издан 1-й том «Очерков социальной истории Украины в XVII—XVIII веках». Мякотин неоднократно выступал в Праге и Париже с докладами о русско-украинских отношениях, на которых «оспаривал аргументацию украинских националистов в пользу отделения Украины от России».

«Аввакумист» Мякотин по-прежнему совмещал научную, общественную, литературную деятельность с политической, был председателем ЦК пражской группы народных социалис-

тов. «Сменовеховство», «возвращенчество», «зарывание рва» он безусловно осуждал, сотрудничество в антибольшевистской борьбе с некоторыми группами эмиграции, кроме монархистов, признавал, иностранную военную интервенцию не отрицал, будущую свободную Россию видел федеративной республикой.

С 1928 года Мякотин жил в Болгарии, где возглавлял кафедру русской истории Софийского университета. Помог ему занять эту должность, вероятно, его старый друг Милюков. В 1932—1935 годах в Париже под редакцией П.Н. Милюкова, Ш. Сеньобоса и Л. Эйзенмана на французском языке была издана трехтомная «История России», автор четырех глав в ней — Мякотин. В год смерти Мякотина в 1937 году в Софии на болгарском языке вышла еще одна книга Мякотина «История России от IX до XVIII веков».

Ученый поехал в Прагу собирать в архивах материалы для второго тома своей болгарской «Истории России», но уже в Софию не вернулся. Похоронили его в Праге. Некрологи на смерть Мякотина написали П.Н. Милюков в «Последних новостях», Марк Алданов в «Современных записках».

Пять лет спустя, в мае 1924 года Елизавета Постникова писала Р.В. Иванову-Разумнику: «Мякотин имел один фельетон (в газете Милюкова «Последние новости». — Ю.Д.) в месяц, чтобы содержать дочь в Париже. Сам он жил в Болгарии с женой и второй дочерью. А в довершение всего его сумасшедшая жена, здесь у нас в Праге, при взрослых дочерях, родила ему от какого-то быв<шего> офицера девочку. Мякотин все простил, и девочка, кстати очень способная, обожала Венедикта Александровича. Это известно в очень широких кругах, но среди нас об этом не говорят, потому что память об этом одиноком человеке не позволяет это говорить. Я пишу Вам это совершенно конфиденциально. Мякотин здесь свалился в Праге и умер в Народной больнице. Он много писал. Сам он очень стал интересный человек».

Наталья Венедиктовна Мякотина жила в Париже, стала историком, умерла в 1960 году. Нина Венедиктовна Мякотина была поэтессой, членом знаменитого пражского «Скита», выучилась на врача, умерла в 1998 году. Рожденная «от какого-то бывшего офицера» дочь — это, видимо, Елена Каплан (Мякотина). Ее судьба, также как и судьба жены Мякотина, нам неизвестна.

Сам же Венедикт Александрович Мякотин был «реабилитирован» на родине, как и А.А. Кизеветтер, в 1993 году.

Литература

Милюков П.Н. Очерки истории исторической науки. М., 2002.

Ленинградский мартиролог. 1937—1938. Том 2. Октябрь, 1937. СПб., 1996.

Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. Л., 1990.

Раев М. Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции. 1919—1939. М., 1994.

Встреча с эмиграцией. Из переписки Иванова-Разумника 1942—1946 годов. Публикация, вступительная статья, подготовка текста и комментарии Ольги Раевской-Хьюз. Москва—Париж, 2001.

Иогансон Е. Мякотин Венедикт Александрович // Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь. М., 1997.

На чужой стороне (Берлин, Берлин—Прага). 1923. № 1—3; 1924. № 5, 6; 1925. № 9, 11, 13.

ИЗ СОВЕТСКОЙ АКАДЕМИИ ИСКЛЮЧЕН, В ЮГОСЛАВСКУЮ И АМЕРИКАНСКУЮ ИЗБРАН

Васильев Александр Александрович

[22.09(04.10).1867, Петербург — 30.05.1953, Вашингтон, США]

Что стало бы с А.А. Васильевым, вернись он в СССР в 1924 году из зарубежной командировки? Расстреляли ли бы как Бенешевича, отправили бы умирать в Уфу или Самару как Любавского и Платонова? Умер бы в ленинградскую блокаду? Смелый человек, он стал одним из первых «невозвращенцев» — уехал и дожил до 86 лет.

Своего отношения к марксизму не скрывал. Писал на этот счет статьи в журнале «Анналы», который издавался Академией наук под редакцией Е.В. Тарле в 1923—1924 годах. Журнал, конечно, был неприемлем для властей и его закрыли очень быстро.

Васильев родился на берегах Невы, умер на берегах Потомака. А детство провел в Петропавловской крепости, где его отец — подполковник Александр Степанович — возглавлял крепостную команду. Последняя должность отца — воинский начальник в городе Сычевка Смоленской губернии. Мать Васильева — Ольга Александровна Челпанова — происходила из купеческой семьи. В 1887 году Васильев с золотой медалью окончил 1-ю классическую гимназию в Петербурге и поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета, где под руководством В. Васильевского приступил к изучению истории Византии; одновременно занимался на восточном факультете под руководством В. Розена арабским языком. «Васильевский и барон Розен сделали мою жизнь», — вспоминал Васильев. По окончании в 1892 году

университета Васильев был оставлен при нем для подготовки к профессорскому званию; три года работал преподавателем латинского языка в 1-й классической гимназии. Первый научный труд — рецензию на «Житие Феодора, архиепископа Эдесского» — Васильев опубликовал в 1893 году (Журнал Министерства народного просвещения, ч. 286). В 1897 году направлен в заграничную научную командировку. В Париже в Школе живых восточных языков и в Сорбонне изучал арабский, турецкий и эфиопский языки, собрал в библиотеках Парижа, Лондона и Вены материал для магистерской диссертации. В 1898 году диссертация «Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Аморийской династии» была готова и защищена. В январе 1899 года Васильев стал стажером в Русском археологическом институте в Константинополе; посетил Грецию, участвовал вместе с Б. Фармаковским и П. Милюковым в раскопках в Македонии. Третий год командировки провел в Западной Европе. Продолжением магистерской диссертации явилась защищенная им в 1902 году докторская диссертация «Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Македонской династии (867—959)». В том же году Васильев совершил поездку на Синайский полуостров. Кроме преподавания в гимназии, читал в качестве приват-доцента лекции по истории Византии в Петербургском университете. В 1904—1912 годах — профессор Юрьевского университета и преподаватель средневековой истории в женском педагогическом институте в Петербурге, в 1912—1922 годах — профессор и декан этого института, в 1917—1925 годах — профессор Петроградского университета. Васильев неоднократно представлял русскую науку за границей: в 1905 году — в Алжире на международном конгрессе ориенталистов, в 1906-м — в Австралии на торжествах по случаю 50-летия Мельбурнского университета, в 1910-м — в Буэнос-Айресе на XVII Международном конгрессе американистов, в 1912 году — в Афинах на Международном археологическом конгрессе. В 1919 году он был избран членом-корреспондентом Российской Академии наук, а в 1920—1922 году был председателем Академии истории материальной культуры; пытался восстановить Русский археологический институт.

Политической деятельностью Васильев не занимался. Летом 1924 года он выехал в Германию и Францию; в Париже встретился со своим старым товарищем М. Ростовцевым, ко-

торый предложил Васильеву занять его место в Висконсинском университете, и 15 сентября 1925 года Васильев переехал в США, в Мэдисон, где занимал до 1938 года кафедру древней истории Висконсинского университета, положив начало американскому византиноведению. Основные труды Васильева посвящены истории Византии, Трапезунда, арабского мира и славянских народов. Он неоднократно перерабатывал и расширял курс истории Византии (1-е английское издание в 1928—1929; последнее прижизненное — 1952), выпустил монографии «Готы в Крыму» (1936), «Русская атака на Константинополь в 860 году» (1946), «Юстин Первый» (1950) и др. В 1935—1936 годах Васильев читал лекции в Колумбийском университете, в 1934 году участвовал в IV Византологическом съезде в Софии, а в 1936 году стал почетным председателем Института им. Н. Кондакова.

В 1934 году Васильев был избран членом Югославской Академии наук, а в 1936 году — Американской Академии Средневековья (Mediaeval Academy of America) в Кембридже (штат Массачусетс). На родине же его в 1935 году постановлением общего собрания исключили из АН СССР.

В 1938 году Васильев вышел в отставку, но и позже продолжал участвовать в университетской общественной жизни. В 1944 году он был приглашен научным сотрудником в Византийский институт Гарвардского университета в Думбартон Оке (Вашингтон). Как вспоминали работавшие с ним ученые, Васильев был «любим всеми, старыми и молодыми и до конца оставался наиболее яркой личностью в группе. Он передавал свою обширную эрудицию с большой легкостью и простотой и был всегда великодушен в признании качеств других ученых».

Умер Васильев после возвращения с Византийского конгресса в Салониках, на котором был избран почетным президентом конгресса. Среди его учеников — М. Андреева, А. Вишнякова, Е. Скржинская, Дж. Шнейдер, Х. Рэмсей и др. Библиография работ Васильева насчитывает 168 названий.

Кроме научных занятий В. увлекался музыкой; еще в России, будучи студентом университета, учился в течение года в Петербургской консерватории. Г.В. Вернадский писал: «Еще гимназистом Васильев был на первом представлении «Евгения Онегина» и видел тогда в первый раз П.И. Чайковского. Уже тогда он хорошо играл на рояле. Впоследствии он сделался превосходным пианистом и знатоком музыкальной ли-

тературы. В Америке он постоянно ходил на концерты». По его собственным словам, музыку он любил больше чем науку».

В годы Второй мировой войны Васильев стал фактически старейшиной русских историков, когда в Петербурге-Ленинграде в 1942 году умер его ровесник С. Жебелёв. 14 августа 1942 года Васильев писал из Мэдисона в Нью Хейвен своему старому другу М.И. Ростовцеву: «Ведь страшно подумать, что из многих русских друзей и знакомых остался только ты. Ты и я, — среди бесконечного числа могил с 1925 года — только двое, которые теперь остались в живых. Долго еще мы не узнаем, как умер Жебелёв. Я его знал и глубоко любил много лет, но ты был близок к нему гораздо более долгое время <> Арифметически и хронологически теперь мой черед перейти в небытие». Ростовцев умер в 1952-м. В том же году был опубликован труд всей жизни Васильева «История Византийской империи» — ныне он переведен на многие языки мира. В 1953 году Васильев был приглашен на Византийский конгресс в Салониках. Как пишет Г.В. Вернадский: «Александр Александрович был избран почетным президентом конгресса, читал там доклад. Можно сказать, что этот конгресс прошел под знаком чествования Васильева. Под этим впечатлением Васильев прилетел в Вашингтон. В первую же ночь по приезде он скончался во сне». Было ему 86 лет.

В марте 1953 года в СССР умер диктатор. Васильев еще успел узнать об этом. И в том же 1953 году бывший капитан Красной армии Александр Солженицын отбыл 8 лет лагерей и отправлен в вечную ссылку в Казахстан. В тюрьме Джамбула он познакомился и позднее описал в «Архипелаге Гулаг» свою встречу с братом А.А. Васильева, крупнейшим русским гидротехником и гидрографом, видным деятелем «Союза русских инженеров» — Владимиром Александровичем Васильевым. На шести страницах описывает Солженицын судьбу старого инженера: отсидел 15 лет «за вредительство», три последних года — в Верхнеуральском изоляторе. А к октябрьскому перевороту фактически возглавлял департамент земельных улучшений, еще до Первой мировой исходил и изъездил на лошади все Семиречье. Рассчитал проекты обводнения Чуйской долины, Нарьинского каскада и пробития туннеля сквозь Чу-Илийские горы и сам стал их осуществлять. В 1920-е годы инженер Васильев делил воды трех закавказских республик. Выбила искру встреча со старым инженером в душе 35-летнего Солженицына. Спрашивает Солженицын: «А еще род-

ственники? Брат есть. Но у брата глубоко несчастная судьба: он историк, не понял октябрьской революции, покинул родину и теперь, бедняга, преподает историю Византии в Колумбийском университете. Мы еще раз смеемся, жалеем брата и обнимаемся на прощанье. Вот промелькнул еще один замечательный человек и ушел навсегда».

В 1990 году выдающийся историк А.А. Васильев был восстановлен в Советской Академии наук.

Литература

Вернадский В.Г. Русская историография. М., 1998.

Скифский роман. Под общей редакцией академика РАН Г.М. Бонгард-Левина. М., 1997.

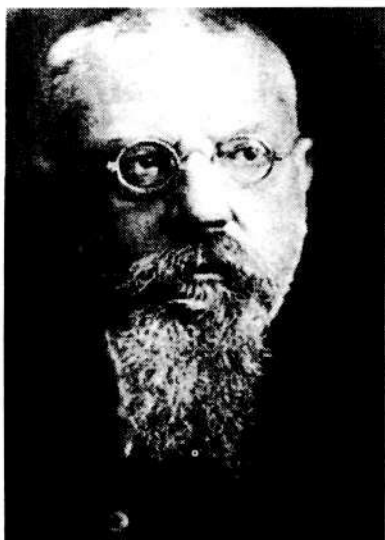
Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг // Собрание сочинений в девяти томах. Том 6. М., 2000.

КОМАНДУЮЩИЙ ИСТОРИЧЕСКИМ ФРОНТОМ

Покровский Михаил Николаевич

[17(29).08.1868, Москва — 10.04.1932, там же].

Похоронен у Кремлевской стены.

Одна из большевистских легенд гласит: «Накануне октябрьских боев в Московский военно-революционный комитет явился профессор Покровский и сказал:

— Я пришел к вам, товарищи, предложить свою помощь. Вы знаете, я — историк. А сейчас история делается на улицах Москвы... Я хотел бы в эти дни быть рядовым бойцом и плечом к плечу драться вместе с восставшими рабочими.

Профессору Покровскому было поручено (вместе с И.И. Скворцовым-Степановым) обеспечить выпуск «Известий Московского Военно-Революционного комитета».

Он писал статьи, листовки, манифесты и воззвания, звавшие красногвардейцев и солдат на бой с буржуазией, укреплявшие в них веру в победу революции».

«Профессором» Покровский, конечно, не был. Даже в состав приват-доцентуры после сдачи магистерского экзамена не попал. А в 1902 году ему и вовсе было запрещено преподавать. Это большевики сделали его в 1929 году академиком. Печально знаменит Покровский тем, что был создателем «исторического фронта» для борьбы с «буржуазной профессурой», и, в гораздо меньшей степени, своей книгой «Русская история в самом сжатом очерке», получившей одобрение В.И. Ленина. До середины 1930-х годов с такой рекомендацией она, конечно, была самым популярным изданием по этой теме. Затем пришел сталинский «Краткий курс истории ВКП(б)» —

и история страны была подменена историей Компартии. Она в обязательном порядке изучалась во всех вузах. После развенчания Сталина на XX съезде КПСС, на смену «Краткому курсу» пришел учебник «Истории КПСС» под редакцией Бориса Пономарева. И только в начале 1990-х годов «Историю КПСС» заменили на «Политическую историю России».

Покровский умер в Кремлевской больнице от рака в 1932 году. Ему не довелось быть расстрелянным Сталиным, как другим «старым большевикам», но его имя и труды были подвергнуты шельмованию почти сразу же после его смерти. Дважды Покровского «реабилитировали»: сначала после XX съезда и начала «десталинизации», а затем после Апрельского 1985 года пленума ЦК КПСС и начала «перестройки». Оба раза его имя вернули из небытия со ссылкой на «высокий авторитет» Ленина, Крупской, Луначарского и других «высоко ценивших труды Покровского». Парадоксально, но созданный Покровским «исторический фронт» официально исчез вместе со второй реабилитацией своего основателя.

Обратимся к его биографии. Родился в состоятельной семье, отец — статский советник, служил по таможенному ведомству. От отца наслушавшись рассказов о злоупотреблении чиновников и малопочтенной жизни высших сановников и членов Императорской фамилии, воспринял критическое отношение к властям. А один из его двоюродных братьев, студент Духовной Академии разъяснил мальчику Мише, что «Бога нет и быть не может».

С таким багажом он пришел во Вторую Московскую гимназию (в ней когда-то учился Н.Кондаков). Успешно, с золотой медалью, закончил ее и в возрасте 19 лет поступил в Московский университет на историко-филологическое отделение. После его окончания В.О. Ключевский оставил Покровского при университете для подготовки к профессорскому званию. П.Н. Милюков вспоминал о своем младшем современнике: «Он девятью годами моложе меня — по рождению и по окончанию Московского университета (1891). Он, вероятно, слушал мои первые лекции; но ближе мы с ним встретились на семинарии профессора Виноградова по всеобщей истории, где участники работали серьезно и научались строго научному методу работы. Покровский, один из самых младших участников, обычно угрюмо молчал и всегда имел какой-то вид заранее обиженного и не оцененного по заслугам. Я думаю, здесь было заложено начало той мстительной вражды к товарищам

историкам, которую он потом проявил, очутившись у власти. У нас он считался «подающим надежды», но тогдашних работ его я не знаю. Еще в 1900 году он просил у меня работы в академическом стиле, и я не без удивления прочел, что «к 1905 году М.Н. окончательно определился как теоретик-марксист и практик-революционер» и что, «вступив в ряды большевистской партии, он принял активное участие в организации вооруженного восстания в качестве пропагандиста-агитатора и публициста». Очевидно, я опоздал, считая его «кадетом». В той же биографической справке говорится, что Покровский после Лондонского съезда 1907 года перешел на нелегальное положение и эмигрировал за границу».

«Активным организатором вооруженного восстания» Покровский, конечно, тоже не был. 20 декабря 1905 года его арестовали. Вспоминает сам Покровский: «Меня выпустили через несколько дней (26-го, как сейчас помню) даже без допроса, ограничившись наведением справок. Этой неделей заключения в Сушевской части ограничились все репрессии, какие удалось осуществить по отношению к моей особе старому правительству».

А.А. Кизеветтер был старше Покровского на три года. Учились одновременно — один и тот же университет, одни и те же учителя. Он вспоминал, что Покровский «не разделял наших архивных увлечений и никогда в архивах не работал <> По виду тихенький и смиренный, он таил в себе болезненно-острое самолюбие <> С университетом у него как-то не вышло правильного общения. Он приготовился к магистерскому экзамену и сдал его, но на этом экзамене у него произошло какое-то столкновение с Ключевским, подробности которого мне неизвестны. После этого Покровский от университета отдалился, пробных лекций не прочел и в состав приват-доцентуры не вступил. Не готовил он и диссертации. Он читал лекции на коллективных уроках и на педагогических курсах. Преподавал историю в женских курсах, написал много статей для коллективной хрестоматии по средневековой истории под редакцией профессора Виноградова, работал в «Комиссии для чтения» <>, но от университета сторонился».

Вполне возможно, что и социал-демократом в 1905 году Покровский еще не был (хотя было ему уже 38 лет). Кизеветтер вспоминал, что в 1905 году Покровский участвовал в совещаниях по созданию кадетской партии и выражал более правые взгляды, чем принимаемая программа. Так или иначе, по офи-

циальной биографии он числится членом партии большевиков с 1905 года. В 1907 году Покровский уехал из России сначала в Финляндию, затем во Францию, «где прожил до революции, ведя литературную и научную работу».

В Париже между Покровским и Лениным произошла идеологическая ссора, разрыв. Покровский сближается с ленинским противником, лидером «впередовцев» А.А. Богдановым. Преподает в их школах на Капри и Болонье. Затем рвет и с ними, и сближается с Л.Д. Троцким. На Капри и в Болонье, а затем в Национальной библиотеке в Париже Покровский обдумывал и писал свои главные книги «Русская история с древнейших времен» в четырех томах (М., 1910—1913) и «Очерк истории русской культуры» в двух частях (М., 1915—1918). Написанные с «марксистских позиций», эти работы в целом получили высокую оценку в печати. Милюков писал: «Нового он тут не дает, хотя работы своих предшественников и товарищей хорошо знает — и пользуется ими широко, стараясь, однако, на всяком шагу уязвить и подчеркнуть свое превосходство. Его «История» идет, конечно, дальше Курса Ключевского — на все то расстояние, которое прошло от составления этого курса до появления новых работ нашего поколения, следовавшего за Ключевским».

Между тем отношения с Лениным, видимо, наладились, и в 1916 году Покровский выступил редактором ставшей знаменитой ленинской книги «Империализм, как высшая стадия капитализма». После февральских событий 1917 года в Россию Покровский вернулся достаточно поздно. Только в сентябре через Архангельск он прибыл в Москву. И сразу начался его стремительный взлет: в ноябре он уже был председателем Московского совета и депутатом Учредительного собрания от Смоленской губернии, в декабре 1917 — январе 1918-го — членом советской делегации на переговорах с немцами о мире в Брест-Литовске. Пронесся слух, что Покровский подписал мирный, грабительский договор с немцами: московский профессор-историк Ю.В. Готье (ученик Ключевского и советский академик) записал в дневнике: «От большевистских кругов Кремля идет слух, что в числе немецких условий есть право вывезти из России произведения искусства, какие они найдут нужным; если это и так, то гориллам не нужны произведения искусства, но такое условие показывает, что с большевиками немцы собираются поступить сурово. Мирные условия подписаны М.Н. Покровским — вот истинно позор-

ное имя в русской истории и позор для школы московских русских историков». Слух оказался ложным. Договор Покровский не подписывал — другие подписали. Покровский как раз занимал в вопросе о «мире» антиленинские позиции и призывал к продолжению войны.

С марта 1918 года Покровский возглавляет уже Совет народных комиссаров Москвы и Московской области, включавшей в себя 14 губерний. В мае 1919 года он назначен заместителем народного комиссара просвещения А.В. Луначарского. Готье, которому довелось побывать на одном из совещаний в Наркомпросе, отмечал в дневнике, что Луначарский «довольно изящный господин» и по сравнению с окружающими «товарищами» «был несомненно много выше». Покровский же «все больше и больше напоминает Квазимодо».

Известно, что Ленин с недоверием относился к «деловым» способностям Луначарского, который на посту наркома исполнял роль «витрины». В качестве же «рукастого» большевика в Наркомат для проведения «грязной» работы и был поставлен Покровский. Пришло его время. Он был одним из ярких сторонников красного террора. Таким он и был выведен в 1968 году в спектакле московского театра «Современник» по пьесе М. Шатрова «Большевики». Это после второй «реабилитации» Покровского его кровожадность постарались преуменьшить.

Власть в своих руках Покровский сконцентрировал полную. Все его посты невозможно перечислить: член Советского правительства, председатель Академического совета (создан в феврале 1921 года и объединил Государственный ученый совет, Управление научными учреждениями, Главархив и Главмузей), председатель Президиума Коммунистической академии (эта академия создана специально для противостояния и постепенного уничтожения «старой» настоящей Академии наук, имела в своем распоряжении целую сеть институтов), ректор Института красной профессуры, глава Общества историков-марксистов, заведующий Центрархивом, главный редактор «Красного архива» и т.д. и т.д. В общем, исторический фронт создан, а история уничтожена. В два этапа, первый — 1918—1922 годы.

В 1921 году петроградский журнал «Русское историческое богатство» (книга 7) опубликовал список из 200 человек, погибших в 1918—1921 годах. В основном это историки, среди них наиболее громкие имена: А.С. Лаппо-Данилевский, великий

князь Николай Михайлович, А.Я. Ефименко, академики М.А. Дьяков, А.А. Шахматов — по русской истории; по всеобщей истории — академик Б.А. Тураев, В.И. Герье, И.В. Лучицкий. Расстреляны, зарублены, умерли с голоду в расцвете сил.

Поскольку «реорганизацию» высшей школы по большевистским образцам в контакте с «буржуазной» профессурой провести не удалось, ее нужно было уничтожить. Первые «скромные» шаги — закрыли юридические и историко-филологические факультеты университетов. В 1922 году осенью, как уже неоднократно в этой книге говорилось, выслали из Советской России более 200 выдающихся ученых. Среди них историки А.А. Кизеветтер, В.А. Мякотин, С.П. Мельгунов, А.В. Флоровский, П.М. Бицилли, Л.П. Карсавин, И.А. Стратонов. В архивных материалах дел о высылке ученых часто встречается фамилия одного из исполнителей этой акции — чекиста Н.И. Зарайского. Не родственник ли Покровского по жене — Любове Николаевне Зарайской?

После такой «зачистки» Покровский приступил к «самому трудному» — «пролетаризации» преподавательского состава высшей школы, к обеспечению «марксистской линии» в области научных исследований. В Институте красной профессуры, созданном Покровским, стали ускоренными темпами штамповать «красных профессоров», и здесь все шло нормально. Желающих стать «профессором» достаточно. Сложней обстояло дело с Академией наук. В секретной справке 1927 года (к отчету о деятельности Академии наук за 1926 год) для спецкомиссии Покровский предложил: «Нужно или радикально реорганизовать, и в смысле личного состава, и в отношении программы занятий, гуманитарное отделение Академии, или вовсе его прикрыть. Последнее, конечно, было бы правильнее: для этой цели у нас существует много учреждений». Закрывать гуманитарное отделение АН Сталин все-таки не стал. Был выбран первый вариант — «радикально реорганизовать личный состав».

Покровскому было не привыкать выступать в роли «дубинки». Еще в 1922 году вместе со своим шефом А.В. Луначарским он выступил обвинителем на судебном процессе Партии социалистов-революционеров. Двенадцать человек были осуждены к смертной казни, которую не допустила только волна международного возмущения. В списке же трудов Покровского появилась книжка «Что установил процесс так называемых «социалистов-революционеров»» (М., 1922).

Теперь же Покровский опять выступил в роли «разоблачителя». На этот раз «буржуазной историографии». В журнале «Историк-марксист» (1928. Т. 7) он опубликовал «невежественную по существу и грубую по форме» статью «Новые» течения в русской исторической литературе». Покровский подверг в ней критике изданную в 1927 году книгу Е.В. Тарле «Европа в эпоху империализма». Дескать, Тарле (в 1927 году он как раз был избран академиком) ««антантофил», пытающийся сокрушить марксистские исторические концепции». Сигнал был дан, и дальше все было просто. Арестовали историков академиков С.Ф. Платонова, М.К. Любавского, Н.П. Лихачева, Е.В. Тарле, профессоров Д.Н. Егорова, С.В. Рождественского, С.В. Бахрушина, Ю.В. Готье (того самого), А.И. Яковлева и множество других. Видимо, предполагалось устроить «показательный» судебный процесс типа эсеровского или «шахтинского», но затем арестованных разослали безо всякого суда по ссылкам и тюрьмам. Платонов, Егоров, Рождественский и множество других оттуда уже не вернулись.

Покровский же в 1929 году стал академиком. За что? Вероятно, за «Русскую историю в самом сжатом очерке» и пропагандистские сборники статей «Очерк русского революционного движения XIX—XX веков» (М., 1924), «Марксизм и особенности исторического развития России» (Л., 1925), «Октябрьская революция» (М., 1929). Больше никаких «сочинений» Покровского его биограф не приводит. А может, за то, что активно поддерживал Сталина в борьбе с «троцкизмом», «правой оппозицией» и т.д.? За это и новую высшую награду Орден Ленина получил одним из первых.

К историческим трудам Покровского еще можно отнести двухтомник «Историческая наука и борьба классов» (М., 1933). Милюков назвал его «двухтомным исследованием», которое организовал Покровский и в котором «его ученики представили ряд подробных критических разборов учений тех историков, которых Покровский избрал мишенью своих нападений». Труд вышел, когда Покровского уже не было в живых.

В той «великой» чистке, которую устроил Покровский, вероятно, исчезло несколько сот еще оставшихся в живых «буржуазных» историков. Никто не считал ведь историков, арестованных в провинции. А там уничтожали еще более жестоко. Арестом Тарле и Платонова с их всемирной славой могли возмутиться их французские, финские, немецкие коллеги.

А кто вступится за профессора где-нибудь в Казани или Архангельске? Из выживших в этой чистке историков предсоветского периода можно назвать не так уж много имен: Б. Греков, В. Городцов (умер в 1945-м всеми забытый). Продолжили свое существование и приспособились кроме Грекова (после смерти Покровского, как директор Института истории, он nasledовал и пост главы «исторического фронта») Н.М. Дружинин, Е.А. Косминский, С.Д. Сказкин* и еще несколько историков.

Но и «эра школы Покровского» длилась недолго. Почти сразу же после смерти Покровский был обвинен во множестве преступлений — схематизме, универсализме, ревизионизме, уклонизме, плюрализме, селективизме и других преступлениях, которые, как писал американский историк Анатолий Мазур, «не найти даже в авторитетном словаре». В 1934 году Совнарком и ЦК ВКП(б) в совместном постановлении за подписью В.М. Молотова и И.В. Сталина признали, что обучение истории в школах СССР поставлено неудовлетворительно. А еще через два года, 26 января 1936 года, опять же совместным постановлением, вина за это возлагалась на «школу Покровского». В постановлении говорилось: «Вредные тенденции и попытки ликвидации истории как науки связан в первую очередь с распространением среди некоторых наших историков ошибочных исторических взглядов, свойственных так называемой «исторической школе Покровского».

После такого «сигнала» сразу посыпались статьи об «антиленинской концепции», «ликвидаторских взглядах», «теоретических корнях ошибочных исторических взглядов», «методологических истоках ошибок», «извращениях» М.Н. Покровского. «Вульгарные исторические взгляды» покойного вождя марксистской школы были осуждены. Бухарин, которому оставалось жить совсем немного, опубликовал статью «Нужна ли нам марксистская историческая наука?» (Известия. 1936. 27 января). К Бухарину присоединился Карл Радек. «Общество историков-марксистов», созданное Покровским в 1935 году, превратилось в организационный центр «антимарксистских и

* Декан истфака МГУ в 1940—1943 годах. В 1966 году, будучи академиком, Сказкин совершил неординарный поступок — подписал коллективное письмо Л.И. Брежневу против возрождения сталинизма. А в 1968-м в «Правде» оправдывал советскую оккупацию Чехословакии.

антисоветских элементов». С Покровским и его «школой» расправились их методами: большевистскими, ленинско-сталинскими.

Главным монументом памяти этой борьбы с Покровским остались два сборника статей «Против исторической концепции М.Н. Покровского» (М.-Л., 1939) и «Против антимарксистской концепции М.Н. Покровского» (М.-Л., 1940). Здесь громили Покровского его всегдашний враг и соперник в борьбе за «руководящий стул» Е.М. Ярославский, Е.В. Тарле (вернувшийся из ссылки), Н.М. Дружинин (арестованный, но выпущенный в 1930 году), Б.Д. Греков, вчерашние ученицы А.М. Панкратова и М.В. Нечкина. Главным «аргументом» в «критике» было, конечно, имя Сталина. Покровский этого вовремя не понял, оценил конъюнктуру неправильно и поплатился за это посмертным развенчанием. Гораздо хуже пришлось его «школе». Лишь немногие смогли «оправдаться» и выжить. Те же Панкратова, Нечкина, будущий академик Исаак Минц, Александр Молок. Большинство же: Ваняг, Фридлянд, Лурье, Лукин, Зайдель, Пригожин, другие «ученики-последователи» исчезли без следа. Через 10 лет вернулся с Колымы Оксман. Но таких было мало.

После XX съезда КПСС имя Покровского вновь стало можно упоминать, уже без прежних эпитетов. В 1965—1967 годах в Москве даже издали его «Избранные произведения» в четырех книгах. Но «идеи» Покровского не возродились. В 1970-х в СССР «о большевике-ленинце» марксистском историке М.Н. Покровском было опубликовано несколько работ. Историк из США Джордж Энтин тоже заинтересовался фигурой Покровского. Побывал в СССР и написал книгу «Советский ученый-бюрократ М.Н. Покровский и общество историков-марксистов» (Филадельфия, 1978). Книга эта и поныне остается классической. В 1992 году в Москве на волне перестройки Горбачева А.А. Чернобаев опубликовал книгу «Профессор с пикой», или Три жизни историка М.Н. Покровского», в которой соответственно моменту Покровский противопоставлялся Сталину.

Настоящая, научная биография Покровского остается не написанной, хотя многие ранее недоступные документы теперь открыты. Хотя для нас важен, конечно, не Покровский сам по себе — важно установить масштабные уничтожения русской исторической науки. Важны события, факты, имена.

Литература

Абрамов А. У Кремлевской стены. 4-е издание, дополненное. М., 1981.

Милюков П.Н. Величие и падение М.Н. Покровского (Эпизод из истории науки в СССР // Милюков П.Н. Очерки истории исторической науки. М., 2002.

Чернобаев А.А. Покровский Михаил Николаевич // Историки России. Биографии. М., 2001.

Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий. (Воспоминания 1881—1914). Прага, 1929. Репринт. 1974.

Готье Ю.В. Мои заметки. М., 1997.

К изучению истории. М., 1937.

«ГЕНИАЛЬНЫЙ КЛАССИК И АРХЕОЛОГ»

Ростовцев Михаил Иванович

[28.10 (10.11).1870, Житомир — 20.10.1952, Нью-Хейвен,
Коннектикут, США].

Похоронен на кладбище Йельского университета.

Вот как писал об историке античности и археологе Михаиле Ростовцеве ленинградский историк Мавродин в «Замечаниях на лекцию М.Н. Мартынова* от 14 сентября 1949 года»: «Прежде всего бросается в глаза поразительная связь суждений известного белоэмигранта и врага советского народа археолога и историка Ростовцева с тем, что мы читаем в лекции М.Н. Мартынова и о скифских царях, и о сарматах, и о возникновении греческих колоний на Северном побережье Черного моря, и о «торговой зависимости» жителей Ольвии от рабовладельческой знати, и, наконец, самое главное, об

эллином античном рабовладельческом мире в Причерноморье вообще, и о его роли в истории народов Восточной Европы.

Только человек либо совершенно аполитичный, не следящий за развитием советской исторической науки и не интересующийся ею, хотя и имеющий официальное к ней отношение (доцент педагогического института), либо сознательно игнорирующий все то, чем живут работники нашего идеологического фронта, и в том числе советские историки, что является нашим достижением, что выполняется согласно известным решениям партии и правительства по идеологическим вопросам, может под видом повествования о делах

* Мартынов Михаил Николаевич (1889—1970) — историк средневековой России.

давно минувших дней протащить буржуазный объективизм и космополитизм.

Вместо того чтобы вслед за советскими учеными Рыбаковым, Гайдеркевичем, Беловым, Каллиетовым и др. показать роль племен Восточной Европы в экономической, политической и культурной жизни Северного Причерноморья, их вклад в культуру античной Греции, значение их борьбы в крахе рабовладельческого строя в Причерноморье (в Средиземноморье), он ограничивается описанием культуртрегерской миссии и деятельности греков-колонистов, которые выкачивали разные продукты из дикой Скифии. Что это — глупость, невежество или политическая ошибка, более того, политически вредная концепция?

Естественно поэтому, что в лекции муссируется «опасность» со стороны «варваров», угрожавших центрам «цивилизации» — греческим рабовладельческим колониям.

Лектор «плачет» над развалинами Ольвии, забывая, что тот «обыкновенный» строй, который несли «варвары» — скифские и нескифские племена (а среди них были предки восточных славян, русских), был несравненно более передовым, чем рабовладельческий, и И.В. Сталин отмечает прогрессивную роль борьбы «не римлян», то есть варварских племен, и революций рабов. А кто были эти рабы, кем был Савмак? Он был скиф. Разорение городов и кажущийся «упадок» цивилизации при переходе к феодализму не должен «смущать» советских историков и делать выводы о высокой цивилизации греков, разрушенной варварами. Нашу революцию тоже считали «разрушением цивилизации» господа типа Ростовцева, Питирима Сорокина и других, подвизавшихся в свое время на кадрах». Историк Мартынов в 69 лет был отправлен в лагерь на 10 лет. Чтоб не повторял белогвардейцев Ростовцева и Сорокина.

О Ростовцеве с началом «гласности» написано много. Пишут в Москве, пишут и в Петербурге. В конце концов, москвичи и питерцы, объединившись под руководством академика РАН Г.М. Бонгард-Левина, издали посвященный М.И. Ростовцеву 620-страничный «Скифский роман» (М., 1997). Книга получила Государственную премию Российской Федерации.

Первую биографию знаменитого русского (с 1929 года — гражданина США) историка Ростовцева написал нидерландский историк из Гронингена Маринус Вес еще в 1990-м, и со своей задачей историка Вес справился великолепно.

В 2002 году «ростовцеведы» взялись за публицистику историка. В Петербурге изданы его «Политические статьи» периода Гражданской войны, а в Москве «Избранные политические статьи» за 1906—1923 годы. Возможно, вот-вот выйдут и собственно научные труды великого историка.

Вес писал, что несмотря на некоторую степень американизации, Ростовцев всю свою жизнь оставался русским ученым и русским интеллектуалом. Когда в 1920 году он прибыл в США, ему было 50 лет. Гораздо более молодой и подвижный (на 19 лет моложе Ростовцева) социолог Питирим Сорокин, ставший в США близким другом историка, и то, несмотря на весь свой «американизм» еще с российских времен, тоже до конца дней своих сохранил русскую ментальность. Его знаменитые, известные всему миру произведения — два тома «A history of the ancient world» (1926—1927) и трехтомная «The social and economic history of the ellenistic world» (1941). А ведь еще в 1988 году российские гуманитарные журналы отказывались от публикации рукописей эмигранта Ростовцева.

Ровесник лидера большевиков Ульянова-Ленина Ростовцев родился в Житомире в семье директора гимназии. Его детство и ранняя юность прошли в Киеве, там закончена гимназия и 2 курса классического отделения университета Святого Владимира.

У будущего академика было 8 братьев и сестер. Один из братьев был расстрелян большевиками, другой — генерал, умер в 1933 году в эмиграции. Одна сестра была замужем за известным искусствоведом Э. Голлербихом, она умерла в блокаду Ленинграда. Судьбы других неизвестны. Двоюродным братом Михаила Ростовцева был большевистский нарком культуры Луначарский (на 5 лет моложе Ростовцева). Первую Киевскую гимназию закончил еще один персонаж этой книги — Евгений Тарле.

В Киеве Ростовцев еще не определился. Его влекли и русская история, и классическая филология. Яркого учителя для него в Киеве не нашлось. В 1890 году он переводится в Петербургский университет, где под влиянием Кондакова, Ф.Ф. Зелинского и других делает выбор в пользу Древнего Рима и классической филологии. Они дали толчок. Кондаков привил любовь к археологии. Как вспоминал сам Ростовцев, значительная часть его научной жизни прошла в музее Древностей Петербургского университета. Там сложился кружок «фактопоклонников» (Жебелёв, Тураев и др.) под руководством

Кондакова. Здесь Ростовцев научился понимать простую мысль, что «первое в научной работе — это строго и точно по источникам, после любовного их изучения, установить факты».

После окончания университета, не без хлопот отца, Ростовцев был оставлен для подготовки к профессорскому званию (без стипендии) и уже в мае 1893 года выехал в свою первую заграничную поездку. Италия, Рим, Помпеи, новые археологические знания — все можно самому увидеть, потрогать. Осенью пришлось вернуться на берега Невы, но уже в марте 1895 года он уезжает на год, получилось на три. 21 апреля 1899 года состоялся его «диспут», то есть защита. Ростовцев стал магистром римской словесности. И началась жизнь приват-доцента, профессора (с 1901 года), члена-корреспондента (с 1908 года): лекции, семинарии, зачеты, университет, Бестужевские курсы, ежегодные поездки по миру (с 1901 года вместе с женой Софией Кульчицкой), раскопки, археологические съезды, премии, статьи, книги. С 1903 года Ростовцевы живут в шестикомнатной квартире на Большой Морской (д. 34, кв. 10). Из окон квартиры на последнем этаже — вид на Адмиралтейство. Г.В. Вернадский в 1930 году свидетельствовал: «Дом их стал одним из видных центров в жизни ученого и литературного Санкт-Петербурга». В том же 1903-м Ростовцев защитил докторскую.

В 1905 году Ростовцев вступил в кадетскую партию. Как реагировал на потрясшие Россию события 1905—1907 годов — неизвестно, но предположить можно. Февральская революция 1917 года принесла Ростовцеву избрание в академики еще Императорской Академии наук — 9 мая 1917 года. В 47 лет. В 1917 году, пожалуй, впервые, Ростовцев становится гражданином и активно включается в политическую борьбу. Лозунг Ленина «Грабь награбленное» — понял отлично. Но рассчитанная на низменные инстинкты толпы пропаганда большевиков победила. Ростовцев не заблуждался, как многие, что, «дескать, тирания большевиков не надолго». Надолго. Несмотря на обилие коллег и знакомых на Западе (в основном Ростовцева высоко ценили немецкие ученые), выехать из большевистской России удалось с трудом. Вызов прислал шведский коллега-археолог Оскар Монтелиус, и 30 июня 1918 года академик Ростовцев с женой отплыли на пароходе из Петрограда в Швецию. Официально — по направлению Академии наук и Петроградского университета. Уехал, оставив все — библиотеку, архив, но сохранил главное — голову и жизнь.

В России Ростовцев имел репутацию «западника», усматривающего в каждом «плежке западного европейца что-то цивилизованное» (академик Г.Ф. Церетели). Теперь он с ней распрощался навсегда. Провел два месяца в Швеции и в конце августа переехал в Англию. Как раз 2 августа началась англо-американская интервенция в Архангельске. Мурманск был взят ими еще в марте. Казалось, еще немного, и советская власть падет, надо внести свой вклад.

П.Г. Виноградов помог Ростовцеву обосноваться в Оксфорде. В начале 1919 года он был удостоен почетной степени этого престижного заведения. Но постоянной работы знаменитый русский не получил ни в Оксфорде, ни вообще в Англии, ни во Франции, куда за эти два года он ездил не раз. В письме к Кондакову от 22 декабря 1919 года писал: «Так и живешь перебиваясь. Прочел курс лекций, заплатили 50 фунтов <> Пишу статьи в газетах и журналах и т.д., кое-что зарабатываю». Надежды «устроиться» в Англии исчезли быстро. Почетной степенью утешили, но «рабочие места есть рабочие места — самим нужны».

В общем-то, личная ситуация Ростовцева мелочь по сравнению с тем, что происходит с его коллегами в России, в Петрограде и вообще с Россией. Сам Ростовцев, это надо полагать, судя по его статьям, опубликованным в зарубежной прессе, это понимал. Вот заголовки: «Мученики науки в Советской России. В память об умерших друзьях и коллегах», «Должны ли ученые вернуться в Россию. Ответ профессору Бехтереву» — и еще десятки статей, в которых он клеймил большевиков.

В «Ответе профессору Бехтереву», опубликованному в «Петроградской правде» (24.06.1920) призыв к русским ученым-беженцам вернуться в Россию и принять участие в «созидании культуры страны в новых условиях ее жизни», академик Ростовцев писал: «Я не знаю, что скажут мои коллеги, но я отвечу профессору Бехтереву и ему подобным. Нет, в большевистскую Россию я не вернусь. Не потому, что в России голодно и холодно, не потому, что в России правит та или иная партия, а потому, что Россия полностью порабощена, потому, что там нет свободы, потому, что культура и религия там упразднены, потому, что мораль вытравляется из детских душ. Я не верю в то, что в настоящее время никто не может содействовать развитию культуры и свободы. Я буду очень рад вновь войти в единую счастливую семью моих друзей и кол-

лег, но я знаю, что в настоящее время любая работа с ними будет бесполезна. Там, где человека за защиту своих идей преследуют или расстреливают, не может быть работы за или против правящей партии. А работать с ними, как призывает нас профессор Бехтерев, значит содействовать дьявольским разрушениям.

Я не буду, не могу участвовать в подобном преступлении против моей любимой родины.

Оксфорд, июль 1920 года».

25 августа 1920 года на пароходе «Олимпик» Ростовцев с женой прибыл в Нью-Йорк. На один учебный год его пригласил читать лекции по древней и русской истории Университет штата Висконсин. Ростовцеву всего 50 лет, но потрясения революции, судя по всему, «выбили его из седла». В письме А.В. Тырковой-Вильямс писал: «А все-таки невесело уезжать в какой-то Новый Свет. Не для нас, многостолетних стариков, ехать открывать Америку. Это хорошо для молодых. В Америку надо ехать с желанием борьбы, энергией, особым запасом сил, ехать что-то завоевывать. А мне и воевать-то не хочется. Засесть бы в какой-нибудь хорошей библиотеке и не выходить оттуда. Поэтому-то я так и люблю Оксфорд».

Выехать в США удалось с большим трудом. Иммиграционные власти подозревали в академике большевистского агента... «Дадут — не дадут» визу — тоже переживания... Не дадут — жить в Англии не на что. Дали.

Американский антиковед Г. Бауэрсок написал специальную статью «Ростовцев в эмиграции», в которой скрупулезно исследовал жизнь ученого в этом провинциальном городке и его работу в отнюдь не ведущем американском университете. Есть соответствующие главы и Веса в «Скифском романе», но никто из них так и не смог разобраться в вопросе: как удалось Ростовцеву и его супруге отправиться в дальний путь без визы? Маринус Вес даже написал, что, возможно, нашелся новый Мантилиус, который помог Ростовцеву добыть необходимое разрешение на выезд. Ответ на вопрос надо искать в архивах американской военной разведки, Военно-морского министерства, Министерства юстиции, Госдепартамента США.

Четыре года в Мэдисоне были довольно серыми. В письмах постоянные жалобы на надвигающуюся старость. Студентов, желающих слушать его лекции по русской истории, набралось 35 человек, по древней — 200. Но подводил английский язык. Студенты плохо понимали профессора и

жаловались, в Мэдисоне не было необходимых для научной работы книг. «В этой дыре никаких книг не достанешь», — писал Кон. Все же удавалось съездить в любимую Европу, продолжать писать «денно и ночью» начатую еще в Оксфорде «Социальную и экономическую историю Римской империи» и бороться за «место под солнцем». Сначала блеснул престижный Корнельский университет. Но Ростовцев отказался, так как «деньги те же, что и Мэдисоне, а начинать все сначала». В 1923 году Ростовцевым заинтересовался Йельский университет — один из лучших в США. Там несколько лет после ухода на пенсию профессора Б. Перенна пренебрегали древней историей и решили возобновить. И Ростовцев решился, 11 октября 1924 года он был назначен профессором древней истории и классической археологии.

Несмотря на постоянные жалобы в личных письмах, на самом деле Ростовцев был достаточно «пробивным». Это отмечали его коллеги в России, Оксфорде, США. Социолог Питирим Сорокин, высланный в 1922 году из Советской России и с 1924 года работавший в соседнем с Висконсинским университете штата Миннесота, писал: «Здесь мы очень сошлись с М.И. Ростовцевым. Он — чересчур большой пессимист по отношению к России, но я люблю его за «крепость», бескомпромиссность и прямоту. Хороший парень и большой умница — не только ученый. За него теперь конкурируют лучшие американские университеты, предлагая ему одно условие лучше других».

Условия в Йеле были прекрасны. Ростовцев мог ездить по своим археологическим делам беспрепятственно. Многолетнее финансирование раскопок греко-парфянского городища Дур-Европос (Сирия) на Евфрате, сделавших Ростовцева знаменитым, было безостановочным. Ростовцев добился в США всего чего хотел. В Оксфорде он никогда бы не получил таких значительных средств для своих исследований. А тем временем в Ленинграде в декабре 1928 года «Общее собрание Академии наук СССР» исключило Ростовцева из своих рядов. В мае 1929 года супруги Ростовцевы стали гражданами США.

В 1935 году Ростовцев был избран президентом Американской исторической ассоциации — то есть признан одним из самых выдающихся ученых страны. И уже безусловно он «наиболее выдающийся ученый Йельского университета и один из трех ведущих из ныне здравствующих специалистов в его области исследований», как писал президент Йельского университета Дж. Энджелл.

В сентябре 1938 года президент Гарвардского университета Джеймс Б. Конант предложил Ростовцеву занять пост профессора этого университета. Но тот отказался — приближается пенсионный возраст (69 лет). Ростовцев вышел в отставку, но работу свою в Йеле продолжил уже в новой должности — директора Археологических исследований. Начинать заново в Гарварде Ростовцев не захотел. Возможно, зря.

Чувствования и терзания Ростовцева в этот сложный жизненный момент хорошо видны из его письма Питириму Со рокину, который с 1930 года работал в Гарвардском университете в качестве создателя и руководителя факультета социологии.

«9 октября 1938 года.

Дорогой Питирим!

С тех пор как я был весной в Гарварде, многое случилось и много воды утекло. В самом конце весны за день до моего отъезда за границу я был вызван к нашему президенту, который сообщил мне, что Университет решил прошлой весной просить меня остаться после окончания моего срока и продолжить мою работу в Yale на очень благоприятных условиях<>

Таково положение дела. Я чувствую себя очень польщенным и высоко ценю оба предложения. Мне хотелось бы и того и другого. Я чувствую себя морально обязанным Yale'ю. Четырнадцать лет я проработал здесь в самых благоприятных условиях. Меня не обременяли преподаванием. Во всех моих начинаниях Университет всегда деятельно меня поддерживал. Мне дали возможность раскопать Дуру и опубликовать результаты этой раскопки. Мне не отказывали никогда в моих просьбах и предоставили мне полную свободу работать и учить как хочу. За 14 лет пребывания здесь я создал школу молодых ученых, которые нуждаются в моей поддержке. Отношения с коллегами в Dep. of Classics были всегда более чем дружественными. Согласись, что я чувствую большое моральное обязательство. С другой стороны, работа здесь налажена. То, что я буду делать на склоне дней моих, будет продолжением уже начатой работы в знакомой атмосфере.

С другой стороны, Harvard. Конечно, он привлекает меня очень сильно. Не малое место в этой привлекательности занимает твое и Кусевицких присутствие в Гарварде и наша дружба. Но с другой стороны, в Гарварде в 68 лет я должен начать все сначала. Conant мне говорил о надежде, которую

он возлагает на меня. Это тяжелое обязательство. Как трудно было мне в Висконсине и Yale'e завоевать студентов, заставить их меня слушать и много работать, несмотря на все комические стороны моей личности, которые я сознаю больше, чем вы думаете: курьезная внешность, экзотические манеры, сильный акцент и порядочное количество ошибок в моем английском языке. Все это осталось, и все это скорее усиливается, чем уменьшается. Ко всему прочему прибавляется растущая глухота.

Чем старше я становлюсь, тем я больше чувствую все это, и тем более мои нервы на это реагируют. М[ожет] б[ыть] мне удалось бы и в Harvard то, что удалось в Yale. Но уверенности нет. Это значит, что каждая лекция будет для меня нервным испытанием, особенно в первые годы. Мои нервы и без того не в очень хорошем состоянии. Они могут не выдержать новой попытки к приспособлению после Оксфорда, Висконсина и Yala'a. В результате я буду все время мучиться вопросом, не пора ли мне уходить в отставку. Наряду с этим лекции и семинары в Harvard'e отнимут у меня бесконечное количество времени. Здесь они от меня ждут только продолжения моих семинаров, в Harvard'e я должен читать курсы, меняя их из года в год. Это требует большой подготовки и много времени. А между тем на руках у меня много работ, которые желательно закончить и которые требуют много времени. Чем старше я становлюсь, тем более я требователен к себе. Noblesse oblige. Конечно, большой беды от этого не будет, если я не сделаю того, что предполагал. Сделают другие. Но не знаю, что важнее: воспитать новое поколение учеников в трудной и очень требовательной атмосфере Harvard'a или закончить хотя бы до известной степени намеченные мною работы. Уверен, что осуществить и то, и другое я не буду в состоянии.

Взвесивши все это, я решил идти по линии наименьшего сопротивления и продолжать мою налаженную работу здесь. Времени мне осталось мало, и лучше использовать это так, чтобы оно дало наибольшее количество результатов...»

Итак, завершать свою научную карьеру в Мекке научного мира — Гарвардском университете Ростовцев не стал. Но и так или иначе русский изгнанник входит в тройку самых крупных историков мира (два других — бельгийский историк и археолог Франц Кюмон и немецкий историк и философ Фридрих Мейнеке). Стоит отметить, что еще в 1928 году Ростовцев

отклонил предложение возглавить кафедру древней истории Берлинского университета.

Ростовцев прожил еще 14 лет. В 1941 году был опубликован главный труд его жизни — трехтомная «Социальная и экономическая история Эллинистического мира». На этой работе, а также на вышедшей в 1926-м «Социальной и экономической истории Романской империи» и «Истории древнего мира» (2 тома в 1926—1928 годах) и основано влияние Ростовцева в западной историографии. Ну и конечно, на материалах раскопок Дура-Европос.

С 1944 года его здоровье действительно стало ухудшаться. В годы Второй мировой войны он, судя по всему, не поддался на просоветскую пропаганду, как его друг П.А. Сорокин, не стал «оборонцем».

В 1990-м Ростовцев был восстановлен в рядах АН СССР.

Среди русских историков и археологов из-за «окаянных дней» оказавшийся вне России академик Ростовцев был «самым видным и имевшем мировое имя», — отмечал историк П.Е. Ковальский в своем классическом труде «Зарубежная Россия». — Его труды о Дура-Европос открыли новую главу в познании древней истории этой страны». Между прочим, труды (их часть, конечно) о раскопках в Месопотамии были опубликованы Ростовцевым на русском языке в русскоязычном парижском журнале «Северные записки» еще в 1920-х годах.

Американский историк Виктор Петров в 1992 году в очерке о коллеге писал: «Огромные заслуги М.И. Ростовцева в области истории отмечены во всем мире. В Советском Союзе, однако, его труды были под запретом. В сталинской Большой энциклопедии имя этого замечательного русского историка и археолога вообще не отмечается».

Время летит быстро.

О Ростовцеве теперь в России знают.

Литература

Бонгард-Левин Г.М. Предисловие // Скифский роман. М., 1997.

Ковальский П.Е. Зарубежная Россия. История и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека (1920—1970). Париж, 1971.

Петров В. Русские в Америке. Вашингтон, 1992.

«ТЫ СКАЖИ МНЕ, ЧЕРЕПАШКА»

Тарле Евгений Викторович

[27.10(08.11).1874, Киев — 06.01.1955, Москва].
Похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

Если академика М.Н. Покровского можно сравнить с академиком-прокурором Андреем Януариевичем Вышинским, то Тарле можно сравнить с Ильей Эренбургом. В сталинской России оба выполнили роль «политически полезных евреев», оба талантливо проводили сталинскую линию, каждый на своем «фронте». Один в историографии, другой — в литературе и журналистике. Оба, несмотря на обрушившиеся на них неприятности, выжили, работы обоих пользовались огромной популярностью в народе. Оба удостоились, и не раз, сталинских

премий. Даже родились они в одном городе — Киеве.

Тарле — сын купца второй гильдии. В начале 1880-х семья переехала в Херсон. Здесь он 8 лет учился в местной гимназии, затем провел один год в Новороссийском университете в Одессе, после чего перевелся в Киевский университет. Здесь его учителем стал И.В. Лучицкий, специалист по средневековой Франции. А кроме того, «политически неблагонадежный» профессор, от него, видимо, Тарле и напитался «левых» политических идей. Выпускное сочинение тем не менее сдал благополучно и был удостоен за него золотой медали. Оставленный Лучицким при университете Тарле также успешно и быстро защитил магистерскую диссертацию «Общественные воззрения Томаса Мора в связи с экономическим состоянием Англии его времени» (1901). Свою книгу о Море Тарле послал Льву Толстому и получил письмо от него: «Прекрасная книга <> Прочел с величайшим удовольствием и пользой».

Женился Тарле рано. 19-летним студентом на своей ровеснице, студентке Киевских медицинских курсов Ольге Михайловой. Их трехлетний сын умер в 1899 году, и больше они детей не имели. До защиты диссертации Тарле успел: дважды побывать в заграникомандировке и один раз — в киевской тюрьме (1900) в течение полутора месяцев. Тарле читал лекции в киевских социал-демократических кружках, разрабатывал программу нелегального студенческого объединения и т.д. С августа 1900 года он жил в Варшаве, а с лета 1901 года в Петербурге. Все это время после выхода из тюрьмы он находился под следствием. На защиту магистерской диссертации в Киевском университете полиция дала Тарле разрешение приехать в Киев только на 48 часов. На самом диспуте разразился скандал. Официальные оппоненты (И.В. Лучицкий, Н.П. Дашкевич) дали положительные отзывы, но другие выступили с резкой критикой. Диспут длился почти пять часов, и, только благодаря авторитету Лучицкого, шестью голосами против трех Тарле была присуждена магистерская степень.

Диссертация Тарле была опубликована в Петербурге в 1901 году. В этом же году и там же Тарле опубликовал еще две книги: «История Италии в средние века» и «История Италии в новое время». Лучший биограф Тарле Б.С. Каганович пишет, что хотя эти учебные пособия Тарле не являлись оригинальными научными исследованиями, они: «Более полувека оставались единственным на русском языке связанным общим изложением курса».

Осенью 1903 года Тарле стал приват-доцентом Петербургского университета, а также профессором Бестужевских курсов, Психоневрологического института. Блестящий лектор, всего 29 лет от роду, он был первым златоустом среди ученых Петербурга. И оставался им на протяжении десятилетий. Собирал самые большие аудитории. Трудно назвать кого-то, кто мог с ним конкурировать в этом. Популярности способствовали и его «левые» взгляды, хотя он не ассоциировал себя ни с какой политической партией, близкие большинству студентов. Его имя получило всероссийскую известность, когда 18 октября 1905 года он был тяжело ранен шашкой казака во время многолюдной демонстрации у Технологического института.

В 1906 году была издана его книга «Падение абсолютизма в Западной Европе». Студенты читали ее с упоением, предвкушая падение самодержавия и в России. Председатель Со-

вета министров Витте писал о Тарле в своих воспоминаниях: «Все смутное время в университете читал тенденциозные лекции о Французской революции и не считал приличным хотя бы после 17 октября держать себя спокойно, как подобало бы уважающему себя профессору».

С 1903 года Тарле почти ежегодно ездит за границу для работы в архивах. Изучил архивы большинства крупных французских городов. Установил контакты с крупнейшими французскими историками А. Оларом, А. Матъезом, К. Блоком и другими. В 1909 году вышел первый, а в 1911 году второй том его монографии «Рабочий класс во Франции в эпоху революции». В 1911 году он защитил ее в качестве докторской диссертации. Оппонентами были И. Луцицкий, Н. Кареев, Э. Grimm. Защита прошла успешно, но как сообщила кадетская газета «Речь»: «С утра, еще задолго до начала диспута на университетский двор был приведен значительный наряд полиции. Другой наряд дежурил в одной из комнат при главном подъезде». Работу подвергли критике позже — уже в советское время.

Зато статья Тарле 1910 года «Была ли Екатерининская Россия экономически отсталой страной» («Современный мир». 1910. № 5) оказалась полезнее советским историкам в период «развернутого строительства коммунистического общества». Тарле писал в этой статье: «Цифровые данные, касающиеся русской индустрии, не дают никаких оснований ставить тогдашнюю Россию в ранг отсталой и экономически зависимой державы». Уже в момент публикации резонанс был большой. Г.В. Плеханов в «Истории русской общественной мысли» отметил, что Тарле «перегнул палку». В том же духе высказались И.М. Кулишер и П.Г. Любомиров. Сам же Тарле до конца своей жизни считал, что Екатерининская Россия не была экономически отсталой страной. «Должна же быть экономическая база под военными успехами Суворова», — говорил он в 1943 году историку Б.Б. Кафенгаузу.

Несколько раз против этого взгляда Тарле высказывался известный американский экономист русского происхождения Александр Гершенкрон: в книге «Европа в русском зеркале» (Кембридж, Массачусетс, 1979) он писал, например: «Это советским историкам довелось открыть промышленную революцию в России в царствование Николая I и подкреплять свои взгляды возрождением старой (1910) дешевки (shocker) Тарле о том, что Россия в последней четверти XVIII века отнюдь не была экономически отсталой страной».

Две последующие книги после «Рабочего класса во Франции» — «Континентальная блокада. Исследование по истории промышленности и внешней торговли Франции в эпоху Наполеона» (М., 1913) и «Экономическая жизнь королевства Италии в царствование Наполеона I» (Юрьев, 1916) принесли Тарле уже широкое международное признание. Но только в 1918 году он стал профессором Петроградского университета. Ранее мешала репутация открытого противника царского режима.

С 1913 года Тарле, кроме приват-доцента в Петербургском университете, преподавания в других учебных заведениях столицы, в качестве профессора преподавал еще и в Юрьевском (ныне Тартуском) университете, проводил там не менее двух дней в неделю. Когда он смог написать более тысячи страниц «Континентальной блокады» и «Экономической жизни», остается непонятным. Летом приходилось «перетряхивать» архивы Парижа, Лондона, Берлина, Гааги, Лиона, Гамбурга, Милана и т.д. Тем не менее он первым сделал столь значимое международное явление, каким была наполеоновская континентальная блокада, предметом специального обобщающего исследования. Он доказал, что грандиозный замысел Наполеона экономически задушить Англию общеевропейской блокадой под эгидой Франции был обречен на неудачу как насилие над экономикой, искусственная помеха хозяйственным и торговым потребностям разных стран. Это единственное в мировой литературе исследование экономической истории целой Европы в период наполеоновских войн Тарле использовал как фундамент, опираясь на который он создал цикл замечательных трудов по политической, военной и дипломатической истории той эпохи.

Февральскую революцию Тарле, конечно, приветствовал. Входил в состав Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства по расследованию преступлений царского режима, выезжал в Стокгольм для переговоров о Финляндии с местными общественными деятелями, опубликовал с полсотни в правоменьшевистской газете «День» и несколько документальных исторических публикаций в журнале «Былое».

Публицистику знаменитого историка из «Дня» надо бы собрать да издать отдельным изданием. Страна скатывалась в анархию, а Тарле становился все большим «антантофилом», «оборонцем». Уже после первой попытки (в июле) большеви-

ков захватить власть Тарле предвидит, что демократия в России не выживет, что все может кончиться победой и террором «немецких шпионов» и предателей. «Кто гибнет — Россия или революция? Конечно, революция. Россия погибнуть в точном смысле слова <> не может, хотя ей и грозит превращение из первостепенной державы в третьестепенную. Но если что в самом деле гибнет — это надежды на демократическое обновление России. Наступает действительно двенадцатый час, последние минуты, когда еще, может быть, можно спасти самую идею русской революции от ее окончательной гибели. Справится ли правительство? Великая французская революция справилась. Гильотина была поставлена, чтобы казнить роялистов, но когда оказалось, что не менее роялистов контрреволюционны все, грабящие свою родину, — то эта же гильотина заработала с удесятеренной энергией. Пали тысячи голов. Не рубить головы тысячами, не покрыть Россию виселицами и гильотинами мы рекомендуем: и без того слишком многие начинают об этом мечтать... Возможна суровая и действенная судебная репрессия и без повсеместной гильотины... Хватит ли энергии у нового правительства? Есть ли у него для этого нужные средства? Не окончательно ли испорчен весь механизм власти управления? Мы скоро узнаем. И наша участь и историческая репутация нашего поколения зависят от ответа на эти вопросы» («День». 1917. 26.07).

Александр Солженицын в своей известной книге «Двести лет вместе» (М., 2002) пишет, что в 1917 году Тарле входил в созданный Григорием Аронсоном в Витебске Совет Рабочих депутатов. В августе 1917 года он участвовал в Московском государственном совещании, созванном для сплочения антибольшевистских сил. Статью о совещании озаглавил «Примиримые программы — непримиримые лидеры» («День». 1917. 17.08). Удивительно, но, как пишет Б.С. Каганович: «Непосредственно о большевистском перевороте Тарле в «Дне» не писал».

Может, статьи были, но под псевдонимом? Как бы там ни было, данных об активной антибольшевистской деятельности нет. После переворота Тарле жил в Юрьеве и вернулся в Петроград весной 1918 (когда другие оттуда бежали). В 1918 году в Петрограде была издана его книга «Запад и Россия», посвященная «мученической памяти А.И. Шингарева и Ф.Ф. Кошкина». В 1918—1922 годах Тарле много печатался в «буржу-

азных» журналах того времени — «Вестнике литературы», «Делах и днях», «Экономисте» и т.д. И как вспоминал его бывший товарищ еще по Киеву историк В.В. Водовозов, он «обнаружил большое мужество, читая публичные лекции, на которых довольно решительно критиковал советскую политику». Критиковал, насколько эта критика проходила через цензуру, и печатно. Приходилось применять и эзопов язык, аллюзии. В 1920 году Тарле опубликовал небольшую книжку «Печать при Наполеоне I». Питирим Сорокин в рецензии на нее писал: «Ярко, основательно и мастерски обрисовал в своей книге автор положение печати при Наполеоне. «В огромной империи и в зависимой Европе (в итоге политики Наполеона) водворилась гробовая тишина. В газетах писали о чем угодно, кроме того, что всех интересовало».

Перед читателем разворачивается детальная картина способов и мер подавления Наполеоном независимой мысли, издательства над нею, бесцеремонного использования печати исключительно в качестве орудия проведения своих личных целей, полной опеки и регулировки духовной жизни общества в желательном направлении и т.д.

Книги нашего выдающегося историка внесли ценный вклад в историческую науку (о чем более компетентно скажут историки). Она интересна для читателя не специалиста, ибо показывает ему те разнообразные приемы, которыми можно подменять и фальсифицировать общественное мнение. Книга полезна даже для всех продолжателей наполеоновского метода: она познакомит их со многими приемами «обуздания печати», до которых они сами не могли додуматься. Наконец, она важна и для социолога, подтверждая лишний раз правильность индукции о связи войны и военного общества с «принудительно-этакическим» типом социальной организации, где власть опекает и регулирует не только тело и поведение подданных, но и их душу, мысли, чувства и идеологию».

В этот период властвования «новых преторианцев» «левый» Тарле сближается с «монархистом» С.Ф. Платоновым. В декабре 1921 года по его и византиниста Ф.И. Успенского представлению Тарле был избран членом-корреспондентом Академии наук. Удивительно, но Тарле не выслали из России, как многих в 1922 году. И в общем-то в период 1922—1928 годов у советских властей он был «*persona gratissima*». Ежегодно по несколько месяцев проводил за границей. В основном во Франции, где стал членом нескольких научных обществ. В 1927 году

вышел его новый значительный труд «Европа в эпоху империализма (1871—1919)» (2-е исправленное издание — 1928 год). В 1927 году он стал «полным» академиком, а в 1928 году все резко оборвалось. Тарле стал одной из главных мишеней М.Н. Покровского, который в своей обычной грубой манере заклеймил новый труд историка как «псевдо-марксистский» и «антантофильский» («Историк-марксист». 1928. Т. 7. С. 12). Тарле еще смог в ответ на это прошептать: «Отвечать в печати в том тоне, в каком счел уместным писать Покровский, я не имею ни охоты, ни возможности» («Историк-марксист». 1928. Т. 9). «Ответ» Тарле редакция снабдила своим комментарием: «Заглавие книги заслуженного историка не вполне соответствует ее содержанию. — Это не история Европы в указанный период, а история империализма или даже история мировой войны и ее подготовки. Этот труд без всякого сомнения является плодом большой и вдумчивой работы над очень обширным материалом. Это не компиляция, а действительно серьезное исследование и безусловно, очень долго еще все, изучающие причины, возникновение, ход и исход мировой войны, будут обращаться к нему. Это будут делать далеко не только те, кто согласен с основными идеями Тарле, но и те, кто склонен считать их односторонними и искать других объяснений великой катастрофе, пережитой человечеством».

Несмотря на каторжное клеймо «классового противника», Тарле, однако, был выпущен в очередную загранпоездку, но через месяц с небольшим после возвращения он был арестован. Следующие полтора года его жизни прошли в доме предварительного заключения на Шпалерной в Ленинграде. Все обвинения были, конечно, фальсификацией: мол, Тарле — один из руководителей антисоветского заговора и т.д. Тарле ничего не оставалось делать, как признавать все. То же самое делали и другие арестованные. Советская традиция судебных «признаний» прервалась только в 1961 году, когда впервые на судебном процессе подсудимые вдруг не признали своей вины. Это были А. Синявский и Ю. Даниэль.

До суда над Тарле, Платоновым и другими, правда, дело не дошло: «Тарле допрашивали более 70 раз. Довольно скоро он дал нужные следствию показания, признав существование «Союза» и свое руководящее участие в нем, встречи с французскими политическими деятелями Р. Пуанкаре и А. Брианном, контакты с русскими эмигрантами, принадлежность к контрреволюционной организации многих ученых, наличие

разветвленной сети кружков, свои связи с «Промпартией» и ее «лидером» Рамзиным, с которым Тарле даже не был знаком, и т.д.

Когда «следствие» близилось к завершению, Тарле обратился с несколькими заявлениями в коллегию ОГПУ, очевидно для передачи вышестоящим инстанциям, в которых выражал раскаяние в «содеянном» и просил оставить его на свободе и не подвергать публичному шельмованию. Он выражал готовность в этом случае активно выступать в советской и зарубежной печати по вопросам международной политики и защищать политику Советского Союза (чего он ранее не делал). Тарле отчаянно боролся за жизнь и, прекрасно понимая, с кем он имеет дело, предлагал таким образом свое имя и услуги публицистического характера в обмен на освобождение без суда и исключение из готовящегося процесса» (Б.С. Каганович). В итоге постановлением коллегии ОГПУ от 8 августа 1931 года Тарле был сослан на 5 лет в Алма-Ату. Платонов — в Самару, еще один академик историк Д.Н. Егоров — в Ташкент, где он в том же году и умер, хотя был моложе Тарле на четыре года. В советской печати о высылках и тюремно-концлагерных сроках по «академическому делу» не сообщалось, но на Западе в защиту Тарле выступили его французские коллеги-историки: К. Блок, А. Матьез и другие, всего более 10 человек.

В Алма-Ате Тарле провел год. Был там профессором местного, Казахского университета. А через год помилован и возвращен в Ленинград. Ему была предоставлена квартира в доме № 30 на Дворцовой набережной (ранее здесь были апартаменты С.Ю. Витте) рядом с Зимним дворцом, а затем в 1934 году и в Москве в знаменитом Доме на набережной на улице Серафимовича. В 1970 году на «ленинградском доме» Тарле появилась мемориальная доска: «В этом доме с 1933 по 1955 год жил выдающийся советский историк Евгений Викторович Тарле».

Оставшиеся 22 года жизни Тарле действительно был советским историком. Всегда следовал партийной линии, трижды получил Сталинскую премию, трижды — орден Ленина.

В 1936 году вышла самая знаменитая его книга «Наполеон». Редактором книги был партийный функционер Карл Радек (о научном достоинстве Тарле теперь думать не приходилось, главное — угодить). Первым читателем книги был Сталин, ему понравилось. Вернадский писал: «При описании нашествия

французов на Россию Тарле утверждал, что, в противоположность Испании, в России не было массового восстания против французов, и наоборот, бывали случаи, когда крестьяне доносили французским властям на своих помещиков.

Но уже через год появилась новая книга Тарле «Нашествие Наполеона на Россию». В ней он прославляет единение русского народа (включая крепостных крестьян) в борьбе с французами.

Что же случилось за этот год, что заставило Тарле переменить свое мнение?

Советскому правительству стало ясно, что Гитлер готовится к войне с Россией. Началась поэтому психологическая подготовка к этой войне и призыв к русскому патриотизму. Это учел и Тарле.

Чтобы выжить, Тарле пришлось стать поистине гением эквилибристики. Как угадать, какая интерпретация исторических событий Сталиным будет следующей? Это стало главным в жизни историка. О собственном мнении не могло быть и речи. Это было время, говоря словами Бориса Пастернака, когда надо было «петь с общего голоса, и жить чужими всем навязанными представлениями».

Радек «редактирует» Тарле! Другой сталинский клевет Рудзутак учит ровесника Тарле Константина Юона рисовать! Тот благодарит. Большевики Радек и Рудзутак были Сталиным уничтожены. Историк и художник выжили.

Биография Наполеона разрослась в «наполеоновскую» трилогию. В 1938 году были опубликованы две последующие части: «Нашествие Наполеона на Россию. 1812» и «Талейран». Между тем в 1937 году в недрах НКВД против Тарле продолжали собирать материал, от арестованного Иванова-Разумника требовали признания в «тайном, и с контрреволюционными заговорщицкими целями» свидании в апреле 1936 года с академиком Тарле, который, по словам следователя Иванову-Разумнику, «нащупывал почву, согласитесь ли вы принять пост заведующего министерством народного просвещения в том демократическом правительстве, которое должно заблаговременно быть организованным на случай крушения советской власти при возможной предстоящей войне». Иванов-Разумник «липу» не подписал.

Интересно отметить, что именно в 1936—1937 годах центральные советские газеты печатали особенно много различных статей и комментариев Тарле к современным событиям,

интерпретируя их в нужном духе. Много публицистических статей он опубликовал и в Великую Отечественную войну. Само слово «отечественная» именно Тарле и применил первый по отношению к войне. В 1941 и 1943 годах вышли 2 тома еще одной классической монографии Тарле «Крымская война». В 1942-м за участие в составлении 1-го тома «Истории дипломатии» он получил свою первую Сталинскую премию.

Разумеется, все было не так просто. Приходилось лавировать, наносить удары «птенцам гнезда Покровского» (который, как был уверен Тарле, являлся главным виновником его ареста в 1930 году), апеллировать к Сталину. 22 августа 1944 года Тарле писал наркому просвещения В.П. Потемкину: «Буду откровенен: ведь положение катастрофическое на нашем фронте! Ведь все эти птенцы гнезда Покровского опять взяли засилье, опять ведут кипучую пропаганду (имеющую в своих выводах решительно антипатриотический характер), опять терроризируют ученую молодежь и увы! отпора им не дается. Вот скоро мир. Ведь нам, историкам, имеющим ученое имя на Западе и голос в мировой науке, нужно выступать, нужно довести обширную идейную борьбу против воцарившейся в тамошней науке гитлеровщины и квислинговщины, нам нужно авторитетно бороться за настоящую марксистскую мысль в историографии, а с чем и где мы появимся? С тов. Сидоровым? С тов. Волиным? Этого маловато, на Европу и Америку не хватит! И где появимся? В «Историческом журнале», где историей почти и не пахнет? Без вмешательства Вашего, тов. Молотова, — Иосифа Виссарионовича со временем — дело никак не обойдется, потому что о выступлении 1934 года все эти эпигоны и последыши Покровского постарались уже забыть».

В послевоенные годы Тарле по-прежнему много выступал в газетах с пропагандистскими статьями на внешнеполитические темы. Клеймил «заокеанских гитлеровцев», «фальсификаторов истории, поборников поджигателей войны». Перечисление премий, орденов и прочих «благ», полученных им в 1945—1950 годах, заняло бы, вероятно, одну-две страницы. Но все это, собственно, к науке и истории отношения не имело. Тарле писал то, что «нужно», «доказывал» то, что «нужно».

В 1948 году ему был передан приказ Сталина написать трилогию «Русский народ в борьбе против агрессоров в XVIII—XX веках» (Карл XII, Наполеон, Гитлер). В августе 1948-го

Тарле заключил договор с издательством на первую часть, а в начале 1949 года рукопись (почти 1000 листов!) была готова. Тарле всегда работал быстро. В 1950-е годы западногерманская печать назвала его «Трейчке сталинизма».

Умер этот незаурядный человек в возрасте 80 лет. Друзей у него не было, «учеников» тоже. Через полтора месяца после смерти Тарле умерла и его жена — писательница Ольга Григорьевна Тарле. Род Тарле исчез. Даже близких родственников у него не было.

Через несколько лет после смерти Евгения Викторовича Тарле широкое распространение получило четверостишие, которое приписывают то Василию Гроссману, то Льву Халифу. Это четверостишие можно поставить эпиграфом к жизни как Тарле, так и многих его соотечественников:

Ты скажи мне, черепашка,
Из чего твоя броня?
Я скажу тебе — из страха.
Нет прочнее, чем она.

Литература

Троицкий Н.А. Тарле Евгений Викторович // Историки России. Биографии. М., 2001.

Каганович Б.С. Евгений Викторович Тарле и петербургская школа историков. СПб., 1995.

Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 3. М., 1960.

Вернадский Г.В. Русская историография. М., 1998.

Иванов-Разумник Р.В. Писательские судьбы. Тюрьмы и ссылки. М., 2000.

ЛЕТОПИСЕЦ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Мельгунов Сергей Петрович

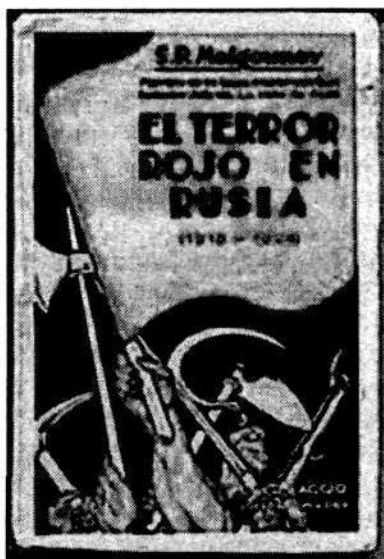
[25.12.1879(07.01.1880), Москва — 26.05.1956,
Шампиньи-Сюр-Марн, близ Парижа].

Погребен на кладбище Пантин в предместье Парижа.

Сам о себе Мельгунов говорил: «Я, строго говоря, еще не историк. Я — только летописец, собирающий достоверный фактический материал для будущего историка, способного сложить из этих фактов, как мозаику, картину целой эпохи». Историк русского зарубежья П.Е. Ковалевский писал о Мельгунове: «Его исследования отличаются большой объективностью и дают материалы из самых разнообразных источников, но, к сожалению, не содержат синтеза и выводов и могут служить, главным образом, справочниками по данному периоду».

«Этот упрек Ковалевского обращивается высокой положительной оценкой, — писал другой историк-изгнанник Михаил Геллер. — Если Мельгунов сумел собрать «с большой объективностью» факты — он сделал великое дело. «Анализ» и «выводы» — вещь нетрудная, в особенности в отсутствие фактов. Факты ограничивают возможности произвольного толкования прошлого, препятствуют национализации памяти». Оказавшись в эмиграции, Мельгунов посвятил себя изучению русской революции, написал несколько десятков книг и статей, посвященных русской революции и Гражданской войне, активным участником которых был.

Советские историки на эти темы написали тысячи, вероятно даже десятки тысяч книг, диссертаций, статей. Но все

Книга С. Мельгунова
«Красный террор в России»
на испанском языке

это «национализированная», написанная «на заказ» история, а не свободное и беспристрастное изучение. В 1937 году в предисловии к своей книге «Как большевики захватили власть» Мельгунов писал: «Изложение мое ограничивается лишь тем, что произошло в центре. Я мог только в очень общих чертах затронуть провинцию. Рассказу о том, как реагировала страна на насильственный акт, произведенный в столицах, должен быть посвящен особый очерк». К сожалению, он не успел этого сделать.

Сергей Мельгунов родился в семье историка и педагога П.П. Мельгунова. Жена ушла от него, взяв двух старших дочерей и младшего шестилетнего Сергея. Двое старших детей — брат и сестра — остались с отцом. Из-за развода родителей Сергей отца почти не знал, пробиваться в жизни пришлось самому. Окончив гимназию, в 1898 году он поступил на историко-филологический факультет Московского университета, учился у В.О. Ключевского, слушал лекции П.Г. Виноградова и П.Н. Милюкова. Уже на первом курсе стал сотрудничать в «профессорских» «Русских ведомостях», как писал в 1950-х годах Борис Зайцев (он был на два года моложе Мельгунова): «либеральной газете нашего детства — по ней мы учились читать».

В 1901 году Мельгунов принял участие в студенческих волнениях и был привлечен к полицейскому дознанию. В 1904 году университет был окончен, и Мельгунов стал «независимым литератором». В «Русских ведомостях» он вел религиозную тематику. Его публикации в 1905 году о сектантах в Харьковской губернии заинтересовали Льва Толстого, и он приглашал Мельгунова к себе в Ясную Поляну. Контакты с Толстым продолжались и позднее, а после его смерти Мельгунов помогал Александре Львовне Толстой в подготовке к изданию полного собрания сочинения великого писателя. Работы эти были прерваны большевистским переворотом. В 1906 году Мельгунов вступил в партию конституционных демократов, а в 1907 году перешел в Трудовую народно-социалистическую партию, лидером которой был историк В.А. Мякотин. Активно участвовал в деятельности партии. В жандармском списке членов партии имя Мельгунова стояло первым, полиция перлюстрировала его переписку.

В 1907—1908 годах вышел двухтомник статей Мельгунова из «Русских ведомостей» — «Церковь и государство в России». В духе народно-социалистической идеологии Мельгунов создал в 1911 году кооперативное издательство «Задруга» и стал

председателем его правления и Совета. В том же году Мельгунов выступил как редактор и автор статей в семитомной работе «Великая реформа 17 февраля 1861 года». В 1911—1912 годах он участвует в издании шеститомной работы «Отечественная война и русское общество», а немного позже — трехтомника «Русское масонство в его прошлом и настоящем» и редактирует «Книгу для чтения по истории нового времени» в семи томах.

К 1913 году С.П. Мельгунов уже известный и авторитетный историк. В этом году он вместе с В.И. Семевским создает исторический журнал «Голос минувшего»: 65 томов этого издания должен прочитать каждый стремящийся постичь русскую историю. Перед Первой мировой войной Мельгунова за его исторические труды избирают в Императорскую Академию наук. Мельгунов, по воспоминаниям одного его современника, обладал редким у русских людей качеством — доводить начатое дело до конца.

В период Февральской революции он редактирует партийную газету «Народное слово» и партийный журнал «Народный социалист». По поручению Временного правительства обследует и принимает архивы Министерства внутренних дел, Московской духовной консистории и Миссионерского совета. Готовит к публикации в издательстве «Задруги» серию «Материалы по истории общественного и революционного движения в России». Из задуманных сборников удалось выпустить только один — «Большевики. По данным Московского охранного отделения» (М., 1918).

После большевистского путча Мельгунов с его бурным темпераментом и ненавистью к большевикам был глубоко вовлечен в антисоветские заговоры. Пережил 23 обыска, 5 арестов (во время одного из них держал 17-дневную голодовку), смертный приговор и, наконец, в октябре 1922 года был выслан за границу.

Последние книги, которые он успел издать на родине: «Из истории религиозно-общественного движения в России XIX века» (М., 1919) и «Религиозно-общественное движение XVII—XVIII веков в России» (М., 1922). Много лет спустя Мельгунов писал: «Если меня спросят, какой самый яркий и красивый момент Февральской революции, я без сомнения отвечу — тот инстинктивный протест ничего не ищущих для себя трудовых интеллигентных низов, которые ответили единой забастовкой на большевистское насилие в октяб-

ре». Действительно, российская чиновная интеллигенция одними из первых вступила в борьбу с большевиками и, как писал Мельгунов: именно эта «...рядовая интеллигенция, одетая в офицерские мундиры и получившая собирательное имя «корниловцев», жертвенно служила родине и стала ее честью».

Что касается самого Мельгунова, то «он дал себе обещание и его сдержал — не посещать театры и концерты, пока не падет большевизм. А музыку С.П. любил. Это лучше всяких слов говорит, чем была борьба с большевизмом для Мельгунова» — так писал о нем В. Никитин. Эта борьба стала пожизненной целью Мельгунова. Он вел ее всеми доступными способами: энергично, бескомпромиссно, результативно до последнего дня.

После краткого пребывания в Варшаве он бросил якорь в Берлине и приступил к созданию историко-литературных сборников «На чужой стороне» (с 1926 года стал называться журналом «Голос минувшего на чужой стороне»; всего в 1923—1928 годах вышло 19 номеров). Занимая антибольшевистскую позицию, сборники и журнал, отмечает современный исследователь Ю.Н. Емельянов, «явились в тот момент наиболее разнообразными, содержательными и интересными». А «конкуренцию» Мельгунову составляли «Архив русской революции» И.В. Гессена, «Белое дело» фон А.А. Лампе, то есть — кадеты и монархисты.

Но 10 мая 1922 года в Лозанне бывший денкинский офицер Морис Конради (сын известного петербургского шоколадного фабриканта), вся семья которого была уничтожена большевиками, застрелил советского дипломата В. Воровского. Адвокат Конради Шарль Обер обратился к видным представителям русской эмиграции — А.И. Гучкову, П.А. Сорокину, Н.А. Тимашеву, С.П. Мельгунову и другим с просьбой предоставить материалы о красном терроре. Изгнанники посчитали своим долгом сделать это. Ведь в международном плане суд над Конради надо было превратить в суд над коммунизмом. Задача была выполнена: «Перед судом вскрылась до дна страшная русская действительность. Прошли жуткие тени Дзержинского, Лациса, Саенко, Бела Куна. Миллионы невинных жертв. Содранные с живых людей «перчатки». Бездонная пропасть лжи, насилия и кровавого садизма. Суд понял, что в России, в царстве этих ужасов нет ни защиты, ни возмездия, ни надежды. Конради принял на себя тяжесть страшно-

го решения и приготовился к полной за это ответственности и был оправдан. Безгранична трагедия России, и не укладывается она в нормы, определенные нормальные действия нормальных людей. И средние граждане уравновешенной Швейцарии поняли это чуткой совестью своей. Они осудили палачей русского народа. И оправдали Конради», — так писал пражский «Хутор» в 1923 году.

А в январе 1924 года вышла замечательная книга С.П. Мельгунова «Красный террор в России». Книга (редчайший случай) была переведена на шесть иностранных языков. Как пишет современный исследователь Сергей Дмитриев: «До сегодняшнего дня (время здесь кардинально ничего не изменило) эта книга представляет собой самую полную сводку фактического материала по красному террору, складывающуюся в подробную хронику шестилетней протяженности». К сожалению, за минувшие 11 лет с тех пор как были написаны эти строки, никто из историков не взялся за продолжение «Красного террора». И тем более на ее осмысление.

С 1926 года Мельгунов жил в Париже, где стал главным организатором еженедельного журнала «Борьба за Россию», который выходил более 6 лет. В журнале сообщалось о ставших известными новых фактах большевистского террора, а в 1931 году сам Мельгунов опубликовал в нем ряд статей под названием «Чекистский Олимп» (портреты Ф.Э. Дзержинского, В.Р. Менжинского, М.С. Кедрова, Н.В. Крыленко). В 1929 году Мельгунов опубликовал книгу о своем товарище по народно-социалистической партии: «Н.В. Чайковский в годы Гражданской войны. (Материалы для истории русской общественности 1917—1925 годов)».

Старый народник, один из инициаторов «хождения в народ» Н.В. Чайковский был одним из главных организаторов успешного антибольшевистского переворота в Архангельске 2 августа 1918 года. В результате возникло правительство Северной области во главе с Чайковским, продержавшееся 16 месяцев. Если о Колчаке, Деникине, Врангеле за последние годы в России появилось немало статей и книг, то об Архангельском правительстве, Северном фронте фактически ничего основательного нет. И эта книга Мельгунова остается, как и «Красный террор», не продолженной и тем более непревзойденной. К сожалению, автор единственной пока монографии о С.П. Мельгунове Ю.Н. Емельянов «северный эпизод» Гражданской войны тоже обошел. А ведь взгляды Мельгунова на

тактику революционной демократии в годы Гражданской войны были почти идентичны взглядам Чайковского.

В том же 1929 году Мельгунов опубликовал небольшую работу «Гражданская война в освещении Милюкова». Сергей Петрович резко разошелся с бывшим лидером кадетов во взглядах на большевиков. Милюков надеялся на их эволюцию, Мельгунов же был бескомпромиссным антибольшевиком, считая, что коммунизм в России можно уничтожить только силой. В этом Мельгунов получил сильного соратника в лице профессора П.А. Сорокина, который с 1923 года жил в США и имел там разветвленные связи как в государственных, так и в деловых кругах. Статьи Сорокина довольно часто печатались в «Борьбе за Россию».

Между тем ОГПУ было встревожено растущей популярностью журнала, который различными путями доставлялся в Россию агентами Мельгунова. Кроме того, сам Мельгунов предпринимал усилия объединить различные враждующие между собой фракции эмиграции на платформе журнала «Борьба за Россию», то есть «революционного активизма» и «борьбы до победы». Мельгунов тесно сотрудничал с председателем РОВС генералом А.П. Кутеповым, засылавшим террористов в СССР. В 1928—1929 годах сотрудниками Мельгунова был разработан план убийства Сталина — он имел большие шансы на успех. Но в январе 1930 года в Париже агенты Иностранного отдела ОГПУ схватили генерала Кутепова и нелегально вывезли в Москву. То же самое несомненно ожидало и Мельгунова. С этого момента Мельгунов временно отошел от политической деятельности (по крайней мере, так это выглядело внешне) и целиком отдался историческим изысканиям.

Одна за другой стали выходить его монографии «Трагедия адмирала Колчака» (Белград, 1930—1931 годы), «На путях к дворцовому перевороту» (Париж, 1931), «Российская контрреволюция. Методы и выводы генерала Головина» (Париж, 1938), «Золотой немецкий ключ большевистской революции» (Париж, 1940), «Судьба императора Николая II после отречения» (Париж, 1951), «Как большевики захватили власть. Октябрьский переворот» (Париж, 1953).

Уже после смерти Мельгунова были изданы еще его две монографии: «Легенда о сепаратном мире; канун революции» (Париж, 1957) и «Мартовские дни 1917 года» (Париж, 1961). И, наконец, в 1964 году в Париже были изданы «Воспоминания и дневники» (в двух частях) историка. Многие из задуманных

манного, в частности, история Корниловского движения, осталось не написанным. Сохранились заметки о возникновении и трагедии власовского движения.

С.П. Мельгунов был и участником и летописцем событий русской истории XX века. Он был «историком-политиком, историком-публицистом, <> едва ли есть другой такой историк русской революции, у которого вся политическая кухня и все хитросплетения революционных лет находили бы столь полное освещение» — так писал лично его знавший историк и философ Русского зарубежья Н. Полторацкий.

В 1946 году Мельгунов вновь вернулся к политической деятельности. Он стал одним из первых, если не первым во Франции, кто поднял голос против коммунизма. Значительная часть русской эмиграции в Париже, как известно, пошла на поклон в советское посольство. Мельгунов издает с 1946 года сборники «Свободный голос», с 1948 года — журнал «Российский демократ». В том же году создает «Союз борьбы за свободу России» и становится его председателем. Спасает «ДиПи» (беженцев из Советского Союза периода Второй мировой войны от выдачи их советским властям). В этом деле он сотрудничает с дочерью Льва Толстого — Александрой Львовной, создавшей в 1946 году в США для спасения беженцев от коммунизма «Толстовский фонд». Авторитет Мельгунова в годы «холодной войны» был высок как никогда. В 1951 году его избирают председателем Координационного центра антибольшевистской борьбы (КЦАБ).

Объективная история русской антибольшевистской эмиграции когда-нибудь будет написана и немало страниц в ней будет посвящено одному из главных ее деятелей — С.П. Мельгунову.

Его имя по праву занимает одно из почетных мест среди русских историков XX века и политических борцов с коммунизмом. Что касается человеческих качеств этого представителя ушедшей «расы» русской интеллигенции, то «очень много было в нем от Дон Кихота: за правду и человеческое достоинство бросался в бой со всем «неистовством» своей природы, не считался ни с силой, ни с могуществом своих противников, и личные выгоды никогда не служили мотивом для его общественной и политической деятельности.

В своей личной жизни к удобствам, к комфорту был безразличен, а в вопросах повседневных жизненных мелочей — просто беспомощен: мог заблудиться в метро или забыть по-

обедать. Для своих личных потребностей он не считал возможным пошевелить даже пальцем: Жил он далеко за городом в маленькой квартире, очень скромно обставленной. Но обстановку определить сразу было трудно: видны были только книги, журналы и стопки с газетами всех времен и направлений. В этой квартире С.П. и скончался...» (А. Слизкой).

Он пережил своего ровесника Сталина и дождался «секретной» речи Хрущева с разоблачениями сталинских преступлений. Еще через 30 лет на родине историка стали говорить и писать о красном терроре ленинской эпохи.

Теперь дело — за осмыслением.

Литература

Михайловский А. Памяти Сергея Петровича Мельгунова // Зарубежье (Мюнхен). 1969. Март.

Ковалевский П.Е.: Зарубежная Россия. Париж, 1971.

Геллер М. Историк и свидетель // С.Мельгунов. Как большевики захватили власть. Лондон, 1984.

Емельянов Ю.Н. С.П. Мельгунов в России и эмиграции. М., 1998.

Никитин В. Сергей Петрович Мельгунов // Российский демократ. Нью-Йорк, 1957. Сборник 27.

Голос минувшего. Москва. 1913—1923. На чужой стороне (Берлин, Берлин—Прага, Прага, 1923—1925) Голос минувшего на чужой стороне (Париж. 1926—1928), систематическая роспись статей и заметок. Составитель и автор вступительной статьи «История журналов» Ю.Н. Емельянов. М., 2001. С. 24.

Суд совести (передовая) // Хутор (Прага). 1923. № 3. 1 декабря.

Дмитриев С. По следам красного террора. Об историке С.П. Мельгунове и его книге // Наш современник. 1991. № 1.

Слизкой Арк. Представитель русской интеллигенции // Российский демократ. 1957. Сборник 27.

«ВЫДАЮЩИЙСЯ ИСТОРИК И НЕУТОМИМЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ»

Бахрушин Сергей Владимирович

*[08(20).10.1882, Москва — 08.03.1950, там же].
Похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.*

Г.В. Вернадский в «Русской историографии» посвятил С.В. Бахрушину всего 15 строк. Последняя: «Бахрушин был выдающимся историком и неутомимым исследователем».

Он был из знаменитой купеческой семьи Бахрушиных, имя которой неотделимо от истории Москвы, истории русской культуры. С купеческим упорством занимались они коллекционированием и благотворительностью. Имя Алексея Александровича не смогла обойти даже Большая Советская Энциклопедия — создал первый в мире театральный музей. Другой дядя С.В. Бахрушина — Алексей Петрович — свою коллекцию книг по истории России в 25 тысяч томов завещал Историческому музею. Бахрушины были, вероятно, главными московскими меценатами. В предреволюционные годы было всего три почетных гражданина города Москвы: князь В.М. Голицын, П.М. Третьяков и А.А. Бахрушин. Известным московским городским деятелем был отец С.В. Бахрушина — Владимир Александрович.

После окончания с золотой медалью Лицея имени цесаревича Николая С.В. Бахрушин в 1900 году поступил на историко-филологический факультет Московского университета. Иногда его называют «учеником Ключевского», но формально Бахрушина оставил для получения профессорского звания М.К. Любавский. В 1908 году была опубликована первая научная работа Бахрушина «Княжеское хозяйство XV — первой половины XVI века». В этом же году он стал приват-доцентом

Московского университета. Следующая его значительная работа — «Московский мятеж 1648 года», вошедшая в «Сборник статей в честь М.К. Любавского» (Пг., 1917). К моменту большевистского переворота 1917 года Бахрушину было 35 лет, и источники умалчивают, защитил ли он магистерскую диссертацию. Видимо, нет. Список научных трудов тоже не мог бы быть больше.

Вероятно, приоритетом в то время для С.В. Бахрушина была не его научная и преподавательская деятельность, а работа на благо «города Москвы» и России. Он был гласным Московской городской думы. Друг С.В. Бахрушина — известный московский купец и общественный деятель, создатель музея старой Москвы П.А. Бурышкин, оставил в своей опубликованной в США книге такой его портрет: «Но больше всего приходилось встречаться с профессором Сергеем Владимировичем. И по городу Москве, и по Союзу городов мы работали вместе, и об этом общении я сохраняю самые светлые воспоминания. Это был один из самых культурных и обаятельных людей, которых мне доводилось видеть. Он был очень одаренный человек, очень хорошо рисовал. Обычно на каком-нибудь заседании и всегда на собраниях комитета «прогрессивной группы» гласных, которые происходили зачастую в моей столовой, за чаем, он рисовал карикатуру на какую-либо жгучую тему, которую обсуждали. Это всегда было очень метко, забавно и хорошо сделано».

Бахрушин сотрудничал в «Русских ведомостях», был членом Московского комитета конституционно-демократической партии (его левого крыла), членом комитета прогрессивной группы гласных Московской городской думы, секретарем «Известий Главного комитета Всероссийского Союза городов», руководителем Всероссийского бюро труда при Главном комитете земгора.

Февральская революция, свержение самодержавия произошли неожиданно, хотя уже после убийства Распутина было ясно — что-то должно произойти. Бурышкин вспоминал секретные совещания на квартире московского городского головы М.В. Челнокова: князь Г.Е. Львов сделал общий обзор положения в Петрограде и в армии. По докладу все выглядело необычайно пессимистично: «Никто не знал, что надо делать, а, может быть, и не понимал сущности происходящего». И далее: «С этого собрания мне пришлось идти вместе с моим большим другом по общественной работе в городской думе и

в Союзе городов — С.В. Бахрушиным, будущим лауреатом Сталинской премии. У него настроение было необычайно подавленное; положение казалось ему безнадежным и безысходным. Общественная Москва жила тогда исключительно работой на военные надобности, главным образом в области так называемой красно-крестной деятельности. Бахрушину, как и мне, казалось, что если произойдут крупные революционные беспорядки, то они непременно вызовут военную катастрофу, следствием которой будет занятие немцами большей части России, в частности Москвы».

Современный автор А.А. Преображенский пишет о Бахрушине: «В годы революции и гражданской войны ученый не покинул страну, продолжал трудиться в стенах родного университета, несмотря на голодное и холодное время».

Историк Ю.В. Готье записал в своем дневнике 25.01/05.02.1919 г.: «С Яковлевым и Бахрушиным решили, что если будет мир, конечно временный, вероятно, кратковременный, надо тотчас же выбираться из Совдепии». Из апрельской записи Готье узнаем, что Бахрушина большевики не «удостоили чести» войти в состав профессоров факультета общественных наук, учрежденного ими взамен ликвидированных историко-филологического и юридических факультетов. Еще одна апрельская запись: «11-го [24-го] вечером собрание у Бахрушина, где был весь состав русских историков, а также Савин и Егоров. Бахрушин мне нравится все больше: это очень тонкий, умный и талантливый человек, которому предстоит большое будущее, если вообще у русских людей есть какое-нибудь будущее». Из августовской записи узнаем, что Бахрушин выпущен из тюрьмы. Первый раз большевики выпустили его из тюрьмы в 1918-м.

В 1920 году в связи с приближающимся 100-летием со дня рождения С.М. Соловьева, историки обсуждали вопрос «Нужно ли, должно ли и можно ли чествовать Соловьева?». М.М. Богословский был против чествования, поскольку «нельзя сказать того, что нужно, и поэтому надо молчать». Бахрушин же и Готье говорили, что о Соловьеве можно сказать многое, что даже большевиками не может быть признано за явно враждебный акт.

В хронике научной жизни за 1917—1967 годы «50 лет советской исторической науке», изданной Институтом истории СССР, в 1917 году имя Сергея Михайловича Соловьева нет вообще. Скорее всего, в Москве столетие великого историка

Бахрушин и Готье отметили вдвоем, а в Петрограде — Платонов. Исторические факультеты закрыты, говорить о Соловьеве — «враждебный акт». В 1919 году Бахрушин заведует отделом русской истории в библиотеке Румянцевского музея (директором музея был Ю.В. Готье), читает какие-то лекции в Историческом музее, пилит дрова, надо полагать, для заработка, как Ю.В. Готье. Ситуацию много лет спустя описал Борис Пастернак: доктор Юрий Андреевич Живаго тоже пилит дрова — наиболее распространенный вид заработка для московских интеллигентов. В Петрограде большевики заставляли профессоров заниматься разгрузкой бревен с баржи на Неве. Академик Шахматов надорвался и умер. Так и «жили»: обыски, аресты, расстрелы, тиф. Еда — пшено на воде и уха из селедочных голов.

Только в 1924 году в печати появились первые научные работы Бахрушина. В этом же году он стал действительным членом Института истории Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН), стал участвовать в деятельности общества по изучению Московской губернии и по линии Академии наук заниматься изучением истории современного положения Якутии. В 1925 году Бахрушину было разрешено преподавать в МГУ на этнографическом факультете. В эти годы он интенсивно изучает российский торговый капитализм XVII века и историю колонизации Сибири. Свой первый труд по истории Сибири Бахрушин опубликовал еще до революции. Это была статья «Туземные легенды в «Сибирской истории» С. Ремизова в «Исторических известиях» (1916. № 3—4). Пожалуй, еще более интенсивно в 1920-е годы Бахрушин занимался публикацией источников. В 1925 году он опубликовал записки Штадена «О Москве Ивана Грозного».

Под его редакцией были опубликованы воспоминания Б.Н. Чичерина, А.Ф. Тютчевой, М.О. Гершензона, В.Я. Брюсова, А.И. Менделеевой. Очень скоро Бахрушин стал наряду с С.Ф. Платоновым и Е.В. Тарле главной фигурой для нападков со стороны историков-марксистов во главе с М.Н. Покровским. Главу Московского исторического краеведения, члена Центрального бюро краеведения Бахрушина обвинили в уходе в областную историю с целью «не отвечать на основные вопросы современности». Уже первый выпуск «Трудов» Общества изучения Московской губернии «Московский край в его прошлом», вышедший под редакцией Бахрушина и с его предис-

ловием, подвергся разгромной рецензии, заголовок которой говорит сам за себя: «Краеведение в руках буржуазных ученых». Ее автор В. Зельцер писал: «Конечно, современная буржуазная историография кое-чему научилась, она опасается делать печатно выводы, строить концепции, — это опасно; она пытается ограничиться пересказом материала. Но старое нутро осталось, и даже в сборниках с невинными статьями и осторожными предисловиями глядит на нас такая идеология, что диву даешься, как же это Московский Совет, под высоким покровительством которого издан сборник, не удосужился посмотреть, что и как издается под его эгидой. Наука истории, — тот слеп, кто не видит этого! — есть участок классово-вой борьбы».

В том же 1928 году был опубликован капитальный труд Бахрушина «Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII веках». Основанный на большом архивном материале, он и сейчас — настольная книга исследователей Сибири. Именно эта книга и создала Бахрушину авторитет крупного ученого. Но время было не то, ученые не нужны, требовались «солдаты исторического фронта».

8 августа 1930 года в Москве были арестованы академик М.К. Любавский (ученик В.О. Ключевского и учитель Бахрушина), член-корреспондент Академии наук Ю.В. Готье, Д.Н. Егоров, А.И. Яковлев, профессор С.В. Бахрушин. В те же дни было арестовано и много других московских историков. Обвинили их в участии в «заговоре академика Платонова». Они якобы составляли «московскую секцию» ленинградских заговорщиков. Наиболее видных москвичей привезли в ленинградский ДПЗ.

Под давлением следствия «руководство секцией согласился взять на себя Готье. На уступки следствию пошел «разоружившийся» Бахрушин. <> Оговорил себя и других Любавский, потом отказавшийся от своих показаний», — пишет Ф.Ф. Перченков.

Историк Н.П. Анциферов, оказавшийся в одной камере с Бахрушиным, вспоминал: «Мы много и подолгу беседовали; философствовали, вспоминали. Сергей Владимирович много рассказал мне о своей деятельности в Городской думе, о том, как он был выдвинут на пост городского головы и как по требованию правительства его кандидатура была снята, как слишком левая, и городским головой был избран кадет Челноков. Бахрушин рассказал мне о своей поездке в Англию для

ознакомления с системой народного образования, о путешествии в Константинополь и в Тунис (или в Алжир). Он был мастер рассказывать и отличный, сочувствующий слушатель. Наши беседы, уносили нас далеко от ДПЗ, от мыслей о том, что нам грядущий день готовит. С большой нежностью говорил он о своей матери и особой нежностью — о Елизавете Ивановне Заозерской, сестре А.И. Заозерского, с которым я так сошелся в Таировом переулке летом 1929 года. Досуг у нас был большой. И наша встреча здесь помогла нам обоим. Впоследствии в Москве мы часто вспоминали эти дни. Так кончалась Страстная неделя».

Ровно через год после ареста, 8 августа 1931 года, Коллегия ОГПУ приговорила Бахрушина, как активного члена «Московской секции Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России», к ссылке на три года. Отправили его в Семипалатинск, где он встретил свое пятидесятилетие. Биографы Бахрушина пишут, что он преподавал в этом Семипалатинске в Педагогическом и Геологическом институтах. Но какие там «институты»! В письме к М.В. Сабашникову от 16 декабря 1931 года сам Бахрушин писал: «Под снежным покровом Семипалатинск, особенно ночью, когда не слышишь противного рева верблюдов и не видишь их неуклюжей походки, напоминает большое русское село. Но свыкнуться с ним я не могу. Меня удручает здесь отсутствие какой-либо умственной жизни. Работаю я в библиотеке, получаю 62 рубля, а цены совершенно исключительные, да и достать чего-либо очень трудно». Бахрушина уже мучили следователи, а на «воле» погром продолжался.

10 октября 1930 года. Идет соединенное заседание секции промышленного капитализма Института истории Комкадемии и общества историков-марксистов. Обсуждается доклад А. Пионтковского «Великорусская буржуазная историография последнего десятилетия». Громят Платонова, Виппера, Готье, Гревса, Жебелева, Яковлева, Богословского, «буржуазных» историков, школу Ключевского. Журнал «Историк-марксист» напечатал стенограмму: «На трибуну поднимается Л. Мамет. Его подопечный — Бахрушин. «Я хочу ограничиться несколькими замечаниями по одному вопросу, который меньше всего нашел освещение в докладе т. Пионтковского. Если верно то, что буржуазные историки сейчас отходят в своей тематике от современности к бытовизму, то есть еще одно русло, куда сейчас уходят эти буржуазные историки: это в историю на-

циональных окраин. Уходят туда они из двух соображений: во-первых, потому, что это такое место, где можно чувствовать себя наиболее неуязвимым, наиболее далеким и от марксизма, и от марксистской критики, и, во-вторых, как это ни покажется странным, но те самые историки, которые в своих работах являются типичными российскими великодержавниками, когда уходят в историю национальных окраин, делают своеобразный поворот и начинают обосновывать местный национализм — по-своему, конечно. Таким образом получается своего рода стык великодержавного шовинизма с местным национализмом. Это тоже путь политической борьбы с нами, ибо обосновывать местный национализм, который представляет интересы местного кулачества, местной социальной верхушки, — это тоже есть метод борьбы против социалистического строительства всего Советского Союза. Я приведу несколько примеров.

Возьму одну фамилию, которую упоминал в своем докладе т. Пионтковский. Под крылышком Якутской комиссии Академии наук Бахрушин написал довольно большую работу под названием «Исторические судьбы Якутии». Что характерно для этой работы? По существу в этой работе Бахрушин идеологически обосновывает политические позиции якутских тойонов, которые в самые последние годы доходили до вооруженной борьбы с советской властью. Бахрушин рассматривает исторические судьбы Якутии и приходит к таким выводам. В некоторые районы Якутии русские пришли раньше якутов. Якуты тоже завоеватели в Якутии, и это дает возможность якутам играть там такую же роль, как и русским. Отсюда положительная роль их для Якутии. Правда, Бахрушин высказывает некоторое сожаление по поводу того, что эти две струи — русское завоевание и якутское «завоевание» — не сумели наладить между собой достаточного сотрудничества, часто мешали друг другу. Но все же основная установка его работы такова, что он обосновывает положительную роль якутского тойоната, выдвигает его в качестве носителя идеи якутской нации. Бахрушин стоит на точке зрения национального якутского шовинизма и обосновывает ту борьбу, которую тойонат ведет против нас. И Бахрушин не один, у Бахрушина есть ученик — это Г.А. Попов. Октябрьская революция помешала ему сделаться попом, и он поэтому сделался историком. Этот самый Попов, основываясь на работе Бахрушина, проводит ту точку зрения, что роль русских, завоевавших

Якутию, была несколько хуже, чем та же роль русской колонизации в других районах. Объясняется это тем, что Якутия очень удалена и доходили до Якутии лишь отбросы русского общества и русской культуры, и поэтому та положительная роль, которую русские сыграли в завоеванных областях всюду, куда они приходили, в Якутии значительно снижается. Восхвалением роли русского завоевания вообще обосновывается якутский наступательный национализм. Это имеет отношение не только к Якутии».

А вот уже Пионтовский в статье «Великодержавные тенденции в историографии России» громит книгу Бахрушина «Очерки по истории колонизации Сибири в XVI веке». «Бахрушин продемонстрировал свою связь с Ключевским, как продолжатель национал-шовинистических традиций в историографии <> Разрешение национального вопроса Платоновым, Любавским, Бахрушиным, Маркевичем, продолжение ими традиции Ключевского — это политическое выступление тех, кто до сих пор еще не примирился с окончательной гибелью системы отношений собственности, кто до сих пор не понял, что подменить историю СССР историей Великороссии так же не удастся, как не удастся заменить диктатуру пролетариата диктатурой буржуазии».

В 1931 году С. Пионтовский выпустил книгу «Буржуазная историческая наука в России». В ней он четко сформулировал задачу новых марксистских историков: «Наша задача в том, чтобы помочь умереть им (буржуазным историкам) побыстрее и навсегда». Получилось, однако, наоборот. Была «похоронена» «школа Покровского», а одна из его выживших учениц, М.В. Нечкина, к концу жизни став крупной фигурой советского научного истеблишмента, написала книгу. Не об учителе, а его «противнике» — «Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества» (М., 1974). В книге более 600 страниц, она достаточно объективна. Но это книга Нечкиной собственно и все, что достойно упоминания из работ биографического жанра советских историков.

В 1933 году Бахрушин вернулся в Москву. В 1934 году Сталин и Молотов восстановили исторические факультеты в Московском и Ленинградском университетах. Бахрушин стал преподавать в Московском. Кроме того, работал еще и в Институте истории СССР Академии наук. Историк К.В. Малаховский вспоминал, как в 1930-х годах в одном из отдаленных уголков Подмосковья он встретил странно одетого для зимнего вре-

мени человека: «На нем были парусиновые туфли и довольно легкая накидка. Быстрым шагом незнакомец прошел мимо: «Знаешь, кто это?» — спросил отец. «Кто?». «Бывший миллионер Сергей Владимирович Бахрушин»».

В 1937 году Бахрушин опубликовал «Историю Сибири» Г.Ф. Миллера, для которой написал и биографию историка. Одну из лучших. В 1939 году был издан 1-й том официальной «Истории СССР» под редакцией Бахрушина, Б.Д. Грекова и В.И. Лебедева. Оба они, как и Бахрушин, получили историческое образование в дореволюционной России. Греков, ровесник Бахрушина, ученик известного медиевиста Д.М. Петрушевского. В 1922 году Греков был в чекистских списках на высылку из Советской России, в период «дела Платонова» был арестован, но в список «главных обвиняемых» не попал и вообще был освобожден. Почти сразу же он стал, в 1934 году, членом-корреспондентом АН СССР, а в 1935 году и академиком. Фактически он занял место и роль низвергнутого «марксистского Пимена» — М.Н. Покровского. В 1939-м Греков был поставлен во главе Института истории. При подготовке этой первой советской «Истории СССР», руководители коллектива получали политические установки от Жданова, Сталина. Этим и определяется «ценность» книги. В 1939-м Бахрушин был сделан членом-корреспондентом АН СССР и стал одним из самых преуспевающих советских историков. В этот же период он без защиты диссертации получил звание доктора наук. В 1942-м он получает Сталинскую премию за коллективную (В.П. Потемкин, А.В. Ефимов, Е.А. Косминский, С.Д. Сказкин, Е.В. Тарле, В.М. Хвостов) книгу «История дипломатии» (том 1. М.-Л., 1941).

В 1942 году, опять же в соответствии с «установкой», Бахрушин опубликовал книгу «Иван Грозный», а в 1945-м вышел ее расширенный вариант. Бахрушин удостоился за нее похвалы крупной партийной чиновницы (бывшей ученицы Покровского) А.В. Панкратовой. В годы Великой Отечественной войны Бахрушин находился в эвакуации в Ташкенте. И как пишет его биограф А.М. Дубровский, это было время его (Бахрушина) «укрепления на позициях марксизма и сотрудничества с Советской властью». В том же 1945-м вышел и еще один, наряду с «Иваном Грозным», последний «основной» труд Бахрушина «Старая Москва».

В 1946-м он опубликовал статью об умершем в 1942 году в Казани старом историке Д.М. Петрушевском, а в 1949 году —

об умершем в том же году В.И. Пичете. Собственно говоря — «жизнь уже прожита». Но перед смертью Бахрушину еще раз пришлось пройти через унижения и утираться от плевков молодых историков за «буржуазные отклонения». Современные биографы Бахрушина А.М. Дубровский и А.А. Преображенский этот знаменитый эпизод советской исторической науки периода ждановской «охоты на ведьм» по старой привычке «обходят стороной» и умалчивают.

24, 25 и 28 марта Ученый совет Института истории СССР АН СССР обсуждал вопрос «О борьбе с буржуазным космополитизмом и идеологией». Бахрушину указали, что в руководимом им секторе истории СССР до XIX века не были подвергнуты своевременному обсуждению порочные работы Н.П. Рубинштейна, что принижение роли русского народа, низкопоклонничество перед буржуазной культурой Запада не всегда встречает в секторе должный отпор. Далее в отчете об этом «Заседании» говорилось: «Руководитель сектора член-корреспондент С.В. Бахрушин, к сожалению, в своем выступлении обошел молчанием наиболее важные недостатки деятельности сектора. В частности, он ничего не сказал о бытующих в секторе пережитках взглядов, характерных для буржуазной историографии. Ничего не сказал он и о попытках некоторых историков принизить значение раннефеодального периода в истории Руси».

Не пожелал Бахрушин исполнить ритуал «покаяния». В декабре при обсуждении вопросов периодизации истории СССР подвергся всесторонней критике уже персонально он сам. Громили его тогда всемогущий, а ныне забытый, А.Д. Удальцов, М.Н. Тихомиров, Н.М. Дружинина и другие. Удальцов заявил, что Бахрушин ни много ни мало — игнорирует указания И.В. Сталина и А.А. Жданова! 1949 год — это апогей сталинизма. Самому «земному богу» исполнилось в декабре 70 лет. Вся страна и все «прогрессивное человечество» торжественно отмечает, а профессор Бахрушин молчит. Не перенес нападков на учителя и на себя самого любимый ученик Бахрушина — профессор К.В. Базилевич — скоропостижно скончался. У самого Бахрушина — инфаркт. 8 марта 1950 года он умер. Л.В. Черепник опубликовал панегирический некролог — после смерти он уже никому не мешает. В 1952—1959 годах издали в четырех томах «Научные труды» Бахрушина. В первом томе можно найти библиографию его публикаций. Не так уж их и много. Такое впечатление, что, как и у Гревса, большинство

работ «выдающегося историка и неутомимого исследователя» Бахрушина осталось в рукописях.

После смерти Сталина и XX съезда КПСС, в соответствии с изменившимся «мнением партии», были подвергнуты критике работы Бахрушина об Иване Грозном. Проводил, оказывается, Бахрушин «ошибочные установки» не Сталина, нет — Р.Ю. Веппера... Бахрушин «не понимает», «затушевывает», «недопонимает», «объективистски описывает», «не задумывается», «не ставит вопроса», «идеализирует», «ошибочно формулирует», его утверждения «не выдерживают критики» и т.д. — это из статьи С.И. Дубровского, вышедшей в 1956 году в «Вопросах истории».

XX съезд КПСС, на котором был «разоблачен» Сталин, не успел закончиться, а юркие историки в Институте истории СССР АН СССР уже «заслушивают и обсуждают» доклад С.М. Дубровского «О культуре личности в некоторых работах по вопросам истории (об оценке Ивана IV и других)», критикуются взгляды Р.Ю. Веппера, С.В. Бахрушина, И.И. Смирнова.

Веппера и Бахрушина уже нет в живых. И.И. Смирнов возражает докладчику. Впрочем, все это ритуал. К науке, к поиску истины отношения не имеющий.

Литература

Вернадский Г.В. Русская историография. М., 1998.

Бурьшкин П.А. Москва купеческая. М., 1991.

Преображенский А.А. Бахрушин Сергей Владимирович // Историки России. Биография. М., 2001.

Готье Ю.В. Мои заметки. М., 1997.

Перченков Ф.Ф. Академия наук на «Великом переломе» // Звенья. Исторический альманах. Выпуск 1. М., 1991.

Анциферов Н.П. Из дум о былом. Воспоминания. М., 1992.

Дубровский А.М. Сергей Владимирович Бахрушин // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 1. Отечественная история. М.—Иерусалим, 2000.

Заседание Ученого совета Института истории АН СССР 24—28 марта 1949 // Вопросы истории. 1949. № 3.

Дубровский С.М. Против идеализации деятельности Ивана IV // Вопросы истории. 1956. № 8.

Курмачева М.Д. Об оценке деятельности Ивана Грозного // Вопросы истории. 1956. № 9.

ПРЕЕМНИК КЛЮЧЕВСКОГО И ПЛАТОНОВА

Вернадский Георгий Владимирович

[20.08(02.09).1887, Петербург — 12.06.1973, Нью-Йорк]

В изданном в Москве в 1994 году первом томе пятитомной энциклопедии «Отечественной истории. С древнейших времен до 1917 года» нет статьи о нем, но есть об его отце — естествоиспытателе В.И. Вернадском и деде — экономисте И.В. Вернадском.

К моменту смерти Вернадский был автором и редактором более чем 20 книг и более ста статей. В отличие от своего ровесника Бориса Николаевского, Вернадский в России не занимался активной политической деятельностью и, живя в США, не любил участвовать даже в научных конференциях.

Сын состоятельных родителей Георгий Вернадский, еще будучи студентом Московского университета, женился на своей троюродной, по другим сведениям — двоюродной сестре Нине Ильинской и ежегодно путешествовал с ней по Западной Европе. В 1905 году его исторические занятия в университете прервались в силу революционных событий, но Вернадский использовал это время для занятий в Берлинском и Фрейбургском университетах. Впрочем, довелось ему побывать и в царской тюрьме. В конце 1905 — начале 1906 года, будучи студентом первого курса, он оказывал помощь голодающим в Тамбовской губернии и был арестован по обвинению в «возмущении крестьян к беспорядку». Впоследствии написал об этом в очерке «В тюрьме».

В 1910 году он закончил университет и приступил к подготовке магистерской диссертации по истории колонизации

Сибири в XVI—XVII веков. Однако в 1911 году правительство разгромило «кадетское гнездо» (Московский университет). В знак протеста против действий полиции, нарушивших автономию университета и грубых действий министра народного просвещения Л.П. Кассо, более 100 профессоров, приват-доцентов и других преподавателей во главе с ректором А.А. Мануйловым ушли в отставку. Среди учащихся были и отец, и сын Вернадские. Оба переехали в Петербург.

Так Георгий Вернадский получил хороший старт для своих будущих научных успехов. В Москве его учителями были В.О. Ключевский, Ю.В. Готье, М.М. Богославский (руководитель дипломной работы), А.А. Кизеветтер, Р.Ю. Виппер, М.К. Любавский, а в Петербурге стали такие мастера петербургской школы русской историографии как С.П. Платонов (под его руководством Вернадский готовился к профессорскому званию), А.С. Лаппо-Данилевский, С.В. Рождественский.

С 1913 года Вернадский стал приват-доцентом петербургского университета. Тему магистерской из-за отсутствия московских архивов пришлось изменить, и он стал заниматься историей русского масонства во времена Екатерины II (работа опубликована в Петрограде в 1917 году). Защитил диссертацию в Петроградском университете буквально накануне большевистского переворота. Интересно отметить, что именно эту работу Вернадского и еще его исследования о Государственной уставной грамоте 1820 года, так называемой «конституции Николая Новосильцева» (Прага, 1925), американский биограф Вернадского Чарльз Гальперин отнес к его наиболее достойным работам.

С осени 1917 года Вернадский занимал кафедру русской истории в Перми и специально приезжал на защиту диссертации в столицу. Защита состоялась 22 октября, и Вернадский уехал обратно в Пермь, даже не зная, что произошли события, которые изменят кардинально жизнь страны и его собственную. Отец Георгия был крупным кадетом, членом ЦК. Сын находился под политическим влиянием отца. Еще в Московском университете состоял в студенческой организации кадетской партии, а летом, будучи ассистентом у друга отца историка А.А. Корнилова (тоже члена ЦК конституционно-демократической партии), даже написал биографию лидера кадетов — историка П.Н. Милюкова. За все это, а также за связи с церковными иерархами ему угрожал арест со стороны ЧК, поэтому после захвата большевиками Перми Вер-

надский с женой направляется в Киев к родителям Георгия и далее в Симферополь, где отец договорился о должности для сына в Симферопольском филиале Киевского университета — Таврическом университете.

Оставалось только благодарить судьбу, что дала возможность защитить магистерскую диссертацию. Научная степень сильно помогла теперь, а особенно — в будущей эмиграции. Помогло, конечно, и громкое имя отца — академика В.И. Вернадского. Владимир Вернадский всю жизнь вел подробные дневники. Что же он записал в день защиты диссертации сына? «22 октября был диспут у Гули. Прошел совсем спокойно. Георгий выявился тем, что есть. Без внешнего мишурного блеска, но глубоким стойким и самостоятельным работником. В то же время очень скромно и спокойно себя держал». Оппонентами были С.Ф. Платонов, С.В. Рождественский, И.А. Шляпкин.

Пермский период (один год) в жизни Вернадского был непродолжителен, но насыщен. Вернадский стал инициатором создания и членом совета «Общества исторических, философских и социальных наук» при Пермском университете и редактором первого выпуска сборника Общества (1918). В этом сборнике Вернадский опубликовал статью «Императрица Екатерина II и законодательная комиссия 1767—1768 годов» и письмо декабриста Н.И. Тургенева по крестьянскому вопросу с обширным предисловием к нему. Публиковались статьи Вернадского и в газете «Свободная Пермь», им была издана и биография Н. Новикова.

Три года спустя, в октябре 1921 года Вернадский с теплотой вспоминал Пермь и интересовался в письме к профессору А.С. Яценко, не известно ли тому что-либо о Перми, Пермском университете, профессорах. «Я уехал из Перми осенью 1918 года... и ничего с тех пор о Перми не слышал, и очень хотелось бы знать».

В Таврическом университете Вернадский проработал два года. Опубликовал в «Известиях Таврического университета» ряд статей, занимал пост начальника отдела печати при правительстве Врангеля.

1 ноября 1920 года на пароходе «Рион» вместе с женой навсегда покинул Россию. После трехмесячного пребывания в Константинополе Вернадские обосновались в Афинах. Получив место библиотекаря в греческой археологической ассоциации, Вернадский смог значительно углубить свои знания в

византиноведении, но уже в феврале 1922 года Вернадские переехали в Прагу, где Вернадский стал профессором юридического факультета Карлова университета. Активно участвовал в жизни русской эмиграции, в частности работах Семинара (впоследствии института) Кондакова, а в 1925 году возглавил институт. Много ездил по Европе — изучал русские материалы в архивах Берлина, Праги, Вены, Парижа, Афин. Очень много печатался, но еще большая часть его трудов того периода осталась неопубликованной.

В Праге Вернадский сблизился с евразийцами П.Н. Савицким, С.Г. Пушкаревым и остался верным адептом этого своеобразного идеологического течения русской эмиграции всю жизнь, не имея, однако, никакого отношения к его политической доктрине. В 1927 году в Праге была издана работа Вернадского «Начертание русской истории с евразийской точки зрения». В том же году он уехал из Европы в США.

Главную роль в переезде Вернадского в США сыграл академик М.И. Ростовцев, друг отца Г.В. Вернадского. Георгия Ростовцев знал еще по Петербургскому университету, а в эмиграции — по Семинару и институту Кондакова. Переезду Вернадского в США посвящена целая глава в книге нидерландского историка Маринуса Веса «Михаил Ростовцев. Историк в ссылке. Русские корни в американском контексте». Интересные сведения содержит и переписка Вернадского, опубликованная в книге «Скифский роман» «под общей редакцией» Г.М. Бонгард-Левина. Так в письме к своему другу М.М. Карповичу в США Вернадский писал: «Переезд в Америку сейчас во всех отношениях для меня был бы кстати, потому что здесь решительно началась ликвидация «русской акции» (то есть помощь русским эмигрантам. — Ю.Д.): нам убавили жалование и объявили, что будут его выдавать в течение только 1927 года».

Первоначально Вернадский, по рекомендации Ростовцева, был приглашен Йельским университетом на год на незначительную должность «исследователя». Ростовцев писал Вернадскому: «Деньги, конечно, Вам предлагают маленькие. Жить будет нелегко. Но возможно. Возможность устроиться дальше зато открыта, и все будет зависеть от Вас». Ситуация еще усугублялась тем, что Вернадский не знал английского языка, а от этого зависело если не все, то почти все. Так или иначе, в конечном итоге Вернадскому по прошествии года удалось закрепиться в Йельском университете. Но «полным» амери-

канским профессором он стал только почти через 20 лет — в 1946 году, а до этого занимался научной исследовательской работой.

Продолжая печатать научные статьи на русском, французском и немецком языках, он написал на английском языке популярную «Историю России» (1929). На несколько десятилетий эта книга стала наиболее известным и признанным учебником по истории страны, которую США еще предстояло узнать. И не только США. Книгу перевели на датский, испанский, японский, нидерландский языки.

Второй крупной работой Вернадского, сделавшей его имя широко известным, стала «Политическая и дипломатическая история России» (1936). С ее публикацией Вернадский стал членом небольшой группы авторитетных специалистов по русской истории в США. Еще ранее Вернадский опубликовал книги «Ленин, красный диктатор» (1931) и «Русская революция» (1932). Все четыре книги носили научно-популярный характер, но это было как раз то, что надо для провинциальной Америки тех лет. В 1933 году Вернадский стал гражданином этой страны. В 1931—1932 годах в качестве гостя читал лекции в наиболее престижном университете США — Гарвардском. В общем, вел обычную рутинную жизнь профессора: лекции, конференции, работы со студентами и аспирантами.

Его подлинный научный взлет произошел только в 1943 году, когда в издательстве Йельского университета вышел 1-й том «Древняя Россия» из задуманных 10 томов «Истории России». Вернадскому в то время было уже 56 лет. Последний, 5-й том — «Московское царство» вышел в 1969 году.

26 мая 1969 года патриарх американской советологии Джордж Кеннап писал Вернадскому: «Ваша работа могла бы стать большим вкладом в науку русской истории даже при условии правильного существования исторических исследований внутри России в эти последние десятилетия. По существующим обстоятельствам, они составят даже большую службу продолжению русской культурной традиции, и за эту службу будущие поколения русских людей будут испытывать к Вам свою благодарность».

Из 10-томной «Истории» первые шесть книг должен был написать Вернадский, остальные четыре — М.М. Карпович (работавший с 1927 года в Гарвардском университете). Но в 1959 году Карпович умер. И чтобы «История» имела законченный вид, Вернадскому пришлось закончить проект, соединив

материалы 5-го и 6-го томов в один пятый (правда в 2-х частях). Таким образом, самый полный до нашего времени труд по истории России закончился 1682 годом.

В годы Второй мировой войны Вернадский участвовал в деятельности различных просоветских организаций, придерживался выдвинутой в то время русскими эмигрантами-социологами, ставшими американскими профессорами П.А. Сорокиным и Н.С. Тимашевичем, теории «конвергенции» и в ее духе выступал с многочисленными лекциями перед американской аудиторией как публично, так и в радиопередачах. Утверждал даже, что успешное строительство советской промышленности в 30-е годы было подготовлено... в дореволюционный период (в отличие от Вернадского Карлович занимал по отношению к СССР более объективную позицию). Вряд ли Вернадский ничего не знал о коллективизации крестьянства и о многомиллионном рабском труде заключенных, за счет которых и проводилась индустриализация.

После окончания войны Вернадский был официальным спонсором и финансовым гарантом переезда из Европы в США более десятка человек, среди которых был и его старейший пражский друг и коллега по «евразийству» историк С.Г. Пушкарев. Вернадский (как двадцать лет назад Ростовцев ему самому) помог Пушкареву не только переехать в США, но и обосноваться в Йельском университете. Их сотрудничество в деле русской истории продолжилось и в США. Вернадский был главным редактором трехтомной хрестоматии по русской истории, которую составил Пушкарев.

В последние годы жизни Вернадский работал над книгой по истории русской науки, однако возраст и состояние здоровья (еще в 1950 году у него был острый сердечный приступ) не позволили осуществить этот гигантский проект.

Соизмеряя свои силы, он был вынужден ограничиться только «Очерками по русской историографии», в которых опубликовал краткие биографии около ста русских историков, начиная с Карамзина и кончая историками своего поколения как оставшимися в России, так и оказавшимися за ее пределами. Книга получилась «вкусовая». Нет в ней статей о Н.К. Шильдере, великом князе Николае Михайловиче, историке С.С. Ольденбурге (сыне друга отца Г. Вернадского Владимира академика С.Ф. Ольденбурга), расстрелянных большевиками С. Князькове, Т. Флоринском, зарубленном А. Вязигине. Все-таки по количеству персонажей эта книга и поныне

не имеет себе равных. Учитывая, что Вернадский лично знал многих ее героев, она уникальна. Первоначально «Очерки» печатались на русском языке, в «Записках русской академической группы в США» (1971—1975), а в 1978 году под редакцией С.Г. Пушкарева были изданы на английском языке отдельным томом. В 1998 году «Очерки» изданы в Москве.

В последние годы жизни Вернадский, как и положено патриарху, обратился к написанию мемуаров. Успел написать о своем учителе С.Ф. Платонове, беженской эпопее до переезда в США (Пермь—Москва—Киев—Крым—Константинополь—Прага), братстве «Приютино». Работал также над жизнеописанием патриарха Никона (не дописана и не опубликована).

В отставку Вернадский вышел еще в 1956 году в возрасте 69 лет со званием заслуженного профессора истории Йельского университета. А в 1959 году Колумбийский университет в Нью-Йорке присудил Вернадскому звание почетного доктора гуманитарных наук. В 1964 году группа его американских учеников опубликовала в честь учителя специальный сборник. А в 1965 году американская ассоциация содействия славянским исследованиям избрала его своим почетным президентом. Вклад Вернадского в изучение русской истории был также отмечен американским советом гуманитарных обществ, присудившим ему «за выдающиеся заслуги в славянских исследованиях» специальный приз. Вернадский оказался единственным ученым из русских эмигрантов, удостоенных этого отличия.

В 1969 году вышло 6-е (через 40 лет после первого) исправленное и дополненное издание «Истории России» Вернадского. История России доведена здесь до 1967 года. Ведущий историк России, преемник Ключевского и Платонова Вернадский дожил до вступления на арену в СССР правозащитного движения. Он пишет на последних страницах книги об Александре Гинзбурге, Павле Литвинове, Владимире Буковском, Юрии Галанскове. К сожалению, в книге нет оценки Вернадского событий августа 1968 года в Чехословакии.

Представляет интерес, как оценивал историк личность лидера захвативших Россию большевиков В.И. Ленина. Ею и закончим очерк о Георгии Владимировиче Вернадском. Вернадский писал: «Проводя в жизнь свои планы, Ленин был безжалостен, не придавал никакой цены человеческой жизни <> Если подсчитать количество убитых по прямым при-

зывам Ленина (исключив жертв гражданской войны) и добавить погибших от голода вследствие его экономической политики, результат получится ошеломляющим. Достаточно сказать, что число русских, умерших от голода в 1921—1922 годах, вдвое превышает число русских солдат, убитых и искалеченных в мировой войне. Если посчитать человеческие жизни, утраченные при правлении Ленина, придется поместить его в список самых ужасных тиранов, которых знала история».

Что касается исторической оценки политической деятельности созданной Лениным Коммунистической партии, то, как сказал бы Г.В. Вернадский, — ныне Компартия все еще не выплатила по векселям, выданным ей русскому народу.

Литература

Шилов А.В. Г.В. Вернадский. Судьба ученого // Страницы прошлого. Избранные материалы краеведческих смышляевских чтений в Перми. Пермь, 1995.

Костиков В.В. Не будем проклинать изгнание. Пути и судьбы русской эмиграции. М., 1990.

Соницева Н.Е. Вернадский Георгий Владимирович (1887—1973) // Историки России. М., 2002.

Козляков В.Н. «Это только персонификация не нашего понимания исторического процесса». Георгий Владимирович Вернадский (1887—1973) и его «Очерки по русской историографии» // Георгий Вернадский. Русская историография. М., 1996.

Скифский роман. Под общей редакцией академика Российской Академии наук Г.М. Бонгард-Левина. М., 1997.

ОХОТНИК ЗА АРХИВАМИ

Николаевский Борис Иванович

*[08(22).10.1887, Белебей Уфимской губернии — 21.02.1966,
Менло-Парк, штат Калифорния, США]*

Ровесник Г.В. Вернадского, Николаевский был не только историком, но и видным деятелем меньшевистского крыла российской социал-демократической партии, идеалам которой остался предан до конца своей жизни.

Сын православного священника, Николаевский не окончил даже гимназию. Его арестовали за распространение социал-демократической литературы, а когда через полгода выпустили из тюрьмы, было уже не до учебы. Революционная деятельность,

аресты, ссылка в Архангельскую губернию, потом в Иркутскую, знакомство в одной из северных тюрем с будущим диктатором России Сталиным.

В общей сложности к Февральской революции Николаевский провел в царских тюрьмах 31 месяц и 7 лет в ссылке. Совершал побеги, жил под чужими именами, вел жизнь профессионального революционера. Это не мешало ему заниматься журналистикой и наукой. Еще в гимназии до получения «вольного билета» его называли «астрономом». Привлекали молодого Николаевского также геология и поэзия. В 1904 году, освободившись после очередного ареста, он стал работать репортером в «Самарском вестнике», став, помимо профессионального революционера, еще и профессиональным журналистом. Его статьи на политические, исторические и литературные темы печатались как в легальной, так и нелегальной прессе — в Самаре, Петербурге, Уфе, Москве, Архангельске, Екатеринбурге, Баку, Красноярске, Иркутске, Томске, Новониколаевске, Владивостоке, Барнауле — везде, куда забрасывал судьба.

После Февральской революции Николаевский был привлечен к работе в «Особой комиссии по обследованию деятельности бывшего Департамента полиции и подведомственных ему учреждений». Комиссия действовала в Петрограде. Ее основными задачами были: разбор полицейских архивов и выявление секретной агентуры. Много лет спустя Николаевский писал: «Начало моей систематической работы по изучению России и международного революционного движения датируется примерно с этого времени». Комиссию возглавлял известный революционер, журналист, историк, редактор журналов «Былое» и «Минувшие годы» Павел Елисеевич Щеголев. В «Былом» в 1918—1925 годах было опубликовано около 10 статей Николаевского, основанных на материалах его архивных полицейских изысканий 1917 года. После 25 октября 1917 года комиссия Щеголева была упразднена.

Николаевский же был связан с архивной деятельностью и в первые годы новой коммунистической власти. В 1919—1921 годах он возглавлял историко-революционный архив в Москве. По направлению меньшевистской партии, активным членом которой он не переставал быть (а в 1920 году стал даже членом ЦК), Николаевский выезжал в Сибирь, на Дальний Восток и т.д. Незадолго до Кронштадтского мятежа, однако, он оказался арестованным вместе с 50 другими видными меньшевиками и около года провел в камерах Бутырской тюрьмы. Его ожидала административная высылка, и только длительная голодовка и, вероятно, хлопоты родственника — видного большевика А.И. Рыкова (на его сестре был женат брат Бориса Николаевского — Владимир), ее заменили высылкой из Советской России. В феврале 1921 года он прибыл в Берлин, где в то время жили руководители меньшевистской партии и издавался центральный орган партии «Социалистический вестник». В Берлине Николаевский прожил до 1933 года. В 1924—1931 годах он являлся официальным представителем московского Института Маркса-Энгельса. В 1931 году ИМЭ был ликвидирован, и в феврале 1932 года, десять лет спустя после высылки, Николаевского лишили советского гражданства. Так Николаевский стал политическим эмигрантом. Однако, как писала американский биограф Б.И. Николаевского Л. Кристоф: «Вся деятельность Бориса Ивановича, также как и все им написанное во время 35 лет эмиграции в Германии, Франции и Соединенных Штатах, не будут поняты, если мы не будем помнить, что он никогда не стал быв-

шим меньшевиком, простым иммигрантом, даже американским гражданином, но всегда оставался политическим эмигрантом, сознающим ответственность перед своей родной страной».

Будучи берлинским представителем ИМЭ, Николаевский собирал для этого института уникальные архивные материалы по всей Европе: рукописи и письма К. Маркса и Ф. Энгельса, М.И. Бакунина, В.И. Засулич, Г.В. Плеханова, архив полицейского провокатора Е.Ф. Азефа, документы по истории международного рабочего и социалистического движения. Кроме того, Б.И. Николаевский принял на себя хранение Русского социал-демократического архива, основанного еще в 1910-х годах в Берлине князем И.Д. Бебутовым, и был берлинским представителем пражского Русского заграничного исторического архива.

С приходом к власти в Германии нацистов встал вопрос о сохранении архивов, находившихся в Германии, Австрии, Чехословакии. С этой целью в Амстердаме по инициативе профессора Н.В. Постхумуса в 1935 году был создан международный Институт социальной истории. С помощью Николаевского (который из нацистской Германии перебрался в Париж) было привезено в Амстердам огромное количество архивных материалов. Среди них архив социал-демократической партии Германии, включающий рукописи Маркса, Энгельса, Бебеля, Либкнехта, Первого Интернационала, а также «много архивов русских, которые не хотели, чтобы их документальное наследие было бы в Советском Союзе».

Известно, что Л.Д. Троцкий, высланный Сталиным из СССР вместе со всеми его огромными архивами, передал в 1936 году некоторую их часть Б.И. Николаевскому. В ноябре 1936 года часть материалов Троцкого была похищена агентами НКВД из парижского отделения МИСИ. Среди похищенного ценнейшие рукописи статей Троцкого, его переписка с американским журналистом Максом Истменом и его женой Е.В. Крыленко за 1929—1933 годы. (Н.К. Крупская через Троцкого именно Истмену передала «Завещание» Ленина. И оно было опубликовано на Западе. В СССР же его опубликовали только после XX съезда КПСС.)

Литературная деятельность Б.И. Николаевского не менее впечатляющая, чем работа по собиранию архивов. В 1922—1923 годах под его редакцией были изданы записки и дневники П. Аксельрода, Ю. Мартова, Г. Покровского, Н. Русано-

ва, В. Чернова, Н. Суханова (семь томов), С. Мстиславского, М. Маргулиса (три тома), В. Войтинского.

В 1926 году в Москве была издана его книга «Конец Азефа». Работа Николаевского по подготовке к изданию наследия Маркса и Энгельса (он вел ее по решению правления СДПГ в качестве консультанта): научное описание, систематизация, каталогизация рукописей Маркса и Энгельса, находившихся в архиве СДПГ, а также выявление их в Прусском государственном архиве сделала Бориса Ивановича Николаевского крупнейшим в мире экспертом по их научному наследию. В 1933 году в Берлине на немецком языке была издана написанная Николаевским в соавторстве с О. Маенхеном-Хельфом книга «Карл и Женни Маркс: жизненный путь» (в 1937 году она была издана в Париже на французском).

В 1936 году монография Николаевского «Карл Маркс. Человек и борец» вышла на английском языке в Великобритании и в США. Эти его книги о Марксе переиздавались в европейских странах и десятилетия спустя и стали классическими. Статьи Николаевского печатались в крупнейших газетах и журналах русской эмиграции. Касались они зачастую горячей истории современности.

Так в декабре 1936 — январе 1937 года в «Социалистическом вестнике» была опубликована за подписью «YZ» статья «Как подготавливался московский процесс. (Из письма старого большевика)». Она стала мировой сенсацией. В следующем году была издана в Нью-Йорке отдельным изданием в переводе на английский язык. Только много лет спустя Николаевский раскрыл, что автор — он и что эта знаменитая статья была написана на основе бесед с Н.И. Бухариным в марте—апреле 1936 года в Париже, Копенгагене и Амстердаме. Вошедшая в историю как «Письмо старого большевика», статья стала примечательнейшим документом и источником большей части имеющихся на Западе сведений о политической борьбе в Советском Союзе в 30-е годы. Она неоднократно публиковалась на различных языках в течение последующих десятилетий.

Н.И. Бухарин приехал в Париж «с мыслью о будущем некрологе». В качестве его автора избрал Николаевского и многое в течение двухмесячных бесед рассказал. Официальной же целью его приезда в Париж была покупка архива СДПГ и, прежде всего, материалов Маркса и Ленина. Немцы продавать архив отказались, а Николаевский советовал Бухарину не воз-

вращаться в сталинскую Россию. Бухарин вернулся и вскоре вместе с А.И. Рыковым и другими был расстрелян.

Несомненно, что и многие другие статьи Николаевского, публиковавшиеся в «Социалистическом вестнике» и других изданиях русской эмиграции с середины 1930-х годов о сталинской, а затем хрущевской России, имеют и ныне большое историческое значение. Следует отметить также, что в 1934—1935 годах Николаевский участвовал в другом громком деле — Берлинском процессе. Вместе с русскими историками П.Н. Милоковым, В.П. Бурцевым и другими он выступил на нем со свидетельскими показаниями. В итоге суд признал подложность печально известных «Протоколов сионских мудрецов». Отметим, что в июле 1933 года Николаевский был рекомендован к посвящению в масонскую ложу. Рекомендации дали бывший российский социал-демократ, будущий французский социолог Георгий Гурвич и социал-революционер Михаил Тер-Погосян. Выступление на Берлинском процессе сделало Николаевского и его архивы предметом охоты и со стороны нацистов, для которых «Протоколы» были большим и важным документом в их еврейской политике.

В 1940 году Германия захватила Францию и Голландию. Часть огромной библиотеки Николаевского гитлеровцы смогли захватить, и судьба этих книг до сих пор неизвестна. Что касается такого же огромного его личного архива и архива Парижского отдела МИСИ, который он возглавлял, то их значительную часть незадолго до падения Франции американский посол Уильям Буллит вывез в США в качестве личного багажа. В ноябре 1940 года в США смог приехать и сам Николаевский. Оставшиеся архивы были спрятаны вне Парижа и находились под присмотром жены Николаевского — Анны Михайловны Бургиной. Она была студенткой Московского университета, когда началась революция и Гражданская война. В 1922 году она смогла уехать из России и продолжить учебу в Берлинском университете. В Берлине она вошла в меньшевистские круги, и тогда же начался длящийся почти полвека ее союз с Николаевским. После переезда вместе с Николаевским в Париж училась в Сорбонне, где получила научные степени в археологии и в праве. Она перевела на французский язык двухтомную «Историю Византии» А.А. Васильева и работу Р. Самойловича о древней Италии.

Главным в ее жизни, конечно, была помощь Николаевскому в его архивных делах. Бургина оставалась во Франции до

1942 года, а затем через Марсель приехала в Нью-Йорк. После освобождения Франции чемоданы с архивными документами были выкопаны и привезены в Нью-Йорк, который с 1940 года стал, после Берлина и Парижа, новой базой Николаевского. Поиск и систематизация архивных документов продолжались.

Слава Николаевского, как ведущего эксперта по русскому революционному движению и советским делам, росла. Его оценки СССР, перспектива его развития воспринимались со все большим почтением. Десятки американских и европейских историков, политологов, журналистов с теплотой вспоминали впоследствии, как в своей квартире (недалеко от Колумбийского университета), заваленной с пола до потолка старыми русскими и новыми советскими книгами, журналами, газетами, Борис Иванович Николаевский, не жалея своего времени и знаний, рассказывал им о стране, которой он посвятил жизнь. Для многих эти беседы остались сильнейшими воспоминаниями в их жизни.

В 1947 году вместе со своим товарищем по меньшевистской партии историком Давидом Далиным Николаевский выпустил книгу «Концентрационные лагеря в Советском Союзе». По своему резонансу она стала в то время предшественницей «Архипелага ГУЛАГ» А.И. Солженицына и послужила начальным пунктом к большой политической кампании, проведенной в ООН. «Эта кампания разбила стену молчания, которой Советскому Союзу удалось окружить свои лагеря и нанести тяжелый удар по престижу комдиктатуры», — писал 15 лет спустя Рафаэль Абрамович.

В 1955 году Николаевский предпринял большой исследовательский проект по истории КПСС, в результате которого появилось шесть томов документов о развитии большевистской партии в 1907—1912 годах. Этот период ВП (как американские коллеги называли Николаевского в переписке), закончившийся окончательным расколом РСДРП в 1912 году, «считал более важным для истории России и мира, чем хорошо изученный раскол 1903 года между большевиками и меньшевиками», — писал директор этого проекта профессор Филипп Мосли в сборнике статей, посвященном памяти Николаевского.

Автору этих строк довелось познакомиться со многими материалами, собранными за время осуществления проекта. Многие из них так и остались неопубликованными. Эти

уникальные и бесценные материалы хранятся в коллекции Ф. Мосли в архиве Иллинойского университета в США. Именно Борис Николаевский рекомендовал Мосли людей, которым надо заказать воспоминания: И.П. Озол (пионер социал-демократии в Латвии), Н. Валентинов (Вольский), А. Ванновский* и многие-многие другие. Их судьбы, их уникальное видение событий, а повидали и «поучаствовали» они в событиях не малых и не мало, наконец, прекрасный русский язык оставляют незабываемое впечатление.

Активно участвовал Николаевский и в знаменитом «меньшевицком проекте» (под руководством профессора Леопольда Хаймсона), в ходе которого было также немало собрано подлинных документальных материалов, написано и записано воспоминаний. Еще в 1955 году Николаевский передал около 12 тысяч книг из своего собрания в библиотеку Индианского университета, а в 1964 году пришла очередь и его легендарной, собираемой в течение десятилетий коллекции. Он передал ее в Гуверовский институт войны, революции и мира при Стэнфордском университете в Калифорнии. Коллекция составила около 800 коробок. Куратором ее был назначен сам Николаевский, а его помощником Анна Михайловна. С атлантического побережья США они переехали на тихоокеанское.

Последняя книга Николаевского — сборник наиболее значительных его статей «Власть и советская элита» вышла в 1965 году за три месяца до неожиданной смерти Бориса Ивановича от сердечного приступа в феврале 1966 года в городе Менло-Парк, штат Калифорния.

Всю свою сознательную жизнь Б.И. Николаевский был не только собирателем архивов, историком, политологом, но и активно действующим политиком. Как в России, так и в эмиграции. Нельзя не упомянуть об усилиях Николаевского по созданию в 1949 году в Нью-Йорке (ставшем после Второй мировой войны центром русской эмиграции) широкой коалиции всех русских политических сил — от социалистов до либералов. «Лига борьбы за народную свободу» была создана. В нее вошли старые и новые (так называемые «власовцы») эмигранты. Николаевский стал председателем бюро Лиги. О значимости Лиги Роман Гуль писал: «У Лиги были все возмож-

* Участник I съезда РСДРП. В 1950-х годах жил в полной нищете в какой-то деревне под Йокогамой, где его и отыскал Николаевский.

ности к тому, чтобы развернуть работу большой политической ответственности перед нашей страной. Международное положение было крайне напряженным. Необходимо было и нам организовать, создать политический центр борьбы российской демократии. Центр был необходим здесь в эмиграции. Как база нашей борьбы. Но он еще более был необходим и для наших братьев по ту сторону рубежа, за железным занавесом, чтобы там знали, что за границей существует организованная борьба за их свободу. Чтоб там знали наш адрес». Долго Лига не просуществовала.

Во время торжественной церковной службы, состоявшейся в Нью-Йорке после смерти Николаевского, Джорж Кеннон сказал: «Я не знаю никого, чья личность лучше отражала бы качества и идеи того духовного и политического мира, к которому принадлежал Борис Иванович. Если сегодня интерес к России и изучение России в нашей стране и особенно среди нашей молодежи несравненно глубже и более серьезен, чем 30 лет назад, мы обязаны этому в немалой степени Борису Ивановичу, его неистощимому интересу ко всему, что происходило в его отечестве, его долгой и существенной литературной деятельности». Другой известный американский историк, Роберт Такер, в рецензии на «Власть и советскую элиту» Николаевского писал: «Для многих современных англо-американских исследователей России Николаевский был и остается в полнейшем смысле ментором. В течение многих лет его статьи о современном советском развитии были никогда не ошибающимся источником информации <> Его усердные исследования русского революционного прошлого и вклад в изучение истории коммунистической партии Советского Союза дали нам модель, как надо писать политическую историю».

Ныне, после падения «железного занавеса», долг России перед Б.И. Николаевским отдают и российские историки. Издают его книги на родине, пишут статьи о нем.

Литература

Ван Веек Х. Как архив общества охранения русских культурных ценностей попал в Международный институт социальной истории // Из истории русской эмиграции (Общество охранения русских культурных ценностей). Париж. Каталог выставки. Составитель Н.П. Копичева. СПб., 1995.

Крылов В.В. Его страстью был архивизм // Отечественные архивы. 1995. № 3.

Коэн С. Бухарин. Политическая биография. 1888—1938. М., 1988. С. 434.

Серков А.И. Русское масонство. 1731—2000. Энциклопедический словарь. М., 2001.

Абрамович Р.Д. Д. Далин // Социалистический вестник. 1963. № 3—4.

Гуль Р. Я унес Россию. Апология эмиграции. Том III. Россия в Америке. М., 2001.

ОТ МОСКВЫ ДО ГАРВАРДА

Карпович Михаил Михайлович

*[03(15).08.1888, Тифлис — 07.11.1959, Кембридж,
штат Массачусетс, США]*

Мартин Маша, который был студентом Карповича в Гарварде в 1945—1951 годах и его помощником в преподавании русской истории в 1951—1957 годах, в некрологе на смерть учителя писал: «Это моя большая удача знать Карповича в десятилетие его величайшего влияния на славянские исследования в Америке. Первое, что вспоминается, когда думаешь о нем, это не его общественная роль и не его выдающиеся мысли, первое, что вспоминают люди, знавшие его, это — его моральный статус как человека. Здесь он превосходил всех».

Карпович преподавал русскую и европейскую историю в самом знаменитом и элитном американском университете с 1927 года до выхода в отставку в 1957 году. Ровно тридцать лет.

Питомец Московского университета, ученик М.М. Богословского (русская история) и Д.М. Петрушевского (Средние века), Карпович слушал лекции Ключевского. Если в СССР имя Ключевского в период Покровского стало жупелом, от которого трясло правоверных и неправовверных марксистов, то именно Карпович сохранил традиции и школу Ключевского. В Гарварде, в США, в мире. Следуя традиции Московского университета в Гарварде, он стал руководить семинаром по русской истории. Георгий Федотов писал о «России Ключевского». Тысячи американских студентов узнали и полюбили Россию по лекциям Карповича. Можно сказать, что есть «Россия Карповича». Г. Вернадский был знаменитым русским историком в Америке, но про него так сказать нельзя.

Какая же она — «Россия Карповича»? Ну, во-первых, он сам, его личность для студентов олицетворяли настоящую Россию, а не ленинско-сталинскую. Успех его лекций о России в Гарварде можно сравнить с успехом лекций Ключевского в Москве. Карпович был либералом, умеренным западником. Маша вспоминал, что лекции Карповича становились особенно яркими, когда он доходил до правления Александра I. Это было начало его России. «Для М.М. помещичий мир периода Александра I и Николая II с его автократией и крепостничеством, которые он никогда не преуменьшал, был золотым веком русской цивилизации: миром пушкинской плеяды, декабристов, идеалистических кружков тридцатых и сороковых, веком Тургенева и даже Обломова, помещичьим миром, упадок которого видел молодой Толстой и чей расцвет он позже так нежно романтизировал в «Войне и мире». Это был единственный период в русской истории, о котором М.М. разрешал себе быть, да и то в очень осторожных выражениях, немного сентиментальным». Карпович, пишет далее Маша, «указывал американской аудитории, что в то же самое десятилетие, когда в демократических Соединенных Штатах произошла гражданская война за освобождение двух миллионов рабов, в автократической России 20 миллионов рабов были освобождены простым императорским указом».

Русский «либеральный эксперимент» 1905—1907 годов Карпович считал главным историческим шансом России для осуществления гуманитарных, либеральных целей. Он не скрывал своих чувств, что победа большевиков была катастрофой для России. Он предпочитал не читать лекций по советскому периоду. Если в самой России историография была сведена к пропаганде, то Карпович смог создать в Америке в Гарварде ее небольшую, но сильную крепость. Она стала либеральной школой русской историографии. Школой, которая шла: «От Соловьева к Ключевскому, Платонову, Милюкову, Кизеветтеру и дяде Михаила Михайловича Преснякову*». Эта школа полностью расцвела одновременно с «серебряным веком» русской культуры и сама была «золотым веком» русской историографии. Она боролась за науку в период реакций и революций. Ее дух Михаил Михайлович успешно перенес в Америку и спас от коммунистической угрозы. Это был тот дух

* Пресняков Александр Евгеньевич (1870, Одесса — 1929, Ленинград) — историк, ученик С.Ф. Платонова.

и те ценности, которые больше всего были нужны славянским исследованиям в нашей стране в сложный период холодной войны. Американские историки России в особенности были более чем удачливы иметь Михаила Михайловича одним из своих главных учителей».

Повезло и русской историографии. Традиции Ключевского не прервались, а успешно развивались Карповичем в Америке. В самые напряженные годы холодной войны около тридцати учеников Карповича (те, кто защитил под его руководством докторские диссертации) преподавали русскую историю в американских университетах. Они внесли свой собственный вклад в понимание России, но никто не выступил против своего учителя, против России. Россия и русский период — это не Советский Союз, Ленин, Сталин или Хрущев. Истинная Россия — это страна духовных ценностей XIX — начала XX века. Страна Пушкина, Толстого, Чайковского, Чехова... Либеральная Россия — Россия Карповича. Был разбойник Стенька Разин, но Наташа Ростова, танцующая на своем первом балу, или даже мстительный Илюша Обломов понятнее и дороже американцам, людям действия, а не филосоფствования и созерцания.

М.М. Карпович родился и провел детство в Тифлисе. Как пишет Сергей Зеньковский: «Дед его был поляк, по-видимому, из ополяченной белорусской шляхты, бабка по отцу, княжна Туманова, — грузинка, а мать — чистокровная великорусска, сестра известного исследователя русского средневековья Преснякова. В такой типичной «русско-имперской» семье он с детства смог освоить разные культурные наследия и научился уважать и духовно примирять самые различные национальные традиции». По данным Нины Берберовой, М.М. Карпович был потомком революционера-террориста, члена «Народной воли» Карповича.

Автор статьи о М.М. Карповиче в книге «Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции» М. Тавлин добавляет: «По семейным преданиям, польский род Карповичей некогда имел двойную фамилию (Кораб-Карповичи) и графский титул. Мать Карповича — М.Е. Преснякова, сестра историка А. Преснякова, также происходила из старинного дворянского рода». Известно, что мать Карповича — Марья Евгеньевна в 1931 году жила в Тифлисе. Судьба отца — Михаила Викентьевича — нам неизвестна. В семье Карповичей было четверо детей, один сын и трое дочерей. Одна из сестер М.М. Карповича — Наташа была

замужем за известным авангардистским поэтом и драматургом Игорем Терентьевым (1892—1937), расстрелянным в Бутырской тюрьме. Сама Наташа была еще жива после Второй мировой войны.

Первым американским аспирантом Карповича был Филипп (Артурович) Мосли (1905—1972). Он стал одним из лидеров второго поколения американских славистов. В 1930 году по личному указанию Сталина молодой американский историк был выслан из СССР, где он собирал материалы для своей первой исследовательской работы. В 1946 году Мосли стал основателем знаменитого Русского Института при Колумбийском университете в Нью-Йорке. Институт действует и ныне, но под другим названием. Мосли совершенно свободно говорил по-русски и до самой смерти Карповича сохранял с ним самые близкие и дружеские отношения.

В 1957 году четвертый том «Harvard Slavic Studies» был посвящен 30-летию научной деятельности М.М. Карповича в Америке. 27 американских профессоров русской истории, учеников Карповича, написали статьи. Впоследствии этот том (более 500 страниц) вышел еще и специальным отдельным изданием. В качестве «Введения» большую статью «Профессор Михаил Карпович» написал Ф. Мосли. Эта статья и поныне остается основным источником биографических сведений о Карповиче. В частности, из нее узнаем, что именно учеба Карповича во второй классической гимназии в Тифлисе «пробудила в нем острый и прочный интерес к истории, литературе и языкам, как классическим, так и современным, и заложила прочные основы для его обучения в университете».

Бурное российское лето 1905 года Карпович вместе с родителями провел в Швейцарии, в том числе в Женеве, бывшей в то время Меккой русских революционеров всех мастей. Симпатии Карповича склонились к эсерам. По возвращении в Тифлис он занимался пропагандой их идей в гимназии. Был арестован в декабре 1905 года первый раз, а несколько позднее и второй раз. Просидел месяц в каземате «живописного, но едва ли комфортабельного» Метехского замка. Из Закавказья его выслали, но разрешили жить во всех городах империи, в том числе и в обеих столицах. В 1906 году Карпович еще смог окончить тифлисскую гимназию и в этом же году поступил на отделение истории историко-филологического факультета Московского университета. На лекциях Ключевского, семинарах Богословского, Петрушевского и других профессо-

ров он познакомился и подружился на всю жизнь с Георгием Вернадским, будущим знаменитым поэтом Владиславом Ходасевичем. Однако почти весь 1906/1907 учебный год Московский университет сотрясали политическими забастовками. Учиться Карповичу пришлось мало. Зимой—весну 1907 года он вновь занимался пропагандистской эсеровской работой в Тифлисе. Его политические взгляды в это время «правеют» в сторону кадетских. Новый 1907/1908 учебный год он провел в Париже, в Сорбонне. В Париже в декабре 1907 года состоялось его знакомство с Осипом Мандельштамом, воспоминания о котором он опубликовал много лет спустя. Мандельштам посвятил Карповичу стихотворение, от которого сохранилась строка «поднять скрипучий верх соломенных корзин». Парижский год был очень плодотворен. Что может быть лучше, чем в 20 лет жить и учиться в Париже! У Люшера он слушал лекции о средневековой Европе, у Даля — о Византии.

В 1906 году он вернулся в Москву. Много лет спустя в письмах к Филиппу Мосли вспоминал: «Я еще застал Ключевского в университете и посещал его выдающиеся лекции, но я не могу сказать, что он учил меня. Он имел заразительный интерес и любовь к русской истории и давал своим слушателям величайшее эстетическое наслаждение — люди ходили слушать его лекции так же, как они ходили слушать Шаляпина или как смотреть спектакли Московского Художественного театра, но он не учил своих студентов методологии истории».

Последнюю мирную зиму 1913/1914 года Карпович провел в Петербурге. «То был последний год...», — сказал позже М. Позинский, а Анна Ахматова в «Поэме без героя» написала:

А по набережной легендарной
Приближался не календарный год —
Настоящий Двадцатый век.

Век, уничтоживший Россию Карповича. И как сказал последний поэт той России Георгий Иванов:

Все, кто блистал в 1913 году —
Лишь призраки на петербургском льду.

За эту петербургскую зиму Карпович написал свою выпускную работу «Александр I и «Священный союз», а весной

1914 года сдал государственный экзамен, был оставлен при университете, получив должность помощника ученого секретаря Московского исторического музея, и под руководством Богословского стал готовиться к магистерским экзаменам. Вскоре был вынужден перейти в Петербургский университет. В январе 1916 года Карпович был переведен в Военное министерство и через несколько месяцев стал секретарем Особого совещания по обороне, в которое входили представители Земского и Городского союзов, Государственной Думы и множества общественных организаций. На этом посту Карпович имел возможность «близко наблюдать и скромно участвовать в критической борьбе за организацию отсталой и в основном изолированной экономике на войну против сильнейшего промышленного и военного государства в Европе». В течение 14 месяцев Карповичу пришлось служить при четырех военных министрах — А.А. Поливанове, Д.С. Шуваеве, М.А. Беляеве, А.И. Гучкове.

Как либерал и демократ он приветствовал Февральскую революцию. В мае 1917 года 28-летний Карпович, в составе известной комиссии Бориса Бахметева, выехал в США. В Россию он уже никогда больше не вернулся.

Первое знакомство Карповича с Гарвардом состоялось зимой 1917—1918 годов, когда по приглашению студентов он прочитал лекцию «Ситуация в России» в Бостонской публичной библиотеке. В течение пяти лет (лето 1917 — лето 1922) он выполнял различную ответственную работу в русском посольстве в Вашингтоне. С декабря 1918 по июнь 1919 года он был секретарем Русского политического совещания в Париже, которое по мысли его организаторов должно было представлять интересы России на Парижской мирной конференции. В начале 1921 года Карпович вновь выполнял некую миссию в Париже. В годы его работы в русском посольстве в Париже Карпович стал одним из основных русских «ораторов» за демократическую и либеральную Россию. Не стоит забывать, что Америка была наводнена различными ленинскими эмиссарами, возникло сразу несколько американских компартий. «Левые» симпатии в Америке были достаточно сильными. Многочисленные статьи и лекции Карповича о ситуации в России, его стремление объяснять ее искренне и объективно, несмотря на личную боль от крушения той России, которую он любил, завоевали доверие его читателей и слушателей.

В эти годы у Карповича установились хорошие связи в академическом и политическом мире США. И вполне возможно, что в немалой степени отрицательное отношение американского правительства к большевизму (как известно, США признали СССР только в 1933 году) — это заслуга М.М. Карповича. О своих первых четырех годах в Америке Карпович писал в июне 1921 года Георгию Вернадскому в Афины: «За эти четыре года, что я живу здесь (из них я около семи месяцев — в два приема, в 1919 году и в начале этого года — провел в Париже), я, конечно, встретил очень много людей — и русских, и американцев, в том числе много интересных, хороших или просто милых людей; приобрел много знакомых и приятелей, но ничего, хотя бы отдаленно напоминавшего дорогие моему сердцу московские отношения, судьба мне не послала. Вообще для себя я за все это время жил очень мало. Многому, конечно, выучился, но больше в техническом смысле, чем по существу. Думаю, что поумнел и духовно окреп, но это происходило как-то само собой, незаметно и без духовных усилий — вот так, как происходит физический рост или, если взять сравнение совсем из другой области, как при старом режиме шли чины и ордена чиновникам «за выслугой лет». Все было благополучно и даже хорошо, но все время чего-то главного не хватало. И сознание или ощущение оторванности от России лежало тяжелым бременем где-то в самой глубине души, лишь изредка подымаясь с этого дна в остром и болезненном ощущении беспочвенности и бесплодности (о, в каком жалком и буквальном смысле!) всего, что приходилось делать. Тут я понял впервые всю ненормальность эмигрантского положения. Иногда утешаю себя тем, что есть в этом и хорошая сторона. Я точно в санатории прожил эти четыре года — до того я чувствую себя сейчас и физически, и морально здоровым. И это ощущение накопленных сил только укрепило мой природный оптимизм, тебе и Нине хорошо известный. Поэтому, более чем когда-либо, я чувствую, что у меня все еще впереди, и просто не понимаю людей, которые говорят, что все кончено, что мы никогда не вернемся в Россию, что для нас там не будет места, что Россия вообще не возродится и т.п. Без преувеличения могу сказать, что у меня «чемодан всегда наготове», и что я в любую минуту могу сняться с этого своего американского бивуака, как мне не было удобно и приятно в нем жить, и помчаться в Россию с радостным и светлым чувством и с готовностью к творческому и

созидательному труду. Не знаю, насколько эта моя жизнерадостность выдержала бы соприкосновение с тем, что меня в России встретит, но мне кажется, что уже само по себе это чувство есть для меня большое подспорье и преимущество».

Борьба за свободную Россию была проиграна. Русское посольство в Вашингтоне в 1922 году закрыто, и Карпович переехал в Нью-Йорк, где вместе с бывшим послом Б. Бахметьевым занялся коммерцией, читал лекции в университетах, писал статьи, делал переводы и т.д. В 1923 году к нему приезжает из Советской России его невеста архангелогородка Татьяна Николаевна Лоталова (1897—1973). В ноябре состоялась свадьба, всего в браке родилось четверо детей.

В 1927 году ушел в отставку профессор русской истории Гарвардского университета Роберт Лорд. По рекомендации известного слависта Арчибальда Кулиджа на его место был приглашен Михаил Карпович. Возможно, что Карповича рекомендовал также еще и М.И. Ростовцев. Авторитет Карповича и русской истории как научной дисциплины в Гарварде неуклонно росли. Сам Карпович стал одним из самых популярных профессоров. Сергей Зеньковский вспоминал: «Автору этих строк довелось наблюдать переполненную аудиторию Сиверс Холла, где студенты с напряженным вниманием слушали и часто с энтузиазмом реагировали на его лекции. Беспристрастность, невозмутимое спокойствие, никогда не покидавшее М.М. Карповича даже при изложении самых трагических и спорных вопросов истории, прекрасный английский язык и изящество изложения всегда производили сильное впечатление на слушателей. Нередко приходилось удивляться необычайной стройности его лекций, умению блестяще сопоставлять проблематику философии истории с колоссальным количеством исторического материала. Умение сочетать в своих лекциях конкретный фактический материал с тончайшим критическим анализом было особым секретом Михаила Михайловича; его слушатели одновременно получали и большое число фактов и их истолкование в свете современной науки. Постоянное сравнение событий русской истории с западной, как европейской, так и американской, облегчало студентам понимание проблем нашей родины и делало все изложение более доступным, а русскую историю менее «экзотической».

Мне запомнилась одна лекция Михаила Михайловича о Петровских реформах. Рассказывая о негодовании русских по поводу указа о бритье бороды, он отметил, что эта предан-

ность бороде вовсе не была специфически русским явлением и что в XIX веке, когда морское министерство Соединенных Штатов предписало, чтобы все моряки обрили бороды, в американском флоте начались волнения, едва не перешедшие в бунт.

Умеренная тонкая шутка, обилие примеров и цитат, приятный мягкий голос, талантливая передача знаний в простой и словесно отточенной форме помогали М.М. Карповичу заинтересовывать американских студентов русской историей. Его лекции и семинары постепенно привлекали все больше и больше студентов. Позднее из его семинаров вышло не менее тридцати докторов истории, которые теперь уже сами стали профессорами и продолжают развивать в американских университетах традиции исторической школы Карповича».

Через 20 лет, в основном благодаря неустанным трудам Карповича на ниве русской истории, в 1947 году был создан всемирно известный Русский исследовательский центр. А в 1949 году сам Карпович был назначен председателем Славянского факультета. Руководил он им шесть лет, полностью реорганизовал: были введены в курс обучения все славянские языки и культуры, приглашены крупнейшие специалисты — Роман Якобсон, Виктор Вейнтрауб и другие. Славянский факультет Гарвардского университета стал одним из самых знаменитых славянских факультетов мира. Гражданином США Карпович стал только в 1944 году.

В том же 1927 году, когда Карпович стал преподавать в Гарварде, в Йельский университет на должность научного сотрудника был приглашен его друг Георгий Вернадский. О различии политических позиций двух историков в период Второй мировой войны Марк Раев писал: «В годы Второй мировой войны Карпович и Вернадский как бы поменялись своими позициями по отношению к Советской России. Они оба поддерживали войну против гитлеровской Германии, но в то время как Вернадский верил в эволюцию сталинского режима в демократическом направлении после войны, Карпович оставался настороженно-скептическим в отношении перспектив внутреннего преобразования сталинской диктатуры. Вернадский часто некритически и неразборчиво соглашался поддерживать организации и мероприятия для укрепления «русско-американского сотрудничества», тогда как Карпович категорически отказывался от каких-либо публичных выступлений в пользу советского правительства». В 1942 году в раз-

гар Сталинградской битвы в Нью-Йорке стал выходить «толстый» русскоязычный «Новый журнал». Редакция так определила свои задачи: «Наше издание начинается в катастрофическое время — единственный русский «толстый» журнал во всем мире вне пределов Советской России. Считаем своим долгом открыть журнал писателей разных направлений. Разумеется, люди, сочувствующие национал-социалистам или большевикам, у нас писать не могут. Мы не можем не знать того, что теперь на свете только десятки русских публицистов, живущих в Соединенных Штатах, имеют возможность говорить правду свободно <>.

Мы никак не призывали к насильственному свержению Советской власти, зная, что такое перемены во время войны государственного строя. Но мы считаем своим печальным долгом говорить о том, о чем не могут сказать слова русские граждане, оставшиеся в России, в Бельгии, в Югославии, и о чем по своим соображениям старается молчать почти вся (однако не вся) иностранная печать. Нам неизвестно, хранят ли об этом молчание иностранные государственные люди, имеющие возможность непосредственно сноситься со Сталиным и влиять на него. Есть основания думать, что «амнистия полкам» (в чем «амнистия»?) дана была Кремлем не без воздействия Рузвельта и Черчилля <> Как бы то ни было, независимо от нашего бессилия, нам было бы впоследствии стыдно смотреть в глаза миллионам русских людей, находящихся в советских тюрьмах и концлагерях, если бы первого нашего слова мы не сказали бы об «амнистии» им.

Открывался первый номер «Нового журнала» рассказами Бунина «Руся» и «В Париже», далее шли воспоминания Осоргина о России «Времена», романтизированная биография Балакирева, написанная Цетлиным, рассказы Алданова и Набокова, статьи А. Керенского, Н. Авксентьева, Г. Аронсона, В. Мансветова, Б. Николаевского, Д. Данилина, М. Вишняка, Г. Федотова, Ст. Ивановича, В. Зензинова. Журнал выходит и сейчас, но после смерти Романа Гуля в 1986 году пришел в упадок. Расцвет же журнала приходится на 1946—1959 года, когда во главе журнала стоял Михаил Михайлович Карпович, который и «руководил» общественным мнением русской эмиграции. Тогда оно было, сейчас нет и быть не может. От старого «Нового журнала» осталась одна только его замечательная обложка.

В 1945 году в статье «После Победы» Карпович писал в «Новом журнале», полемизируя с Н. Бердяевым: «В прошлом Рос-

сии у нас есть свои предшественники, в патриотизме которых, кажется, никто никогда не сомневался. Некоторые из них не из числа «либерально-демократических доктринеров». В разгар несчастной для России Крымской войны Хомяков не побоялся произнести над своей страной почти беспощадный приговор. Нужно ли цитировать эти знаменитые строки? Хомяков верил в историческую миссию России («о недостойная избрания — Ты избрана»), но и знал, что этой миссии она исполнить не могла, не очистившись предварительно от «мерзости» внутреннего своего неустройства <> Есть точка зрения, что национальное государственное возрождение России и укрепление международного ее значения должно предшествовать раскрепощению русского народа. Боюсь, что без предварительного внутреннего ее освобождения это невозможно».

Написано в 1945-м. И навечно. В «Новом журнале» до самой смерти Карпович печатал свои знаменитые «Комментарии» по проблемам истории современности. Вот лишь несколько названий: «Кто виноват в торжестве большевизма?», «Цена революции», «После Сталина: в России», «После Сталина: на Западе», «1905 год — пятьдесят лет спустя», «О русском мессианизме», «Перспективы» и много-много других рецензий на все политически значимые книги, выходявшие в русской эмиграции. В «Новом журнале» были опубликованы его многочисленные статьи и публикации исторических документов — «П.Н. Милюков как историк», «Два типа русского либерализма. Маклаков и Милюков» и т.д.

В годы, когда Гитлер оккупировал Европу, Карпович делал все, что мог, чтобы русские эмигранты смогли выбраться из гитлеровской Европы в США. Так был спасен будущий автор знаменитой на весь мир «Лолиты» Владимир Набоков. После разгрома Гитлера, когда сталинский СМЕРШ хватал в европейских городах всех подряд: и эмигрантов «первой волны», и свежих беглецов от коммунистического режима, Карповичем была проведена гигантская работа, чтобы русским «перемещенным лицам» американские власти разрешили въезд в США. Карпович помог лично, вероятно, десяткам, если не сотням таких русских. Нина Берберова вспоминала: «В тяжелые (и даже голодные) 1945—1949 годы я получала от него в Париже посылки из США — не от «комитетов» и «фондов», а от него лично». Можно назвать десятки имен русских историков, переехавших тогда в США. Один из них С.Г. Пушкарев.

Самая известная книга Карповича «Имперская Россия. 1801—1917» (Нью-Йорк. 1932—1-е издание. 1957—2-е издание). На ней обучено и воспитано несколько поколений американских студентов. Подводя итог эпохе, Карпович писал: «Теперь Императорская Россия уже принадлежит прошлому, и историк имеет право подвести итоги периоду империи. Результаты этой эпохи были не только отрицательными. В пользу ее говорят многочисленные и значительные достижения. Помимо этого, ко времени падения империи развитие России давало твердую надежду на будущие положительные реформы. В течение периода, с которым мы ознакомились, русский императорский режим проделал значительную эволюцию и подвергся большим переменам. Правда, после периода реформ обычно наступали периоды реакции и сами реформы приходили с опозданием. Тем не менее, в целом за этот период можно наблюдать значительное движение вперед, а не назад. Накануне первой великой мировой войны Россия глубоко отличалась от той, какой она была в начале XIX века. Она беспрерывно и быстро развивалась. Принимая во внимание этот процесс развития, трудно утверждать, что революция являлась неизбежной. Перед Россией стояло много сложных и трудных задач, невозможность их разрешения мирным путем вовсе не была исключена. По мере того, как страна хозяйственно преуспевала и культурно быстро развивалась, возможность решения внутренних проблем нереволюционным путем делалась все более и более реальной, а опасность внутреннего взрыва быстро уменьшалась.

Война нанесла этим надеждам на мирную эволюцию непоправимый удар. Она захватила Россию как раз в разгаре процесса внутреннего перерождения. Конституционный опыт не насчитывал и одного десятилетия. Аграрные реформы Столыпина действовали всего лишь в течение нескольких лет. План всеобщего обучения только начал воплощаться в жизнь. Промышленность быстро росла, но рост ее все еще не вышел из фазы первоначальных успехов. При таких условиях война не могла не создать тяжелых осложнений во внутренней жизни страны. Для того чтобы Россия могла устоять перед надвигающейся бурей, нужны были упорные и героические усилия всей страны. Но для этих усилий политический кризис 1915—1917 годов оказался непреодолимым препятствием. Война сделала революцию возможной; человеческое безумие привело к тому, что она стала неизбежной».

В годы войны, благодаря усилиям Карповича и под его редакцией, в издательстве Пенсильванского университета были переведены на английский язык и опубликованы «Очерки по истории русской культуры» в трех томах П. Н. Милюкова. В том же 1943-м Карпович опубликовал важную статью «Ключевский и недавние тенденции в русской историографии». После войны, как уже говорилось в статье о Милюкове, Карпович был редактором русского издания такого важного исторического источника как «Воспоминания» П. Н. Милюкова.

В 1957 году карьера Карповича в Гарварде закончилась — он вышел в отставку по возрасту. Один из его знаменитых учеников В. Чемберлен вспоминал: «Его курс в Гарварде по русской истории и русской литературе имел огромную популярность. Подобно его собственному учителю Ключевскому, он стал магнитом для студентов, и последняя лекция его курса, посвященная обычно мартовской революции, заставляла встать на ноги более 200 студентов и аплодировать». В 1958 году были опубликованы основанные на его гарвардском курсе 1930—1940-х годов «Лекции по русской истории». Как и у Ключевского. Тоже в конце жизни. В этом же году Карповичу исполнилось 70 лет. Ученики поднесли сборник своих статей.

25 февраля 1958 года Карпович писал Юрию Дениксу*: «Божью теперь строить какие-либо историко-литературные планы. Дай Бог успеть написать книгу по истории русских общественных идей и однотомную историю России (то есть, в сущности, подвести итог своему 30-летнему преподаванию). Теоретически я после этого должен заняться писанием одного из томов для десятитомной истории России, первые 3 тома которой уже написаны Вернадским. Мои тома намечаются так: том 7-й — первая половина 19-го века, том 8-й — от освобождения крестьян до революции 1905 года, том 9-й — 1905—1917, том 10-й — советский период. О десятом томе я не беспокоюсь. Пусть его когда-нибудь напишет какой-либо «потомок». Из остальных трех предпочел бы начать с 9-го».

Карповичу повезло с учениками неслыханно. Если в Советской России «школа Ключевского», как и вся историческая наука, была разгромлена, то Карпович, его ученики, ученики его учеников, ученики этих учеников и так далее, продолжают в Америке и ныне великую традицию Ключевского и

* Деникс Юрий Павлович (1887—1964) — социал-демократ, журналист, историк.

своего учителя Карповича в изучении России. Вероятно, самый известный из них Ричард Пайпс так и написал в предисловии к первому опубликованному в США в 1979 году русскоязычному изданию своей книги «Россия при старом режиме»: «Мне очень приятно, что «Россия при старом режиме» делается доступной хотя бы для небольшой части русской аудитории. Мне всегда хотелось думать, что я работаю в рамках русской историографической традиции и обращаюсь в первую очередь к русскому читателю. Не знаю, право, пожелал ли бы я посвятить более тридцати лет жизни изучению истории России и писанию работ на эту тему, не питай я надежды, что рано или поздно смогу найти выход на аудиторию, для которой прежде всего предназначались мои исследования».

Книги Р. Пайпса и других учеников Карповича ныне — классика и издаются в России. Совсем недавно опубликовано монументальное исследование Мартина Маша «Советская трагедия». Ученики Карповича пионеры в исследовании тем, которые в СССР не изучались, не могли изучаться и хорошо, что не «изучались». Пайпс — автор двухтомной биографии П.Б. Струве, Роберт Макс Мастер — биографии Н.Я. Данилевского, Оливер Рэдклифф написал два классических и непревзойденных тома по истории партии социалистов-революционеров, Джордж Фишер тоже классическую книгу о русском либерализме, Николай Рязановский «Историю России» (1-е издание, 1963 год, и до сих пор обновляется, дополняется и переиздается), Марк Раев в 1990-м опубликовал историю культуры русской эмиграции в 1919—1939 годы «Россия за рубежом» (издана в Москве в 1994-м). Перечислять можно очень и очень долго. Поэтому еще одна последняя цитата из Филиппа Мосли: «Вероятно, наиболее оригинальный личный вклад Карповича в русскую историю это его выдающийся курс русской интеллектуальной истории XIX века, который он развивал в послевоенные годы <> Профессор Карпович редактирует их для будущей публикации <> Они являются, конечно, большим вкладом в историографию русского интеллектуального развития». Написаны эти слова были в 1957 году. Через два года Карпович умер, и выдающийся курс где-то «затерялся». Опубликован уже посмертно был только небольшой отрывок этой работы — «Н.Г. Чернышевский между социализмом и либерализмом».

Литература

Зеньковский С. Вдумчивый историк // Новый журнал. (Нью-Йорк). 1987. Т. 168—169.

Берберова Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. Харьков—Москва, 1997.

Тавлин М. Карпович Михаил Михайлович // Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь. М., 1997.

Шесть писем В.Ходасевича к М.Карповичу // Oxford Slavonic Papers. 1986. Vol. 19.

От редакционной группы (Марк Алданов, Михаил Цетлин) // Новый журнал. 1942. № 1.

Деникс Ю. Памяти М.М. Карповича // Социалистический вестник. (Нью-Йорк). 1959. № 11.

ПОСЛЕДНИЙ ИСТОРИК-КЛАССИК

Пушкарев Сергей Германович

*[8(20).08.1888, слобода Казацкая, близ Старого Оскола
Курской губернии — 22.01.1984, Нью-Йорк, США].*

*Похоронен на старом кладбище Йельского университета
в городе Нью-Хэйвен, штат Коннектикут.*

Грамота в честь 950-летия
крещения Руси выданная
С. Пушкареву

Сергей Германович Пушкарев — последний русский историк-классик — родился в слободе Казацкая под Старым Осколом Курской губернии, а умер в одном из пригородов Нью-Йорка.

В 1907 году Пушкарев закончил Курскую классическую гимназию. В последующие 10 лет слушал лекции на историко-филологических факультетах Киевского и Харьковского университетов, а в 1911—1914 годах — также слушал на философских факультетах Гейдельбергского и Лейпцигского университетов. Во время учебы в Харьковском университете вступил в РСДРП, примкнул к меньшевикам. Однажды был задержан полицией

и просидел два месяца в тюрьме, после чего был исключен из университета за неблагонадежность.

В 1918 году он сдал экзамены в Харьковском университете и по рекомендации своего наставника и учителя М.В. Ключкова оставлен в университете для подготовки к профессорскому званию. Шла Гражданская война, красный террор ЧК по Украине прокатился с такой же жестокостью, как и в центральных губерниях России, на Севере, в Сибири. В Харькове свирепствовал чекист Саенко. В мае 1919 года киевская ЧК расстреляла историка-профессора Т. Флоринского. В захваченном большевиками Харькове в декабре 1918 года была убита зна-

менная исследовательница Севера России и Украины, первая женщина — почетный доктор русской истории А.Я. Ефименко (Ставровская).

Летом 1919 года Добровольческая армия освободила Харьков. Перед уходом большевики расстреляли сотни людей. Часть, в качестве заложников (в том числе профессоров университета, среди них историка А.С. Вязигина), увезли с собой в Орел. В Орле их зарубили шашками.

Осенью 1919 года в Харькове была отслужена панихида по жертвам красного террора в Москве. Среди расстрелянных там по делу «Национального центра» был знаток эпохи Петра I, автор монументальной работы «Очерки из истории Петра Великого и его времени» С.А. Князьков...

Много лет спустя С.Г. Пушкарев вспоминал: «Обрадованный и взволнованный приходом «белых» я твердо решил немедленно оставить университет и мечты о профессуре и поступить рядовым солдатом в первый попавшийся полк Добровольческой армии». Прослужил он до ноября 1920 года, а 1 ноября на пароходе Добровольческого флота «Саратов», уходящем из Севастополя в Турцию, 32-летний Пушкарев навсегда покинул Россию или, как она теперь называлась, РСФСР.

В Турции он пробыл год. В ноябре 1921 года приехал в Прагу. Здесь под руководством профессора И.И. Лаппо занимался научной работой, получив стипендию от Русской Учебной коллегии. В 1924 году, сдав магистерские экзамены при Русской Академической группе, Пушкарев стал приват-доцентом Русского свободного университета. В течение следующих 21 года он был активным деятелем русской научной, культурной и общественной жизни в Чехословакии. В том же 1924 году в Праге на русском языке была опубликована его первая небольшая работа «Очерк истории крестьянского самоуправления в России».

В межвоенный период его статьи печатались в русских эмигрантских газетах и журналах в Чехословакии, Югославии, Польше, Франции, Швейцарии. Некоторые его статьи выходили на чешском языке для «Итальянской энциклопедии» и «Итальянской исторической энциклопедии». Он написал 30 статей по русской истории, но, пожалуй, наибольшей удачей в этот период для Пушкарева стало его сотрудничество с известным американским социологом русского происхождения Питиримом Александровичем Сорокиным. Профес-

сор Петроградского Университета Сорокин (1889—1968) был выслан из Советской России осенью 1922 года по личному указанию Ленина и Троцкого с Н.А. Бердяевым и другими выдающимися русскими мыслителями. После годичного пребывания в Праге, осенью 1923 года Сорокин уехал в США — и как комета ворвался в американскую социологию. К осени 1930 года он стал ведущим американским социологом, гражданином этой страны и получил приглашение организовать и возглавить факультет социологии в Гарвардском университете.

В феврале 1930 года Сорокин написал Пушкареву из Миннеаполиса: «Глубокоуважаемый Сергей Германович. Нужна небольшая статья 8—12 печатных страниц о политических организациях и движениях русского крестьянства в XX веке примерно с 1905 года по сей день <> Г.В. Вернадский сказал мне, что Вы могли бы написать такую статью. Она естественно должна быть свободна от пропаганды. Если Вы чувствуете себя компетентным дать такую статью и склонны написать ее (она, конечно, пойдет под Вашим именем), я был бы очень рад». Пушкарев был рад принять предложение Сорокина, и не только потому, что материальное положение русских ученых в Праге по мере сокращения субсидий со стороны Чехословацкого правительства ухудшалось, а Сорокин обещал гонорар в долларах...

История русского крестьянства занимала Пушкарева всю его долгую жизнь. Поклонник реформы Столыпина, он много о ней писал, достаточно вспомнить знаменитую статью Пушкарева «Ставка на сильных»; посвященную 50-летию указа 9 ноября 1906 года («Новое русское слово». Нью-Йорк. 6 декабря).

А тогда, в 1930 году, выдающийся социолог и будущий знаменитый историк обменялись мнениями по вопросу о крестьянстве, представляющими несомненный интерес и в наши дни. Отсылая написанную статью Сорокину, Пушкарев писал:

«Вопреки Вашему (и моему собственному) предположению она потребовала от меня не мало времени и труда, в течение целого месяца. Писал-то я и переписывал ее всего 3—4 дня, но 3—4 недели почти целиком потратил на собирание материалов, которых у меня набралась целая гора — свыше 150 страниц (!) выписок из источников и пособий и множество газетных вырезок (из собственного газетного «архива»). Конечно, я видел, что в пределах такой маленькой статейки

я не могу использовать большинство собранного мною материала, но, встретившись со столь важной и значительной темой, я не мог ограничиться беглым перелистыванием «попавшихся» мне книг и брошюр. Однако должен признаться откровенно, что в конце этой работы мне стало жалко себя, ибо «гора» моих материалов (прежних и новых) родила только «мышь» в виде этой маленькой статейки, и потому я решил обратиться к Вам с довольно бесцеремонной просьбой: не можете ли Вы повторить свой «заказ» на ту же тему, только не на 10—12, а на... 50—60 страниц! Может, Вы нашли бы возможность поместить в каком-либо другом издании подобную статью. Ведь темы, которых она касается, так интересны и значительны <>

Собственно политических движений российского крестьянства и его широкой политической организации до сих пор, по-моему, еще не было! Те движения, которые мы наблюдали до сих пор, это были или импульсивные реакции на непосредственные раздражения, или великое недоразумение (как аграрное движение и аграрный переворот 1917—1922 годов). Создать массовую политическую организацию российского крестьянства есть задача будущего. Я «позволил себе» это в заключительных фразах моей статьи. Если вы найдете это замечание «неуместным», то можете его вычеркнуть, так же как и вообще вычеркивать те слова или фразы, которые покажутся Вам излишними или «тенденциозными». И вторая просьба к Вам, еще более неожиданная и, мне думается, «бесцеремонная», что именно Вам, в сотрудничестве с Иваном Васильевичем Емельяновым*, надлежало бы подготовить теоретическое обоснование для программы такой подлинно крестьянской партии в будущей России. А мы с Г.В. Вернадским могли бы быть Вашими «техническими сотрудниками» по части исторического обоснования и разработки исторических материалов».

Через месяц 30 апреля 1930 года в другом письме Сорокину Пушкарев развил свои взгляды: «Теперь несколько слов относительно будущей Российской аграрной теории. Конечно, не мне Вас учить и не мне Вам навязывать какие-либо работы и их направление. Но позвольте все же сделать на Ваши слова возражение исторического характера. Оказавшаяся вредо-

* Емельянов И.В. (1880—1945, США) — экономист, деятель кооперации.

носной, однако чрезвычайно влиятельной, теория Маркса была создана им именно в эмиграции и, так сказать, в период затишья — между революциями. Плодотворная и полезная теория будущего российского аграрного движения и аграрного строя, по-моему, тоже должна быть подготовлена в промежутке между двумя великими российскими переворотами. Неизвестно, когда и как совершится переход России к иным — достойным формам общежития великого народа, но, во всяком случае, теоретические факелы, которые должны будут освещать этот трудный и шероховатый путь, должны были бы быть зажжены «заблаговременно». Ибо периоды горячей политической и социальной борьбы — не время для серьезного и глубокого теоретизирования. С другой стороны, в настоящее время мертвящего «затишья» в России живущий там несчастный советский «гражданин» (!) имеет гораздо меньше возможности теоретизировать, чем Вы, живя в Америке. Там вообще подвергнуты остракизму все теории, между тем как называть «ленинизм» теорией можно лишь с большой натяжкой. Ибо, по существу, Ленин был только гениальный упрости́тель методов овладения чужой собственностью, а такого рода методология едва ли заслуживает названия теории. Между тем, русский зарубежник, живущий вне пределов действия «ленинизма», имеет возможность изучать не только историю и социологию, но и текущую российскую, точнее СССР-скую действительность — хотя бы по данным советской печати (иных данных нет ведь и у советского обывателя). А что мы непосредственно не переживаем тех чувств и настроений, которые волнуют или подавляют в данный момент массу сов. обывателей, — так ведь теории, рассчитанные на века, не могут обосновываться на мимолетных и переменчивых настроениях (ловить и учитывать настроения — дело будущих практических политиков)».

В ответном письме П.А. Сорокин писал: «Ваши соображения по аграрной теории и эмигрантских идеологах довольно правильны. Во всяком случае — они правильны вообще (не в применении ко мне). Но вот какую оговорку надо внести сюда: мы часто не знаем, какое применение будет дано той или иной теории, часто теории, специально созданные для определенной цели, оказываются отброшенными жизнью, и часто теории, созданные без этой определенной цели или с совершенно другой целью, оказываются подхваченными жизнью.

Ведь и Мах не предвидел очень и очень многих «применений» его теории.

Вот и я побаиваюсь насчет жизненности многих специально созданных программ и теорий современной эмиграции. Вы сами правильно отмечаете их мертворожденность. Возьмите для примера «политические портняжества» публицистов из «Современных записок», «Последних новостей», часто из «Возрождения», etc. Стоят они не многого, хотя и выглядят all right на бумаге.

Вот я полагаю, что в наших условиях те из нас, кто имеет прямое научное дело, должен делать его. Делая его, мы кое-чему учимся. Кое-что кристаллизируется. Подхватит или нет жизнь эти «кристаллизации» для ряда политических целей, это неизвестно. Если подхватит — all right, если нет — беда небольшая, работа сделанная не пропадет как научная работа».

Социал-демократические взгляды, которыми Пушкарев грешил в юности, в России выветрились у него еще в период Гражданской войны. В Праге в 1925—1926 годах он примыкал к евразийцам (30-летнего лидера которых П.С. Савицкого очень ценил), но отошел от них, заняв некую среднюю позицию в политическом спектре эмиграции: не монархист, не республиканец. Историк Н.Е. Андреев, бывший в то время студентом, вспоминал, что «тогда еще очень молодой Сергей Германович Пушкарев был евразийцем, а затем ушел от них. При мне в кулуарах «Русского исторического общества» в ближайший приезд П.Н. Милюкова он вдруг сказал: «Павел Николаевич, я от евразийцев ушел», на что Павел Николаевич ответил ему, как дедушка говорит внуку: «Молодец, молодец». Я был очень сконфужен этим и долгое время ходил под впечатлением, что Милюков свысока третировал Сергея Германовича».

Сын философа Н.О. Лосского искусствовед Б.Н. Лосский вспоминал, как летом 1924 года в Праге на праздновании свадьбы дочери А.А. Кизеветтера Екатерины Александровны с его младшим коллегой по отечественной истории киевлянином Евгением Филимоновичем Максимовичем «историк Пушкарев вспомнил о своем общении с Максимовичем в правлении какого-то добровольческого союза в Турции или в балканских странах, причем, по его словам, они там были единственными порядочными людьми». Е.Ф. Максимович и Анатолий Васильевич Флоровский (бывший профессор Новороссийского университета, высланный в 1922 году из Одессы) стали в Праге ближайшими друзьями Пушкарева на всю жизнь. В 1927 году женился и сам Пушкарев. На Юлии Тихо-

новне Поповой (1896, Старый Оскол — 1961, США). В 1929 году в Праге у них родился сын Борис — будущий лидер Народно-Трудового Союза.

Весной 1945 года с приближением к Праге советских войск семья Пушкаревых двинулась в американскую зону оккупации Германии. Дошли до Баварии. Здесь в январе 1946 года в Мюнхене Сенатом университета UNRRA Пушкарев был избран доцентом истории, но работать ему в 1946—1949 годах пришлось школьным преподавателем истории и русской литературы в лагерях для перемещенных лиц. Военно-политическая ситуация в Европе была напряженной. Ожидалось, что советские танки в любой момент могут направиться на Париж, Рим. Советы требовали от союзников выдачи всех своих бывших граждан и эмигрантов первой волны, которые никогда и советских паспортов не имели.

Пушкарев, как и многие другие эмигранты, обращает взор на США. Пишет письма о помощи П.А. Сорокину, Г.В. Вернадскому. Но они не могут изменить американские законы. Въезд для эмигрантов из Европы очень затруднен. Сорокин не скупится на рекомендательные письма для Пушкарева. За три года он написал их несколько. В одном из них он писал: «Тем, кого это может касаться. 7 февраля 1947 года. Профессор д-р С. Пушкарев один из выдающихся ученых в области истории России, а также и славянских стран Европы. В этом качестве он может оказывать наиболее плодотворные — преподавательские, исследовательские — услуги любому учреждению или агентству, которое возьмет его на работу. С его безмерным образовательным и научным багажом, плюс его практический опыт учителя, исследователя, администратора, он представляет ценность в нескольких иных родственных — сферах деятельности.

Как человек он безупречен, надежен, восхитителен, легко срабатывается. Как ученый, он является автором нескольких важных работ, преимущественно в области русской истории и культуры.

Я высоко его оцениваю и рекомендую его безо всяких оговорок. Истинно ваш П.Сорокин. Профессор социологии. Гарвардский университет. Колледж Редклифф. Член румынской, бельгийской, американской академий наук».

Наконец, усилия увенчались успехом, и 21 июля 1949 года Пушкарев с семьей прибыл в США. Последующие 27 лет своей жизни он прожил в Нью-Хэвене, работая в Йельском уни-

верситете и осуществляя различные научные проекты в области русской истории. 7 книг, написанных и изданных им в американские годы, поставили его в ряд ведущих историков России XX века. Уже в 1953 году в Нью-Йорке в русскоязычном издательстве имени Чехова была издана книга Пушкарёва «Обзор русской истории», а в 1956 году в том же издательстве — «Россия в XIX веке». В 1963 году вышел английский вариант этой книги, который был значительно переработан, дополнен и доведен до 1917 года.

Пушкарёву принадлежит большая заслуга в переводе на английский язык и издании в 1972 году книги С.П. Мельгунова «Как большевики захватили власть». А за 2 года до публикации книги Мельгунова Пушкарёв в издательстве Йельского университета опубликовал книгу «Dictionary 1917» (Словарь русских исторических терминов). Аналогов этой книге, подготовленной 82-летним Пушкарёвым, в русской исторической литературе еще не было. И как писал 20 лет спустя американский историк Брюс Линкольн: «Едва ли в США найдется хотя бы несколько специалистов по истории России, которые никогда не заглядывали в «Dictionary». Изумительный результат 75 лет, которые Сергей Германович Пушкарёв посвятил изучению истории своего отечества».

Но, пожалуй, самой монументальной работой С.Г. Пушкарёва стало составление трехтомной хрестоматии русской истории с ранних времен до 1917 года, изданной Йельским университетом в 1972 году. Главным редактором хрестоматии выступил Г.В. Вернадский, административным редактором был бывший студент С.Г. Пушкарёва по Йельскому университету профессор Ральф Фишер*. Работа Пушкарёва над хрестоматией началась еще в 1957 году при поддержке фонда Форда. Но и эта книга старейшего русского историка не стала последней. В 1976 году вышла его книга «Крестьянская поземельно-передельная община в России», вступление к которой написал профессор Марк Раев.

За годы жизни в США С.Г. Пушкарёв опубликовал в русских и английских изданиях более 100 статей. Некоторые из

* В 1994 году в городе Урбани-Шампейн, штат Иллинойс, профессор Фишер в разговоре со мной тепло вспоминал своего учителя; как Пушкарёв в начале 1950 года учил его русскому языку, заставляя наизусть читать стихи Пушкина во время их совместных прогулок по кампусу.

них, относящиеся к периоду русской истории Первой мировой и Гражданской войн, он опубликовал отдельной книгой «Ленин и Россия» (Франкфурт-на-Майне, 1978 год). Ученому было уже 90 лет, но он продолжает работать, пишет и публикует в нью-йоркской газете «Новое русское слово» свои воспоминания (1980—1983 годы).

Умер ученый 22 января 1984 года на 96 году жизни. Посмертным монументом С.Г. Пушкареву стала его книга, изданная в 1985 году во Франкфурте-на-Майне «Самоуправление и свобода в России». В эту книгу вошли статьи Пушкарева, опубликованные в эмигрантском журнале «Грани», и они отражали точку зрения, распространенную среди русских эмигрантов, которая вызывала определенные возражения у западных историков. Концентрированно Пушкарев выразил свой взгляд уже в первых словах книги: «Распространенное мнение о том, что русский народ всегда жил в рабстве, привык к нему и стал неспособен к устройству своей жизни на началах свободы и самостоятельности, противоречит историческим фактам». А закончил он ее словами: «Белое движение и крестьянские восстания были, как показал опыт, лишь началом народного сопротивления тоталитарной власти в России. Сообразно историческим условиям, эта борьба принимала различные формы».

Через 2 года после смерти историка в России рухнула коммунистическая цензура, а еще через 5 лет и сам режим. Книги С.Г. Пушкарева ныне издаются у него на родине — в России. Одна из них «Россия 1801—1917: власть и общество» (М., 2001) допущена в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений по специальности история.

Литература

- Андреев Н.Е. «То, что вспоминается». Таллинн. Т. 2. 1996.
Лосский Б. «В русской Праге». 1922—1927 // Минувшее. Исторический альманах. Т. 16. М.-СПб., 1994.

ОТ ПЕТЕРБУРГА ДО КЕМБРИДЖА

Андреев Николай Ефремович

*[13(26).03.1908, Петербург — 25.02.1982, Кембридж,
Великобритания]*

Еще один знаменитый изгнанник. Почти три десятилетия он преподавал русскую историю в Кембридже, одном из стариннейших университетов Англии. Воспитал несколько поколений. Имел огромную популярность среди студентов и был одним из самых авторитетных славистов мира. Сказать «преподавал» мало. Он представлял своей личностью русскую культурную традицию и рус-

скую историографию. В некрологе на его смерть написано: «С 1948 года начинается его преподавательская деятельность в Англии, его ученики занимают сейчас многие кафедры в Европе и Соединенных Штатах. Блестящий оратор, он привлекал аудиторию необычайной любовью к России, к ее культурному наследию. Воспитанный на трудах русских историков, он продолжал традицию русской исторической науки».

Нельзя сказать, что имя Н.Е. Андреева совсем уж неизвестно в России. О нем упоминал в своей книге «Русские эмигранты-историки в Европе» (М., 1992) покойный В.Т. Пашуто, но в отечественных энциклопедических изданиях Андреева нет.

Через 14 лет после его смерти в Таллинне (Н.Е. Андреев после бегства из России с войсками Юденича в 1919 году жил в Эстонии и в 1927 году окончил Ревельскую городскую русскую гимназию) вышла подготовленная его женой и дочерью книга воспоминаний*, надиктованных Николаем Ефремовичем не-

*То, что вспоминается. Из семейных воспоминаний Николая Ефремовича Андреева (1908—1982). В 2-х томах. Под редакцией Е.Н. и Д.Г. Андреевых. Таллинн, 1996.

задолго до смерти. Н.Е. Андрееву было что вспомнить и о ком рассказать. Эти воспоминания уникальны: и как человеческий документ, и как исторический источник. К сожалению, вряд ли, учитывая нынешнюю ситуацию в России, изданная в Таллинне книга имеет шанс попасть, скажем, в Вологду, Астрахань или еще дальше — Иркутск, Хабаровск. Поэтому стоит вкратце рассказать о том, что сейчас вызывает интерес в научно-культурных кругах и о чем как раз вспоминает Н.Е. Андреев.

Знаменитая Славянская библиотека в Праге. В ее основу легла коллекция библиофила, до революции очень богатого человека, близкого к эсерам, Владимира Николаевича Тукалевского. Библиотека находилась за границей, и он продал ее МИДУ Чехословакии. Тукалевского назначили директором библиотеки. Он много сделал для расширения фондов, скупая, где можно, русские книги. Например, после ареста академика С.Ф. Платонова библиотека ученого была продана, вывезена из России и включена в состав Славянской библиотеки в Праге. Один только этот эпизод заслуживает специальной статьи, а история Славянской библиотеки в Праге — отдельной книги.

Наиболее интересна и познавательна, на наш взгляд, та часть воспоминаний, в которой рассказывается о «Русской Праге». С чувством большой симпатии вспоминал Н.Е. Андреев Сергея Порфирьевича Постникова (1883—1964). Постников был родом из Архангельска, видным эсером — членом ЦК. Андреев познакомился с ним на «литературных чаях» в редакции журнала «Воля России». А в 1945 году они оказались в одной камере. Кто сейчас в России, даже из специалистов-историков, слышал о группе «Крестьянская Россия» во главе с Сергеем Масловым? Это была очень большая и активная эмигрантская группа, превратившаяся затем в Трудовую Крестьянскую Партию. Среди ее теоретиков были А.А. Аргунов, экономист Д.Н. Иванцов, знаток Достоевского А. Бем, а до отъезда в США — знаменитый социолог Питирим Сорокин. «Крестьянская Россия» имела отделения в Париже, Берлине, Прибалтике, Польше, на Дальнем Востоке. Лидер «КР» — ТКП С.С. Маслов был захвачен в 1945 году чекистами. Его судьба до сих пор неизвестна. Не написана и история Трудовой крестьянской партии.

Вспоминал Андреев и другого лидера ТКП — Бориса Васильевича Седакова, редактора главного печатного органа

партии — «Знамени России», в котором Андреев напечатал свою статью «Культура в изгнании». Бывший московский присяжный поверенный Седаков не избежал судьбы многих: он был арестован в 1945 году НКВД. А. Бем, С. Маслов, С. Постников, историк С. Пушкарев (тогда еще очень молодой), поэтесса Анна Головина (урожденная баронесса Штейгер) и многие другие «русские пражане», трагическая судьба которых нашла отражение в воспоминаниях Андреева. «Я довольно хорошо знал многих НТС-овцев в Праге, так как симпатизировал Ирине Вергун, сестре главного пражского НТС-овца Кирилла Дмитриевича Вергуна, — вспоминал Андреев. — Биолог Владимир Дмитриевич Поремский — знаменитый глава отдела НТС в Париже, Роман Николаевич Редлих — археолог, НТС-овец, очень милый человек, не так давно выехал из СССР, несмотря на то, что сохранил немецкий язык, был абсолютно русский патриот, конечно, антибольшевик, формы советского патриотизма к нему не пристали».

Н.Е. Андреев рассказал о различных деятелях НТС. Представляет интерес общая характеристика, данная им союзу: «Говоря о живучести НТС, я не хочу его критиковать, я очень уважаю личный состав этой организации, они всегда были бессеребренниками, идеалистами, верили в собственные идеи из всех сил». В воспоминаниях Андреева отражены разные стороны зарубежного бытия русских людей и их умонастроений: «Была ли в Праге просоветская молодежь, или явно просоветские настроения среди эмигрантов в этот период? Я почти никого из таких людей не знал. Были советские граждане, такие как профессор Изюмов, служивший в Русском историческом архиве, или В. Булгаков <...>, но я не знал, что они советские, это выяснилось только, когда началась война с Советским Союзом. Их даже не арестовали, но вполне комфортно интернировали, и они просидели всю войну спокойно, против них не было никаких акций гестапо».

Иногда Николай Ефремович давал довольно меткие характеристики людям, о которых писал. Это касается, например, его воспоминаний о дочери известного филолога, профессора университета в Женеве С.И. Карцевского — Светланы: «Она общалась с неким Шурой Малаховым, не то техником, не то экономистом, но кроме всего прочего — марксистом. Более дубового, элементарного и неподвижного марксиста я никогда в своей жизни не встречал. Между тем, как раз эта дубоватость почему-то передалась милой и художественно чуткой Свет-

лане. Она души не чаяла в Шуре и в конце концов вышла за него замуж. Потом они уехали на Балканы, к моему удивлению, пересидевши войну, никто их не тронул, и они оказались где-то в Средней Азии. В 1977 году мне рассказывали, что они вызвали возмущение своих русских друзей в Праге, потому что писали из Средней Азии письма, оправдывающие расправу над пражской весной. Из писем лез абсолютно дубовый марксизм Шуры Малахова».

В целом мемуары Николая Ефремовича Андреева — богатейший источник познания жизни и быта русской эмиграции или, как это принято называть на Западе, социальной истории Русского Зарубежья. Они дают много любопытного материала для суждений о чувствах и переживаниях людей, положении дел в культурных, научных, политических организациях эмиграции, сведений о различных общественных деятелях. Читатель получает прекрасную возможность познакомиться с удивительным периодом русской истории, который охватывает несколько десятилетий.

Но вернемся к началу. Н.Е. Андреев принадлежал ко второму поколению первой волны эмиграции. Его друг художник Евгений Климов рассказывал: «Его родители были идеалистами-педагогами и еще до революции заведовали недалеко от Петербурга колонией для малолетних преступников. Никаких заборов и колючей проволоки вокруг колонии не было, семья Андреевых жила вместе со всеми «преступниками», создавая атмосферу семейственности. В колонии были разные мастерские — столярная, механическая, переплетная и др., где заключенных приучали к труду; многие из них вышли потом в люди и сердечно благодарили Андреевых». Кроме будущего историка в семье было еще трое детей. Он был младшим. В 1919 году вместе с войсками Северо-Западной армии генерала Юденича семья двинулась в изгнание. Под Гловом умерли от дизентерии все дети, кроме Николая. Добрались до Ревеля. Родители и здесь основали школу. К сожалению, Климов не указывает, какого рода это была школа. Тоже для малолетних преступников?

Ревельская русская городская гимназия, которую Андреев окончил в 1927 году, была лучшей гимназией демократической Эстонии. Историю здесь преподавал бывший министр Северо-Западного правительства А.С. Пешков, а преподаватель эстонского языка, брат президента Эстонской Республики К. Пяста, священник о. Николай Пятс, по воспомина-

ниям Н.Е. Андреева, давал на уроках интересные сведения о судьбе эстонского языка и эстонского народа. Русский язык преподавали В.С. Соколова и З.Н. Дормидонтова. З.Н. Дормидонтова вела гимназический литературный кружок. Будущий известный философ Сергей Левицкий, учившийся в гимназии одновременно с Андреевым, вспоминал: «Н.Е. нередко выступал в гимназическом литературном кружке, всегда с большим блеском. Помню его доклад о Л.Толстом, о Куприне и о других писателях».

Печататься Н.Е. Андреев стал еще, видимо, гимназистом. В местной газете. В 1927 году 19-летний Андреев поступил на философский факультет Карлова университета в Праге. На отделении славянской филологии он занимался у профессоров А.А. Кизеветтера, В.А. Францева, Е.А. Ляцкого. Талант молодого Андреева был замечен сразу, и уже в 1928 году он был принят в число сотрудников Института им. Кондакова. Здесь под руководством известных ученых А.П. Калитинского, Н.М. Беляева, Н.П. Толля и Г.А. Острогорского он прошел специальные курсы по археологии, истории древнерусского искусства и византиноведению.

В 1933 году за докторскую диссертацию «Дело дьяка Висковатого, как идейное и литературное явление» Андреев получил звание доктора философии Карлова университета. В том же 1933 году Андреев был избран в действительные члены Института им. Кондакова. Крупнейший русский историк Марк Шефтель, также как и Андреев специалист в истории Древней Руси, писал 50 лет спустя после публикации «Дьякона Висковатого», первого значительного труда Андреева: «В своих многочисленных и ярких работах, посвященных в особенности XVI столетию, он дал новое и оригинальное решение целому ряду важных и сложных проблем.

Живой ум Николая Ефремовича и его большие исторические познания делали интересным все, к чему он прикасался, и все его статьи и рецензии заключают мысли и замечания, полные научной свежести и интереса. Но наиболее ценны его труды в двух областях — одна из них это иконография, а в особенности иконопись, как исторический документ, свидетельствующий о политических и религиозных идеях. В связи с этим он сосредоточил свое внимание на деятельности Ивана Михайловича Висковатого, печатника Ивана IV.

Вторая область — это история Псково-Печерского монастыря, и на этом фоне история знаменитого послания старца

Филофея о Москве как «Третьем Риме» и происхождение писем Курбского Вассиану Муромцеву. Из 14 статей, составляющих сборник статей Н.Е. Андреева, 12 посвящены этим двум...»

История изучения Андреевым русской культуры в Печерском крае Эстонии достаточно необычна. В Праге проездом был знаменитый американский летчик (в 1927 году он первым совершил беспосадочный перелет через Атлантику) Чарльз Линдберг. После посещения института им. Кондакова он был настолько впечатлен русскими иконами и книгами, что пожертвовал энную сумму долларов, которые и пошли на экспедицию Кондаковского института под руководством Н.Е. Андреева в Печорский край.

В 1937—1938 годах Андреев изучал остатки древнерусской культуры в Псково-Печерском монастыре, псковскую летопись, открывает утраченную роспись в Никольской церкви. В предвоенные годы Андреев также написал большую работу, посвященную протополу Аввакуму. В 1935 году он стал членом Союза русских писателей и журналистов в Праге. Кроме того, он преподавал в Русском свободном университете, был членом знаменитого литературного «Скита», которым руководил А. Бем.

В 1939 году Андреев стал директором Кондаковского института, а в марте Чехословакия была оккупирована Германией. 30-летнему директору нужно было спасти иконы (в том числе Рублева), книги всемирно известного института — Андреев их спас. Немцы институт не тронули. Сам Андреев впоследствии указывал на иронию ситуации: в разгар своей борьбы с Россией Германия субсидировала культурное наследие своего врага.

8 мая 1945 года, когда советские войска вошли в Прагу, Андреев на Запад не ушел. Решил продолжать охранять институт, но то, что удалось сохранить в течение 6 лет при немцах, было порушено в течение пары недель. Уже 23 мая Андреев был арестован агентами СМЕРШа и отправлен в тюрьму. Более двух лет без представления какого-либо обвинения его продержали в заключении в лагере около Дрездена. Как иностранному подданному ему все-таки удалось вырваться на Запад. Помогли и ходатайства английских ученых и друзей в Праге.

С 1948 года Андреев профессор Кембриджского университета. Кондаковский же институт был разграблен, кое-что по-

явилось в Московской Третьяковской галерее. Где остальное — неизвестно. Сергей Левицкий писал о кембриджском периоде жизни Андреева: «Он опубликовал по-русски и по-английски ряд трудов по русской истории, которые были затем изданы в форме книги. Добавим, что в начале 50-х годов Н.Е. женился на своей студентке, и от этого счастливого брака родилось трое детей. Старшая дочь Катя* уже опубликовала несколько статей по русской истории. Из многих трудов, опубликованных Н.Е. в Англии, стоит особенно упомянуть обширную статью «Переяславский договор», в которой Н.Е. без всякой запальчивости и оставаясь в рамках академического изложения, опровергает измышления украинских сепаратистов об исконной якобы вражде Украины к Великороссии.

В Англии Н.Е. написал также много других исторических работ и стал одним из признанных авторитетов по истории Московской Руси. Имя Н.Е. Андреева как крупного историка стало известным во всех странах, где в университетах имеются крупные славистские отделы. Даже в Советском Союзе советские историки заинтересовались трудами Н.Е., и некоторые его статьи были напечатаны в изданиях Академии наук СССР. Ему даже было предложено читать лекции в Ленинградском университете, но Н.Е., из осторожности, отказался».

Помимо исторических изысканий Андреев занимался литературной критикой и политической публицистикой. Его статьи публиковались во всех главных журналах русской эмиграции. Много лет он состоял членом Русской Академической группы в США и был ее представителем в Англии. Его многочисленные статьи, разбросанные по «Граням», «Новому журналу», «Возрождению» и др., надо бы собрать и опубликовать. В эмиграции его называли «златоустом». В 1960—1970-е годы он много ездил по Западной Европе и читал лекции по русской литературе: Толстом, Куприне, Леониде Андрееве. Сергей Левицкий отмечал, что Н.Е. Андреев был одним из лучших в мире знатоков творчества Владимира Набокова, ценил не только его ранние русские романы, но и его «Пресловутую», «Лолиту», находя, что это первоклассная сатира на некоторые стороны американской жизни».

Долго можно рассказывать о прекрасных человеческих качествах выдающегося историка, забытого на его родине, но

*В 1990 году в Лондоне была издана книга Екатерины Андреевой «Генерал Власов и Русское освободительное движение».

признанного во всем мире. Ныне живущий старейшина русской эмиграции — Роман Редлих, друг Андреева еще с пражских, довоенных времен, вспоминал в некрологе на смерть Андреева: «Мы тогда читали стихи и просиживали ночь до рассвета в кабачках золотой Праги, говоря о России...»

Может, кто-нибудь здесь, сегодня, в России найдется и издаст труды этого знаменитого историка.

Литература

Климо Е. Профессор Н.Е. Андреев. 1908—1982 // Записки Русской академической группы в США. (Нью-Йорк). Т. 15. 1982.

Левицкий С. Н.Е. Андреев (Некролог) // Записки Русской академической группы в США. (Нью-Йорк). Т. 15. 1982.

Шефтель М. Николай Ефремович Андреев // Новый журнал. (Нью-Йорк). Т. 148. 1982.

Редлих Р. Н.Е. Андреев // Посев. (Франкфурт-на-Майне). 1982. № 4.

СОДЕРЖАНИЕ

Татищев Василий Никитич	5
Миллер Герард Фридрих	14
Щербатов Михаил Михайлович, князь	24
Шлецер, Август Людвиг (Schlozer, August Ludwig von)	33
Карамзин Николай Михайлович	42
Полевой Николай Алексеевич	53
Погодин Михаил Петрович	61
Грановский Тимофей Николаевич	69
Костомаров Николай Иванович	77
Кавелин Константин Дмитриевич	86
Соловьев Сергей Михайлович	95
Данилевский Николай Яковлевич	104
Чичерин Борис Николаевич	113
Ключевский Василий Осипович	121
Шильдер Николай Карлович	131
Кондаков Никодим Павлович	136
Ефименко Александра Яковлевна	146
Семевский Василий Иванович	156
Ковалевский Максим Максимович	167
Кареев Николай Иванович	176
Виноградов Павел Гаврилович	187
Плеханов Георгий Валентинович	197
Милюков Павел Николаевич	208
Романов Николай Михайлович, великий князь	220
Гревс Иван Михайлович	230
Платонов Сергей Федорович	240
Лаппо-Данилевский Александр Сергеевич	250
Кизеветтер Александр Александрович	259
Мякотин Венедикт Александрович	268
Васильев Александр Александрович	277
Покровский Михаил Николаевич	282
Ростовцев Михаил Иванович	292
Тарле Евгений Викторович	302
Мельгунов Сергей Петрович	313
Бахрушин Сергей Владимирович	321
Вернадский Георгий Владимирович	332
Николаевский Борис Иванович	340
Карпович Михаил Михайлович	349
Пушкарев Сергей Германович	364
Андреев Николай Ефремович	373

Дойков Ю.В.
Д 62 **Самые знаменитые историки России.** — М.: Вече, 2004.— 384 с.
(Самые знаменитые).

ISBN 5-9533-0357-2

«Народ, не знающий своего прошлого, не имеет права на будущее», — писал А.С. Пушкин. Эта книга знакомит читателей с теми людьми, которые посвятили всю свою жизнь служению великой науке Истории — от известных всем имен Н.М. Карамзина, Н.И. Костомарова, С.М. Соловьева и В.О. Ключевского и до последнего историка-классика С.Г. Пушкирева и первой женщины в Российской империи, получившей титул почетного доктора русской истории, А.Я. Ефименко.

Дойков Юрий Всеволодович

САМЫЕ ЗНАМЕНИТЫЕ ИСТОРИКИ РОССИИ

Генеральный директор *Л.Л. Палько*
Ответственный за выпуск *В.П. Еленский*

Главный редактор *С.Н. Дмитриев*

Редактор *К.А. Залесский*

Корректор *Б.С. Тумян*

Верстка *И.В. Резниковой*

Разработка и подготовка к печати
художественного оформления— «Вече-графика»

Г.Н. Фадеев

Гигиенический сертификат №77.99.02.953.П.001857.12.03
от 08.12.2003 г.

129348, Москва, ул. Красной Сосны, д.24.

ООО «Издательство «Вече 2000»

ЗАО «Издательство «Вече»

ООО «Издательский дом «Вече»

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 25.06.2004. Формат 60×90^{1/16}.
Гарнитура «ТаймсЕТ». Печать офсетная. Бумага газетная.
Печ. л. 24. Тираж 5000 экз. Заказ № 0407920.

Отпечатано на MBS в полном соответствии
с качеством предоставленного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат».
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97.